

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 14

Январь – Декабрь

2022

CHAYKA – ALMANAC n 14

January 2022 – December 2022

Copyright © 2023 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover and Chapter Illustrations: Ivan Lubennikov

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN: 978-1-365-40433-7

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЧАЙКА

№ 14

Январь – Декабрь

2022

Проза
Стихи
Статьи
Эссе

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

От Составителя	7
<i>Лариса Миллер.</i> А в разбомбленном доме висит календарь... ..	10
1. ВОЙНА С УКРАИНОЙ. ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ	11
<i>Светлана Новик.</i> 11 марта	12
<i>Людмила Зайцева.</i> Театр абсурда	14
2. ИЗ ПРОШЛОГО	17
<i>Семён Глузман.</i> Покаяние	18
<i>Елена Поздеева.</i> Из истории моей семьи. Часть 3. Архангельский архив	21
<i>Семен Резник.</i> Реабилитация советского Гиммлера. Виктор Абакумов. Из архива писателя.....	41
<i>Татьяна Белогорская.</i> Чудо доброты. Евгений Шварц. Из книги рассказов “Кубики для взрослых и детей”	45
<i>Ольга Трифонова-Танган.</i> Запахи красок. Мое детство на Верхней Масловке.....	53
<i>Сергей Бычков.</i> Отец Александр Мень. Последний год жизни	80
<i>Михаил Гаузнер.</i> Лея, «Катюша» и не только. О Лее Кизнер	85
<i>Семен Белкин.</i> Воздушный налет на Атлантику. Часть 3. Гибель небесного «Титаника»	91
<i>Майя Улановская.</i> Из записей разных лет. Часть 6. Из сборника «Памяти Анатолия Якобсона».....	97
3. ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА, ЖИВОПИСЬ.....	103
<i>Ирина Чайковская.</i> Москва-Шахты. Пьеса-гротеск	104
<i>Михаил Синельников.</i> Готовность	119
<i>Александр Журбин.</i> Даниил Трифонов. Концерт в Карнеги-Холле	121
<i>Григорий Писаревский.</i> История старой и все ещё популярной песни	125
<i>Вера Чайковская.</i> Испуганные страстью. Об «эротических» рисунках Ивана Лубенникова (1951-2021).....	129
4. ПРОЗА.....	135
<i>Сергей А. Кузнецов.</i> Комнаты напролёт	136
<i>Михаил Ковсан.</i> Тошнота в контексте безумия	144
<i>Александр Сиротин.</i> Попытка памфлета на тему давно ожидаемого	147

<i>Сергей Верещагин. Моя благодарность. Автобиографический эскиз о советском застое</i>	149
<i>Юрий Смирнов. Сомнение</i>	153
<i>Яков Фрейдин. Яйцо Фаберже</i>	158
<i>Галина Пичура. Женихи для мамы</i>	164
<i>Наум Клейман. Назад в будущее. Фантастический рассказ</i>	173
<i>Ирина Роскина. Шумная история. По материалам израильской русскоязычной прессы</i>	179
<i>Олег Щекотихин. Жаклин</i>	183
<i>Оксана Кочетова. В ту войну. Солдаты</i>	189
<i>Владимир Шамов. Два рассказа. Русофоб. Странник волк</i>	191
<i>Роман Рязанов. Исчезнувший шахин</i>	196
<i>Евсей Цейтлин. Из писательского архива. Одинокие среди идущих</i>	206
Дебюты.....	213
<i>Марина Бондаренко. Побег (Дебют)</i>	213
<i>Максим Эрштейн. Старуха (Дебют)</i>	217
<i>Максим Стельмак. Накануне революции. Омск непарадный (Дебют)</i>	222
Паулине Лихтшайнхоф. Четыре рассказа из жизни Вампиров (Дебют).....	233
Лев Немчинов. Схватка, или Йонган Дешин.....	238
5. ПОЭЗИЯ.....	245
<i>Александр Мень. Из неопубликованного наследия Александра Менья. Сонет</i>	246
<i>Вита Штивельман. Мой дед Давид погиб в сорок втором</i>	247
<i>Владимир Спектор. Что это? Горьких вишен</i>	248
<i>Давид Сеглевич. Груки Пита Хейна. Из переводов с английского</i>	249
<i>Валерий Скобло. Накануне вторжения</i>	252
<i>Виктор Голков. Война</i>	253
<i>Виктор Есинов. Дурная весть прервет на полуслове</i>	254
<i>Анатолий Бергер. Война, чума – все это было</i>	255
<i>Евгений Пальцев. Три стихотворения. «Военный цикл»</i>	256
<i>Исай Авербух. Стансы Украине</i>	260
<i>Григорий Оклендский. Триптих. В поисках смыслов</i>	261

<i>Наум Сагаловский. Я лежу на Земле.....</i>	263
6. ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	265
Победители 6-го ежегодного конкурса творчества детей и для детей «Здравствуй, лето!»	266
<i>Ева Перегудова. The Explosion. Взрыв.....</i>	266
<i>Фаина Савенкова. Глициния и Кошка. Сказка. ....</i>	269
<i>Вадим Чирков. Кто как умеет читать .....</i>	272
7. ЮМОР	275
<i>Григорий Яблонский. Краткие Правдивые и Малоизвестные Истории. Из книги «Правдивые истории».....</i>	276
<i>Илья Криштул. Сказки .....</i>	278
<i>Виктор Райзман. Проверка пульса. Исповедь бывшего россиянина из Санта-Моники .....</i>	280
Сведения об авторах	282

От Составителя

В нашем новом Альманахе, вышедшем под номером 14 за 2022 год, приняли участие 52 автора из 11 стран. Вот эти страны: Россия, США, Украина, Израиль, Германия, Новая Зеландия, Беларусь, Польша, Чехия, Канада. Наибольшее число авторов дала Америка – 20, Россия – 14, Украина – 5, Израиль – 4, Германия – 3, Новая Зеландия, Беларусь, Польша, Чехия, Луганская область, Канада - по одному.

Альманах годовой, но – и в этом парадокс – он не такой объемный как обычно. В этот раз мы решили сократить до минимума количество разделов и сделать более строгими критерии отбора. Отбирали только «крупные ягоды». Нерывичный объем Альманаха частично связан с начавшейся 24 февраля 2022 года позорной войной России с Украиной. В журнале накопилось много материалов, вызванных этим событием, и мы решили, не разбрасываясь, посвятить наш Альманах - как это ни страшно звучит – войне. Ведь когда наши потомки будут обзирать нашу работу, 2022 год будет для них – временем войны. Да и мы, живущие сегодня, именно так воспринимаем этот тяжелый год, ввергнувший соседнюю родственную страну в ад разрушения и гибели, заставивший население бежать с насиженных мест, а множество россиян погрузивший в депрессию и безысходность. Но даже во время войны люди продолжают жить обычной жизнью и, по выражению Фадеева из финала романа «Разгром», «выполнять свои обязанности». Поэтому при общей военной направленности далеко не все материалы в Альманахе связаны с войной.

Всего в новом Альманахе 7 разделов. Это «Война с Украиной. Из писем в редакцию». «Из Прошлого». «Литература, Музыка, Живопись». «Проза». «Поэзия». «Детский Альбом». «Юмор».

В первом разделе мы помещаем несколько записей, сделанных жителями украинских городов по живым следам военных действий российской армии. Страшные страницы, отголоски позорной, несправедливой и жестокой войны. Эти отголоски войны мы начали публиковать с самого ее начала, сейчас журнал публикует уже третий выпуск этих кричащих документов. Мы горды тем, что за эти материалы Роскомнадзор, после грозного предупреждения, заблокировал ЧАЙКУ для российского читателя. Однако россияне продолжают нас читать через зеркальный сайт и VPN, они продолжают с нами сотрудничать, посылать нам рассказы и стихи. Спасибо нашим российским читателям и авторам, мы рады вашему присутствию в жизни ЧАЙКИ, дорогие россияне!

В разделе «Из прошлого» нет проходных материалов. И текст украинского диссидента Семена Глузмана, названный им «Покаяние», и очерк кировчанки Елены Поздеевой «Из истории моей семьи», и как всегда острая и насыщенная информацией статья Семена Резника «Реабилитация советского Гиммлера. Виктор Абакумов» - все нуждается в осмысленном и пристальном чтении.

В этот же раздел вошли воспоминания Татьяны Белогорской, одной из последних «живых свидетелей» жизни писателя Евгения Шварца («Чудо доброты»), и мемуарный очерк внучки художника Амшея Нюрнберга и дочери писателя Юрия Трифонова Ольги Трифоновой-Танган «Мое детство на верхней Масловке», и глава из неизданной документальной книги профессора

теологии Сергея Бычкова «Отец Александр Мень. Последний год жизни», и очерк Михаила Гаузнера об оставшейся в тени подлинной создательнице легендарной Катюши Леи Кизнер, а также необыкновенно интересный, хотя и закончившийся трагедией, текст Семена Белкина о гибели небесного Титаника – дирижабля «Гинденбург». Здесь же мы поместили отрывок «Из записей разных лет» жены учителя и диссидента Анатолия Якобсона Майи Улановской.

В третьем разделе «Литература, Музыка, Живопись» напечатаны статьи известного композитора и музыкального обозревателя Александра Журбина о Данииле Трифонове, московского искусствоведа Веры Чайковской об эротических рисунках художника Лубенникова, эссе замечательного поэта и критика Михаила Синельникова о матери Марии, занимательный рассказ постоянного автора журнала Григория Писаревского об «истории одной американской песни».

В этом же разделе мы поместили мою пьесу «Москва-Шахты», написанную сразу после начала войны и в комическом ключе изображающую тех, кто эту войну пропагандирует и ею кормится.

Как всегда один из центральных разделов журнала – Проза. Здесь вы встретите такие известные читателям журнала имена, как Евсей Цейтлин, Яков Фрейдин, Александр Сиротин, Наум Клейман, Сергей А. Кузнецов, Ирина Роскина, а также авторов из Украины Михаила Ковсана и Олега Щекотихина, полюбившегося читателям «полярника» Юрия Смирнова, Сергея Верещагина, Льва Немчинова, Галины Пичуры, молодого, но энциклопедически освоившего «восточный материал» Романа Рязанова... Публикуем мы и присланные дочерью рассказы о прошлой войне Оксаны Кочетовой и – о войне нынешней молодого талантливого писателя из глубинной России Владимира Шамова.

В этом разделе много дебютантов. Назову всех. Марина Бондаренко («Побег»), Максим Эрштейн («Старуха»), Максим Стельмак («Накануне революции. Омск непарадный»). Паулине Лихштайнхов «Четыре рассказа из жизни вампиров».

Раздел поэзии открывается сонетом Александра Меня («Из неопубликованного наследия». Публикация Сергея Бычкова). А дальше следуют стихи об «украинской» войне, их ряд начат маленьким стихотворением москвички Ларисы Миллер, ставшим эпиграфом ко всему Альманаху, и продолжен стихами Виты Штивельман из Канады, Валерия Скобло, Анатолия Бергера и Евгения Пальцева из С-Петербурга, Владимира Спектора из Германии, Виктора Голкова и Исая Авербуха из Израиля, Виктора Есипова из Чехии, Наума Сагаловского из США, Григория Оклендского из Новой Зеландии.

В постоянном разделе нашего Альманаха «Детский Альбом» вы найдете произведения двух талантливых девочек, победительниц нашего традиционного конкурса «Здравствуй, лето!» Одна – Ева Перегудова из Бостона написала на английском и сама же перевела на русский стихотворение на тему войны в Украине – The Explosion/Взрыв. Вторая – Фаина Савенкова из Луганска написала прелестную сказку «Глициния и кошка». К этой публикации прилагается мини-интервью с автором сказки. Из взрослых в конкурсе победил наш постоянный автор, житель Нью-Йорка Вадим Чирков с рассказом «Кто как умеет читать».

Последний раздел нашего Альманаха, уверены, удовлетворит всех любителей комического. В нем представлены два наших постоянных автора,

специализирующихся на комической ниве, – москвич Илья Криштул и сент-луисец Григорий Яблонский.

Заканчивается этот раздел остроумным и веселым стихотворением Виктора Райзмана, решившего представить читателям искреннюю «Исповедь бывшего россиянина из Санта-Моники» под названием «Проверка пульса».

Наш Альманах ЧАЙКА № 14 готов к полету, дорогие читатели. В работе над ним принял самое непосредственное и активное участие мой муж, Алекс Марин, сделавший всю полиграфическую и дизайнерскую работу. Спасибо Евсею Цейтлину и другим членам редколлегии, прочитавшим и отрецензировавшим Альманах до его прихода к читателям. Особая благодарность - Наталии Глебовой, вдове художника Ивана Лубенникова, разрешившей использовать репродукции с картин мужа для оформления нашего Альманаха.

Дело за вами, дорогие читатели! Ловите нашу ЧАЙКУ, а о своих впечатлениях пишите в редакцию журнала.

До встречи на его страницах!

Ирина Чайковская

Февраль 2023 года

Лариса Миллер

Москва, Россия

***А в разбомбленном доме висит
календарь...***

А в разбомбленном доме висит календарь,
Точно, как у меня. Мне такой же купили.
Календарь почернел, так как дом разбомбили,
Превратив чьи-то радости в пепел и гарь.
И висит календарь неизвестно на чём –
На какой-то веревочке, ниточке, леске,
И играет остаток цветной занавески
С заплутавшим случайно печальным лучом.

1. Война с Украиной. Из писем в редакцию

Светлана Новик

Харьков, Украина

11 марта

11 марта объектом авианалётов стал стадион Юрия Гагарина, любимое место отдыха черниговчан. Замысел орков не поддавался логическим объяснениям: рядом не было ни заводов, ни военных объектов, ни аэродромов. Жилой массив с уютными сквериками, садами, магазинами. Частный сектор.

В полночь взвывала сирена, сонные люди бежали в подвалы, в бомбоубежища, прижимая к себе всё самое ценное - детей, собачек, иконы. За спинами тревожные рюкзаки. К визгу сирены присоединился, а потом полностью поглотил её чудовищный рёв самолётов, летящих на бреющем полёте. Бомбы разрушили часть трибун и снесли пышные кроны деревьев – обезглавили их по самые плечи. Темнота и тишина, но людей больше всего страшила тягучесть тишины. Она засасывала сознание, не предвещая ничего хорошего. Никто не спешил выбегать сразу после отбоя тревоги. Бывали обстрелы и после неё, а поспешившие погибали под осколками.

Только начало сереть, как снова заверещала сирена – в пять утра. На этот раз взрывы были такой чудовищной мощности, что вырыли 8 огромных котлованов в центре стадиона, а в жилых домах высыпались стёкла вместе с рамами. Люди потом с ужасом подходили к краю огромных кратеров, глубина которых достигала семи метров, а в диаметре - все пятнадцать. Взрывной волной сносило бронированные двери и ворота. Металл покорежило, будто фольгу. Напуганные люди снова бежали в убежища, а дети плакали, просились домой. Помимо документов, в карманах взрослых и детей записки с паспортными данными. Все знали, что безымянных погибших зарывали бульдозеры в ров, а у кого находились бумаги, тем «повезло», что имели именные таблички. В темноте слышен шёпот мальчика:

- Мамочка, ты только не переживай сильно! Пусть даже разбомбят наш дом. Мы поживём в сарайчике. Ну, а если...поживём у дяди Мити. Не волнуйся, а то будет, как с тётей Людой...

В этом бомбоубежище уже все знали, что случилось с тётей Людой. Усталые и измученные люди тогда вылезли из подземелья и разбрелись по своим домам. Людмила подошла к тому месту, где был её дом, гордость и труд всей жизни, пристанище для тела и души. Был...Его снесло ураганом вместе с беседкой, семейными реликвиями, розами и забором. Снесло всю её жизнь за какие-то минуты! Женщина замерла и не могла поверить в случившееся. Вскрикнула и стала оседать на землю. Сердце разорвалось от увиденного...

И вечером в чудное закатное время (в 19.00) снова ворвался адский вой и оглушительный грохот. Третий массивный налёт был безжалостным и самым жестоким. Пострадало много жилых домов, нарядный сквер вдоль просторной улицы и библиотека.

Она примыкала к стадиону. Это памятник архитектуры 19 века – дом В. Тарновского, да, того известного мецената, который сохранял рукописи Т.Г. Шевченко и дружил с И.Е. Репиным. Там находилась юношеская библиотека - место примирения разума с сердечной суетой, духовности и поклонения мудрости. При близких взрывах здание удивлённо ахнуло и подпрыгнуло. Но последующая череда взрывов так содрогнула его, что снесло крышу с витражными окосечками, обвалилась часть стен, а изнутри взвился огненным змеем столп и разбрасывал вокруг себя обугленные творения классиков. Их портреты сорвало со стен. Тарас, Лермонтов, Пушкин, Лина Костенко и Леся Украинка, подхваченные ветром, взмывали вверх, превращаясь в пепел. Булгаков и Толстой, Достоевский и Короленко. Горела мудрость веков, дико плясал огонь инквизиции и пожирал мудрость страниц. Наутро я пришла к месту казни. Страшное варварское зрелище! Книги погибали так, как люди. Их прокопченные тушки разбросаны по траве и на тротуаре. У моих ног тлел томик «Сонеты Шекспира». Я затушила тлеющие искры на переплёте мерзлой землёй. Вильям смотрел на меня укоризненно одним глазом – часть его лица горела, а к бороде пристала сухая травинка. Открыла наугад. 66 сонет «...мне мерзостно, что вижу я вокруг. Измену всех надежд...почёт среди толпы, присвоенный неправо...» вздрогнула от мистического совпадения. Что бы ты, великий англичанин, написал по этому поводу? Слова не горят. Они бессмертны. Но горят рукописи, рушатся памятники и столетние скрепы духовности.

12 марта 2022

Людмила Зайцева

Одесса, Украина

Театр абсурда

Когда-то в молодости я прочитала фантастический рассказ. К сожалению, не помню автора. Кажется американский. Суть его сводилась к тому, что инопланетянин попал на чужую планету, населенную красивыми, прекрасно одетыми людьми. Они прогуливались, танцевали, веселились, ели чудесные красивые и вкусные блюда. Ну просто наслаждались жизнью! И ничего не делали целый день! Только к вечеру они становились испуганными, но вслух об их страхах ничего не произносилось. Они уходили спать. На следующее утро опять все повторялось. Непонятно было: кто готовит им еду? Шьет одежду? Строит жилища? Не было видно никого из обслуживающего персонала. Если жителям инопланетянин задавал эти вопросы, то они в испуге уходили от него. Ночью было строго запрещено выходить из дома. Однажды ему удалось обманом улизнуть и проследить за ночной жизнью этих людей.

Открылись подземные люки, и на поверхность стали подниматься грязные, измученные чудовища. Они выставляли еду, одежду, посуду и прочее необходимое для жизни. А потом выбирали самых красивых «дневных» людей и пожирали их! Они их тупо откармливали! И никто из красивых людей не знал: кто из них будет этой ночью следующей жертвой? За точность пересказа не ручаюсь, ведь после чтения прошло лет сорок. Но сам смысл меня тогда поразил!

Когда началась война, то был просто страх и ужас! Взрывы в Одессе! Немыслимо! Этой ночью все затаились, спрятались. Потом бросились в банки за деньгами. Я сама после первого обстрела в 5 утра уже уговаривала мужа пойти в банкомат и срочно снять все деньги с карточки. Очень страшно было выйти из дома в этот рассвет! Муж слабо сопротивлялся, хотел отложить это дело до утра.

Тогда я сказала, что пойду одна. Тут он уступил, и мы пришли к банкомату и были в очереди уже четвертыми! Сняли всю сумму. За нами выстроилась очередь уже в 10 человек. А деньги быстро закончились, так как все снимали по максимуму. Мы успели! А на следующий день уже ввели ограничения по сумме снятия денег.

Позже все наладилось. Но – в начале шок! Еще долго, просыпаясь по утрам, я заглядывала в телефон с надеждой, что это все страшный сон и мне все это безумие приснилось. Но нет. Теперь я все равно, как проснусь, смотрю в телефон, но для того, чтобы узнать, что изменилось за ночь в стране. Уже теперь я точно знаю с самого утра, что война – это просто реальность. Она уже прочно сидит в голове, не обманывая мнимыми надеждами.

Прошли первые дни боязни умереть от голода и без лечения, сметания с полок товаров и лекарств, этой лихорадкой накопления, которая давала иллюзию, что я делаю все возможное, значит, все будет хорошо. Голова должна быть занята сиюминутными требованиями. В эти дни растерянности, бесконечной тревоги, я позвонила своей знакомой и спросила:

- Что ты делаешь?

Ее ответ меня поразил:

- Крашу забор!

Я решила, что она шутит! Но она прислала мне фото свежевыкрашенного забора! Я опешила. А она говорит:

- Руки заняты, значит голова свободна!

Я рассмеялась:

- Ты большая умница!

Каждый из нас приспособивался к этой невыносимой, абсурдной ситуации по-своему.

Действительно, руки требовали действия. Появились волонтеры и просто люди, которые не в состоянии были находиться в бездействии, когда нависла такая опасность. Начали грести песок в мешки на пляжах для укрепления хотя бы чего-нибудь. Делали «ежи», как в Великую отечественную. Сделали блокпосты, заваленные этими мешками, заставили дороги «ежами». Просто люди хотели закрыть свой город, своих близких доступными для них средствами.

Надо же что-то делать! Нас обстреливают! Но вся эта такая активная стихийная деятельность привела к заторам на дорогах, стала помехой для нормального функционирования города. Понемногу стали разгораживаться и лишнее передавать туда, где нужнее. Стало приходиться осознание, что эти действия пусть из самых лучших побуждений, в современной войне, когда разрушаются города с расстояния тысяч километров, для Одессы неэффективны.

Через три месяца с начала войны власти решились объявить о переносе наших этих средств защиты, объявив, что это не «зрада», а необходимость дать возможность нормально работать бизнесу и городским службам. Но это насыпание песка в мешки и изготовление ежей сыграло свою исключительно положительную роль, как средство от паники, для осознания своей полезности, как возможности сделать все-все лично каждым для остановки врага.

А как одесситы сплотились! Как стали внимательнее к друг другу, добрее! Растворились в воздухе мелкие обиды, пропали ссоры в транспорте и в очередях. Слетела шелуха надуманных мелочей, которым мы раньше, в мирной жизни, придавали большое значение. Оказалось, что мы добры, готовы помочь нуждающимся, терпеливы и доброжелательны!

Настоящим счастьем стало то, что в Одессе есть и отлично работает ПВО! Харьковцу повезло меньше. Глубоководные мины запретили вход вражеским кораблям в нашу акваторию. После подрыва человека на пляже на мине запрещен спуск к морю на песок. Но скоро жара, и мы начнем просачиваться в море. В этом году чистейшая и прозрачнейшая вода. Наверное, мы будем рассчитывать, что мины не перевалят за волнорезы, и что в прозрачной воде их будет нам видно.

В подъездах установили задвижки, и после комендантского часа подъезд закрывается изнутри до утра. Соседи стали бдительнее, чужих не пускаем в наше жилище. Говорят, что много диверсионных групп в стране.

Во всей Одессе любят и кормят дворовых кошек и собак (последних меньше, благодаря немецкому приюту). Наш двор не исключение. Зверюшки привыкли к поздним ужинам за полночь, а тут на тебе! – комендантский час. Поскольку коты не в курсе комендантского часа, то кормилицы втихаря выходят в нарушение режима и слышно: Маша-Маша-Маша! и Балу-Балу-Балу! На улице тишина: ни машин, ни людей. Все раздаётся эхом и хорошо слышно.

Также слышно, как подходит тероборона и спрашивает: ну когда уже вы перестанете нарушать комендантский час?! Заберите уже этих котов себе домой! И так каждый день.

А как опустел город в первые дни войны! Бесконечные колонны машин медленно двигались на выезд из города и из страны. В панике люди бежали в безопасные страны, в мирную жизнь. Повезло тем, кто имел обеспеченных родственников за границей и тем, кто знает иностранные языки. Остальным пришлось сложнее. После трех месяцев пребывания за границей, большинству надо устраиваться на работу и самим себя содержать. Многие уже возвращаются домой.

Бизнес замер, всевозможные послабления для него от государства в виде уменьшения налогов, возможности увольнения сотрудников по упрощенной процедуре поддержали его. Но поставили под удар сотрудников, которых теперь можно было уволить нажатием одной клавиши в компе. Те компании, что крепче держатся на ногах, стараются сохранить коллектив, выплачивая хотя бы какую-то зарплату, независимо от того, работают ли люди на благо своей компании. Коварным врагом ожидалась быстрая развязка войны, но к их удивлению, она затянулась. Бизнес работает, но тоже в ожидании нормальных, мирных условий.

Сегодня 99 день войны. Жизнь в Одессе после начала войны стала мне напоминать тот рассказ. Выглянешь в окно, если нет «прилетов», - безмятежность и покой: люди ходят в магазины, гуляют по улицам, смеются, едят мороженое. Улицы чистые, клумбы благоухают, свежая зелень радует глаз, полки в магазинах полные, правда, цены «кусаются». На набережной работают кафе, звучит музыка. Дети и собаки не понимают: почему их не пускают к морю, на песок? Тянут взрослых и хозяев, капризничают. Спуски к морю перевязаны заградительными лентами, стоят щиты с предупреждением об опасности на песке. Тероборона внимательно следит за посетителями набережной, и это хорошо.

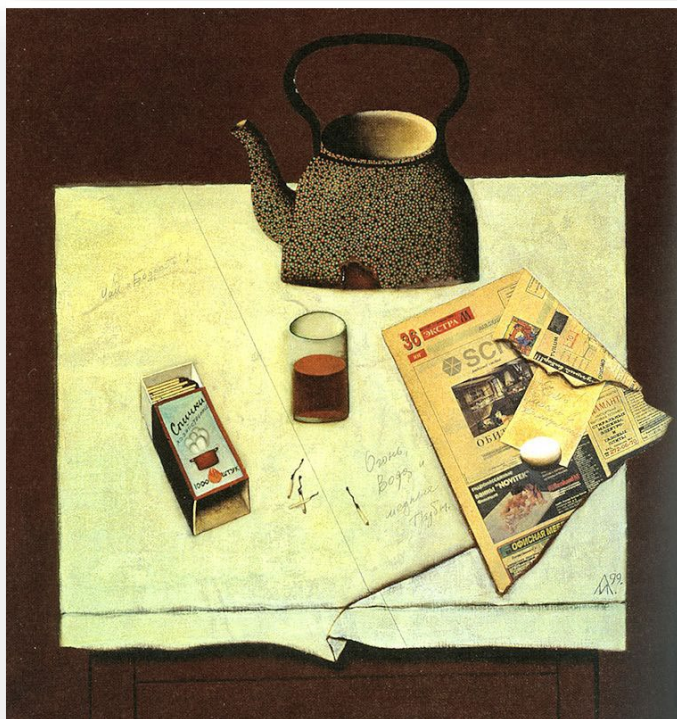
Но насколько хрупок этот мир! В одно мгновение ВСЕ вокруг тебя может оказаться огромной воронкой от взрыва: и не будет ни дома, ни тебя! Да, человек привыкает ко всему, и мы привыкаем к опасности. Но над нами висит камнем угроза появления этих невидимых нам чудовищ! В любой момент! Осознаем драгоценность каждой минуты, каждого спокойного вдоха, наслаждаемся ароматом акаций, ирисов и уже расцветающих роз! Радуемся вкусной еде, клубнике и черешне. Счастливы успехами детей, которые не сидят и не плачут, что нет работы и денег, а сражаются за свое благополучие. Подпрыгиваешь от радости, услышав их звонок и усталые, но такие родные голоса.

Ведь все равно, каждый надеется на счастливый исход: на жизнь и мир! Вот верю в это и я - и не стесняюсь обращаться к небесам о мире и счастье! Просите и обращайтесь! Всем мира и любви!

10 июня 2022 года

2. Из Прошлого

Семён Глузман

Украина

Покаяние

Мне четыре года. Или чуть больше. Папа и мама ведут меня на Крещатик. Вокруг разрушенные дома, среди них – одинокий строительный кран. Сворачиваем за угол, идем к высокому уцелевшему зданию, где живет незнакомая мне женщина. Ярко помню – огненно-рыжая, постоянно курит папиросы. Она закончила войну в Берлине вместе с моими родителями. Странное имя – Шива. В Киев вернулась недавно, военный хирург... Знаю, я не мог тогда запомнить такие подробности, нахлобичили рассказы родителей или старшего брата Дани. Сегодня спросить некого, Даня умер. Но успел за несколько месяцев до смерти рассказать мне, со слов родителей, что я тогда испугался пленных немцев, отстраивавших разрушенный город.

Вспомнил всё это, далекое прошлое, не случайно. После телевизионной демонстрации уничтоженной Бучи. Без пленных россиян в развалинах домов. Тогда, после войны, Гитлера уже не было. А Путин всё ещё жив. И продолжает свою войну варваров против цивилизованного Рима.

Семья воспитала меня в ненависти к Сталину и Гитлеру. К ним, не к Степану Бандере. Которого тщетно разыскивают сегодня в наших городах российские оккупанты. Но было и другое, в подростковом возрасте в уже восстановленном Киеве в троллейбусах и трамваях я часто слышал острые слова ненависти: «Проклятые жида, когда мы воевали, все они прятались в Ташкенте. А сейчас вернулись и командуют нами, как и до войны!». Я прятался за спинами взрослых, которые молчали, и задавал себе единственный вопрос: «Почему они так ненавидят меня, мои родители не прятались в Ташкенте, они прошли всю войну до Берлина?» Да, я рано узнал, какво быть чужим в своей же стране. И пионерский галстук меня не защищал.

Я вырос в русскоязычном Киеве. Где тирады о проклятых жидах произносили в транспорте и дворах на русском языке. Отец, именно он, приучил меня к обильному чтению. Почти все прочитанные мною книги были на русском языке. Так, на русском языке я постепенно вошел в мировую литературную классику. В школе обязательные уроки украинского языка и литературы вели добрые, совсем не обидчивые женщины, вместе с нами, школьниками, иронизировавшие над тем, что они вынуждены были нам преподавать. Так было.

Потом был медицинский институт. Где моим выбором уже с первого курса была психиатрия. Где все дисциплины преподавались на русском языке по русскоязычным учебникам. С одним исключением: славный профессор

кафедры микробиологии Сергей Степанович Дяченко и вся его кафедра преподавали свой предмет исключительно на украинском языке. Разумеется, он был членом КПСС. Это его защищало.

Первым моим выходом в мир украинской культуры было знакомство с семьей Корчак-Чепурковских. Я, школьник, ученик 11 класса, часто бывал у них. Чуть позднее милая Ольга Николаевна познакомила меня со знаменитым киевским писателем Виктором Платоновичем Некрасовым. А Виктор Платонович позднее познакомил меня с Иваном Михайловичем Дзубой.

В 1971 году в октябре в Киеве два дня провел Андрей Дмитриевич Сахаров. Он хотел присутствовать на суде над Анатолием Лупонисом, арестованным КГБ за чтение своего стихотворения у памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко. В здание суда ни Сахарова, ни сопровождавшего его Некрасова не пустили. Несколько часов стояли у здания суда двое этнических россиян, только они. Никто из украинских писателей и поэтов не появился... Это та правда, которую необходимо помнить. Тогда все они были тайными патриотами.

В 1972 году меня арестовали. Всё тот же пресловутый КГБ, истово боровшийся в Украине с инакомыслием. Но там были двадцать невероятных дней в одной камере с гениальным европейским поэтом Васылём Стусом. Потом – уральский политический лагерь встретил меня погружением в украинскую историю и культуру. Там я подружился с бывшими солдатами Украинской Повстанческой Армии, отбывавшими свои бесконечные 25 лет заключения, с новыми друзьями Иваном Свитлычным, Валерием Марченко, Игорем Калинцом, Володей Мармусом. И всегда говорил по-русски. Никто из моих союзников ни разу не сделал мне замечание. Никто, даже добрый мой лагерный друг Евгений Прышляк, заканчивавший свои 25 лет неволи. Прежде – глава Службы Безопасности Львовского округа УПА. Общаясь с ними ежедневно, расспрашивая их о прошлом, однажды я задал себе вопрос: «Почему КГБ содержит нас в лагерях на территории России? Нас, всевозможных диссидентов «обслуживают» здесь среди других украинские офицеры КГБ вместе с офицерами и прапорщиками МВД. Да и самый жестокий в СССР аппарат КГБ – украинский?». Простой вопрос, с вполне понятным ответом...

Там же, в лагере, я попрощался с Россией. Символическим стихотворением «Прощание с Россией». Позднее там же написал эссе «В мире Филофея», которое категорически отказался публиковать лучший в эмиграции русскоязычный журнал «Континент». Я передал свой текст из лагеря на Запад, но российские демократы в эмиграции сочли моё эссе слишком антирусским.

В Украине советская власть действовала особенно жестко. Этнический украинец генерал КГБ Федорчук не щадил ни инакомыслящих, ни их семьи. Изгнанный из СССР бывший лагерник писатель Солженицын учредил специальный фонд помощи семьям политзаключенных. В силу объективных причин наибольшей группой получателей финансовой поддержки были семьи украинских узников. КГБ жестко преследовал распорядителей фонда, обыски и аресты были постоянными. Кстати, распорядителем этого фонда в Украине в те мрачные времена была тётя украинского узника Валерия Марченко. Потом, в уже свободные годы, я неоднократно просил Аллу Михайловну писать воспоминания. Не захотела, унесла в мир иной многое, нам неизвестное... А тайно передаваемые из США деньги столь не любимого в Украине Александра

Исаевича Солженицына тогда помогли очень многим украинским семьям. Хотя и был он этническим русским...

Медленно умирал Советский Союз. Под давлением обстоятельств новый правитель Михаил Горбачев был вынужден освободить из ссылки Андрея Дмитриевича Сахарова. Первый же их телефонный разговор Сахаров закончил словами: «Освободите политзаключенных! Всех!» Это было его условие, он не просил, требовал. Большая часть имен в списке Сахарова была украинскими.

Потом было явление Владимира Путина России. Разрушенный алкоголем и болезнями Борис Ельцин рукоположил Путина в президенты. Да, были и выборы, разумеется, были... Ну, как же без них? Русская литература обогащалась новыми именами, прежде запретными. Российское телевидение открывало зрителю горькую правду о советском прошлом А всё ещё советская Украина, не имея таких интеллектуальных ресурсов, училась, как могла, жить в свободе. Научилась.

Патриарх Кирилл, Владимир Путин и сепаратисты Донбасса на Страшном суде. Изображение в одной из грекокатолических церквей Львова

И вот – война. Самая настоящая. Направленная на уничтожение украинской государственности и украинской культуры. Самоуверенный псевдоисторик, российский диктатор Путин решил лёгкой войнушкой помочь нам избавиться от нацистов. А заодно и от украинского языка. Лёгкая войнушка не получилась. Тысячи жертв, разрушенные украинские города, мародерство, насилие... Очень давно, во время войны с Гитлером, российский писатель Илья Эренбург опубликовал статью с призывом: «Хочешь жить – убей немца!».

Сегодня нечто подобное извлекают из своих неразвитых мозгов некоторые украинские журналисты. Призывая забыть русский язык, великую российскую литературу. Вот и мэр Ивано-Франковська решил избавиться свой город от улицы Андрея Сахарова. Что ж, господин Марцинкив, заживем по-новому, по-путински. Он, диктатор Путин, ненавидит это имя так же истоно, как и вы. Удивительное сходство...

О покаянии. Без которого жизнь человека и народа невозможна. Германия – покаялась. Всерьез, искренне. Прежде, во времена Гитлера, казнив 30000 немцев, не пожелавших поддержать теорию и практику национал-

социализма. Другие сотни тысяч немцев надели маску покорности. Что будет с Россией? Дождемся ли мы покаяния от нее?

Елена Поздеева

Киров, Россия

Из истории моей семьи. Часть 3. Архангельский архив

Данная статья является продолжением первых двух статей, посвященных истории моей семьи и, в частности, деду-анархисту Тарловскому Гершону Йоселевичу (Герасиму Осиповичу). <https://www.chayka.org/node/10641>, <https://www.chayka.org/node/11538>

Все, что с нами происходит, – это не случайность. И сам момент, когда то или иное событие приходит в нашу жизнь, предначертан нам свыше тем, кому не безразлично то, чем мы занимаемся здесь, на земле. Я сейчас в этом уверена.

Когда моя работа по поиску информации о моем деду, Тарловском Гершоне Йоселевиче, была в самом разгаре, приключился ковид, и, можно сказать, я на полном ходу вылетела из активной деятельности на обочину, в болото ожидания. Из-за ковидных ограничений архивы закрылись и все дело застопорилось.

Ожидание длилось без малого два года. И вот летом 2022 года «жернова истории» сдвинулись с места, нехотя заскрипели; ковид отступил, архивы открыли свои недра. Лето 2022 – поначалу я не придавала этой дате никакого значения, открылись архивы – и хорошо.

В июле я уже сидела в читальном зале Центрального Архива ФСБ на Кузнецком мосту 22 и держала в руках «Дело по обвинению Тарловского Гершона Йоселевича № Р-4591». Мой дед был арестован в конце сентября 1922 года. И в какой-то момент меня осенило: все события, с которыми мне предстоит ознакомиться, происходили ровно сто лет назад. Этому делу целый век – без двух месяцев! Сто лет назад был выдан этот ордер на арест за № 2317, составлялись эти протоколы, а мой дед сидел во внутренней тюрьме на

Лубянке и не мог представить, что через сто лет его внука будет читать строки, написанные его рукой. Совпадение?

А через месяц, в августе 2022, я отправилась в Архангельск, чтобы ознакомиться с другим делом в отношении Тарловского Герасима Осиповича, арестованного в 1932 году, то есть девяносто лет назад. Опять совпадение?

Прямой поезд из Кирова в Архангельск не ходит. Есть более или менее удобные варианты – с пересадкой в Вологде или Котласе, но ни в один из этих городов на нужные мне даты билетов уже не было. Пришлось выбрать поезд через Ярославль.

Ярославль, август месяц, 2022 год, железнодорожный вокзал...

... Ярославль, август месяц, 1942 год, железнодорожный вокзал. Группа детей вместе с руководительницей едут через охваченную войной страну из Теберды в Архангельск. В Ярославле руководительница оставляет двенадцатилетнего мальчика Костю на вокзале – одного, без денег, без еды, без надежды – потому что она везла его нелегально, потому что на него у нее не было ни денег, ни полагающихся документов, ни билетов, без которых Костю не посадят на поезд. На этом вокзале жизнь Кости могла и оборваться, но полуживого от голода подростка заметил военный. Он накормил мальчика в офицерской столовой и достал ему билет на поезд до Архангельска. Костя так и не узнал имени своего спасителя, но помнит его до сих пор.

Этот мальчик был моим папой. И сегодня, по прошествии восьмидесяти лет, я так же еду из Ярославля в Архангельск. Конечно, мой поезд более комфортабельный, передо мной не стоит вопрос выживания, у меня есть деньги, билеты, есть еда. Но что это за совпадение! Я повторяю тот самый путь, который мой отец проделал восемьдесят лет назад. Правда, поезд везет меня до самого города, а в 1942 году железнодорожного моста через Северную Двину не было и мальчик Костя переправлялся через огромную северную реку на пароме.

Не слишком ли много совпадений?

Я гуляю в центральной части города по старой улице Чумбаровке, которая громко именуется проспектом Чумбарова-Лучинского. Здесь сохранились деревянные двухэтажные дома, которые были построены еще до войны и которые, наверное, помнят мальчика Костю, его маму с папой, бабушку с дедушкой.

В двадцати минутах ходьбы от Чумбаровки находится улица Свободы, а на этой улице есть дом под номером 55а. Я еще успела застать этот дом: он горел, а сейчас стоит под снос, обнесенный забором. Когда вы читаете эти строки, этого дома, вероятно, уже нет.

Два верхних выгоревших окна слева – это комната, где жил мой папа. Я иду к дому по заросшей тропинке и представляю, как девяносто лет назад по ней ходил мальчик Костя, его бабушка Люба-Рахиль, дед Соломон.

Звоню папе, которому уже 92 года, включаю видеосвязь.

- Папа, ты узнаешь этот дом?

- Да, вон наши окна! А там, где ты сейчас стоишь, была щель, в которую мы прятались, когда в войну Архангельск бомбили немцы.

Иду дальше.

- Это ваше крыльцо?

- Нет, это на первый этаж. Повернись правее – вот это наше. Как жаль, что оно разрушено! Но хоть остатки резьбы сохранились.

Я провела в Архангельске пять дней и несколько раз приходила к этому дому – ноги сами шли туда. Почему? Я стояла на тихой патриархальной улочке, задавленной безликими новостройками. Она, как дивный оазис, таила в себе ту, далекую, жизнь, которую из последних сил охраняли вековые деревья, заслоняя ее от наступающих громад домов. Я зажмуривала глаза и пыталась представить себя там, в конце двадцатых годов прошлого века, когда к этому дому впервые шел Гершон-Герасим, мой дед, к своей будущей жене Шейне-Соне, моей бабушке. Здесь они любили друг друга, были счастливы и не догадывались, что счастье их недолгое, что впереди их ждет такое, чего никому не пожелаешь...

А еще я хотела найти дом № 115 по Петроградскому проспекту, где жила молодая семья – Соня, Герасим и их сын Костя, дом, из которого моего деда увели в 1932 году, арестовав по обвинению в *«анархо-подпольнической контрреволюционной деятельности»*. Но оказалось, что сегодня Петроградского проспекта в Архангельске больше нет, его переименовали в Ломоносовский, а на месте дома № 115 – большой микрорайон из современных высоток.

И вот – главная цель моей поездки – архив ФСБ, где хранится дело Тарловского Герасима Осиповича за 1932 год. У нас имелись ксерокопии девяти страниц этого дела, высланные нам по запросу несколько лет назад. Но в этом деле – два тома, десятки страниц. По делу, кроме моего деда, проходило еще не менее семи человек, поскольку в Обвинительном заключении он шел под номером восемь. Все остальные фамилии были скрыты – опять секретные сведения. Мы обладали, таким образом, лишь обрывочной информацией; полная картина никак не складывалась. Что это было за дело? Что за люди проходили по нему? За что из арестовали?

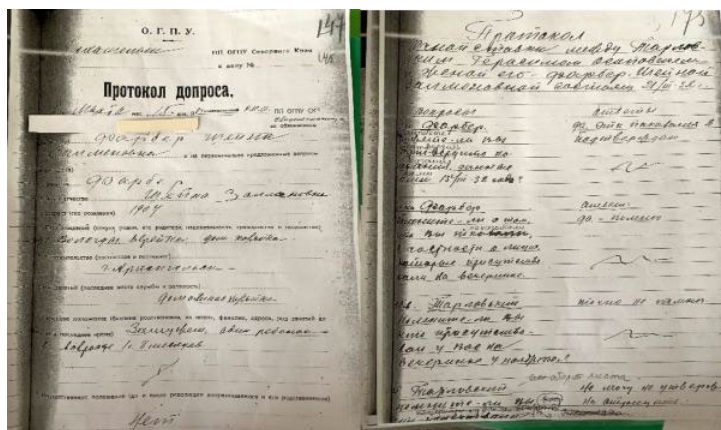
Если в Москве я могла пронести в читальный зал ФСБ и телефон, и целый ноутбук, то здесь все было «по-взрослому»: выписанный на мое имя пропуск, никаких ноутбуков, телефон – в специальную ячейку с ключиком, далее – проход через рамку металлоискателя. Читального зала как такового нет: я сижу в небольшой комнате вместе с сотрудницей архива, Марией. Выходя из помещения, женщина запирала меня на ключ, сопровождала в туалет, словом, неукоснительно следовала всем инструкциям.

Но надо отдать должное, отношение ко мне было самое доброжелательное. Я поделилась с Марией своей проблемой: в свое время мы получили справку из МВД по Удмуртской республике, что мой дед умер 17 мая 1945 года в Архангельской области, но я так и не смогла узнать точно, где конкретно это произошло. Именно сотрудница архива архангельского ФСБ надоумила меня сходить в центральный областной архив, откуда я была перенаправлена в городской ЗАГС. А в загсе за 350 рублей мне выдали свидетельство о смерти Тарловского Герасима Осиповича. Мой дед умер 17 мая 1945 года в Няндоме Архангельской области. Было ему 52 года.

Правда, мой папа не согласен с этой версией. Все время, пока его отец отбывал свой срок в Вятлаге (1938-1943 г.г.), они с ним переписывались довольно регулярно. В марте 1943 года, по окончании срока, письма перестали приходить. Вскоре начальник лагеря написал Косте, что его отцу вынесен новый приговор – 5 лет без права переписки. Сейчас мы знаем, что «без права переписки» означало расстрел.

Итак, передо мной дело № 236757. Прежде, чем излагать его содержание, несколько слов о том, что нового я узнала о своем деде, прочитав эти два тома.

В деле имеется лишь один протокол допроса Тарловского Герасима Осиповича, хотя всех остальных арестованных допрашивали по два-три раза. Зато меня ожидал сюрприз. Перелистывая страницы дела, я неожиданно натолкнулась на знакомое имя: Фарбер Шейна Зельмовна. Это же моя бабушка! Два листка в деле – протокол допроса Шейны Зельмовны и два листка – протокол очной ставки гражданина Тарловского Г.О. с его женой Фарбер Ш.З.

Ни у одного из шестнадцати человек, проходивших по данному делу, не допрашивали родственников, никому не устраивали очных ставок. Возникает вопрос – почему именно моего деда удостоили такой «честью»? И почему Герасима допрашивали лишь один раз, в то время как остальных анархистов подвергали допросам неоднократно?

На своем первом и единственном допросе мой дед предоставил довольно полную информацию по своей биографии, не сказав ни слова о событиях в Архангельске, в связи с которыми и была арестована вся группа. Вероятно, на

основании его дальнейшего поведения, а также исходя из понимания, что Тарловский Г.О. является убежденным анархистом и имеет за плечами большой опыт революционной борьбы (многочисленные аресты, в том числе и в дореволюционный период, годы, проведенные в тюрьмах, концлагерях и ссылках), следователь сделал вывод, что дальнейшие допросы бессмысленны, и решил надавить на его жену.

Следствие интересовало детали первого собрания данной группы анархистов, которое проходило на квартире Тарловского.

Показания Шейны на допросе 15 марта 1932 года: *«На вечернике, имевшей место 7 ноября 1931 г. в комнате, занимаемой мной и моим мужем Тарловским, присутствовали Сильвестров, Линчевский, Плотников, Кологрив, Махонин, Садов. На этой вечеринке шла беседа об Октябрьской революции. Принимали участие в этой беседе мой муж Тарловский, Садов, Линчевский. Больше показать ничего не имею, протокол мне читан правильно записан, в чем и подписываюсь. Фарбер».*

Итак, по словам Шейны, это была вечеринка в честь годовщины Октябрьской революции, о коей собравшиеся и говорили. В каком ключе шел разговор, допрашиваемая на уточнила. Эти сведения следователя явно не удовлетворили, и 21 марта он устроил очную ставку между супругами. Шейна подтвердила свои показания, данные на допросе 15 марта. Герасим же на все вопросы отвечал: *«Точно не помню», «Не могу ни утверждать, ни отрицать».*

Мой дед так и не дал никаких показаний, которые от него так хотел получить следователь. Он не сдал никого из товарищей, не признал свою вину. Ему был вынесен обвинительный приговор, в котором говорилось: *«Пользуясь авторитетом в группе как теоретически подкованный человек, ТАРЛОВСКИЙ как и Садов является идеологом группы.*

Конкретная деятельность его выразилась в

а) в руководящем участии в нелегальных собраниях;

б) в организации первого нелегального собрания 7/XI-30г. у себя на квартире, где совместно с Садовым выступал по вопросу создания организации;

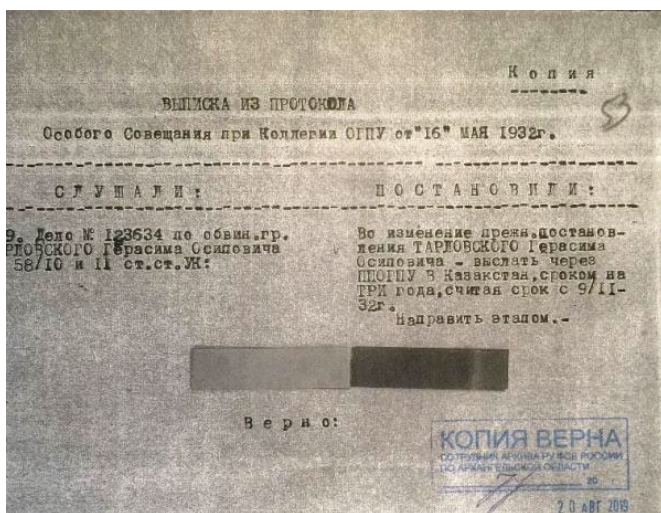
в) в установлении связи с анархо-эмиграцией, т.е. преступлении, предусмотренном ст.ст. 58/10 и 58/11 УК.

ВИОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛ.

Изобличается показаниями Садова, Алексина и обнаруженными у него вещественными доказательствами».

Данными вещественными доказательствами являлись *«заметки с адресами, свидетельствующие о его связях с границей и в частности с находящимся в Париже анархистом Дубинским».*

И далее последовал приговор.

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 16 мая 1932 г.

СЛУШАЛИ: Дело № 123634 по обвин. гр. ТАРЛОВСКОГО Герасима Осиповича по ст.ст. 58/10 и 58/11 УК:

ПОСТАНОВИЛИ: во изменение прежнего постановления ТАРЛОВСКОГО Герасима Осиповича выслать через ППОГПУ в Казахстан, сроком на ТРИ года, считая срок с 9/II-32г. Направить этапом».

В ссылку за мужем последовала и его жена, моя бабушка, Шейна Зельмовна. Там, в Казахстане, она и заболела туберкулезом, в результате чего жизнь ее сложилась трагически^[1].

В конце второго тома дела меня вновь ждал сюрприз. На большом листе был размещен, как сейчас называют, коллаж: мелкие фотографии всех участников дела, в том числе и Тарловского Г.О. К сожалению, мне не удалось получить копию всего этого коллажа, зато через месяц по запросу прислали

отсканированную и увеличенную фотографию моего деда. Такой у нас еще не было.

Итак, возвращаемся к полному делу № 236757. Оно начинается со справки:

«СПРАВКА

Переименованные в прилагаемом списке лиц высланные в СевКрай за анархо-подпольническую контрреволюционную деятельность отбывая ссылку в Архангельске занимались на протяжении полутора лет нелегальной контрреволюционной деятельностью, которая заключалась:

1) систематически созываемых нелегальных собраниях

2) в контрреволюционной связи с анархистами, находящимися за кордоном и

3) в подготовке к бегству с места ссылки и иной а/с деятельности, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 58-11 УК.

Ввиду изложенного полагал бы 3/II с.г. произвести обыски и аресты всех переименованных в прилагаемом списке лиц.

САДОВ Кирилл Антонович

ЛИНЧЕВСКИЙ Арон (Давид) Моисеевич

ПЛОТНИКОВ Тимофей Дмитриевич

СТРОКАЧ Кирилл Константинович

КАРДАО Альберт Александрович

ТАРЛОВСКИЙ Герасим Осипович

АЛЕКСАНДРОВ Василий Дмитриевич

КУМАНОВ-РАХУ Альберт Викторович

КОЛОГРИВ Иван Лаврентьевич

СИЛЬВЕСТРОВ Николай Григорьевич

МАХОНИН Василий Матвеевич

КИРИЛЛОВ Фиогнит Прокопьевич

ЮРЧЕНКО Петр Сергеевич

ЛИЧКОВСКИЙ Михаил Васильевич

АЛЕКСИН Агафангел Петрович

КАРПОВИЧ Семен Карлович».

Шестнадцать человек – да это же целый заговор! Серьезная организация, раскинувшая свои сети среди ничего не подозревающих жителей Архангельска!

Состав арестованных был самым разнообразным. Среди них были:

- люди в возрасте от 25 лет (Александров В.Д. и Куманов-Раху А.В.) до 39 лет (Тарловский Г.О. и Кологрив И.Л.);

- имеющие образование от 2 классов училища (Кологрив И.Л.) или 4 классов гимназии (Личковский М.В.), с домашним образованием (Тарловский Г.О.) и с незаконченным высшим образованием (Садов К.А., Алексин А.П., Карпович С.К.);

- выходцы из разнородных слоев общества: рабочие (Кологрив И.В., Алексин А.П. и др.), служащие (Садов К.А., Кардао А.А. и др.), представители интеллигенции (Кириллов Ф.П., Куманов-Раху А.В.);

- жители различных областей и республик СССР^[2]: РСФСР (Садов К.И., Плотноков Т.Д., Личковский М.В., Алексин А.П. и др.), Белоруссии (Тарловский

Г.О., Линчевский А.М., Кологрив И.Л.), Украины (Сильвестров Н.Г., Александров В.Д.), Абхазии (Кардао А.А.) и даже житель Польской республики (Строкач К.К.).

Этих людей объединяло то, что все они были анархистами – по принадлежности к той или иной анархической организации или просто по убеждению. Среди них были анархисты-синдикалисты (Тарловский Г.О., Садов К.А. Куманов-Раху А.В.), анархисты-коммунисты (Линчевский А.М., Кириллов Ф.П.).

Все они находились в Архангельске в ссылке: часть из арестованных являлись административными высланными (Александров В.Д., Садов К.А., Кардао А.А., Кологрив И.Л., Кириллов Ф.П., Алексин А.П., Юрченко П.С.), а некоторые имели за плечами годы, проведенные в концлагерях по ст. 58-10 УК (Тарловский Г.О., Строкач К.К., Куманов-Раху А.В., Плотников Т.Д., Сильвестров Н.Г., Махонин В.М., Карпович С.К.). Так, Строкач К.К. заявил, что *«как стал анархистом, так нигде кроме тюрьмы и ссылки не был»*.

При этом двое из арестованных анархистов в двадцатые годы являлись членами комсомольской организации – Кириллов Ф.П. и Махонин В.М., причем последний занимал должность секретаря ячейки.

Итак, 3 февраля 1932 года было вынесено постановление об обыске и аресте шестнадцати человек, а 9 февраля все они были арестованы и допрошены. Аресты производили шестеро сотрудников ОГПУ СевКрая, в то время как практически всех их, за исключением двоих – Куманова-Раху А.В. и Сильвестрова Н.Г. – допрашивал один следователь. Таким образом, за один день этот следователь допросил четырнадцать человек. Дело было поставлено на поток, что сказалось на качестве протоколов: в некоторых из них ряд пунктов не заполнены, отсутствует полная информация.

Возможно, это связано и с тем, что арестованные отказывались отвечать на некоторые вопросы. У семерых допрошенных отсутствуют показания «По существу дела», но лишь у двоих из них имеется обоснование данного факта. Так, в протоколе допроса Махонина В.М. в данной графе записано: *«Ввиду того, что я не знаю за собой никаких дел, мне не о чем показывать»*. Плотников Т.Д. вообще отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы, заявив: *«Не затрудняйте сами себя, а равно и меня этими вопросами. Я допрашивался неоднократно и можете восстановить по имеющимся у вас материалам. Я анархист»*.

Интересен ряд ответов. Куманов-Раху А.В. показал: *«... По отбытии наказания был осужден ОС ОГПУ по статье неизвестной мне...»*. У Сильвестрова Н.Г. в графе «Сведения об общественной и революционной работе» записано: *«На вопрос не отвечаю. Покрыто мраком неизвестности»*.

По протоколам можно судить, что на первом допросе арестованные держались достаточно уверенно, но из представленных материалов не складывалась картина, в чем именно заключалась суть предъявляемых им обвинений.

Спустя две недели, 22 февраля 1932 года, было вынесено постановление «О предъявлении обвинения и избрании меры пресечения» обвиняемым: *«Рассмотрев следственные материалы по делу... и приняв во внимание, что гражданин (ФИО) достаточно изобличается в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 УК, постановили: гражданина (ФИО) привлечь в качестве*

обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей».

Куманов А.В., Махонин В.М., Линчевский Д.М., Кологрив И.Л., Плотников Т.Д., Кириллов Ф.П. и Сильвестров Н.Г. от подписи об оглашении постановления отказались.

На свободе остался лишь Личковский М.В.: *«... приняв во внимание, что нахождение его на свободе не может вредно отразиться на дальнейшем ходе следствия, постановил: меру пресечения содержание под стражей заменить подпиской о не выезде из пределов постоянного места жительства, избрав такое на оставшийся срок ссылки – г. Каргополь».*

Вскоре последовали повторные допросы. Некоторые из анархистов от дачи показаний отказались. Так, 25 февраля был вновь допрошен Кардао А.А., но в протоколе мы читаем: *«От каких-либо показаний по существу дела Кардао давать отказался».*

Аналогично, 2 марта Садов К.А. заявил: *«Пользуясь предоставленным мне правом не отвечать на вопросы, я от дачи каких-либо показаний по существу инкриминируемого мне обвинения отказываюсь».*

3 марта от дачи показаний по существу дела отказался и Плотников Т.Д., а 6 марта – Кириллов Ф.П.

3 марта были также допрошены Кологрив И.Л., Линчевский Д.М., Александров В.Д. Они дали более развернутые показания, тем не менее, не признавая свое участие в контрреволюционной деятельности.

На вопрос: *«Имеете ли вы связь посредством переписки с анархистами, проживающими за границей?»* все трое дали отрицательный ответ. Но при этом Кологрив И.Л. признал, что Куманов А.В. имел связь с некоторыми деятелями анархо-движения за границей: *«... отдельными моментами со мной делился, получавший эти письма Куманов. Из этих отдельных штрихов я делал некоторые выводы о рабочем движении на Западе».*

На вопрос: *«Имели ли место за время вашего пребывания в ссылке нелегальные собрания с анархистами, в которых вы принимали участие?»* ответы были следующие. Линчевский А.М.: *«Заявляю, что таких собраний в моем присутствии не были, о таковых мне ничего не известно»;* Кологрив И.Л.: *«Ничего подобного не имело места»;* Александров В.Д.: *«Ни на каких нелегальных собраниях анархистов в Архангельске я не бывал».*

Следователя так же интересовал факт знакомства допрашиваемых лиц с Ольгой Таратутой³¹. Линчевский А.М. и Кологрив И.Л. подтвердили, что были с нею знакомы.

В этот же период, начиная с 29 февраля, на квартирах арестованных проводились обыски.

В комнате Сильвестрова Н.Г. были взяты *«для доставления в ПП ОГПУ СевКрая следующие документы: 12 штук чистых бланков служебных записок СевКрая Комитета ВКП(б), книжка-удостоверение личности за подписями и печатями на заполнение (не заполненная), личная книжка запасного РККА на имя Решетникова Иосифа Николаевича, удостоверение личности на имя тов. Решетникова. Переименованные документы были обнаружены в комнате, ранее занимаемой до января месяца 1932 г. Сильвестровым, скрытые в стене комнаты за обоями».*

На допросе 5 марта, будучи допрошен в отношении найденных при обыске документов, Сильвестров Н.Г. от дачи показаний отказался.

У Строкача К.К. был также изъят ряд документов, *«как то 3 справки о месте работы, страховое свидетельство, страховая квитанция, расчетная книжка и воинский билет на некоего Туркова Якова Петровича, удостоверение о социальном положении некоего Соколова Александра Александровича, 2 справки о месте работы, выданные некоему Трофимову Ф.Г., и свидетельство о рождении некоего Митинова Алексея Николаевича».*

На допросе 6 марта Строкач К.К. заявил: *«Все эти документы я вижу впервые, кому они принадлежат не знаю, фамилии, указанные в перечисленных документах, слышу в первый раз».*

У Куманова А.В., Кологрива И.Л., Линчевского А.М., Тарловского Г.О. были изъятые письма, свидетельствующие об их связях *«с анархами за кордоном».*

У Куманова А.В., Кардао А.А., Кологрива И.Л., Юрченко П.С. были найдены распечатанные экземпляры нелегальной брошюры *«Кризис рабочего движения» («Штурм над Испанией»).*

В связи с данной брошюрой были допрошены машинистки, работавшие в «СевКрай стройматериале», Смирнова Зинаида Михайловна и Титова Ксения Николаевна. Смирнова З.И. 5 марта показала следующее: *«Я работала совместно с гр. Кумановым в одном учреждении СКЖКС. Находясь с ним в близких товарищеских отношениях Куманов однажды не то в ноябре, не то в декабре месяце 1931 г. обратился с просьбой размножить ему на пишущей машинке в 10 экземплярах (приблизительно) политический документ, характер которого мне понятен не был. В этом документе шла речь о испанской революции».*

Титова К.Н. на допросе 12 марта также подтвердила, что она *«согласилась напечатать Куманову его рукопись, передавал он мне ее по частям в течение около 5 дней, печатала по вечерам. Содержание передаваемой мне Кумановым рукописи точно не помню, но помню, что в рукописи часто встречались слова об испанской революции. Материалы, которые я печатала для Куманова я никому кроме Куманова не передавала, а также никто не читал, когда я печатала. Напечатанные Куманов забирал у меня лично по частям. Куда и кому Куманов отправлял эти документы мне неизвестно... На содержание напечатанного мною для Куманова документа не обратила внимания, так как в политических вопросах разбираюсь плохо».*

А далее из материалов дела мы видим, что в следствии произошел перелом. Возможно, это было связано с материалами, полученными в результате повторных допросов и обысков, а также со свидетельствами машинисток, которые, по просьбе Куманова, перепечатывали нелегальную брошюру. Так или иначе, очевидно, что следователь активизировался и начал оказывать на арестованных анархистов давление.

Давайте обратимся к протоколам последующих допросов.

Если прежде Садов К.А. от дачи показаний отказывался, то уже 12 марта он признал вину и дал развернутые показания: *«Признаю себя виновным в том, что, отбывая ссылку в Северном Крае в г. Архангельске я занимался антисоветской деятельностью».* В тот же день признательные показания начал давать и Алексин А.П., продолжив свидетельствовать 21 марта. На допросах

14 марта и 27 марта Юрченко П.С. также подробно рассказал о деятельности представителей архангельской колонии анархистов.

Садов показал, что их антисоветская деятельность «*в основном заключалась в следующем: В участии в нелегальных собраниях анархов, имевших место - 7 ноября 1930 г. на квартире Тарловского, на котором присутствовали кроме Тарловского Я (Садов), Махонин, Сильвестров, Алексин, Плотников, Кологрив и Линчевский. Собрались ... под видом вечеринки, посвященной годовщине Октябрьской революции*»; «*9 декабря в моей квартире, куда собрались на новоселье Я (Садов), Сильвестров, Кологрив, Махонин, Алексин, Юрченко, Зверев, Вологдин, Личковский. Были ли Линчевский и Куманов не помню*»; «*...у меня же на квартире 20 января 1931 г., где присутствовали Сильвестров, Махонин, Тарловский, Куманов, Кологрив, Алексин и Плотников*»; «*11 августа состоялось нелегальное собрание на кладбище. На этом собрании присутствовали Я (Садов), Сильвестров, Махонин, Алексин, Александров и Строкач*»; «*Очередное нелегальное собрание имело место в сентябре 1931 г. на Костромском проспекте. Присутствовали: Я, Сильвестров, Алексин и Махонин*»; «*Очередное сборище в ознаменование Нового года имело место у меня на квартире, где присутствовали Сильвестров, Махонин, Александров, Кардао, Плотников, Строкач*».

По словам Алексина А.П., наиболее важным было собрание, «*имевшее место на квартире Тарловского, на котором присутствовала, за малым исключением, вся колония анархистов, и которое явилось первым, положившим начало последующим. Все речи на этом собрании сводились к необходимости создания анархо-организации и к оценке Октябрьской революции*».

Согласно показаниям Садова и Алексина, на этих собраниях обсуждались следующие вопросы:

давались оценки Октябрьской революции, а именно, подчеркивался факт, что большевики исказили политический смысл Октября, и в стране по сути установилась крепкая централизованная государственная система – госкапитализм;

обсуждались перспективы анархической деятельности и конкретные организационные формы этой деятельности;

ставился вопрос о необходимости создания сильной анархистской организации, партии с дисциплиной и даже с некоторыми элементами власти. Такая организация должна создаваться на фабриках, заводах, колхозах и совхозах;

установление нелегальной связи с границей;

создание на случай бегства специального денежного фонда (кассы взаимопомощи) путем ежемесячного отчисления из зарплаты;

необходимость теоретической подготовки анархистов.

Основными докладчиками на вышеуказанных собраниях являлись Садов и Тарловский, а также Сильвестров, Махонин и Александров.

В деле есть и показания, которые арестованные давали друг на друга. Так, 27 марта Юрченко свидетельствовал против Куманова, заявив, что тот «*получил из границы письмо и переслал его ссыльным анархистам*». По его словам, Куманов также «*получал из границы валюту и покупал в Торгсине продукты, делал посылки*». Юрченко также подтвердил уже известную

следствию информацию о причастности Куманова к распространению брошюры «Штурм над Испанией»: *«Куманов получил из заграницы брошюру на немецком языке. Получил он ее нелегальным способом. Эту брошюру перевел и отпечатал в 10 экземплярах на машинке в том учреждении, где он работал».*

Вероятно, существует и другая причина, по которой арестованные начали давать показания не только на себя, но и друг на друга.

По словам Юрченко, с осени 1930 г. среди ссыльных анархистов в Архангельске произошел раскол. В результате образовались две группы, разделившиеся как на основе личных симпатий, так и по *«оттенкам своих политических убеждений»*. Некоторые анархисты не примыкали ни к той, ни к другой группе, но относились к лагерю сочувствующих тем или другим. Одна группа включала в себя Садова, Сильвестрова, Строкача, Алексина и Махонина. Все эти анархисты были тесно связаны между собой. Юрченко показал, что *«данная группа собиралась на квартире у Садова, слышал, что они пытаются создать подпольную анархо-организацию или партию, как будто у них собрания происходили с протоколами»*. Все они считали *«приемлемым для анархистов на случай победы регулярную армию и государственную власть... анархистам мол не нужно бояться штыков, не нужно бояться власти»*. Участники этой группы стояла на платформе Аршинова, который прежде был в лагере Махно, но на тот момент проживал в Париже, пытаясь *«создать там анархо-коммунистическую партию»*.

Другая группа была менее организована. В нее входили Линчевский, Кологрив, Александров, Кардао, Куманов, Тарловский и недавно прибывший из Соловков Боровиков. Они собирались у Юрченко или у Куманова, но не регулярно и никогда в полном составе. По словам Юрченко, они *«ходили и разговаривали, что нужно дело делать, но дело стояло на мертвой точке»*. Все практические шаги, которые они собирались предпринять, *«были прекращены нашими арестами»*.

Своеобразен взгляд некоторых представителей этой группы анархистов на интеллигенцию. Линчевский и Кологрив заявляли, что *«в настоящее время власть в России принадлежит не рабочим и крестьянам, а интеллигенции, которая давно уже стремилась к власти и в Октябре 1917 г. она этой власти достигла. Интеллигенция представляет собой особый класс и приход к власти этого класса знаменует для рабочих рабство хуже капитализма»*. Боровиков частично соглашался с этим взглядом, но при этом говорил, что *«после революции в России действительно образовался класс организаторов производства, к которому и перешла фактически власть, но до революции интеллигенция как класс не существовала»*. Таким образом, можно сделать вывод, что они отождествляли руководителей большевистской партии со всей интеллигенцией, считая, что именно она поработила трудящиеся массы.

Алексин отмечал, что между анархистами существовали разногласия по отдельным вопросам, которые порой приводили к конфликтам. Так, например, Тарловский высказывался *«вообще против всяких собраний, считая, что они чреваты опасностями»*. В качестве связи он предлагал *«обмен мнениями между двумя лицами с последующей передачей в таком же порядке другим»*.

Садов и Кардао *«спорили между собой о дальнейших формах анархо-движения, в каком-то споре Кардао не соглашался с установками Садова, в частности, по вопросу дисциплины внутри анархо-организации и т.д.»*

Существовали разногласия и в отношении кассы взаимопомощи, которая была организована летом 1931 года. Участниками ее являлись Сильвестров, Махонин, Садов, Кологрив, Куманов и Алексин. Собранные деньги расходовались на помощь товарищам находящимся в других ссылках. Сбор денег и их рассылку производил Сильвестров. Касса распалась после конфликта произошедшего между Сильвестровым и Кумановым. Последний считал, что участниками кассы могут стать *«только анархисты, побывавшие на Соловках, как люди наиболее стойкие и выверенные»*; в то же время Сильвестров считал *«неправильной постановку вопроса о таком ограничении членов и что остальные анархосоловчане согласились быть членами этой кассы»*.

Куманову удалось взять на работе чистые бланки своего учреждения. Он их передал Сильвестрову, но через некоторое время убедившись в *«крайней неконспиративности»* последнего, решил забрать их обратно, опасаясь, что *«Сильвестров с ними засыпится»*. Понимая, что, если он будет действовать открыто и прямо попросит вернуть бланки, Сильвестров ему их не отдаст, *«Куманов решил пойти на обман и попросил бланки якобы для того, чтобы напечатать на них текст. Сильвестров не подозревал о намерении Куманова, бланки ему вернул, но, когда узнал, что его обманули – поссорился с Кумановым и перестал с ним здороваться. Тарловский, будучи на стороне Куманова обвинил Сильвестрова в том, что он неконспиративен»*.

Впоследствии признательные показания Садова, Алексина и Юрченко легли в основу обвинительных приговоров ряду их товарищей. Также в Обвинительном заключении мы читаем, что некоторые из арестованных *«изобличались показаниями»* Александрова, Куманова, хотя подобные показания в деле отсутствуют.

Ничего в истории не меняется. Люди, оппозиционные власти, не могут договориться между собой, пойти на компромисс по отдельным вопросам ради достижения одной большой общей цели. Власть очень хорошо умеет этим пользоваться, играя на противоречиях и конфликтах между несогласными с политикой государства, ставливая их друг с другом, вынуждая свидетельствовать против сторонников противоположного лагеря. Очевидно, в 1932 году в Архангельске следователь использовал именно этот прием.

Но даже несмотря на то, что в деле уже имелись показания ряда арестованных, данные ими на своих товарищей, многие из анархистов твердо стояли на своем, отрицая предъявляемые им обвинения, опровергая все факты.

Так, после получения признательных показаний Садова, следствие оказало большое давление на Строкача К.К. Его допрашивали еще трижды: 14, 16 и 21 марта. Однако, он ни в чем не признался. На допросе Строкач заявил: *«По вопросу о нелегальных собраниях, имевшим место 11 августа 1931 г. на кладбище, где присутствовали Садов, Сильвестров, Махонин и я, на которых обсуждались вопросы по созданию анархической организации, о методах и формах таковой – я от дачи показаний по существу данного вопроса отказываюсь. По вопросу о собраниях, имевших место на квартире у Садова, где присутствовали Садов, Сильвестров, Махонин, Плотников, Кардао, Строкач, на которых выступали с анархо-политическими установками Садов и Кардао, я от дачи показаний по существу этого вопроса отказываюсь. Равным образом отказываюсь давать показания по вопросу предполагаемого побега*

из ссылки группы лиц – меня, Сильвестрова, Махонина и Алексина»; «... я отвечать отказываюсь и вообще отказываюсь отвечать на вопросы, касающиеся других лиц»; «Оглашенный мне документ «Декларация IV И.А.А. (Интернационал Ассоциации Анархистов) международного товарищества рабочих» мне незнаком и содержание мне не известно и представления о таковом не имею».

Не стал сотрудничать со следствием и Тарловский Г.О., о чем мы уже писали выше.

Не поддался давлению следствия Сильвестров Н.Г. На допросе 17 марта он признал, что присутствовал на вечеринках у Тарловского 7 ноября 1930 года и у Садова 1 января 1932, но при этом заявил: *«Что говорили на этой вечеринке не помню, кроме того, что речь шла об историческом значении Октября. Равным образом не помню, о чем говорилось на вечеринке у Садова накануне 1 января 1932 г.»*

Не дал признательных показаний и Куманов А.В. На допросе 20 марта он заявил: *«Зачитанный мне документ «И.А.А.» (Интернационал Ассоциации Анархистов) (международного товарищества рабочих) – декларация симпатии жертвам капиталистического гнета во всем мире, мне не знаком, происхождение его мне неизвестно, и я впервые слышу о таковом».*

Не признал своего участия в деятельности группы Александров В.Д. На допросе 21 марта он заявил: *«На собрании, имевшем место на кладбище, где присутствовали Сильвестров, Махонин, Строкач, Садов, Алексин и я присутствовал, участия в разговоре о побеге я не принимал и как это видно из моего последующего поведения, я от этой группы совершенно отошел. Что касается документа обнаруженного, то я об таковом только слышал, читать не читал и с содержанием его не знаком».*

Кологрив также все отрицал. На допросе 22 марта он заявил: *«Присутствовал ли я на собрании у Тарловского, имевшем место 7 ноября 1930 г. – не помню. Документ, именуемый «Крах мирового рабочего движения» мне не знаком, и я не имею о нем никакого понятия. Какие-либо взносы в кассу взаимопомощи я не вносил и о существовании таковой мне неизвестно. Документ «Декларация IV Интернационала АА» мне незнаком и представления о нем я не имею».*

Подобной линии придерживался на допросе 31 марта и Кардао: *«По вопросу о том, передавал ли мне Куманов документ «Штурм над Испанией» могу ответить категорически нет. Что касается моего присутствия у Садова 31/XII – 31(2), то подтверждаю свое присутствие, пребывание мое там длилось около 2 часов, причем разговоры на политические темы вообще, и в частности об анархизме не имели места».*

Второй том дела № 6903 представляет собой Обвинительное заключение. Если изначально по делу проходило шестнадцать человек, то обвинение было предъявлено тринадцати, а именно: Садову К.А., Куманову-Раху А.В., Сильвестрову Н.Г., Махонину В.М., Сорокину К.К., Алексину А.П., Александрову В.Д., Кологриву И.Л., Линчевскому А.М., Тарловскому Г.О., Плотникову Т.Д., Кардао А.А., Юрченко П.С. Данные лица обвинялись в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58/10 и 58/11 уголовного кодекса.

В частности, в заключении говорится:

«9-го февраля 1932 года в гор. Архангельске ликвидирована к-р. анархо-группировка, ставившая своей целью создание анархо-организации.

Деятельность группы в указанном направлении на протяжении почти 1^{1/2} лет заключалась в:

а) систематических созывах нелегальных собраний, на которых обсуждались организационные принципы проектируемой организации, политические установки таковой, формы и методы практической контрреволюционной деятельности группы;

б) контрреволюционных связях с анархистами, как находящимися на территории СССР и преимущественно отбывающими сроки наказания за анархо-деятельность в местах ссылки, так и с отдельными деятелями этого движения за кордоном;

в) размножении получаемой из-за границы контрреволюционной литературы и распространении таковой;

г) создании кассы взаимопомощи;

д) попытке устройства организованного побега из мест ссылки, создании в этих целях специального денежного фонда и приобретения фиктивных документов».

В качестве идеологов группы были названы Садов К.А. и Тарловский Г.О. По версии следствия, руководили деятельностью анархистов Садов К.А., Куманов-Раху А.В., Сильвестров Н.Г. При этом отмечалось, что последний отличается *«редкой непримиримостью к Советской власти»*^[4].

Свою вину признали Садов К.А., Куманов-Раху А.В., Алексин А.П., Кологрив И.Л., Юрченко П.С.

Частично вину признали Строкач К.К., и Александров В.Д.

Остальные – Сильвестров Н.Г., Махонин В.М., Линчевский А.М., Тарловский Г.О., Плотников Т.Д., Кардао А.А. – свою вину не признали.

Особым совещанием при Коллегии ОГПУ 16 мая 1932 года в качестве меры наказания были приговорены к высылке: Тарловский Г.О. – в Казахстан; Кардао А.А. – в г. Верхне-Уральск для заключения в В.-Уральский полит-изолятор; Плотников Т.Д. – в Ташкент в распоряжение ПП ОГПУ по Средней Азии; Юрченко П.С. – в Восточную Сибирь (Иркутск); Линчевский А.М. – в Восточную Сибирь; Сильвестров – в Суздаль для заключения в Суздальский полит-изолятор; Кологрив И.Л. – в Новосибирск.

Сведения о наказании по остальным анархистам, проходящим по данному делу, отсутствуют.

Сведения об участниках дела
(на основании материалов дела)

Алексин Агафангел Петрович, 1906 г.р.

Происхождение: Вологодская губ, Тотемский уезд.

Род занятий: слесарь в тракторных мастерских в Соломбале

Семейное положение: жена Фаня Григорьевна Вильтер, дети Елена, Ирина

Образование: незаконченное высшее, Ленинградский электротехнический институт

Политические убеждения: анархист
По существу дела: показания отсутствуют

Александров Василий Дмитриевич, 1907 г.р.
Происхождение: УССР, г. Орехов, украинец.
Род занятий: 2-я строительная контора, столешник
Семейное положение: холост
Образование: сельская школа
Политические убеждения: анархист с 1924 г.

По существу дела: Анархистом я стал по личным убеждениям. Больше показать в данный момент ничего не могу.

Кардао Альберт Александрович, 1900 г.р., 2/XI
Происхождение г. Гали с. Речко-Цхили, Абхазия
Род занятий: отдел снабжения СевКрай пушнины – бухгалтер, уволен с 25/I -32г.

Семейное положение: Холост.

Образование: среднее, Учительская Семинария и бухгалтерские годовичные курсы в г. Сухуми в 1921-1922 г.

Политические убеждения: Анархист с 1919 г., вступил во Всероссийскую анархистскую группу в Москве.

Сведения о прежней судимости: В ссылке с 1925 г., выслан из Севастополя.

По существу дела: показания отсутствуют

Карпович Семен Карлович, 1905 г.р
Происхождение: Киев, Украина
Род занятий: помощник бухгалтера СевКрай Пушнины.
Политические убеждения: беспартийный, анархист
Образование: незаконченное высшее

Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) Выслан Постановлением Коллегии ОГПУ УССР в 1931 г. сроком на 5 лет по ст. 58-10, 11 УК УССР

По существу дела: С января 1932 г. секретарь Куневского парткома до 1924 г. С 1924 по 1925 г. работал в КСМ Плужинского района и секретарем комсомола сахарного завода. В 1926 г. был арестован Черкасским ОГПУ (на полтора месяца) и после работал приказчиком в агро... в Киевском ... Во 2-й половине 1926 г. учеба по курсам иностранных языков. В 1928 г. был избран в Киевский Горсовет, работал в секции РКЦ до января 1931 г., когда был арестован.

Кириллов Фиогнит Прокопьевич, 1906 г.р.

Происхождение: с Устьилим Коми область, родители крестьяне, русские
Род занятий: научный сотрудник секции общей экономики СевКрай плана.
Семейное положение: холост.

Образование: школа в Устьилиме и сельскохозяйственный техникум в Архангельске.

Политические убеждения: официально беспартийный, ранее до 1931 г. разделял взгляды анархистов, с того времени никакой партийной орг. работы не веду.

Сведения об общественной и революционной работе: С 1920 по 1922 г. состоял членом комсомола. Выбыл по личному желанию.

Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) Никогда не судился, но с 1927 по 1930 г. отбывал ссылку в г. Енисейске Зап. Сибири как анархо-коммунист.

По существу дела: Отбыв ссылку в 1930 г. до мая 1931 г. жил в Днепропетровске, далее в Архангельске. Встречался и знаком с анархистами Юрченко, Личковским, Тарловским, но знакомство это никакой партийной основы не имело. Переписку имел с Васильевым, живет в Ташкенте, с Поляковым и Голубевым в Днепропетровске.

Куманов-Раху Альберт Викторович, 1907 г.р.

Происхождение: г. Москва, сын служащего – врача, мать домохозяйка, русский

Род занятий: экономист СевКрай строя

Семейное положение: холост.

Образование: Иваново-Вознесенская гимназия 4 кл, не окончил, также школа II ступени окончил в 1924 г.

Политические убеждения: беспартийный, по убеждениям анархист-синдикалист с 1925 г.

Сведения о прежней судимости: до 1926 г. (января месяца) был в Кинешме на нелегальном положении. Арест в Нижнем. Судился Особым Совещанием 13/1 – 1926 г. присужден к 3 годам концлагерей по ст. 58-10 УК. По отбытии наказания был осужден ОС ОГПУ по статье неизвестно мне и получил 3 года ссылки в СевКрай. В 1929 г. жил в Пинеге. Арестован в Пинеге за отказ выйти на сплав, отсидел 2 месяца тюрьмы в Усеслоне. Затем Архангельск.

По существу дела: показания отсутствуют

Линчевский Арон (Давид) Моисеевич, 1891 г.р.

Происхождение: из Белостока из семьи ткача, интернационалист, отец был евреем

Род занятий: булочник в ДТК

Семейное положение: Жена: Софья Соломоновна, дети: Люся, Яша, Миша, мать Рахиль 60 лет,

Образование: среднее

Политические убеждения: Анархист–коммунист с 1910 г. До 1915 г был создателем Белостокского союза булочников в Гомеле, в 1932 г. председатель завкома кооператива хлебопекарен.

Сведения о прежней судимости: В 1913 г. арестовывался, подозревался участником революционного движения.

По существу дела: показания отсутствуют

Личковский Михаил Васильевич, 1900 г.р.

Происхождение: г. Ленинград, отец Василий Личковский – путиловский рабочий

Род занятий: парикмахер, безработный

Семейное положение: жена Немец Парасковья Ивановна

Образование: 4 класса гимназии в Ленинграде

Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) В административном порядке как анархист был выслан в 1929 г. в Коми область на 3 года и после на 3 года в ссылку в СевКрай.

По существу дела: показания отсутствуют

Махонин Василий Матвеевич, 1904 г.р.

Происхождение: село Зеленая Слобода, Раменского района, Московской обл., РСФСР, из крестьян.

Род занятий: бухгалтер СевКрай пушнины.

Семейное положение: холост. Братья Николай 1898 г.р., Александр 1893 г.р., Иван 1888 г.р.

Образование: среднее, 3-й курс педтехникума

Политические убеждения: в партии анархистов с 1924 г.

Сведения об общественной и революционной работе: С 1920 по 1924 был комсомольцем, секретарем ячейки.

Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) В 1924 арестовывался в Кронштадте и Постановлением ОГПУ был выслан в Коми область на 3 года. В 1926 г. Постановлением Коллегии ОГПУ осужден на 3 года в концлагерь и по отбытии срока выслан в СевКрай на 3 года.

По существу дела: ввиду того, что я не знаю за собой никаких дел, мне не о чем показывать.

Плотников Тимофей Дмитриевич, 1901 г.р.

Место рождения: Куйбышевская обл., Куйбышевский район, с. В.-Печерское.

Род занятий: Служащий земельной регистратуры.

Семейное положение: Жена, дочь.

Политические убеждения: Беспартийный.

По существу дела: На заданные вопросы по анкетной части протокола Плотников заявил: «Не затрудняйте сами себя, а равно и меня этими вопросами. Я допрашивался неоднократно и можете восстановить по имеющимся у вас материалам. Я анархист».

Садов Кирилл Антонович, 1902 г.р.

Происхождение: Иркутская губерния, г. Зима, русский, отец рабочий

Род занятий: Союзкино, техник строитель

Семейное положение: жена Надежда Кузьминична Жернова, дети Олег, Юрий

Образование: незаконченное высшее, 2 года Московской горной академии *Политические убеждения:* анархо-синдикалист с 1922 г.

Сведения о прежней судимости: Постановлением Особого Совещания за контрреволюционную деятельность 26/II – 26 г., был приговорен к ссылке в Сибирь. Решением Особого Совета при Коллегии ОГПУ от 13/I -30 г. был выслан в СевКрай по ст. 58-11. В Архангельск прибыл 4 ноября 1930 г., работал в Ремстройбюро Горсовета, затем в Союзкино. Был в ссылке в Надыме.

Сильвестров Николай Григорьевич, 1896 г.р.

Происхождение: Харьков, родители русские, подданство СССР, рабочий.

Образование: среднюю школу окончил в 1924 г.

Политические убеждения: убежденный анархист с 1914 г. состою в анархистской организации

Сведения об общественной и революционной работе: на вопрос не отвечаю. Покрыто мраком неизвестности.

Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее) В 1925 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по Крыму по ст. 58-11 заключен в концлагерь сроком на 6 лет, отбыл 4 ½ лет, освобожден с ссылкой в Архангельск.

По существу дела: вышел из концлагеря Соловки приблизительно 26 мая 1930 г. Первоначально работал в артели металлистов в должности слесаря, позднее в кустарном союзе. Последняя работа на Иодном заводе. С работы я уволился по закрытию завода. На работу я не поступил, просто решил отдохнуть и существовал на средства, заработанные мною на слесарных работах.

Связи с родственниками не имею около 7 месяцев. Материальную помощь получал из заграницы из г. Берлина от друзей Флешина, из партии от Дубинского. Получал посылку и денежную помощь за это период, то есть за 1931 г. всего раз 5-6. Писал и сейчас имею переписку с указанными лицами, то есть с Флешиним и Дубинским.

Строкач Кирилл Константинович, 1901г.р.

Происхождение: из Калиш, Польской республики.

Род занятий: Архангельская больница в должности лекпома. В 1919 г. по проф. мобилизации служил красноармейцем в Москве в военно-интернациональной дружине сроком около 2 месяцев. После был демобилизован по болезни.

Семейное положение: Холост.

Политические убеждения: Анархист с 1925 г., примкнул будучи в Тобольской ссылке. Как стал анархистом, так нигде кроме тюрьмы и ссылки не был.

Сведения о прежней судимости: До Октябрьской революции не судился. Ссылку на Урал сроком на 3 года получил по постановлению Особого Сопещания в 1924 г. В 1927 г. получил 3 года концлагеря, после получил 3 года ссылки в СевКрай.

По существу дела: показания отсутствуют

Тарловский Герасим Иосифович, 1893 г.р.

Происхождение: Гродно, отец управляющий кожевенным заводом, еврей, а до этого был закройщиком.

Род занятий: кустарь обойщик с 1929 г., до этого закройщик, кожевник, товаровед.

Семейное положение: Жена Фарбер Шейна Зельмовна, 5 братьев - Тарловские: Матес, Соломон, Барух, Абэ, Мойше Иосифовичи.

Образование: домашнее.

Политические убеждения: Анархист-синдикалист. До революции занимался исключительно профессиональной работой в рабочем движении.

Сведения о прежней судимости: В начале 1917 г. или вернее в 1916 г. судился за политическую деятельность в Германии в Ганновере. После революции в 1922 г. привлекался к ответственности, мне предъявили

обвинение в анархической работе в г. Москве, был приговорен к 3 ½ г. Соловки. В 1922 г. сослали в СК на 3 года, постановлением коллегии ОГПУ мне дали – 6 (?)

По существу дела: В настоящее время веду переписку с тетей и матерью, которые находятся в Польше. Кроме них ни с кем не веду переписки с границей. Имею переписку с товарищами Вегер, Марией Моисеевной, находится в Ташкенте - анархистом, отбывающим .... Браверман Иосиф Моисеевич – тоже анархист, сосланный, жил в Мелитополе(?), теперь кажется, отбыл ссылку. Переписка личного характера, чисто товарищеская. Месяца 3-4 тому назад отправлял деньги в Соловки анархистке Розовой Ане – 30 руб. Знаком со всеми анархистами, которые находятся в Архангельске, встречаюсь редко, разговоры с ними самые обыкновенные, обыденные. Больше сказать ничего не могу.

Юрченко Петр Сергеевич, 1899 г.р.

Происхождение: г. Гомель

Род занятий: литограф в артели инвалидов «Красный Север».

Образование: окончил приходскую школу.

Сведения об общественной и революционной работе: В 1917 г. принимал участие в профсоюзной работе как член профсоюза печатников в г. Киеве, с 1917 г. служил в Красной Гвардии, затем в 1922 г. в РККА, стрелок I категории.

Служба у белых: В 1919 г. будучи взят в плен войсками Деникина вынужден был служить в них 2 недели, затем бежал к красным.

По существу дела: В партию анархистов вступил в 1922 г. в Гомеле, при каких обстоятельствах не помню. С 1922 по 1924 г. в Гомеле имел связь с анархистами Казаковым и Мухиным, ныне умершими, и Личковским. С 1924 по 1928 г. находился в ссылке в Архангельске по линии ОГПУ. После отбытия срока в 1928 г. выехал в Киев, затем в Гомель, где проживал до ноября 1929 г. Далее по наст. вр. в Архангельске.

-----
[1] <https://www.chayka.org/node/10641>

[2] Границы на момент 1932 г.

[3] Гольда Эльева Элька (псевдоним Таратута, Ольга Ильинична урожденная Рувинская, 1876—1938) — анархистка, участница махновского движения, основательница украинского Анархического чёрного креста. Не раз арестовывалась в годы советской власти. Последний арест - 27 ноября 1937 года по обвинению в анархической и антисоветской деятельности. Приговорена к смертной казни 8 февраля 1938 года и расстреляна в тот же день. - https://ru.frwiki.wiki/wiki/Olqa_Taratuta

[4] В заключении на Соловках Сильвестров Н.Г. неоднократно объявлял голодовку. Постановлением Особой тройки УНКВД ЛО от 09.10.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян 03.11.1937 в урочище Сандармох (Карельская АССР). <https://arch2.iofe.center/person/35367>

Семен Резник

Вашингтон, США

Реабилитация советского Гиммлера. Виктор Абакумов. Из архива писателя

На днях я обнаружил в своих неразобранных бумагах ксерокопию моей статьи, опубликованной в газете «Вашингтон таймс» от 15 июля 1998 года. Статья основана на фактах того давнего времени, однако в ней прослеживается прямая связь с современностью. А именно с тем, почему вот уже более тридцати лет Россией правит чекист, окруженный такими же чекистами, которые «бывшими не бывают». Статья, как понятно по дате, была написана на излете президентства бывшего высокопоставленного функционера компартии Бориса Ельцина и незадолго до начала президентства не-бывшего чекиста Владимира Путина.

Привожу ее перевод с английского.
Семен Резник, декабрь 2022 г.

Известный физиолог, академик Василий Васильевич Парин, который готовил к полетам первое поколение советских космонавтов, имел в послужном списке приговор к 25 годам заключения и семь лет отсидки во Владимирской тюрьме. Арестованный в 1947 году и многократно допрошенный, «американский шпион» Парин был доставлен к министру

Государственной безопасности В.С. Абакумову, который грохнул тяжеленными кулачищами по столу и прорычал, брызгая слюной в лицо арестанта: «Ты скажешь все, что нам нужно! Иначе – на кишках повесим!».

Два года спустя такой же чести удостоилась другой выдающийся физиолог академик Лина Соломоновна Штерн. Ей в лицо министр госбезопасности прорычал: «Ты все расскажешь, старая блядь!»

Пожилая женщина, не утратившая чувство юмора, на это ответила:

«Вы мне льстите».

Ирония состояла в том, что Лина Штерн была девственницей.

Ее невинность и невиновность были настолько очевидными, что на судилище над членами Еврейского Антифашистского Комитета ее приговорили всего лишь к пяти годам ссылки тогда как все остальные обвиняемые были приговорены к высшей мере и расстреляны.

Абакумов возглавлял советскую секретную полицию с 1946 по 1951 год. Тысячи его жертв подвергались избиениям и пыткам до тех пор, пока не «признавались» в шпионаже, государственной измене, контрреволюционной деятельности (КРД), террористической контрреволюционной деятельности (ТКРД), а то и в троцкистской террористической контрреволюционной деятельности (ТТКРД). Тем, кого не расстреливали, давали заповедные тюремные сроки. В концлагерях циркулировала шутка: «Сколько лет вам дали?»-«Двадцать пять»-«За что?»-«Да ни за что»-«Нет! За ни за что дают только десять».

Как большинство его предшественников, Виктор Абакумов и сам не избежал чистки. Какое-то подчиненные переиграли его во внутренних интригах и убедили Сталина в том, что Абакумов недостаточно усерден в искоренении врагов народа. Хотя самого Сталина он пережил, его судили по-сталински: не за массовое уничтожение невинных людей, а за «измену родине». В 1954 году он был расстрелян.

А сорок лет спустя советский Гиммлер был признан невиновным в предъявленных ему обвинениях. Правда реабилитирован он был не полностью, так как его нашли виновным в менее тяжких преступлениях, таких, как превышение власти. Хотя его власть над арестантами была безграничной, ее невозможно было превзойти.

Заменив тяжкое обвинение менее тяжким, Военная коллегия Верховного суда РСФСР поначалу [в 1994 году] не изменила вынесенного приговора. Но позднее, при новом пересмотре, суд «исправил свою ошибку», как это квалифицировал председатель Военной коллегии Верховного Суда генерал-лейтенант Уколов. В декабре прошлого [1997] года, смертная казнь Абакумову была заменена 25-летним заключением.

«Правосудие» восторжествовало в то самое время, когда российская прокуратура систематически торпедировала требования по возбуждению уголовных дел против «патриотических» организаций, совершавших преступления ненависти – по отношению к евреям, «кавказцам» и другим меньшинствам. Торпедирование таких обвинений было вполне логично, так как прямые наследники советского Гиммлера продолжали заправлять большинством судебных и правоохранительных органов России.

Международная ассоциация бывших советских политзаключенных выступила с протестом, в котором говорилось, что реабилитация такого

кровавого палача, как Абакумов, наносит прямое оскорбление 60 миллионам жертв коммунистического режима.

Однако проблема не только в этом, она гораздо глубже.

После падения советского строя стремление России отмежеваться от коммунистического прошлого никогда не было достаточно твердым. Попытки признать Компартию преступной организацией и запретить ее, провалились. Параллельно с традиционным марксизмом-ленинизмом коммунисты оприходовали ультранационализм. Их партия остается наиболее влиятельной в стране и самой крупной фракцией в Государственной Думе. Дума одобрила «либеральный» закон о «реабилитации жертв коммунистического репрессий», играя на том, что бывшие жертвы и/или их родичи все еще вынуждены доказывать свою или их невиновность.

Это наделяет огромной властью нынешних Абакумовых, под чьим контролем остаются правоохранные органы и их архивы. Они действуют закулисами, поэтому история пересмотра дела В.С. Абакумова стала известна только пару недель назад. Оказалось, что Абакумов лишь первый в очереди. За ним должны были последовать десятки палачей высокого ранга сталинской эры: Лаврентий Берия, Николай Ежов, Генрик Ягода и другие. Благодаря тому, что гласность сделала тайное явным, Военная коллегия Верховного Суда, которая пересматривала дело Абакумова, вынуждена был отклонить реабилитацию Ежова и «отложить» слушания о реабилитации Берии.

Но фундамент остается тем же. Сверхсекретные архивные фонды КГБ, теперь вроде бы рассекреченные, содержат важнейшие материалы о Советской истории, но посторонние лица не могут получить к ним доступ без специального разрешения. Наследники Абакумовых могут выбирать, кому, на каких условиях и в какой степени разрешается допуск к этим делам. Значит, те же люди продолжают контролировать прошлое России.

Согласно бессмертной формуле Джорджа Оруэлла, тот, кто владеет прошлым, владеет будущим. Частичная реабилитация Советского Гиммлера показывает, что силы тоталитаризма в России все еще обладают могучими силами, и они будут нарастать, если их не обуздать.

Постскриптум 2022

В годы путинизма, по мере того как крепла вертикаль власти, национал-чекисты, которые никогда не становятся бывшими, все увереннее овладевали настоящим, прошлым, а, значит, и будущим России. Сейчас, когда Украина десятый месяц истекает кровью, а российские национал-чекисты шлют на убой тысячи «частично мобилизованных» парней, большая часть населения продолжает поддерживать «специальную военную операцию», а несогласные вынуждены бежать из страны или молчать в тряпочку.

Россияне невероятно гордятся тем, что их страна по территории самая большая в мире. Но ей ужасно тесно в своих границах. Россия и страной-то никогда не была, а только и исключительно – ДЕРЖАВОЙ. Всегда готовой повторить. То есть ринутся в смертный бой с врагами, которые только о том и мечтают, чтобы ее обобрать и погубить.

Когда врагов нет, их придумывают. Чтобы не расслабляться. Если внешних врагов недобор, умножаются внутренние. А стоит с ними разобраться, опять возникают внешние. То белогвардейцы с белополяками, то

кулаки с подкулачниками, то троцкисты-террористы с немцами Поволжья, то Финляндия с Бессарабией, крымские татары вместе с чеченцами и ингушами. А прибалты. А безродные космополиты, превращенные поколением позже в международных сионистов, потом в «руссофобов», замаскированных под жидомасонский «малый народ». А Чехословакия, возжелавшая социализма с человеческим лицом!.. В постсоветскую эпоху – снова Чечня, затем Грузия, теперь Украина... Все так и рвутся оттапать от матушки России то ли половину Камчатки, то ли кусок Воронежской области, то ли устье реки Печоры... Где уж тут расслабляться!

Ну и что, что полстраны не имеет сортиров, природные ресурсы прихвачены олигархами, вырождается наука, образование, культура, лучшие из писателей, художников, музыкантов бегут из ДЕРЖАВЫ, а те, что остаются, спиваются. Как нынешний обер-чекист объяснил солдатским матерям, им же лучше и выгоднее, чтобы их сыновья погибали в боях за КРЫМНАШ, нежели спивались без всякой пользы для ДЕРЖАВЫ.

Виктор Семенович Абакумов в годы Второй мировой войны командовал СМЕРШем, а после войны прославился в основном тем, что организовал убийство Михоэlsa, а затем запустил Дело Еврейского Антифашистского Комитета и Дело врачей-отравителей. Тут, однако, он малость замешкался, за что сам попал в сионисты и изменщики родины чудесной, вот и получил пулю в затылок. Потом, правда, пришлось его воскресить, чтобы отправить на 25 лет в лагерь.

А что? Неправедно казненный Иисус был ведь воскрешен из мертвых по воле Всевышнего. Так неужели Всемогущим национал-чекистам не по плечу такая задача? Еще как по плечу! Не физически, так виртуально. Вот и пришлось воскрешенному национал-Гимmlеру оттрубить в ГУЛАГе двадцать пять годиков – то ли на Колыме, то ли под Норильском, то ли на Соловках: где именно, – это пока еще не рассекречено.

Заметьте, однако: виртуальное продление жизни расстрелянному палачу втемяшили «без конфискации имущества, лично ему принадлежащему». Могли бы и с конфискацией, но сжалились в последний момент: ведь нашенький суд – самый справедливый и сердобольный в мире. Так что и теперь национал-чекист сталинской закваски «живее всех живых – наше знание, сила и оружие».

Теперь понятно, почему российские национал-ракеты иранского пошива утюжат Украину?

Не очень? Да потому что национал-чекисты старого и нового разлива в России не переводятся.

Несчастливая ДЕРЖАВА...

Татьяна Белогорская

Чикаго, США

Чудо доброты. Евгений Шварц. Из книги рассказов “Кубики для взрослых и детей”

И в трагических концах есть свое величие. Они заставляют задуматься оставшихся в живых.

Евгений Шварц “Обыкновенное чудо”.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Недавно мне приснился сон. Он был кротким и немым. Человек что-то говорил, но его слова не доходили до меня. Лицо говорившего видела в тумане, но знала: это Евгений Львович Шварц. Так бывает. Подобные сны физиологи и психологи относят к числу необычных комбинаций обычных явлений. Прежде сны с его участием меня не посещали. По неведомым причинам Евгений Львович именно сейчас напомнил о себе. Не призывал ли меня сон во главе с персонажем к какому-то действию?

Дни шли, а странное видение продолжало напоминать о себе. Дело кончилось тем, что я направилась к полке с сочинениями Шварца, открыла попавшийся том “Живу беспокойно. Из дневников”, наугад ткнула пальцем в какую-то строчку и прочитала вопросительное предложение: “Дал ли я кому-нибудь счастье?” Это была последняя дневниковая запись, написанная Евгением Львовичем за три месяца до кончины, то есть - страшно сказать! - шестьдесят пять лет назад. Именно в этот день - двадцатого октября следующего века - он явился мне во сне.

Поразительные совпадения укрепили мою мысль: сон не был случайным. Оказавшись спусковым крючком, толкающим к действию, он подвинул меня к написанию текста о Шварце.

Упомянутый том “Живу беспокойно” я получила из рук Олега Крыжановского, мужа Наташи. Это было в конце 90-х годов - в пору, когда уже жила в Америке. Но визиты в Санкт-Петербурге непременно сопровождалась встречей с дочерью Шварца Наташей, ее мужем Олегом Крыжановским и их дочкой Машей. Вручая мне том дневниковых записей тестя, Олег сказал: - Почитывайте Евгения Львовича и не забывайте нас...

Надо сказать, что творчество Шварца, как и его биография, не остались за бортом современной литературы и искусства. Однако в мою задачу не

входит искусствоведческий разбор им написанного. Я долго и близко знала его, что позволяет вспоминать в роли человека, то есть с присущими ему житейскими проявлениями.

Фото: tanci-kavkaza.ru

Справедливости ради скажу: писала о нем в книгах "Портреты в интерьере времени" (2010) и "Автографы" (2013), в коллективном сборнике "Воспоминания о Евгении Шварце"(2010). Сочиненное им на моих глазах и запомнившееся шуточное стихотворение вошло в сборник "Евгений Шварц. Стихотворения" (2016). Добавлю: нередко употребляю цитаты из его произведений. И всякий раз они приходят к месту.

Мне выпала удача с раннего возраста и до его ухода из жизни находиться в одной обойме с ним и членами его семьи, что дает право периодически возвращаться к этой теме в своих текстах. Тем более, что они в определенном смысле различаются.

Что касается семьи Шварца, то связь с ней не прерывается по сей день. Его внучка Маша Крыжановская - моя подруга. Разделенные Атлантическим океаном, мы часто общаемся, причем в наших разговорах присутствует имя ее деда. Более того, Маша напрямую связана с увековечением его памяти.

В противоположность предыдущим текстам с последовательным изложением происходившего, мое нынешнее слово о Шварце носит произвольный характер. Это своего рода конструкция из сложенных кубиков-эпизодов. Один запомнившийся случай набегает на другой, за ним следует третий, четвертый... Затем сооружение рушится, возводится следующее, но уже в виде иного запомнившегося эпизода. Такое вольное плавание вне хронологии подчинено одной задаче - попытаться ответить на вопрос Шварца, заданный самому себе в конце жизни: "Дал ли я кому-нибудь счастье?"

Всю жизнь ему казалось, что он пишет не то, делает не так. Отсюда его второй вопрос к самому себе, прозвучавший в последней дневниковой записи: был счастлив сам?

Для начала вспомню новогоднюю ночь у Гаяне Николаевны Холодовой (тети Гани) - первой жены Шварца и матери их общей дочери Наташи. Тогда в квартире на Литейном нас было шестеро: старенькая бабушка Исхуди Романовна, ангел хранитель семьи, Ганя, Наташа с мужем Олегом Крыжановским и мы с Ильей. Новогоднее настроение омрачало состояние здоровья Евгения Львовича.

Последний год стал для него трудным из-за болезни сердца. Ему пришлось оставить полюбившееся Комарово, где провел несколько лет. Там он жил в маленьком голубом домике без особых удобств. В подобной даче в том же Комарово жила Анна Ахматова, называвшая ее "будкой". В Ленинграде он оказался в замкнутом пространстве квартиры в доме № 8 на Малой Посадской. (Нынче на стене дома мемориальная доска с надписью: "Доброму сказочнику Евгению Шварцу".)

До боя курантов Наташа по телефону поздравила отца и Екатерину Ивановну. А потом обвела взглядом присутствующих за столом и сказала: - И Танечка Белогорская с мужем здесь. Сидя рядом, чтобы уловить знакомый голос, я чуть не вкладывала ухо в трубку. И в последний раз услышала приглушенный голос с моим именем. После короткого телефонного разговора Наташи с отцом мы смолкли. Грустно было на душе.

Спустя две недели Наташа позвонила мне и спросила, стоит ли брать восьмилетнего Андрюшу на похороны дедушки. Подумав, она сказала: - Надо Андрюшу взять. Нельзя воспитывать эгоиста.

С Евгением Львовичем прощались в Доме писателей. Он любил этот писательский приют, а потому посещал его год за годом. Вслед за бывшим зятем ушла из жизни его теща - Исхуди Романовна. Шварца и старую мудрую женщину, потомка древнего армянского рода, связывали длительные добрые отношения.

Лет в пять мне трудно было разобраться с присутствием рядом двух дядей Женей - папиного брата Евгения Семеновича и папы Наташи Евгения Львовича. С этим вопросом обратилась к своему папе. И он ответил в шутливой форме: - Называй Шварца "Дядя Женя номер два". - Впрочем, его рекомендация не прижилась в связи со смертью моего кровного дяди. Детское и подростковое обращение отпало само собой. Во всяком случае, к восемнадцати годам сменила "дядю" на имя и отчество Шварца.

В фойе театра Комедии на Невском, где шли спектакли по его пьесам, длительное время висел портрет, написанный руководителем театра Николаем Акимовым. Как правило, он притягивал зрителей. Мне запомнился такой случай. В день показа спектакля "Тень" пожилая зрительница остановилась перед портретом автора пьесы. Сказанное ею не нуждается в комментарии: - Сам ушел преждевременно, но оставил две тени - плохую и хорошую. Которая на сцене - плохая, принадлежащая ему - хорошая. Больше не будет автора с двумя тенями - светлой и темной. Потом она склонила голову перед портретом Шварца и поклонилась ему. В сущности, та зрительница повторила некогда сказанное знаменитым кукольником Сергеем Образцовым: - Трудно подобрать Шварцу параллель.

В день премьеры "Снежной королевы" в ленинградском Новом ТЮЗе дядя Женя взял Наташу и меня в театр. Он отвел нас в зрительный зал и усадил в центре. До похода на спектакль мы дома вовсю распевали куплет из пьесы с непонятными словами:

Снип - снап - снурре,
Пурре - базелюрре.

Помню наше волнение в темном зале, когда по сцене, тоже в темноте, двигались персонажи со свечами. В те минуты мы с Наташей прижимались друг к другу... И еще озадачила фраза Атаманши про детей: если их балуют, то из них вырастают настоящие разбойницы. Видимо, мы догадывались, что нас балуют, поэтому стать разбойницами нам не хотелось.

В начале 80-х годов Крыжановские познакомили меня с однофамильцем Евгения Львовича - талантливым режиссером Львом Шварцем. Он руководил небольшим народным театром "Четыре окошка", где поставил пьесу-сказку "Дракон". Надо сказать, что игра любителей отличалась профессионализмом, и в этом качестве даже превосходила исполнение актеров. Словом, я зачастила в тот любительский театр. Отправляясь в очередной раз в забытый до отказа зал, шутила: - Иду на встречу с двумя Шварцами и одним Драконом. (В подобном крохотном зале шестьдесят лет назад в Ростове выходили на сцену юная Гаянэ Холодова и двоюродные братья Евгений и Антон Шварц.)

После спектакля Лев Шварц обычно устраивал обмен впечатлениями. В тесном кругу - у самовара - зрители по очереди высказывались. Когда настал мой черед, сами по себе появились рифмы.

Из ваших "Четырех окон"
прекрасно смотрится "Дракон"
и, думается, Шварц Евгений -
гонитель зла и преступлений -
сказал бы хорошие слова
о режиссуре Шварца Льва.

Стоило мне произнести последние слова, как вошел какой-то человек и сказал: "Сегодня скончалась Гаянэ Николаевна Холодова". Присутствующие за столом молча встали.

Через двадцать восемь лет после кончины Евгения Львовича состоялся вечер памяти о нем. В любимом им Доме писателей было немало молодежи. Наташа говорила об отце-человеке и мастере, жизнь которого была освещена юным поколением. В сущности, она затронула тему преемственности поколений, когда подчас трудно разобраться с личностью и ее восприятием потомками. Она говорила о связи Шварца с Андерсеном и Сервантесом как продолжателя посеянного ими добра. Сидящая в зале молодежь не видела никого из мастеров, но ценила созданное каждым. Ушла их эпоха, а они остаются современниками. И устами Шварца продолжают говорить "да" добру и "нет" злу.

У меня сохранился пригласительный билет на тот вечер памяти.

Евгений Львович, как и его первая жена Гаянэ Николаевна Холодова, по природе был настроен на детство. Того и другого волновали судьбы детей. В двадцатых годах они подбিরали на улицах бездомных малышей и отводили в приемники. Позднее к этому процессу была подключена маленькая Наташа. Не случайно в текстах Шварца много детских образов.

Детство рано вошло в его подсознание. Позднее оно проявилось в его поступках и творчестве. Таким отношением к юному поколению он заразился, когда мальчиком читал про Гавроша и надеялся, что он не погибнет. Перечитывая книгу Виктора Гюго, пропускал страницы убийства Гавроша.

По сути, тема "Шварц и дети" - безбрежна. По объему и звучанию она несопоставима, например, с темой "Ленин и дети", в свое время имевшей политическое звучание. Ее популяризатором стал большевик В.Бонч - Бруевич. Если его задача состояла в возвеличивании вождя за счет детской темы, то жизнь и творчество Шварца были пропитаны детьми. Не на пустом месте он вошел в историю как сказочник.

Ребенок с его выражением лица, движениями, мыслями, словами находился в центре внимания Евгения Львовича в жизни и творчестве. А потому нанесение ему вреда он рассматривал как нарушение правил человеческого поведения.

Дети постоянно крутились рядом с ним. Это были мы - подружки Наташи, дворовые ребята, школьники, юные читатели библиотек. Дни рождения дочери и домашние "елки" не проходили без участия дяди Жени. И всякий раз такие праздники сопровождалась рассказанной им сказкой. Позднее Наташа мне говорила, что отец многое черпал из наших детских разговоров и вопросов, то есть на нас учился писать.

В младшем возрасте мы поочередно сидели у него на коленях. Характерный факт: в это время наша подруга Наташа Бабочкина, дочь экранного Чапаева, захотела быть его дочкой. Летом Бабочкины были в Разливе нашими соседями. Две Наташи и Таня в моем лице дружили со времен игры в песочнице. В передаче Шварца желание маленькой Бабочкиной выглядело забавно. - Когда ее спросили однажды: "Разве может быть у девочки два папы?", то ответила она: "Ведь есть папы, у которых две девочки. Почему же не может быть девочки, у которой два папы?"

Трагикомическая история связана с подарком Наташе к ее восемнадцатилетию. Мне очень хотелось подарить ей духи. Своих духов в ту пору у нас не было, поэтому иногда втихую заимствовали их у наших родительниц. Тем же способом я накопила какую-то сумму. Но в парфюмерном магазине выяснилось, что на покупку духов она не тянет. И тогда вынуждена была купить одеколон "Эллада".

Когда в день своего рождения Наташа пришла к нам на Невский, я торжественно протянула ей флакон. Она сделала неловкое встречное движение, "Эллада" рухнула на паркет и вдребезги разбилась. На полу ароматная жидкость тотчас вступила в реакцию с мастикой. Но по нашим представлениям одеколон не должен был пропасть. И тогда мы сдернули с себя одежду и начали спасать "Элладу". А потом обтирали свои тела ядовитой смесью одеколona и мастики. При этом радостно плясали.

Едкий запах в квартире и наша одежда долго напоминали о случившемся. В этой связи Евгений Львович иронично поинтересовался: - Кто более ароматен - Танюха или Натуся? Тетя Ганя, напротив, корила нас за безответственность. Ее осуждение носило характер вопрошающего прогноза: - И кто тебя, Наталья, замуж возьмет?!

Она ошиблась: спустя полгода Наташа вышла замуж за биолога Олега Крыжановского.

Я помню себя с раннего возраста. Когда впоследствии слышала разговоры родителей и бабушки о прошлом, делала свое добавление. И они удивлялись: - Не может быть! Как ты это запомнила! Ведь тогда была совсем маленькой!

Определить время пробуждения моей памяти помог Шварц. Судя по его воспоминаниям и моим крохотным зарубкам в голове, мне было два года. Спустя двадцать лет в своем дневнике он сделал подробную запись о том времени. В частности, писал о существовавшей несколько лет дачной коммуне в Разливе. - Низ снимали Белогорские, артист, его мать, его дочка Танечка, чуть младше Наташи и его жена артистка Брегман. Далее Евгений Львович вновь упоминает меня в качестве "двухлетней": - Танечка, внучка, в то лето еще не разговаривала почти, беленькая, розовая, светлоглазая, не то все думающая о своем, не то дремлющая.

(Читая эти строки спустя десятилетия, невольно соотношу их с собой сегодняшней. И тогда невольно приходит в голову грустная мысль поэта Владислава Ходасевича о разрушительной силе возраста:

Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея.)

Шварц подробно и образно передал процесс моего насильственного кормления на даче в Разливе, закрепившегося в памяти семьи, соседей, знакомых. (Хотя я уже упоминала эту трагикомическую сцену в рассказе "На балконе", вновь напомину о ней в передаче Евгения Львовича.)

- Когда Наташа просыпалась, обе девочки усаживались на стеклянной маленькой террасе завтракать, и Белогорская бабушка кричала властно: "Ешь! Глотай! Опять она держит кусок за щекой!" У Наташи была особая повадка - слушая, она словно забывала все вокруг, смотрела прямо в лицо и ела... И вот под мои рассказы, под властные окрики бабушки Белогорской: "Не держи за щекой!" - к чему Танечка относилась вполне хладнокровно, мечтательно глядя в окно, завтрак подходил к концу.

Удивительным образом слабый луч происходившего на террасе в Разливе сохранился в моей памяти. За окном зелень, рядом шумно, мелькают какие-то лица и... ложка. Меня тянет прочь от нее - туда, где маячит что-то зеленое, воздушное и нет ни людей, ни противной ложки.

Пожалуй, это все. Вот мой благодарственный ответ дяде Жене на его дневниковую запись о моем голодном двухлетии.

По дачной традиции в Разливе имелся гамак - самый востребованный предмет дачной коммуны. Наше взросление совпало с громкими читками в нем. Когда дети выясняли отношения, кому сидеть в гамаке рядом с чтецом, между двумя Наташами - Шварц и Бабочкиной - случались потасовки. Впрочем, они дрались и по другим поводам, а дядя Женья их разнимал.

Чтецов в гамаке попеременно было трое: мой папа, дядя Женья и дядя Туся (режиссер Ефим Альтус), второй муж Гаянэ Холодовой. Каждый из них обладал собственной манерой передачи текста: папа четко произносил слова; речь дяди Туси напоминала быстрый бег; произносимое Шварцем носило неторопливый, уютный характер, тем самым обладало некой терапевтической магией. Но из прочитанного в гамаке мне запомнилась всего одна книга - "Маленький оборвыш" Д.Гринвуда. Похоже, только дядя Женья читал ее нам. Помню свои переживания, заставлявшие трепетать неоперившуюся душу. По этому поводу бабушка успокаивала меня: "Не бойся. Это же бумажное". (Спустя много лет я узнала, что в детстве Шварца тоже одолевали аналогичные переживания за книжных героев.)

Вспоминая детство Наташи дачного периода, он записал в дневнике: "Сложность душевной жизни детей непостижима... Уж очень близки ощущения сложнейшие и простейшие".

Судя по воспоминаниям Шварца о дачной коммуне с поведением детей, прогулками, разговорами, он хорошо запомнил то время. - В Разливе в те годы бывал я с душой, открытой всем впечатлениям, а потому некоторые рассказы Белогорской бабушки запомнились, как пережитые. Бабушку мою - отличную рассказчицу - он назвал "степенной вдовой петербургского адвоката". Например, подробно вспоминал беседы с ней о начале века, когда с тремя сыновьями-подростками она жила на даче в Финляндии.

У Шварца постоянно дрожали руки, то есть был тремор. Он плохо справлялся с книгой, чашкой, пером... По этой причине свои тексты писал крупными буквами и прыгающим почерком. Пользовался он большими записными книжками, в старые времена именуемыми "амбарными". По причине дрожания рук иногда держал их за спиной и в карманах. Когда однажды врач обратил внимание на необычное их поведение, Евгений Львович ответил, что знает про свою "особенность".

Этими плохо управляемыми руками он написал все свои тексты, во время войны на крыше дома, так называемой Писательской надстройки, гасил зажигалки, после войны в Комарово управлял велосипедом. Гуляя с нами - детьми, подругами Наташи, старался крепко держать нас за руки - чтобы не выбежали на мостовую.

Относительно дрожания его рук существовало много домыслов. Ему приписывали рассеянный склероз, болезнь Паркинсона, энцефалит. Все это мифология. Дело в том, что в ранней молодости, пришедшейся на годы Гражданской войны и революции, он был контужен. О лечении тогда не могло быть и речи. Потом Женя Шварц приспособился к своей особенности и прожил с ней всю жизнь. Он сам и близкие люди принимали дрожание его рук как данность.

Евгений Львович ушел из семьи, когда Наташе было полгода. Но фактически находился рядом с ней. Можно сказать, шел с ней по жизни рука об руку. Это значит, что регулярно бывал в семье Гаянэ Николаевны и ее мужа режиссера Ефима Альтуса, снимал дачу для девочки, а сам располагался поблизости, отвел ее в первый класс и провожал в первый день занятий в Университет. Когда Наташа вышла замуж и уехала в Москву, планировал переехать в столицу, хотя не очень ее любил. Впрочем, переезд не состоялся, так как Крыжановские вскоре вернулись в Ленинград.

Об отношении к единственной дочери говорят его письма к ней, впоследствии опубликованные Наташей. В конце жизни он сформулировал свою привязанность к ней. - В перепутанной моей душе одним из яснейших и несомненных чувств была моя любовь к Наташе.

В детские годы я думала, что такое поведение дяди Жени присуще всем семьям, то есть все разведенные мужья так относятся к живущим с мамами детям. Позднее меня ожидало разочарование. И тогда поняла: Шварц в роли отца - явление редкое.

В Ленинграде Евгений Львович сменил несколько квартир. Дольше всего он прожил в Писательской надстройке. Оттуда он и Екатерина Ивановна, опухшие от голода, были отправлены из блокадного Ленинграда в эвакуацию

в Киров. Поскольку все его ленинградские дневниковые записи погибли, он начал работать над ними заново.

Название Писательская Надстройка не случайно закрепилось за домом на Мойке. Дело в том, что в верхней его части располагались квартиры писателей. Соседями Шварца были Михаил Зощенко, писатель Козаков и его сын Михаил - будущий актер, Юрий Герман, Николай Заболоцкий, Вениамин Каверин... А посещавших Надстройку творческих людей трудно перечислить.

Будучи "девицами на выданье" (так в пору юности называла нас с Наташей тетя Ганя), мы любили гулять по Невскому. В то время Невский проспект с кинотеатрами и мороженым, продававшимся на углах в любое время года, был главным местом развлечений молодежи. Но мы с Наташей развлекались исключительно глазами. Глядя на витрины, мечтали о таких недостижимых вещах, как туфельки на каблучках, нарядные кофточки, сумочки с пряжками... Конечно, Евгений Львович делал подарки дочери, но в разумных пределах, ибо не был Ротшильдом. О моей маме и говорить не приходилось. Поэтому в лучшем случае мы довольствовались одним мороженым на двоих, которое по очереди употребляли в садике на глазах у памятника Екатерине II.

Наглядевшись на красивые вещи и проголодавшись, мы шли к нам на Невский или в Писательскую Надстройку, где какое-то время Наташа жила с отцом и Екатериной Ивановной.

Можно сказать, что главным творческим событием Шварца стала пьеса-сказка "Дракон". Однако ее путь на сцену был долгим и трудным. Автор начал писать ее еще в конце 30-х годов в качестве символического осуждения фашизма, а закончил в годы войны. Но бюрократическая "телега" забуксовала. Несмотря на то, что в пьесе речь шла о фашизме, "шишки" от искусства учуяли в ней второе дно - намек на Сталина и его приспешников. У Шварца, по выражению Ильи Эренбурга, "начались долгие и унылые неприятности".

Кроме того, у представителей власти, строго следящей за литературой и искусством, было основание считать "Дракона" опасным, так как пьеса-сказка перекликалась с драмой Александра Пушкина "Борис Годунов", особенно с заключительной фразой "Народ безмолвствует".

Лишь в 1962 году, уже после кончины автора, Ленинградский театр Комедии поставил "Дракона". С этого момента началось его путешествие по театрам Советского Союза, Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии...

В один из моих приездов из Америки в Питер в квартире Маши Крыжановской (она называет ее родительской) заметила рабочее кресло. Я сразу его узнала, так как давным-давно видела в квартире Евгения Львовича в Писательской Надстройке. Кресло дополнял висящий на стене его портрет, написанный в годы войны в Кирове Евгением Чарушиным, автором и иллюстратором многочисленных книг для детей.

Когда я села в кресло Шварца, то на короткое время потеряла ощущение времени. Со мной произошло примерно то, что с поэтом Владимиром Солоухиным, присевшим в кресло Ивана Грозного в его опочивальне. Разумеется, при том, что владелец кресел нельзя сравнивать.

Для ясности привожу два отрывка из стихотворения Солоухина "Кресло".

И я тогда, как все поэты
мгновенно безрассудно смел,
по хулиганству в кресло это,

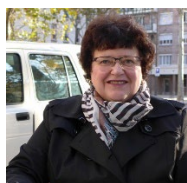
как бы играючи, присел.

И молния веков, блистая,
меня презрительно прожгла.
Я сразу умер и очнулся
в опочивальне этой, там,
как словно сдуру прикоснулся
к высоковольтным проводам.

Ольга Трифонова-Танган

Дюссельдорф, Германия

Запахи красок. Мое детство на Верхней Масловке

Начиная с 1920-х годов в Москве начали строить «Дома Будущего» для представителей определенных профессий. Самый известный из них — Дом правительства на Берсеневской набережной напротив Кремля. Это монументальное здание называли «домом предварительного заключения», поскольку 800 жильцов стали жертвами сталинских репрессий. Позже оно получило известность как Дом на набережной — по повести Ю.Трифонова *Дом на набережной*.

Потом построили Дом артистов Большого театра и Дом композиторов. Академики и крупные научные работники селились на Ленинском проспекте, университетские преподаватели — на Ломоносовском проспекте близко от МГУ. Иногда возникало сразу несколько домов, разраставшихся позднее в Городки. Например, у метро «Аэропорт» был возведен Городок, где проживали художники литераторы, актеры и музыканты (сокращенно городок стали шуточно именовать «ХЛАМом»^[1]).

Подобный избирательный принцип расселения жильцов был вызван, с одной стороны, дефицитом жилья в Советской России. Их давали звездам своих профессий. Ведь квартиры в этих необычных домах находились, как правило, в центре, близко от метро. С другой стороны, компетентным органам было легче присматривать за собранными в одном месте часто критически настроенными деятелями культуры и политиками.

Одним из первых был запланирован Городок художников на Верхней Масловке. В 1932 г. построили дом № 15. Потом вокруг него возвели дома № 1 и 3. Теперь Городок художников на Верхней Масловке называют то «Русским Монпарнасом», то «Русским Монмартром» — представляю, как это сравнение

удивило бы моего деда-франкофона, художника Амшея Нюренберга (1879 – 1979).

Дом на Верхней Масловке: жилая часть и мастерские

Rendez-vous с Домом

В начале 2000-х я пришла на Верхнюю Масловку повидаться с Домом художников. Он выглядел пустым, жильцы покинули его. Яблоневый сад наполовину вырубил, а освободившееся пространство отдали под стоянку автомобилей. Готовился капитальный ремонт.

Я поднялась по пыльной лестнице на третий этаж, прошла по пустому коридору до двери нашей бывшей квартиры №59. Позвонила, не надеясь, что мне откроют. Неожиданно услышала шаги и мне навстречу вышел человек, запачканный краской. Оказалось, что в доме остались только мастерские художников. Я представилась, сказав, что когда-то здесь жила, и попросила разрешения войти. Зашла в единственную открытую комнату, которую когда-то занимали бабушка с дедушкой. Она показала мне маленькую и узкую, я удивилась, как здесь могли размещаться большой шкаф красного дерева с круглыми зеркалами, двуспальная кровать, старинное трюмо, сундук, бабушкина швейная ножная машинка Singer, обеденный стол. Мамин рояль стоял в соседней, маленькой, теперь закрытой комнате. Пропорции сместились, дом уменьшился в размере, стал менее значительным. Я спросила у художника, знал ли он, что когда-то эта квартира принадлежала Нюренбергу, а его соседом был искусствовед Тихомиров[2]. Не желая меня обидеть, он ответил:

— Знаю по книгам.

***

Мастерская Нюренберга находилась вдали от жилых комнат. Чтобы попасть в нее, надо было пройти, или пробежать, как я это делала в детстве, весь длинный коридор. Окно мастерской казалось мне огромным. Неслучайно, до сих пор я не могу жить в домах с маленькими окнами! Как сказал бы Нюренберг по этому поводу: «Типичная для детей гиперболоизация натуры».

В детстве мне нравилась таинственная комната со скульптурами на первом этаже, куда детям запрещалось заходить. Иногда я тайком заглядывала в нее и видела белые гипсовые фигуры, торсы, головы, руки. Все это неясно выступало из полумрака и было окружено белой гипсовой пылью.

Зал скульптур выглядел, как сказочная тайная комната в замках, куда непосвященным было опасно входить. Он был всегда пуст, что придавало ему загадочности. Почему-то я никогда не видела в этом помещении скульпторов за работой.

От нашей квартиры вниз шла лестница черного хода. По ней я сразу выбегала во двор. Сбегая по лестнице, можно было заглянуть в лавку на втором этаже, где по специальным удостоверениям художники покупали принадлежности, часто заграничного производства, не поступавшие в обычную продажу. Я с интересом рассматривала эти красивые предметы — холсты, бумагу, кисти, ластики, «мелки» (дед называл «мелками» набор разноцветной пастели).

В наше время позади дома находилась детская площадка, куда я выскакивала по лестнице черного хода. Иногда же степенно спускалась с дедом на лифте с третьего этажа и шла с ним через трамвайные пути^[3] в булочную, где он покупал мне вкусные булочки с изюмом. Цвел и большой яблоневый сад, от которого сейчас немного что осталось.

***

В 2002, а затем в 2013 г. я вновь пришла к Дому и стала его фотографировать. Последний раз из подъехавшей машины вылез немолодой мужчина, глядевший на меня с подозрением. На его вопрос, что я делала, объяснила, что в этом доме провела детство. В ответ он пробурчал: «Недавно тоже приходили люди, фотографировали его, а потом раздался взрыв», то есть «ходят тут всякие» в реалиях XXI века.

Прошло около десяти лет, а капремонт так и не начинался. Дом выглядел еще более запущенным, чем прежде, хотя движения в нем прибавилось. Оно исходило из ателье, где трудились художники. Некоторые ухитрились даже там жить, ставя кушетки и печки, создавая некое подобие уюта. Так, к примеру, сделал внук знаменитого мэтра соцреализма Бориса Иогансона^[4], Игорь Иогансон^[5].

Игорь Иогансон и я у дверей нашей квартиры №59 весной 2002 г

Я обнаружила его в мастерской на первом этаже рядом с комнатой вахтера. Дух творчества оказался неистребимым. Художники по-прежнему работали в своих мастерских. Вдоль стен длинных коридоров лицом к стене, как и раньше, стояли картины на подрамниках, а некоторые произведения висели и на стенах. И, как всегда, художники ругались между собой. На лестничной клетке нашего третьего этажа висело воззвание к коллегам: Свиньи! Козлы! Сколько можно просить не курить и гадить на площадке. Ведь все равно заловим. Курите и гадыте у себя в мастерских и на своих площадках!

А в моей памяти навсегда остались запахи масляных красок, скипидара, лака, гипсовой пыли и еще чего-то неуловимого. Попадая в другие города и страны, я обнаруживала у художников все те же принадлежности, среди которых я росла: рамы, холсты, мольберты, кисти, тюбики, пастель.

А когда смотрела на Рейн из огромного открытого окна Дюссельдорфской Академии художеств, я вспоминала наш старый московский дом с такими же высокими потолками и окнами во всю стену. И даже люди, бродившие по длинным коридорам, имели похожий углубленно-сосредоточенный вид. Такие же ассоциации рождались и при посещении парижского фаланстера художников Ля Рюш. Я и теперь по запаху могу безошибочно определить дома, где живут художники. Ведь в одном из таких я родилась, выросла моя мама, и жил мой отец.

Расселение художников

В СССР принцип избранности был заложен в понятие социальной справедливости. Каждому воздавалось не столько по дарованию и продуктивности, сколько по должности и положению. В 1929 году Нюрнберг вместе с женой Полиной[6] и пятилетней дочкой Нелей[7] только вернулся из Парижа, где находился в двухлетней командировке для чтения лекций о советском искусстве. В Париже он также участвовал в переговорах по организации выставки «Современное французское искусство» с включением картин российских художников-эмигрантов. Выставка успешно прошла в 1928 году в Третьяковской галерее, Академии художеств и Государственном музее нового западного искусства (существовавшего в 1923–1948). Приехав в Москву, Нюрнберг стал одним из основателей МОССХа. Все это позволило ему вступить в новый кооператив художников на Верхней Масловке.

По стандартам 1930-х и особенно после коммунальной квартиры на Сретенке жилищные условия Нюрнберга выглядели впечатляющими: он получил две комнаты на третьем этаже и собственную мастерскую, которая доставалась далеко не каждому художнику. Их попросту не хватило бы на всех. Кухню Нюрнберги делили лишь с одними соседями, искусствоведом А.Тихомировым и его супругой. Своих детей у четы Тихомировых не было. Насколько мне известно, отношения Нюрнбергов и Тихомировых всегда оставались дружескими. Нюрнберг слыл франкофоном, восхищался импрессионистами, а Тихомиров написал книгу об импрессионистах, которая была подарена деду с дарственной надписью (хранится и по сегодняшний день у автора данной статьи).

Дом был спланирован по коридорной системе. Весь этаж соединялся сквозным проходом, по одну сторону которого находились ванная, кухня и

жилые комнаты, по другую — мастерские. На первом этаже располагались мастерские скульпторов с большими окнами-террасами. Поскольку удобства и кухня на этаже были общими, ясно было одно — художники ценили рабочие условия выше бытовых. И, занятые своим творчеством, просто не замечали отсутствия таких элементарных вещей, как отдельные ванная и туалет. Единственным «архитектурным излишеством» был великолепный парадный подъезд с двойными застекленными дверями, широкой пологой лестницей и лифтом с зеркалом, что значительно превосходило остальное обустройство дома.

Зять и первый биограф Нюрнберга, писатель Юрий Трифонов[8], вспоминал:

И я жил в странном доме на Масловке, который был построен в тридцатых годах с расчетом на то, что тут поселятся дружные, жизнерадостные творцы пролетарского искусства, не озабоченные ничем, кроме своего дела, своего мчания вперед. Поэтому, как на вокзале: одна уборная и один водопроводный кран на этаж, где жили человек двадцать. Жили как бы начерно, наспех, малевали жизнь как эскиз, а главное полотно дай бог когда-нибудь сотворить внукам! Но удивительно: художники и вправду не обращали внимания на житейскую чепуху вроде необходимости ждать очереди в туалет или бегать с ведрами за водой по коридору. Они зарывались в свои холсты, картоны, подрамники, тюбики, в бешеную работу к сроку. Вечерами пили водку, рассуждали о ремесле, ругались черт знает из-за чего.[9]

Не вспоминать, не вспоминать! ... не было длинного нелепого коридора, в котором попахивало масляными красками и скипидаром, не было шумных сборищ по вечерам, не было споров о колорите, французах, супрематизме, не было возбужденной толкотни по всем этажам в дни работы закупочных комиссий, не было общей ванной с цементным полом и объявлением на стене: «Мыть кисти над ванной категорически запрещено!», не было кухни с четырьмя плитами и четырьмя столами, ... не было Георгия Максимовича[10], все еще мечтавшего кого-то удивить, если не мир, то просто соседей по этажу...[11]

...Григорий Максимович всех пригласил в мастерскую. Надо пройти длинным коридором: справа двери в мастерские, слева общая ванная, общая кухня, общая уборная для всех жителей третьего этажа. Был такой нелепый дом постройки двадцатых годов. Гости шествовали, топоча, по коридору, а в дверях общей кухни и общей ванной стояли любознательные жильцы — жены, матери и дети художников, да и сами художники приоткрывали двери мастерских и выглядывали на шум... Процессия гостей двигалась в полном молчании, были тягостные секунды, из общей ванной тянуло мыльным паром, там шла стирка, в общем туалете kloкотала вода...[12]

Естественно, одно здание не решило вопрос о расселении многочисленных художников. Поэтому для них построили целый городок на Верхней Масловке, распалая тем самым нешуточные страсти. В своем дневнике Нюрнберг записывал:

1934 год.

Сегодня заседал МОССХ. Опять правление. 25–30 спящих, импотентных ребят. Все были заняты тем, чтобы не обнаружить крепкой склонности к дремоте. Порой мне кажется, что Пиквикский клуб мог бы казаться

динамичным учреждением, если бы его поставили рядом с нашим МОССХом. Пиквицы разъезжали, говорили, спорили. Они, несомненно, были живыми ребятами. Да, это были не члены МОССХа... Наши ребята пришли в сознание только, когда председатель объявил, что теперь «коснемся квартирных дел». И тут все бросились жить и глубоко дышать. Как жаль, что журнал «Крокодил» не посылает своих сотрудников на наши собрания. Он мог бы получить вкуснейший материал[13].

...

13 июня, 1934 г.

Замечательный вечер! Прекрасное заседание, посвященное разделу жилплощади в новом доме на Верхней Масловке. Я уверен, убежден, что если выпустить всех зверей зоопарка в одно место и бросить им пищу в одно корыто — то они себя приличнее и человечнее вели бы, нежели наше уважаемое правление в купе с достопочтенными активистами.

Хороши были все. Решительно все. И брюнеты, и блондины, худые и толстые, тихие и болтливые! Вокруг каждой кандидатуры разгорались такие страсти, точно дело шло о том, чтобы спастись с тонущего корабля, кого оставить на тонущем корабле и кого взять на спасательную лодку. В зале свирепствовал тайфун. 12 баллов! Никто никому не подчинялся. У большинства были красные, потные лица. Жесты рождались в припадке белой горячки. Весь президиум, ..., оказался заинтересованным. Почему-то всем членам его нужны были большие квартиры, огромнейшие мастерские. Все оказались многосемейными. То же наблюдалось и у членов правления.

Противнее всех был Лехт[14]. Этот парень меняет жен, бросает старых в старых квартирах и требует для новых баб новых квартир. Ну и тип! Его многие поддерживают из боязни, очевидно, что он в озлоблении обрушится на других и напакостит им. Мол, ни мне, ни вам.

Фальшивая публика. Как мало искренних и честных у нас ребят. Рязский[15] — образец двуличия. У него два анфаса и три профиля...[16]

Мастерские

Одна из мастерских, 2013 г.

Большую часть времени художники проводили в своих мастерских. Это такая же принадлежность профессии, как мольберт, рамы, краски. Но в

Советском Союзе мастерская считалась еще и привилегией, поскольку заметно расширяла жизненное пространство, при этом не зачитываясь в жилую площадь. В доме на Верхней Масловке мастерские были просторными, с высокими потолками и окнами во всю стену. Использовались они мультифункционально. В них создавали новые работы, хранили старые холсты, рамы и другие принадлежности. Иногда художники в них просто жили: раздвигали кушетку, готовили пищу на плитке и принимали гостей. У моего деда вечерами в мастерской собирались друзья поиграть в карты — «расписать пультку». Рассказывали, что он любил зазывать к себе молодых людей и вести с ними бесконечные беседы о французском искусстве, о секретах мастерства Сезанна, Моне и Ван-Гога. На прозаические темы речь просто не заходила.

С детства я помнила непередаваемые запахи, царившие в мастерской — смесь масляных красок, скипидара, лака, гипсовой пыли и чего-то еще неуловимого. Они и с годами не выветривались из памяти. То же вспоминал Трифонов:

Яркая стосвечовая лампа под картонным абажуром освещала только половину комнаты: полку, забитую старыми пыльными журналами, дубовый стол, где лежали в беспорядке тюбики красок, гипсовые головы, стояли бутылки с лаком, маслом, скипидаром... От широкого, во всю стену окна веяло холодом и остро пахло замазкой.[17]

Племянник Нюренберга, заслуженный художник России Виталий Орловский в своей мастерской на Верхней Масловке, дом №3, 2013 г.

Художники приходили друг к другу в гости посмотреть новые работы и поговорить об искусстве. Нюренберг, например, так описал свое посещение Владимира Татлина[18] [судя по некоторым деталям ок. 1935–36 — *О. Т.*]:

...мы с братом, художником Девиновым[19], сидели в квартире Татлина на Верхней Масловке (мастерской у него не было) и рассматривали последние работы изобретателя «инженерной» живописи. Мы были весьма удивлены. На мольбертах стояли натянутые на подрамники холсты, а на них были написаны великолепные по колориту и фактуре натюрморты.

Больше всего нас удивило то, что натюрморты были написаны в стиле умеренного импрессионизма и овеяны строгим, я бы сказал, «сугубым» реализмом.[20]

18 июля 1941 года

Весь день провел в мастерской, прощаясь с начатыми и неоконченными работами. Я их долго рассматривал, точно их кто-то отнимал у меня. Закончу ли я их когда-нибудь? А как сейчас хочется придать им относительно окончанный характер! Дописать недописанные фигуры, наметить нужные детали. Легче стало бы!

Я поставил на мольберт большой холст «В день смерти Ленина» и глядел на него часа два. Сейчас мне картина показалась не такой уж неудачной. Мне даже самому понравились отдельные головы. Особенно голова плачущей женщины и скорбящего старика. Может быть, эта работа была одной из лучших в моем творчестве! Может быть!

Потом я поставил перед собой эскизы к картине «Уход на фронт», и эскизы, особенно один из них, показались мне сегодня недурными. В них мне удалось передать какую-то теплоту.

Что мне с ними делать? Кому они сейчас, когда страна переживает такое горе, такие тяжелые дни — нужны? До станковой ли живописи сейчас?! Что дадут мои картины армии, тылу? Нужны только агитационные плакаты, героические лубки, сатира. А что, если и они сейчас не очень нужны?

... Я все сижу, прикованный к стулу. Сил нет оторваться от него и взяться за упаковку холстов. Что с ними делать?[23]

Да и в Ташкенте он часто вспоминал мастерскую, сильно скучая по ней:

14 февраля (1942, Ташкент):

Сегодня первое письмо из Москвы от Тихомировых. Боже мой, как потянуло туда. Они пишут о морозах 30-градусных, о холодных квартирах, о колючем, скрипящем под ногами снеге, а нам письмо кажется живым, точно от него исходит легкий пар.

Что бы я ни дал, чтобы очутиться сейчас в своей квартире, в своей мастерской. У окна, за которым такое небо, такие закаты!

17 апреля (1942)

Сегодня день моего рождения...

Собираемся по вечерам и мечтаем о Москве.

Каждый из нас мечтает о своей близкой, им обласканной Москве. О городе, им выдуманном и нарисованном. Полина думает о Москве девичьей, о санках, о матери, о вечеринках. Неля о театрах, концертах, подружках.

Я. Никогда этот чуждый мне, казалось, город не станет таким близким, дорогим. Тяга непреодолимая, сладостная и, вместе с тем, горькая. Особенно мастерская вспоминается. Чудесные закаты, большое, ласковое, добродушное небо, деревья с приятными кронами и ветвями. Деревянные, двухэтажные домишки! И я в этой просторной, большой мастерской, где так много света. Света, поглощающего меня целиком, со всеми мыслями и желаниями.

Я сижу в своем дубовом кресле и пишу этюд «Осенний пейзаж». За окном, на улице приглушенный грохот трамваев, грузовиков. За нашим районом сивое марево города. За маревом выплывают романтические облака. Какие облака![24]

Трудные времена

Хотя главные сталинские репрессии обошли художников стороной, но косвенных отголосков хватало, чтобы изменить уклад их жизни и отравить ее. Один из художников, кажется, Аристарх Лентулов, как-то заметил: «Ребята, гляньте поскорее глазами, пока Комитет по делам искусств не запретил это делать»^[25].

Некоторые погибли во время Великой отечественной войны. В блокадном Ленинграде от голода умер Павел Филонов, которого вместе с учениками незадолго до этого травили за формализм. В ташкентской эвакуации умер голодавший и обессиливший в борьбе с обстоятельствами художник Михаил Файнзельберг — брат художника Сандро Фазини и писателя Ильи Ильфа.

Разгромили всех авангардистов, в том числе, группу «Бубновый валет», с которой Нюренберг был особенно близок. Председатель группы, Петр Кончаловский, в 1940-е впал в немилость за «левые» взгляды. Он не мог больше выставляться, его творчество заклеямили, и он рисовал только цветы. В поддержку опального художника Нюренберг организовал камерную выставку его работ в редакции газеты «Советское искусство». Он выступил с докладом и написал о ней теплый репортаж^[26], что, конечно, не восстановило официальную репутацию Кончаловского. В 1947 году другого «бубнововалетовца», Александра Осмеркина^[27], обвинили в формализме и изгнали из Суриковского Института, где тот преподавал. Вскоре после этого с ним случился инсульт, от последствий которого он скончался. Владимир Татлин умер в 1953 году в полном забвении в Доме художников на Верхней Масловке, оставив свои работы соседке-художнице. После смерти последней часть его работ выбросили на помойку, где их случайно нашли и спасли^[28].

В Доме художников продолжали жить одной коммуной, на просвет, друг у друга на виду. Советскому гражданину, работнику искусств не следовало обособливаться. Ничто не было тайной для окружающих. Писатель Григорий Бакланов^[29] писал:

И мастерская, и квартирка небольшая, где они жили у тещи с тестем, — все это помещалось на Верхней Масловке, в доме художников, огромном, по сути дела, общежитии, где каждый знал, что у кого варится в кастрюле.^[30]

При том, что Дом художников создавался для творческого общения, с некоторого момента сбиваться в группировки и экспериментировать стало рискованным. Каждый мог зайти к другому в мастерскую и посмотреть, какое произведение стоит у того на мольберте. Возможно, эти обстоятельства и подтолкнули Нюренберга к его бесконечной «Лениниане». Вдобавок на подоконнике его мастерской всегда стоял охранительный бюстик Ленина. Так было безопаснее. Правда, вначале Нюренберг действительно был искренним «ленинцем» (даже единственную дочь назвали Нинель, что в обратном порядке читалось как Ленин), но с годами его увлечение коммунистическим кумиром заметно ослабло.

Обостренная осторожность угадывается и в кажущейся нейтральной дневниковой записи Нюренберга о «любителе телефонных разговоров»:

1940 г.

Звонил Осмеркин, любитель телефонных разговоров:

— Знаешь, побывал на юге и расцвел. Очевидно, мы, южане, нуждаемся в теплом воздухе. Другой тонус работы, другое состояние, пульс. Надо съездить туда и там работать. Художника все же тянет на родину.[31]

Телефон стоял между этажами — неудивительно, что Нюренберг не выразил восторгов по поводу звонков своего старинного друга. Надо было еще дойти до телефона и говорить во всеуслышание любознательных соседей.

Нюренберг считался «левым» или «леваком», как тогда говорили, что ничего хорошего не обещало. Ему припоминали пребывание во Франции, любовь к импрессионистам и барбизонцам, дружбу с художниками-эмигрантами из России, вместе с которыми он учился в Одессе: И.Федером, О.Мещаниновым, И.Маликом, Дж.Констаном. Но чаще всего Нюренбергу доставалось за нелюбимого в СССР Марка Шагала, с которым Нюренберг сблизился, когда снимал с ним одну мастерскую в парижском фаланстере *Ля Рюш* в 1912 году, а потом тесно общался во время своей командировки в Париж в 1927–29, получив от него в подарок литографию автопортрета с подписью. Это был:

...автопортрет молодого Шагала, литография с карандашной подписью. Лицо было круглое, с безумным удивлением в глазах и странным образом перевернутое: оно казалось неестественно кривым, как бы на сломанной шее, и в то же время бесконечно живым. Лицо человека, застигнутого врасплох. И чем-то смертельно пораженного... Но всему этому он предпочитал летучий рисунок Шагала. В те времена, когда он меня любил, он часто и многословно рассуждал по поводу этого автопортрета, который у него пытались выманить коллекционеры, предлагая большие деньги, а ведь он нуждался. Он сильно нуждался. Да и кто из художников, живших на Масловке, не нуждался в те годы![32]

В дневниках Трифонов вспоминал, как «...этого старика преследовали за то, что он дружил когда-то с Марком Шагалом, как он всю жизнь от этого страдал и как он его, вместе с тем, бесконечно любил...»[33]. После смерти Нюренберга в 1979 году Трифонов написал рассказ *Посещение Марка Шагала*, где Нюренберг фигурировал под именем Ионы Александровича:

Я не мог не вспоминать о нем. Уже слишком он трепетал, рассказывая о Шагале, он всегда начинал путать слова, руки его дрожали, когда ему доводилось услышать или самому заговорить о Шагале. Однажды в доме на Масловке он ударил по лицу художника Царенко, который сказал, что Шагал халтурщик, что он не умеет рисовать, — нет, не то чтобы ударил, а в приступе гнева и со слабым возгласом: «Вы лжете!» — дал Царенко легкую пощечину кончиками пальцев, но и то был с его стороны отчаянный поступок... на что Царенко ответил здоровенным тумаком, который сбил старика на пол, и радостным криком: «Сам ты лжешь!»

Потом их делом занимался товарищеский суд. Я жил тогда на Масловке. Это было лето пятьдесят первого или, может быть, пятьдесят второго года.[34]

В рассказе описаны проблемы, доставшиеся Нюренбергу за его дружбу с непризнанным в те времена модернистом и эмигрантом:

Он мало кому и рассказывал о знакомстве с Шагалом в 1910 году и тем более о встречах с ним в 1927-м. Это была полутайна. Полностью скрыть связи со злокозненным антиреалистом было, разумеется, невозможно, ибо все помнили, как в начале тридцатых Иону Александровича стегали публично на дискуссиях и в печати — отличался критик Кугельман, один из вождей

изофронта, неподкупный и яростный, сгинувший лет через пять бесследно, — за вредоносный шагаллизм (термин Кугельмана), и бедный Иона Александрович каялся и отрекался и в доказательство искренности даже уничтожил ряд своих ранних вещей, в которых шагаллизм расцвел особенно ядовито.[35]

Но, несмотря на грозившие ему неприятности, Нюрнберг иногда ...восклидал с отчаянной бесшабашностью: «Ах, к черту! Надоело! Я им скажу все, что думаю о Марке: о его синем цвете, о неподражаемой фантазии. Ведь эта фантазия не имеет себе равных... Он подарил мне литографию в тяжелую для себя минуту... Разве я могу забыть? Да и времена, слава богу, не те: пятьдесят первый — это вам не тридцать первый...»

Времена, конечно, не те, но слово шагаллизм по-прежнему звучало зловеще: что-то среднее между шаманизмом и кабализмом.[36]

Всей этой тревожной атмосферой были проникнуты также отношения с натурщиками. Примечателен контраст между ироничным наблюдением Нюрнберга 1930-х и пугающим свидетельством Трифонова начала 1950-х:

Из *Дневника* А.Нюрнберга довоенного времени:

Один и тот же натурщик позирует на разных этажах и в разных мастерских в разных позах и ролях.

Так, один натурщик — пожилой, в поношенном костюме, с небритым, желтым лицом человека, потерявшего вкус к жизни, — позировал на 5-м этаже в качестве вредителя, на 3-м — председателя колхоза, на 1-ом — в роли стахановца.

Бывает наоборот[37].

А вот как писал Юрий Трифонов в 1950-е:

Тут возник Афанасий. Впрочем, Афанасий существовал всегда, он слонялся по мастерским еще до войны, но лишь в последние годы приобрел специальность, за которую среди художников получил кличку Ухо. Известно, как трудно писать уши, тем более уши значительных лиц, известных миру, и вот обнаружилась поразительная достопримечательность скромного Афанасия Федоровича Дымцова: его ухо по рисунку было точной копией уха великого человека. Афанасий, отнюдь не Аполлон, человек занудливый и глуповатый, считался заурядным натурщиком, с которым мало кто хотел иметь дело, и вдруг его маленькая, мелкокурчавая римская голова с низким лбом и выдающейся нижней челюстью сделалась благодаря уху подлинно нарасхват. Афанасий стал много зарабатывать, купил костюм, сделался высокомерен, капризен, и хотя все держалось как бы в секрете, об изумительной специальности не говорили вслух — потому что кто его знает, как отнесутся, если прослышат? — Афанасий давал понять, что у него появились особые связи и возможности, которые он предпочитает хранить в тайне, но в нужную минуту может пустить в дело. Этим он художников попугивал и заставлял платить по двойному тарифу. Затем он обнаглел настолько, что начал занимать у художников деньги, требовал, чтоб его кормили и давали пиво во время сеансов, а у одного художника взял поносить шубу и не вернул, хотя зима кончилась. Боялись с ним связываться. Прошел слух, что его куда-то вызывали и что ему разрешено. Однажды пришел в военной фуражке, стоял перед домом на улице, отставив свободную ногу, с папиросой во рту, разговаривал с комендантом, а художники обходили их стороной и старались

не смотреть на Афанасия. Вид у него был жутковатый. Один скульптор сделал Афанасию замечание за то, что тот опоздал на сеанс. Афанасий поглядел на скульптора диким взглядом и выпалил: «И подождешь! Не барин!» — и скульптор опешил, руки по швам, промолчал.

И вот в разгар грозного Афанасьева могущества кто-то сообщил, что видел автолитографию Шагала в доме Афанасия, припиленную кнопками к стене. Иона Александрович был потрясен, откуда вдруг Афанасий? И как он смел припиливать кнопками? Дальше многое помнилось плохо.^[38]

Предвидя дальнейшее развитие событий, Нюрнберг стал скрывать и даже уничтожать свои авангардные работы. Это был мучительный процесс. Он закрашивал ранние произведения, переписывал картины. Экономил холсты, которые всегда были в дефиците и стоили художникам немалых денег. Позже он так вспоминал об этом в своем дневнике:

Мсть за насилие над собой

Грустные дни. Осматриваю и смываю с холстов живопись целой эпохи. До холодов. Пригласил к себе прачку. Она меня очищает от формалистского искусства. Никакие критики не смогли сделать то, что сделала она одна. Некоторые холсты ни за что не отстирывались: краска присохла и впиталась в холст, слившись с ним в одну массу. До чего же живуча формалистская живопись! Надо было сфотографировать этот гигиенический момент и снимок послать нашим козырям Сысоеву^[39], Замошкину^[40] и Кеменову^[41]. Тронул бы снимок сердца этих людей, окаменевших в злобе вообще к любому искусству?

Загрунтовал холсты и пишу реалистические пейзажи. Возвращаюсь к тому, что делал в молодые годы: к реалистической живописи. Пишу пейзажи, детально выписанные стволы, ветки и листву...^[42]

Будни дома художников

За серым фасадом Дома художников всегда кипели страсти и велись непримиримые бои. Как в жизни любой коммуны, не все на Верхней Масловке проходило гладко. Иногда дело доходило до бунтов и потасовок. Причем не только по творческим, но и по вполне житейским вопросам. Хотя художники жили мыслями о высоком искусстве, их постоянно преследовало отсутствие денег. Приходилось часто обращаться к побочному заработку. Перефразировали стихотворение «Ошибка» Саши Черного: «Работать для модистки и для дантистки». Иными словами, «для души и для денег».

Много нервов стоили художникам посещения Дома закупочными комиссиями. Причем просмотры происходили именно на нашем третьем этаже. Целые делегации приходили отбирать работы для выставок и музеев, но не все попадали в число счастливиц. Появлялись причины для огорчения, отчаяния, зависти, профессиональной и личной.

Зарисовки закупочных комиссий из дневников А.Нюрнберга разного времени:

Закупочная комиссия обходит наш производственный дом на Масловке и закупает для выставки пейзажи и натюрморты... В нашем доме комиссия приобрела картины только у трех художников, живущих на первом этаже. На сто двадцать мастерских это, конечно, маловато. Рассказывают, что на втором

этаже комиссию встретили руганью. На третьем — фразами, в которых чувствовался накал нуждающихся. На четвертом — кулаками.

Небывалый в жизни дома скандал. Особенно всех возмутило то, что комиссия входила к нам, как в инфекционные камеры. Не здороваясь, не прощаясь, не разговаривая.^[43]

Другая запись из дневников А.Нюренберга была такой:

19 января 1954 г.

Сегодня у меня была закупочная комиссия из Третьяковки. В торжественном, холодном молчании они вплыли в мою мастерскую. Каждый старался не терять вида врага, и это им удавалось. Не здороваясь, не подавая руки, не глядя даже на меня. Особенно холодным выглядело нестерпимо актерское лицо Иогансона, руководителя и дирижера комиссии.

Я им предложил сесть.

— А мы пришли к Вам не затем, чтобы сидеть.

Я смолк.

— Расставьте работы.

Я расставил их.

— У нас традиция: производить осмотр и обсуждение работы без автора, — сухо и монотонно сказал Иогансон.

Я вышел.

Потом дверь мастерской открылась. И с той же холодной торжественностью, не обращая на меня никакого внимания, члены комиссии вышли в коридор и ушли. В мастерской осталась одна секретарша.

— У Вас решили купить две работы. Вот этот пейзаж и другой. С условием, что Вы замажете купающиеся две фигуры.

Я согласился.

— До свидания.

Это была единственная душа, удостоившая меня вниманием своим.

После этой сцены у меня было такое ощущение, точно я был осужден на встречу с этими холодильниками. О Боже, как быстро на Изифронте портятся люди. Они меня обходили, точно я представитель сильно зараженной чумой зоны.^[44]

Трифонов вспоминал:

На третьем этаже, где я жил и где помещалась мастерская Ионы Александровича, раз в три месяца происходило важное событие — заседание закупочной комиссии. К нему готовились загодя, волновались, узнавали окольными путями, кто назначен в комиссию, чей голос будет особо весом, за день до рокового испытания — оно и впрямь было роковым, ибо определяло жизнь на ближайший год, а то и годы, — художники притаскивали картины со всей Москвы, ставили в коридоре лицом к стене, углем на раме писали фамилии, ночь спали плохо, а с утра начиналось действие, напоминавшее своей беспощадностью микеланджеловский «Страшный суд»: один жест руки — и чьи-то творения возносились в райские сферы, другой жест — проваливались в преисподнюю.^[45]

Г.Бакланов тоже оставил свое свидетельство:

Ближе к осени 52-года Юра Трифонов предложил мне снять койку в мастерской его тестя, художника... Амшей Маркович, Юрин тесть, писал большую картину: в полтора человеческих роста высоты и соответственной

ширины. Помимо этюдников, красок, лестниц и общего беспорядка мастерской я каждый час, миг каждый видел перед собой эту картину. И вот что на ней изображалось: снег, дерево, рыжая лайка облаивает какое-то живое существо на ветвях, и охотник, задрвав голову, изготавливается стрелять вверх...

Собака воссоздана была с натуры: из какой-то гастрольной поездки Нина привезла щеночком эту помесь лайки с дворняжкой. Все остальное — плод творческой фантазии. Я видел, как не хотелось ему писать, как мучал он себя, как заставлял. Но занимать мастерскую и не пользоваться ею, видимо, было нельзя. И в дни, когда ему силой удавалось себя заставить, я дурил от запаха масляных красок и скипидара и спал в этом запахе, и, когда выходил на улицу, на мороз, от меня пахло скипидаром, я сам это чувствовал...

Но среди буден настал в этом доме художников судный день, великий день: прибыла, если не путаю ее названия, закупочная комиссия. Она засела в чьей-то мастерской, и отовсюду понесли полотна, все то, что целый год изготовлялось затворнически, с надеждами и, как принято говорить, в творческих муках. По коридору, по пути проносимых картин, стояли художники, их жены (хочется сказать — их жены, дети, но я боюсь быть неточным, дети, возможно, и не повысыпали из квартир). И не одни лишь доброжелательные взгляды сопровождали картины конкурентов. Пришла очередь и Амшей Марковича. Он попросил меня, еще кого-то, мы взялись, понесли, я знал, что несу, триумфа не предвидел. Однако любопытно было посмотреть эту комиссию, да и как откажешь? Конечно, часть позора, пока мы проносили огромное это полотно сквозь строй, и на меня ложилась, во всяком случае, завистливых взглядов я не заметил.

Лица членов закупочной комиссии не запомнились мне, но общее выражение — сидели баре, вершители судеб. Мы внесли, поставили и тут же, по мановению, вынесли. В коридоре, у окна, стоял известный в ту пору художник, кажется, Цыплаков, платком утирал взмокшую лысину: его картину комиссия смотрела заинтересованно и долго, и уже несколько неудачников заискивали перед ним.

А Амшей Маркович, бедный, как только мы появились, разворачивая в дверях огромное его полотно, побежал, побежал впереди нас согбенно, как заяц, приложивший уши, скрывался от позора: чуда не случилось. В мастерской поставили мы его картину не на мольберт, а лицом к стене, охотник и рыжая лайка теперь не маячили у меня перед глазами. И все то время, что я еще прожил там после судного дня, Амшей Маркович уже не терзал себя понапрасну, а от меня не пахло на улице масляными красками.

Вечером того же дня в мастерскую пришел Юра и, морща в улыбке губы, рассказал, что тещей было сказано его тестю-триумфатору, а сказано было много и громко и сводилось к тому, что он — рохля, никогда не умел постоять за себя, оттого всю жизнь она с ним мучилась.

Юра, при внешней сдержанности, даже некоторой внешней мрачности, проистекавшей скорей всего от застенчивости, был в жизни склонен к юмору.^[46]

Причудливым все же был Дом художников. В нем дружили и враждовали, жили скрытно и напоказ, боялись и бросали вызов — все одновременно. Ходили по длинным коридорам дамы в атласных халатах с цветами, мужчины в пижамах. В то время такая одежда выглядела вполне приличной, в ней даже

можно было выйти к гостям. А с какой нелепой претензией одевались жены художников, отражено Г.Баклановым:

И нигде, нигде больше не встречал я такого количества безвкусно, крикливо, даже как-то дико одетых женщин: словно курицы в крашенных перьях, да простят мне те из них, кто сегодня жив, ничего дурного не хочу я сказать об этих достойных дамах, но что поделаешь, впечатление было настолько сильным, что я и поныне вижу их.[47]

Действительно, зимой бабушка Полина могла ходить в юбках, надетых одна на другую для тепла. Дед же в морозы надевал даже валенки. Это началось у них со времен эвакуации. Да и в мастерской было холодновато, ведь там отсутствовало отопление.

Деревья лучше людей

Мой дед Нюрнберг в конце жизни разочаровался в доме и в людях. Он без конца рисовал деревья и цветы, особенно сирень, следуя примеру своего учителя К.Костанди.[48] И часто посещал сад Л.Колесникова[49] возле Песчаной площади с его селекционной сиренью. Шутка, перенесенная в рассказе Трифонова на черемуху, была наверняка услышана им либо от самого Нюрнберга, либо от других обитателей дома художников.

Был жаркий майский день. В саду все цвело, пенилось и душно пахла черемуха, первые бабочки металась в траве.

Каждую весну он писал эту черемуху. Я все шутил: она, говорю, не растет, потому что вы ее замучили своими этюдами.[50]

Нюрнберг любил деревья и даже часто упоминал их в своих дневниках, посвятив им серию графических работ *Деревья и люди*. Они казались ему важнее людей, которых он называл просто «фигурами». То он писал о том, что деревья не ссорятся между собой и не пишут друг на друга доносов. То отмечал, что в деревьях никогда не бывает такого уродства, как в людях.

Полина и Неля на Верхней Масловке, ок. 1948 г

Из Дневника Нюрнберга (январь, 1952 год) о пробившемся к свету дереве:

В заднем дворе 22 года тому назад было посажено небольшое, тщедушное деревцо. Росло оно медленно, еле-еле цепляясь за жизнь. Не было солнца для его роста. Я следил за его борьбой и заметил, что ежегодно его рост вверх равен приблизительно 50–60 см. И вдруг в этом году ему удалось из тени, в которой оно жило 22 года, вырваться в полосу солнечного света. И каким же оно мне показалось счастливым. За 3 месяца верхушка увеличилась на 1 метр, достигнув четвертого этажа. Листва приобрела густую, сочную окраску. Ветки окрепли и налились сочностью.[51]

Трифонов в доме художников

Далеко же это ушло. Давно нет ни матери, ни той Риты, которая обижалась, ни моей любви, ни нашей старой квартиры на Житной, коммунальной толчеи, тесного дивана, криков Кирки по утрам и знобящего чувства, что – все впереди, все еще случится, произойдет.

Ю.Трифонов. Предварительные итоги. В кн.: Ю.Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах*, т. 2. М., Художественная литература, 1986, стр. 80.

Юрия Трифонова занимал не только Дом правительства на Берсеневской набережной (*Дом на набережной*), но и Дом художников на Верхней Масловке. Ему вспоминалась неустроенная, нищая и, одновременно, такая счастливая жизнь. Неслучайно он часто повторял слова Ф.Достоевского из «Бесов»: «Для счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья»[52].

Нина Нелина и Юрий Трифонов на стадионе «Динамо», 1951 г.

Около дома художников были и остаются два ориентира — метро «Динамо» и стадион «Динамо», куда в 1950-е годы, во времена, когда еще не было телевизоров, люди приезжали «болеть» за любимые футбольные команды. Среди них — Юрий Трифонов с друзьями, болельщиками за команду «Спартак»: драматургом А.Арбузовым, писателем И.Штоком, поэтом К.Ваншенкиным, статистиком футбола К.Есениным, сыном знаменитого поэта. Помню, как приятно было Трифонову называть имя последнего: когда тот звонил, он всегда преувеличенно громко восклицал в телефонную трубку:

«Есенин!». И даже свое первое свидание с будущей женой Ниной Нелиной, Трифонов назначил у футбольного стадиона «Динамо», чем ее тогда немало насмешил, как она сама мне об этом рассказывала.

У Нюренберга же никогда не было ни телевизора, ни страсти к футболу. Поэтому в его Дневнике 1950-х годов написано:

Дожить бы до того дня, когда у Третьяковки будут стоять в очереди такие же толпы, как у стадиона «Динамо». Как бы радовалось сердце, если бы конная милиция охраняла народ, стремящийся попасть на Репина и Левитана!

В метро и вокруг стадиона море людей. Десятки тысяч! Я насилу выбрался из вагона и еле-еле добрался до своей Верхней Масловки. Сегодня, правда, большой день. Международный матч. Играют «Спартак» и Чехословакия. Нам, соседям «Динамо», здорово достанется в ближайшие дни.[53]

В повести Трифонова *Другая жизнь* (1975) описывалась неприязнь, возникшая у жены главного героя к жене другого художника. Попросту говоря, ревность. Помню, что мой отец Трифонов, к тому времени уже известный писатель, всегда нравился женщинам. Он не был красивым в обычном понимании, но был высоким, интеллигентным, талантливым, известным, ироничным. Женщины тянулись к нему, что вызывало напряжения в семье, ревность мамы.

Другие соседки по дому плохо понимали Трифонова — то за ним машину присылали, то он сидел дома без денег:

Они, видно, никак не могли уразуметь, что Антипов за птица: вроде он и писатель, и, как говорила одна соседка, и з в е с т н ы й, но площади своей не имел, снимал жалкую комнатенку в их клоповнике, хотя, если бы настоящий писатель, должен бы иметь квартиру; иногда за ним присылали машину и увозили куда-то на выступления или вызывали по телефону из важных редакций и учреждений, а то приплетался пешком пешкодралом, как бродяга, и по неделям сидел безвылазно, никому не нужный... И еще — то разговаривал как образованный, употреблял научные слова и поминутно «извините», «разрешите», а то ругался по телефону грубо и, если был выпивши, мог нахулиганничать. Словом, человек путанный, и лучше от него быть подальше.[54]

К сожалению, Трифонов не мог чувствовать себя свободно в квартире тестя, в этом странном и новом для себя окружении. После успешного дебюта романом «Студенты» (1950) он переживал творческий кризис. Роман принес славу и Сталинскую премию молодому писателю. Бравурный и оптимистичный тон соответствовал послевоенным настроениям, но противоречил мрачноватому характеру автора. Ему не хотелось больше писать о радостных московских буднях. Хотелось взяться за новую работу, писать о характерах и отношениях, о том, что его больше всего волновало — о тридцатых годах. Но не было понятно, с чего начать. Он сделал над собой еще одно усилие, уговорив себя написать роман на горячую тему — о строительстве Каракумского канала (*Утоление жажды*, 1963). Стал часто и подолгу уезжать в командировки в Туркмению для сбора материала. Убегал от себя, от семьи. Все это напоминало знаменитые «убеги» Сергея Троицкого, героя повести Трифонова «Другая жизнь».

Друзья Трифонова на Верхней Масловке

Комната была одновременно мастерской. Все знакомо, как везде, как в старых мастерских в доме художников на Верхней Масловке, где я прожил пять лет: гипсы, подрамники, кушетка, запах краски, электроплитка, на которой стоял чайник.[55]

Ю.Трифонов. Начало. В кн.: *Как слово наше отзовется* М., Советская Россия, 1985, стр. 109.

В доме художников побывали многие друзья Трифонова. Накануне одного из самых драматичных событий молодости Трифонова — комсомольского собрания Литинститута 1951 г. — его пришли поддержать друзья детства по Дому на набережной. Или, как они себя называли, «рыцари круглого стола». Михаил Коршунов и его жена Виктория Терехова вспоминали:

Серезжа,[56] я и Вика были у Трифонова на Верхней Масловке в тяжелый для Юры день — накануне комсомольского собрания в Литинституте, когда Юру собирались исключить из комсомола: не указал в анкете, что отец «враг народа». Но его отец никогда не был врагом народа, и Юра по-своему, как мог, защищал честь отца. Он напишет потом в «Отблеске костра», подтвердит свои слова — в невинность отца верил всегда с мальчишеских лет. Да, был канун собрания. Мы приехали — друзья детства. Трифонова удалось на собрании отстоять. Присутствовал и Сергей, а как иначе: мы ведь дали обет верности, как подобало истинным рыцарям «круглого стола». Была игра, мы приняли ее всерьез. Нам многое пришлось принимать самостоятельно и всерьез. Наш рыцарский «круглый стол», ты скоро совсем опустеешь...[57]

В статье *Атмосфера и подробности* (1979) Трифонов описывал, как в день моего рождения 14 декабря 1951 года с этим событием его первым пришел поздравить главный режиссер театра им. Ермоловой Андрей Лобанов. Тогда они много общались, вместе работая над спектаклем «Молодые годы» по повести Трифонова «Студенты» (1950). Удивительно было то, что мое рождение совпало с премьерой спектакля. Мне стало недавно известно, что отец делал в день моего рождения: находился в театре на премьерке. Трифонов вспоминал:

Вместе с Андреем Михайловичем было так много моего далекого: молодость, любовь, дом художников на Масловке, который я пытался изобразить, исчезнувшие друзья, маленькая девочка, родившаяся в день премьеры. Андрей Михайлович был первым, кто приехал на Масловку поздравить меня с ее рождением...[58]

Дом художников был хорошо знаком его друзьям-писателям, многие из которых в дальнейшем прославились. Они бывали в Доме, о чем оставили подробные, часто ироничные воспоминания. Советские писатели всегда свысока посматривали на работников других творческих профессий — художников, артистов и др. Так, Г.Бакланов писал:

Иногда странные художники забредали ко мне. Поговорить...

Вечером обычно заходил ко мне Амшей Маркович... Человек он был тихий, придавленный властным каблуком жены, вздрагивал и устремлялся, когда раздавалось: «Амшей!» Она боготворила дочь и только дочь: «Нина — музыкантша!» Амшей же Маркович и Юрой, и удачным замужеством дочери

был восхищен до слез, но дома признаться в этом было некому и небезопасно, и он приходил ко мне...[59]

В мемуарах Константина Ваншенкина описано посещение Дома художников известным прозаиком Виктором Некрасовым, автором «В окопах Сталинграда» (1946):

Трифонов жил на Масловке у своего тестя, старого художника в специально построенном доме, где помещались и квартиры, и художественные мастерские. Этот дом описан им в позднем рассказе о посещении Шагала. В 1951 году Юра получил за повесть «Студенты» Сталинскую премию и вскоре женился на солистке Большого театра Нине Нелиной. Она, видимо, предполагала, что он и дальше пойдет шёлкать премии одну за другой, как тогда не раз бывало. Но у него дело застопорилось, заколодилось, да и другие появились неприятности, он стал сбиваться с тона, но держался, упорствовал.

От того, последующего, настоящего Трифонова, которого все знают, его отделяло почти целых пятнадцать лет.

А пока что жить было негде. Нинины старики уступили им квартиру, а сами устроились в мастерской. Маленькой Олечке было, думаю, года три-четыре. Она до сих пор, или, вернее, с тех пор, называет меня «дядя Костя».

Наш приезд вызвал оживление: еще бы, знаменитый Некрасов! Нина с матерью накрывали на стол, друг, похоже, уснул в уголке, в кресле, мы вели беседу об искусстве.

Разговор сразу повернулся к живописи. Старик-тесть блаженствовал: Некрасов прекрасно знал импрессионистов и постимпрессионистов. Трифонов тоже во всем этом неплохо разбирался, он был образован достаточно глубоко и разносторонне. А я вспомнил лекции Тарабукина[60] и тоже вставил словечко о французской живописи, назвав имена Лоррена и Лебрена, чем несколько удивил Некрасова и заставил старика воскликнуть:

— Да, да, конечно! Были такие...[61]

Вну(ч)ки художников

Мама... забыла обо мне. Когда вспомнила, захотела избавиться, было уже поздно. Она пила всякую гадость... Залезала в горячую ванну. И... родился недоношенный ребенок... [62]

Мои родители — Нелина и Трифонов — познакомились весной 1951 г. У молодых людей сразу возникло взаимное притяжение. Нелина много читала, ее с детства привыкли видеть с книгой в руках. Встреча с писателем сразу вызвали ее интерес и любопытство. Со своей стороны, Трифонов прекрасно рисовал, в юности он даже посещал художественную школу. Благодаря матери сохранились его детские рисунки. Позднее в семейной библиотеке было много книг по искусству. А на полях своих рукописей он часто оставлял зарисовки — мужские и женские головки, силуэты лошадей.

Сблизило их и то, что в 1942 году оба провели год в Ташкенте, куда были эвакуированы их семьи. Нелина была там с родителями, Трифонов с бабушкой Татьяной Словатинской и младшей сестрой Татьяной. Тогда они не встретились, видимо, из-за разницы в два года. Юрий заканчивал десятилетку, а Нина уже окончила общеобразовательную школу в Москве и поступила в эвакуированную в Ташкент Ленинградскую консерваторию.

Родители еще не успели пожениться, как мама забеременела. О моем незапланированном и преждевременном рождении в семье было много споров. Бабушка Полина возражала против моего рождения, требуя от дочери, чтобы та срочно сделала аборт.

О предполагаемом аборте Трифонов вспоминал в своем последнем романе:

Подготовка к нечеловеческой пытке любимого существа, к кромсанию плоти, к убиванию жизни. И это должно пасть ножом гильотины лишь оттого, что в редакции одного журнала отвергли рукопись в восемнадцать страниц. Нет, не рукопись, отвергли судьбу, надежду, отвергли отчаянный выкрик в глубину вселенной — как поступить тем, кто домогается счастья, ибо люди не хотят ничего другого. Только понимают по-разному. Антипов думал: счастье — это конец муки. Это то, что наступит примерно в половине шестого.

Судьба ответила: нет. Редактор изрек: рассказ написан под Бунина, это никуда не годится...[63]

Описывая писателя Антипова, Трифонов во многом подразумевал себя, в образе Тани я узнавала многое от мамы. В образе главной героини романа Тани соединились черты Н.Нелиной, другая часть была взята у его второй жены А.Пастуховой:

— Я тебя люблю, Таня, — сказал Антипов. — И ничего не нужно. Будем жить дальше.

Он сел рядом на диван. Таня взяла его руку, прижала ладонь к губам и, вдруг, привалившись к нему, зарыдала. Тетя Ксения взмахивала ручками, приседая смешно: «Ой! Ой!»[64]

Когда бабушка Полина сообщила, что ребенок может помешать артистической карьере дочери, та отвечала:

— Мать, все должно быть заполнено.

Бабушка по отцовской линии, Евгения Лурье, по свидетельству родственников, говорила:

— Пусть Нина родит. Мы воспитаем ребенка.

Мне рассказывали, что бабушка Женя (Евгения Лурье) пришла посмотреть на меня, когда я только родилась. Искала сходства со своим сыном. Потом констатировала удовлетворенно: «У нее юрины пальчики». Действительно, я унаследовала форму кисти рук и ступни ног отца. У Трифонова были белые руки с красивыми длинными пальцами, почти женской формы, но большие по размеру.

Судя по повести Трифонова «Другая жизнь», мое появление на свет решилось благодаря деду Нюренбергу, который изрек:

— Я, как ответственный съемщик, запрещаю!

История моего рождения в повести Трифонова *Другая жизнь* выглядела следующим образом:

Единственный раз, когда Георгий Максимович напомнил всем, что он ответственный съемщик, и проявил неуступчивость, случился в мае: решалась судьба Иринки. Была первая весна их жизни. Ничего еще не устоялось, все было непрочно, зыбко... С деньгами было худо. И тут обнаружилось, что будет ребенок. Матерям не говорили. Решили срочно что-то предпринимать, потому что — невозможно, нельзя никак...

Укол не помог. Влад рекомендовал знакомого доктора, старичка, тогда это запрещалось. Нужно было делать дома, втайне, при закрытых дверях и занавешенных окнах.

Пришлось сказать матери, та сказала Георгию Максимовичу — скрыть было нельзя, да и мать перепугалась, не знала, как быть. Сама она никогда этого не делала...

Но тогда, в мае, было еще все не ясно. Георгий Максимович вдруг ошеломил всех: «Я, как ответственный съемщик, запрещаю!» Так и осталось неведомо: то ли действительно боялся нарушить закон, то ли поддался паническому настроению матери...

Иринка появилась на свет благодаря фразе Георгия Максимовича: «Я, как ответственный съемщик...» Когда-то Ольга Васильевна мучила себя нестерпимыми воспоминаниями. Дочка не знала, что ее не хотели. Все успели забыть... Но она-то знала, помнила. И когда осенью слякотным днем бежала по Гоголевскому бульвару в сторону Арбата, спешила в магазин и вдруг что-то сжало низ живота с такой силой, что она качнулась, едва не упала, какой-то человек подхватил под руку и повел на бульвар, чтобы посадить на скамью, она тут же подумала: «Это мне за то...»

Иринка родилась семимесячная. Только приехали из роддома, она развернула пеленки, Сережа подошел посмотреть, и она крикнула, заслоняя собой: «Не смотри, не смотри! Потом! Уйди!» Не могла, чтобы увидел такое жалконькое, тщедушное. Дня через три показала ему это тельце, уже напоминавшее ребенка. Теперь Иринка, кажется, самая высокая в классе. А Сережи нет на земле.

Так быстро все это пронеслось...[65]

Родилась я в несуществующем ныне роддоме им. Грауэрмана на Арбате. Роды у мамы начались преждевременно. Друживший в то время с семьей родителей писатель Г.Бакланов оставил следующую зарисовку:

Дочь у них родилась семимесячной. Собираясь в театр и, как всегда, торопясь, что-то хватая, что-то забывая, роняя, Нина уронила ноты. Будто бы это плохая примета и, чтобы действие ее нейтрализовать, требуется тут же сесть на ноты. Женщина молодая, быстрая, сильная, Нина с размаху села на ноты, на пол. В тот же вечер ее увезли рожать.[66]

Случайно сохранилась записка Нелиной из роддома:

Мамочка, Юрочка, папочка и Женечка! Сажу в приемной, меня всю измерили и ждут еще врача, чтобы решить в какое отделение меня положить. Дорогие мои! Подождите врача, поговорите с ним, пусть Юра скажет ей несколько слов, чтобы повнимательней были. Воды продолжают итти, но тут говорят, что недоношенные живут и их выхаживают. Когда поговорите с врачом, поезжайте домой и обедайте. Юрочка! Никуда не уходи из дома. Целую всех.[67]

В «Медицинском паспорте ребенка», выданном маме в роддоме, значилось:

Фамилия и адрес — Нелина, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 59

Родился — 14 декабря 1951 года

Место рождения — г. Москва

№ роддома — № 7

Роды — преждевременные

Вес при рождении — 2150, рост — 47

Болезни, перенесенные в роддоме — недоношенная девочка
Сведения о семье:

Мать — 1923 г.р. — солистка Оперы — образование среднее

Отец — 1925 г.р. — писатель — образование высшее.[68]

Когда меня принесли из роддома в квартиру на Верхней Масловке, то сначала заворачивали в вату. Ведь тогда еще не было специальных инкубаторов для недоношенных детей. А родилась я зимой, в декабре, когда стояли морозы. Потом меня ставили в коляску у окна мастерской — «гулять». Поскольку мастерская не отапливалась, зимой там всегда было прохладно. К тому же там было во всю стену окно. А внизу, под окном располагался большой яблоневый сад. Меня оставляли специально у окна, чтобы дышала свежим воздухом.

Рассказывали, что в младенчестве я почти не плакала. Соседи приходили посмотреть на меня и спрашивали: «Где этот ребенок, который никогда не плачет?» Наверное, я не плакала оттого, что хорошо себя чувствовала в окружении картин, рам, подрамников, картонов, мольбертов.

Мама показывала меня своим друзьям, в частности супруге писателя Виктора Драгунского — Алле Драгунской. Та впервые увидела меня в коляске в мастерской деда. Однажды Драгунские пришли в гости, и мама сказала Алле: «Пойдем, я покажу тебе нашу Олю». Мне было тогда примерно полгода. Позже Драгунская часто повторяла, что знала меня с «колясочного» возраста.

Нелина со мной в мастерской на Верхней Масловке, 1952 г.

Меня сразу стали раскармливать, поскольку бабушка боялась, что я не смогу нормально вырасти. Помню, что она давала мне по утрам «тюрю». Приготовить ее было просто — надо было просто налить в тарелку молоко и покрошить туда булку с изюмом, которая называлась «калорийной». Тюря была готова. На ней я росла, как на дрожжах.

Один раз дед Нюренберг обронил такую фразу:

— Вначале мы не знали, что сделать, чтобы ты быстрее выросла, а потом не знали, как остановить твой рост.

Бабушка Полина в одном из своих многочисленных писем вспоминала о моем раннем рождении и маминых усилиях сделать из меня человека:

Боже, сколько ты сделала для этой девочки. Это было маленькое тщедушное существо с большим кривоглазием, сутулое и кривоногое существо. Сколько ты приложила сил, стараний, чтобы сделать ее полноценной. Сейчас это стройная красивая девочка-девушка, но чего это тебе стоило. Один Бог знает.

Я, как ты помнишь, не хотела, чтобы у тебя был ребенок. Я говорила: это будет мешать искусству, но ты мне отвечала: мамочка, все должно быть заполнено...[69]

Надо отдать должное маминым усилиям. Она очень старалась. Сначала она пыталась развить меня физически, затем интеллектуально — последовали английская спецшкола, фигурное катание, обучение музыке и танцам, американская литература. Только музыке я не училась, хотя мама уверяла, что у меня «музыкальные пальчики». Мама говорила, что в дальнейшем мы с ней будем «подружками». К сожалению, этого не случилось. То ли мне все шло не впрок, то ли мама была непоследовательной. Кроме того, ее жизнь со мной оказалась укороченной. Мы слишком мало времени провели вместе — вначале было мое преждевременное рождение (два месяца я не досидела в ее животе), затем — ее ранняя смерть. Я провела с мамой всего четырнадцать лет. Жаль, что мое время с мамой так быстро пронеслось. Позже обо мне никто (кроме мужа) так сильно не заботился.

Но время это я хорошо запомнила. Мама была любящей и заботливой. Помню, как однажды на даче в Красной Пахре я свалилась и повредила ногу. Мама стремглав бежала ко мне на своих высоких каблукках-шпильках, чтобы помочь, хотя со мной ничего страшного или серьезного не случилось.

Супруга Константина Ваншенкина — поэтесса Инна Гофф описывала, как вскоре после маминой смерти пришла с мужем к Трифонову. И застала меня, сидящей под окном с мокрыми после мытья головы волосами:

Девочка страдала, как страдают дети. Она была внешне сдержанна, как бы бесстрастна, но как-то вся уменьшалась, таяла. Однажды, придя туда вместе с Ваншенкиным, — он бывал у Трифонова ежедневно, — я увидела Олю. Очень худенькая, серьезная, с маленьким бледным лицом и мокрыми после мытья, распущенными по плечам волосами, она сидела перед телевизором, смотрела на экран безучастно, невидяще... Сидела под распахнутой форточкой. И я остро почувствовала ее сиротство. Не было матери, чтобы сказать ей: «Не сиди под форточкой, простудишься!»

Нина страстно любила дочь.^[70]

Хорошо зная историю моего рождения, отец меня не только любил, но и «жалел» (по утверждению, его друга и соседа по даче в Красной Пахре писателя Иосифа Дика). Меня «жалели» и Нюрнберги. Не один раз, переезжая после смерти мамы, они никогда не обращались ко мне за помощью. А я, как теперь понимаю, бессовестно и эгоистично пользовалась этой «жалостью».

***

После неожиданной смерти мамы 26 сентября 1966 года в возрасте 43 лет мы с отцом получили много писем соболезнования. Одно из них пришло к нам с Верхней Масловки от бывшего соседа Нюрнберга — А.Тихомирова:

30 сент. 1966

Глубокоуважаемый Юрий Валентинович!

Мы с Любовью Михайловной просто потрясены известием о Нелли, которая казалась нам самим воплощением жизни, бьющей через край... Молодая, красивая, талантливая, с хорошим мужем. Жить бы и жить бы...

Мы помним ее с шести лет. Мы знаем, что Вы внесли в ее жизнь немало счастливого, она повидала Париж, чего так хотела.

И вдруг как-то непонятно оборвалось все. Будто жизнь прошла, как облако пролетело...

А для нас она такая, какую была на ранних фотографиях, которые у нас еще уцелели.

Крепко жмем Вам руку

Переживаем Ваше горе.

Любовь Михайловна и Александр Нилович Тихомировы

Москва 83А

Верхняя Масловка 9 кв. 26

И5 -28 -13[71]

***

Постепенно все же время начинает работать на Дом. О нем пишут статьи, сняли фильм, создали фонд сохранения художественного наследия, надеются со временем открыть музей. Александр Ильин сделал великолепный сайт «Верхняя Масловка» (maslovka.org). У парадного входа усилиями самих художников повесили мемориальную доску со списком именитых обитателей, а скоро, я уверена, появятся и персональные доски.

Ведь здесь жили выдающиеся деятели искусства. Сейчас их картины находятся в новой Третьяковской галерее на Крымском мосту и других главных музеях России, хотя критерии значимости со временем и поменялись. Раньше больше ценились работы академиков живописи, таких как Иогансон, Чуйков, Герасимов, Грабарь, писавших в стиле соцреализма, в частности, портреты партийных вождей и членов правительства. Сейчас внимание искусствоведов и публики переключилось на авангардистов, в частности, на членов группы «Бубновый валет», в свое время также проживавших в Доме на Верхней Масловке, — таких как Кончаловский, Штеренберг, Татлин, Машков, Тышлер.

И чем больше проходит времени, тем более прекрасными и безумно талантливыми кажутся мне все бывшие жители Дома на Верхней Масловке.

-----

[1] В советское время Аэропорт был излюбленным местом обитания творческой интеллигенции: за это район иронично прозвали ХЛАМ, что расшифровывалось как «Художники, литераторы, актеры, музыканты». Творцов селили в кооперативные дома — монументальные здания индивидуальной планировки на улице Черняховского, ведущей прямо к станции метро. Так здания превращались в целые профессиональные кластеры, а жили в них исключительно звезды: в Доме писателей, № 4 находились

квартиры Константина Симонова, Александра Галича и Арсения Тарковского, а в Доме актеров напротив проживали Майя Булгакова, Любовь Соколова и Леонид Гайдай». А.Колганов. Аэропорт: артефакты старой Москвы и призраки советского прошлого. Афиша Daily, 12.08.2021. <https://daily.afisha.ru/cities/20553-aeroport-artefakty-staroy-moskvy-i-...> .

[2] Александр Тихомиров (1889–1969) — живописец, искусствовед, автор монографий о М.Верещагине, об импрессионистах и др.

[3] Тогда по Верхней Масловке ходил трамвай № 27.

[4] Борис Иогансон (1893–1973) — крупный художник-соцреалист, педагог, среди самых известных картин — «Допрос коммунистов» (1933).

[5] Игорь Иогансон (1937*) — художник, скульптор. Основатель галереи «Spider & Mouse». Позже познакомилась я и с его сыном, правнуком Бориса Иогансона, тоже Борисом Иогансоном (1974*), кандидатом искусствоведения, ныне директором музея-заповедника С.Есенина.

[6] Полина Мамичева-Нюренберг (1896–1978) — жена Нюренберга, в молодости балерина и художница.

[7] Нина Нелина (1923–1966) — солистка Большого театра, жена писателя Юрия Трифонова (1951–1966).

[8] В 1951 г. Трифонов женился на дочери Нюренберга, Нине Нелиной, и прожил в его квартире пять лет.

[9] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю.Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 234.

[10] Здесь Трифонов описывает своего тестя (имена реальных людей Трифонов часто заменял на вымышленные).

[11] Ю.Трифонов. Другая жизнь. В кн.: Ю.Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 2*. М., Художественная литература, 1986, стр. 258.

[12] Там же, стр.246.

[13] А.Нюренберг. Дневники художника А.Нюренберга 1934–1940-х годов. Части 1–2 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 06.12.2015.

[14] Фридрих Лехт (1887–1961)—художник, скульптор немецкого происхождения, один из учредителей Ассоциации художников революционной России (АХРР).

[15] Георгий Рязжский (1895–1952) — живописец-соцреалист, профессор, секретарь президиума Академии Художеств СССР (1949–1952).

[16] А.Нюренберг. Дневники художника А.Нюренберга 1934–1940-х годов. Части 1–2 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 06.12.2015.

[17] Ю.Трифонов. Неоконченный холст. В кн.: *Кепка с большим козырьком*. М., Советская Россия, 1969, стр. 64.

[18] Владимир Татлин (1885–1953) — авангардный архитектор и дизайнер; в 1930-е занялся реалистической живописью.

[19] Давид Девинов-Нюренберг (Дэви) (1896–1964) — младший брат Нюренберга, живописец, график.

[20] А.Нюренберг. *Одесса — Париж — Москва*. М., Мосты культуры, 2010, с. 488.

[21] Евгений Кацман (1890–1976) — художник и график. Один из лидеров Ассоциации художников революционной России (АХРР).

[22] Дневники А.Нюренберга 1950-х. Семейный архив.

[23] А.Нюренберг. Как художники пережили войну. Из архива Амшея Нюренберга, часть 2 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 14.01.2019. <https://www.chayka.org/node/9504> .

[24] А.Нюренберг. Как художники пережили войну. Из архива Амшея Нюренберга, часть 4 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 30.01.2019. <https://www.chayka.org/node/9544>.

[25] А.Нюренберг. Как художники пережили войну. Из архива Амшея Нюренберга, часть 3 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 06.12.2015. <https://www.chayka.org/node/6872> .

[26] А. Нюренберг. *Одесса–Париж–Москва*, М., Мосты культуры, 2010, стр. 461–462.

[27] Александр Осмеркин (1892–1953) — художник и педагог, участник художественной группы «Бубновый валет». Близкий друг Нюренберга, знал его с ранней юности, родился с ним в одном городе Елисаветграде в Украине (ныне Кропивницкий).

[28] Schwinzer E., A.Chilova. Die russische Avantgarde und Paul Cézanne. Gustav-Lübcke-Museum Hamm. 24. März 2002–21. Juli 2002. Bönen, DruckVerlag Kettler, 2002, S.234.

[29] Георгий Бакланов (1923–2009) — советский писатель, представитель «лейтенантской прозы», главный редактор журнала «Знамя». После войны приехал из Воронежа учиться в московском Литинституте и по ходатайству Юрия Трифонова — зятя Нюренберга — одно время снимал койку в его мастерской. В частности, он рассказывал, как настолько пропитывался ее запахами, что на занятиях от него пахло масляными красками. Благодаря Бакланову литература о Доме художников пополнилась хорошо написанными историями, точными по сути и с красочными деталями.

[30] Г.Бакланов. *Входите узкими воротами*. М., РИК «Культура», 1995.

http://belousenko.com/books/baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm .

[31] А.Нюренберг. *Дневники 1950-х*. Семейный архив.

[32] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 232–233.

[33] Ю.Трифонов. *Как слово наше отзовется*. М., Советская Россия, 1985, стр. 351.

[34] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 232.

[35] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 233.

[36] Там же, стр. 235–236.

[37] А.Нюренберг. Дневники художника Амшея Нюренберга — Часть 2 (публикация О.Трифоновой-Тангян). Интернет-альманах *Чайка*, Вашингтон, 6.12.15. <https://www.chayka.org/node/6871> .

[38] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 236.

[39] Николай Сысоев (1918–2001) — живописец, народный художник России. Реалист, автор работ о В.Ленине.

[40] Александр Замошкин (1899–1977) — живописец, искусствовед, в 1950-е директор Третьяковской галереи.

[41] Владимир Кеменов (1908–1988) — искусствовед, исследователь творчества В.Сурикова. В 1940-е — директор Третьяковской галереи.

[42] А.Нюренберг. *Дневники 1950-х*. Семейный архив.

[43] А.Нюренберг. *Одесса–Париж–Москва*. М., Мосты культуры, 2010, стр. 524.

[44] А.Нюренберг. *Дневник 1952 г.*. Семейный архив.

[45] Ю.Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 235.

[46] Г.Бакланов. *Входите узкими воротами*. М., РИК «Культура», 1995.

http://belousenko.com/books/baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm .

[47] Г.Бакланов. *Входите узкими воротами*. М., РИК «Культура», 1995.

http://belousenko.com/books/baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm .

[48] Кириаки Костанди (1852–1921) — живописец греческого происхождения, профессор Одесского художественного училища (ОХУ). Класс Кириаки Костанди закончили вначале Амшей Нюренберг, потом его младший брат Давид Девинов-Нюренберг.

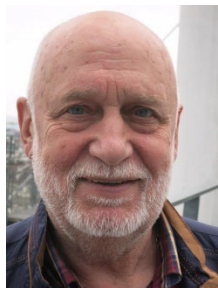
[49] Леонид Колесников (1893–1968) — селекционер-самоучка, вывел много сортов сирени. Сиреневый сад Колесникова находился на Песчаных улицах, около м. Сокол в Москве.

- [50] Ю.Трифонов. Неоконченный холст. В кн.: Ю.Трифонов. *Кепка с большим козырьком*. М., Советская Россия, 1969, стр.68.
- [51] А.Нюренберг Дневник 1950-х годов, частная коллекция
- [52] Полная цитата из *Бесов* Ф.Достоевского звучала так: «... понимаешь ли ты, что человеку кроме счастья, так же точно и совершенно во столько же, необходимо и несчастье!»
- [53] Дневник Нюренберга 1950-х гг. из частной коллекции
- [54] Ю.Трифонов. *Время и место*. В кн.: Ю.Трифонов. *Собр. соч. в 4-х томах, т. 4*. М., Художественная литература, 1987, стр. 419.
- [55] Речь идет о посещении старинного друга А.Нюренберга в Париже — скульптора Дж.Констана (Иосифа Константиновского); очерк «Начало» датирован 1976 г.
- [56] Сергей Савицкий — прототип Льва Шулепникова из повести *Дом на набережной*.
- [57] М.Коршунов, В.Терехова. *Тайна тайн московских*. М., Слово, 1995, стр. 277–278.
- [58] А.Шитов. *Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества 1925–1981*. Екатеринбург, Изд. Уральского университета, 1997, стр. 236.
- [59] Г.Бакланов. *Входите узкими воротами*. М., РИК «Культура», 1995.
http://belousenko.com/books/baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm
- [60] Николай Тарабукин (1889—1956) — советский искусствовед, преподавал в Литинституте.
- [61] К.Ваншенкин. *Писательский клуб*. М., Вагриус, 1998, стр. 284–285.
- [62] С.Алексиевич. *Время сэконд-хенд*. М., Время, 2013, стр. 262–263.
- [63] Ю.Трифонов. *Время и место*. В кн.: Ю.Трифонов. *Собрание сочинений в 4-х томах, т.4*. М., Худ. лит., 1987, стр. 423.
- [64] Там же, стр. 425.
- [65] Ю.Трифонов. *Другая жизнь*. В кн.: Ю.Трифонов. *Собрание сочинений в 4-х томах, т.2*. М., Худ. лит., 1986, стр. 250–251.
- [66] Г.Бакланов *Входите узкими воротами*,
http://belousenko.com/books/baklanov/baklanov_vhodite_uzkimi_vratami.htm
- [67] Семейный архив
- [68] Там же
- [69] Письмо П.Мамичевой из семейного архива.
- [70] И. Гофф. Водяные знаки. *Октябрь*, 1985, №8, стр. 103.
- [71] Письмо супругов Тихомировых. Семейный архив.

Сергей Бычков

Москва, Россия

Отец Александр Мень. Последний год жизни

Из неопубликованной книги Сергея Быčkoва «Золотые нити»

В мае 1989 года Айтматов пригласил отца Александра поехать в составе группы российской интеллигенции в Германию. Русскую Церковь представлял митрополит Волоколамский Питирим (Нечаев), весьма ревниво относившийся к отцу Александру. Они должны были подготовить почву для визита генерального секретаря Михаила Горбачева. По-видимому, это был единственный случай его участия в политической акции. Визит длился четыре дня. Когда отец Александр вернулся, я спросил его о впечатлениях от Германии. «Фураж там отменный», - шутливо ответил он. Позже рассказал о своем докладе на богословской конференции, приуроченной к визиту Горбачева. Айтматов разволновался, подошел к нему и поблагодарил за то, что он в своем докладе говорил о Христе. «Представляете, почему-то никто даже из зарубежных богословов не упомянул о Нем!» – сказал он отцу Александру.

Этот год был очень насыщенным различными событиями. Вернувшись осенью 1989 года из Италии, отец Александр обратился ко мне с просьбой – нельзя ли напечатать в популярной молодежной газете “Московский комсомолец” (бывшей в те времена органом ЦК ВЛКСМ и МГК ВЛКСМ) его статью о недавно почившей основательнице движения “Малых сестер Иисуса” - Магдалене.¹ Он рассказал мне о том, что ему посчастливилось во время поездки в Италию осенью 1989 года присутствовать на ее отпевании и даже принимать участие в нем. Я в свое время прочитал книгу о Шарле де Фуко, но не подозревал, что его начинание не только не умерло, но и продолжило расти и крепнуть. Я не знал, что отец Александр лично несколько раз встречался с монахиней Магдаленой, которая приезжала в СССР и сумела основать небольшую, но деятельную общину. В конце октября – начале ноября 1989 года отец Александр поехал в Италию, а 2 ноября выступал на международном симпозиуме в Бергамо с докладом «Основы культурного единства».

Малая сестра Клер (Латур)², жившая и трудившаяся в СССР и регулярно посещавшая в приходе отца Александра, вспоминала: «9 июля 1989 года, вернувшись из России, матушка Магдалена впервые позволила себе упомянуть на Западе о своих встречах с отцом Александром. Она сказала: «Там, в Москве, он – наш духовный отец, и мы ему доверяем во всём». За год до того во время совместной молитвы он сказал: «Благодарим Господа за это чудо, что мы собрались здесь вместе с сестрой Магдаленой. Благодарим Тебя, Господи, за Малых сестёр во всём мире... Этот мир, где так мало веры и любви, нуждается в них, в свидетелях, умеющих жить в молчаливой молитве в гуще народа...».

Отец Александр с матушкой Магдаленой

У них было много общего. Прежде всего — всецелая преданность Христу и светлая радость, которую они щедро дарили людям. Это отмечала в своих воспоминаниях и сестра Клер: «Что отца Александра привлекало в сестре Магдалене, которую он встречал, когда она приезжала в СССР, – это её простота, стойкость, бесстрашие – «всё, что нужно для жизни здесь», – говорил он. Их объединяло горение духа, и отец Александр не боялся строить совместные планы, даже если условия жизни в СССР делали эти планы неосуществимыми. О некоторых из них он мог говорить только с ней, например, о расширении апостольского служения, о росте молитвенных групп, об изучении Евангелия.»³

Отцу Александру было чуждо уныние. Он был веселым, радостным человеком, щедро наделенным чувством юмора. И малые сестры Иисуса, жившие и трудившиеся в богоборческом государстве, охотно помогали ему, привозя столь необходимые книги, сознательно идя на риск: «Смеясь, он говорил, что не только готов давать нам советы, которые дала бы матушка Магдалена, окажись она здесь, но готов их давать «с огоньком». Записочки, которые мы получали от него, часто пестрели смешными рисунками. Оба они умели радоваться как дети, от обмена подарками. Многотомная религиозная энциклопедия, буквально по капле проникавшая в Москву, написанные им и изданные в Брюсселе книги, диапозитивы, необходимые ему для создания

религиозных диафильмов, - всё это было источником радости для отца Александра, и он в свою очередь готов был вынести все сокровища из своего кабинета и поделиться с нами.»⁴

Мы часто видели сестру Клэр в нашем небольшом деревянном храме Сретения Господня в Новой Деревне под Москвой. Мы воспринимали ее как нашу прихожанку, не догадываясь, что она является членом общины матушки Магдалены. Они ничем не выделялась, быть может, кроме роста (она была высокой) - молча и сосредоточенно участвуя в общей литургической молитве. Никогда и ничем за годы жизни в СССР она не выдала свою причастность к общине Малых сестер. Неприметность - вот определяющая черта служения общины. Именно она позволяла сделать им так много в условиях авторитарного богоборческого государства. И отец Александр ценил это: «Он любил наше Братство. Он принял в своё сердце брата Шарля ещё до знакомства с нами. Каким чудом получил он первый перевод книги брата Шарля на русский язык, изданной в Брюсселе в то время, когда границы были на замке? Он говорил о Шарле де Фуко: «Человек, как айсберг, главное – не то, что видишь на поверхности воды, но то, что скрыто. И важно укреплять эту невидимую для других жизнь, как это делал брат Шарль».⁵

Незадолго до смерти сестра Клэр написала свои воспоминания. В них она описывает как проходило отпевание и похороны матушки Магдалены: «Инициатива встреч с отцом Александром шла от Бога, даже, если нужно было выверять даты и проявлять большую осторожность. Вот почему его звонок в Тре Фонтанеб в Риме накануне похорон малой сестры Магдалены можно считать чудом. Мы очень хотели, чтобы рядом с греческой, мелькитской, украинской церквями, которые уже молились над её гробом, присутствовала и Русская православная церковь. Но это было немыслимо! Как нам хотелось, чтобы представителем РПЦ был отец Александр! У него было предчувствие, что остались считанные дни, чтобы нести Благоую Весть, используя советские СМИ, предоставленные ему, наконец, после стольких лет запрета на Слово! И он, дорожа каждой минутой, не хотел уезжать из страны. И вдруг итальянцы выдают ему билет и визу на симпозиум в Бергамо, где он должен был выступить с докладом! И он едет! И оказывается в Риме, в «Руссикуме» именно в тот момент, когда туда вернулись священники из Тре Фонтане после панихиды по матушке Магдалене. Это произошло вечером 8 ноября 1989 года. Еще в июле того же года отец Александр встречался с матушкой Магдаленой в Москве... Он тут же позвонил, очень взволнованный, так как для него, приехавшего в Рим так неожиданно и ничего не знавшего, было очевидно, что это – знак Божьей воли. И что, без сомнения, здесь не обошлось без горячего желания матушки Магдалены, чтобы он простился с ней.»⁷

Вернувшись из Италии, он скупко поведал, что ему посчастливилось принять участие в отпевании матушки Магдалены. О подробностях я узнал много позже, ознакомившись с воспоминаниями сестры Клэр: «На следующий день, 9 ноября, мы везли его на машине из «Руссикума» на отпевание в Тре Фонтане. По дороге мы показывали разные памятники, катакомбы, римские дороги... Но он знал наизусть весь план Рима и, вероятно, лучше, чем мы. После отпевания он приветствовал несколько человек из пятидесяти священников, которые служили вместе: о. Рене Вуайома и малых братьев, трёх кардиналов, братьев из Тезе и сестёр из Грандшампа, отца Тадеуша

Феодоровича из Ляск (Польша), представителей Константинопольской и других восточных Церквей...

После трапезы он отслужил панихиду на церковнославянском языке в часовне и обратился отдельно к малым сёстрам: «Я очень любил малую сестру Магдалену не только за её человеческие качества, но и потому, что был уверен, в том что ее замыслы, её видение, её начинание – великое дело в современном мире. Когда-то, две тысячи лет тому назад мир потрясали войны, противоречия, и было много искушений у людей, как и сегодня. Апостолы – мужчины и женщины – победили языческий мир не силой, а верой и служением. Мир раздирается ненавистью сегодня, и победить её можно только любовью. Самая сильная любовь – любовь евангельская. И в ушедшей от нас матушке Магдалене эта любовь была удивительной силы. Она собрала сегодня людей со всех континентов, и это такая радость для Вселенской Церкви! Матушка Магдалена несколько раз была в России, и мне выпало счастье видеть и знать её. Она была для меня и для моих прихожан, для моих друзей свидетельством силы духа, когда плоти уже почти не было. И последнее, что я хочу сказать: когда мы вспоминаем день Успения Девы Марии - это праздник. И сегодня, когда мы присутствуем на похоронах, на погребении, когда мы прощаемся, я ощущаю атмосферу торжества, праздника Церкви. Пусть её молитва о вас и Божие благословение будут с вами всегда».8

С января 1990 года продолжалась работа по возрождению Российского библейского общества. Отец Александр уговорил член-корреспондента Академии наук С. С. Аверинцева стать президентом возрождающегося общества. На Пасху 1990 года состоялось его публичное выступление перед многотысячной многоконфессиональной аудиторией в спорткомплексе «Олимпийский». В июне 1990 года состоялась его вторая поездка в Германию — его пригласили принять участие в российско-германском Вайнгартенском международном симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание». В состав делегации входили два митрополита - Волоколамский Питирим (Нечаев) и Ростовский Владимир (Сабодан). Поездка длилась четыре дня.

Полемизируя на конгрессе с известным немецким богословом Гансом Кюнгом, отец Александр сказал: «...утверждая абсолютную ценность человеческой личности, Бог до Христа открывает нам и другое: подлинная жизнь личности – в открытости другим личностям, в служении другим личностям. В этой отдаче самих себя, в этом персонализме утверждается тайна любви и тайна служения. Только на таком основании возможна будущая экуменическая модель мира. Конкретная задача здесь – научить людей этой открытости. Возможна ли она? Как, в частности, ее совместить с многообразием религий? Напомню, что Евангелие отличается от других религий не только этикой, а тем, что в нем через Иисуса открыт Бог как личность, но в этическом плане у нас много общего... Считает ли человек себя верующим или нет, без духовности у человека нет будущего. Западный индифферентизм есть симптом опасной болезни. Апостол Павел говорит: «Духа не угашайте.» Если у нас будет угасать дух, будь мы на Западе или на Востоке, мы будем постепенно катиться вниз либо в условиях комфорта, либо в условиях бедности. Человек создан как явление духа во Вселенной, как отображение тайны, которая создает весь мир. Если мы изменим своему призванию, Бог создаст новое человечество. Надо, чтобы этого не случилось.»9

После окончания симпозиума отец Александр нелегально отправился с друзьями на автомобиле в Брюссель. Там наконец произошло знакомство с И.М.Посновой и ее помощниками, которая возглавляла издательство «Жизнь с Богом» и постоянно издавала книги отца Александра. В июне 1990 года он совершил еще одну поездку в Италию. Ему хотелось помочь дочери, повидаться с внуком Александром, которого он глубоко любил. Вернувшись в СССР, принялся за организацию редакции журнала «Мир Библии», отдал в журнал «Смена» сокращенный вариант «Сына человеческого» с просьбой передать гонорар на постройку крестильни в Новой Деревне. В это же время подготовил новый вариант книги «Как читать Библию» и заключил договор на издание её в Риге. Завершил редактуру рукописи нового варианта книги для детей об Иисусе Христе «Свет миру» и заключил договор с издательством «Малыш». Подготовил сборник статей «Трудный путь к диалогу» с предисловием митрополита Сурожского Антония и передал право на его издание в издательство «Радуга». Завершил работу над «Библиологическим словарем». В Доме культуры «Серп и молот», начиная с 16 сентября, был объявлен цикл его лекций «Читаем Библию».

Примечания:

1. Монахиня Магдалена (Ютен) (1898 – 1989) – основательница конгрегации Малых сестёр Иисуса.

2. Клэр (Латур) (1932-2013) – француженка, одна из малых сестер Иисуса, почти 30 лет прожившая в Москве. Была няней двух дочерей французского дипломата Ива Амана, большого друга священника Александра Меня. После гибели отца Александра Ив Аман написал его биографию, которая неоднократно переиздавалась в России.

3. ХРИСТИАНОС, № XIX, Рига, 2010, сс.139-140

4. там же, с. 140

5. там же, с. 139

6. Тре Фонтане – основной дом малых сестер Иисуса в Риме, на улице Лауринтина, где по преданию принял мученический конец апостол Павел.

7. ХРИСТИАНОС, № XIX, Рига, 2010, сс.141-142

8. там же, сс.142-144

9. Мень, священник Александр, «Выступление на российско-германском Вайнгартенском симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание», журнал «Иностранная литература», 1990, №11.

Симпозиум проходил с 3 по 18 мая 1990 года в Вайнгартене и Штутгарте. Гебхард Фюрст, директор Вайнгартенской Академии (с 1986 года и епископ Роттенбург-Штутгартской епархии с 2000 года) был наряду с главным редактором журнала «Иностранная литература» Алексеем Словесным инициатором этого симпозиума. В эти дни Фюрст и отец Александр сдружились и обдумывали поддержку различных проектов в России, а также организацию совместных проектов. Материалы симпозиума были опубликованы в журнале «Иностранная литература», №11 за 1990 г. сс.203-230

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

Лея, «Катюша» и не только. О Лее Кизнер

При слове «Катюша» мы вспоминаем либо любимую народом предвоенную песню М. Блантера и М. Исаковского, либо прозванную этим ласковым именем советскими солдатами боевую машину реактивной артиллерии, одно из самых мощных огневых средств, применяемых во время Отечественной войны.

Её создал большой коллектив инженеров и учёных. Шестерым из них в 1991 г. было посмертно присвоено звание Героя Социалистического труда, но занимались разработками и исследованиями многие замечательные специалисты.

В 1993 г. отмечалось 50-летие легендарной «Катюши», наводившей ужас на врага. Ветераны-ракетчики предложили единственной из них женщине, внесшей огромный вклад в создание этого грозного оружия, встать во время торжества на самое видное место пусковой установки, около которой они собрались.

Один из них сказал: «Катюшу» должны были назвать «Леей». Сохранился коллективный снимок, где небольшая худощавая женщина, растерянно улыбаясь, стоит выше всей группы мужчин – на платформе боевой машины. Её звали Лея Борисовна Кизнер.

Она родилась в 1915 г. в еврейском местечке Гайсин. Была шестым и единственным ребёнком, похожим на отца; из-за этого сходства девочке пророчили счастливую жизнь. В еврейской традиции принято считать, что имя Лея означает «принадлежащая господу». Неизвестно, знали ли об этом её

родители Берка и Зисл Кизнеры, которых в 1944 г. фашисты зверски убили и бросили в колодец. Но всё чего в жизни добилась их талантливая дочь давалось ей с таким огромным трудом, настойчивостью и смелостью, на которые немногие мужчины способны.

Лея Борисовна Кизнер

В 1934 г. Лея поступила в знаменитый Химико-технологический институт в Москве, где слушала лекции самих знаменитых учёных-химиков и математиков. Однажды на лекции профессора Хлодовского она узнала, что какой-то интеграл не берётся обычным методом. Ночью, во сне, она завела полемику с учёным, доказывая ему возможность решения.

Сестра разбудила её: – Ты что это во сне разговариваешь?

Лея тут же проснулась, и до рассвета ей удалось взять интеграл и опровергнуть общеизвестное мнение. Потом в институте она 2 часа докладывала у доски полученные результаты.

На 4-м курсе девушку перевели на факультет по изготовлению топлива для боеприпасов, и это определило всю её судьбу. В 1939 г. Лею направили в Реактивный научно-исследовательский институт. За полтора года она подготовила дипломную научную работу, которую вела одновременно с практической. Защищая её, Лея стояла у доски, едва держась на ногах от постоянного отравления парами нитроглицерина. Эту работу Учёный совет признал соответствующей кандидатской диссертацией, предложив автору стать кандидатский минимум. Но она сдала его лишь после войны, да и диссертацию написала потом на совсем другую тему...

Получив диплом, Лея осталась работать в РНИИ.

Однажды ей поручили отвезти на пороховой завод секретную матрицу для изготовления пороховых шашек. Двое рабочих притащили в вагон тяжеленную деталь. – Не пугайтесь, вас встретят, – заверили они. – Только в оба смотрите – не приведи Господь, если матрица куда денется... Головой все заплатим!

Ехать пришлось двое суток, и всю дорогу Лея дрожала: а вдруг какой-нибудь "враг народа" утащит её вместе с матрицей? К тому же у неё разламывалась голова от лежания на громоздкой металлической детали.

На станции, где Лея должна была сходить, один из попутчиков любезно согласился помочь вытащить громоздкий багаж из вагона на перрон. Поезд ушёл; она оглянулась – кругом ни души. Вдруг Лея увидела сидевшего в санях деда с длинной бородой, покрытой сосульками; он, как и она, кого-то высматривал.

- Дедушка, пожалуйста, доведите меня до заводууправления.
- Никак не могу. Я встречаю какого-то крупного инженера из Москвы. Вот обратись к нему, девочка, и, если он разрешит, я возражать не стану.
- Дедушка, да ведь ваш инженер не приехал, поезд ушёл.
- И то верно. Так и быть, неси свои вещи.
- У меня там деталь, тяжеленная штукавина. Не поможете?
- Ещё чего, тащи сама.

Кое-как Лея доволокла тяжёлый груз до саней. Дед её пожалел, помог втащить матрицу, даже предложил тулуп. Они разговорились, и дед показал ей телеграмму: «Прошу организовать встречу инженера Кизнер с деталью».

Лею разобрал смех: – Это меня вы должны были встречать!

– Тебя?! Врёшь! Зачем смеёшься над стариком? Какой ты инженер, тебе лет-то сколько – шестнадцать? Давай, слезай! А замерзнешь, так мне не жаль! Тогда научись правду говорить старшим, – и поднял над головой кнут, намереваясь огреть её.

Узнав после приезда на завод, что вёз важного инженера, дед долго извинялся:

– Ты не выдашь меня, дочка? Ради Бога!

В 1942 г. Лея стала руководить лабораторией внутренней баллистики. Там она обнаружила тридцать головок с тротилом, накрытых брезентом. Один из инженеров положил в нагревательный шкаф пороховые шашки, они загорелись и стали летать, ударяясь в дверь, за которой находились люди.

Лея приказала виновнику выбраться наружу через форточку. А сама схватила тяжелый разводной ключ, чтобы разбить стёкла, но ничего в дыму не видя, промахнулась и не добросила ключ до окна. Задыхаясь, всё же дотянулась, расколотила двойные стёкла, поранив руку, а потом выбросилась из окна. Лею посчитали задохнувшейся, но она выжила и спасла лабораторию.

Успех в войне установок «катюша» в первую очередь объясняется составом пороха для реактивных снарядов. Но испытания выявили случаи их самовозгорания. Выход из затруднительного положения впервые в мировой практике предложил Л. Б. Кизнер – новую рецептуру пироксилинового пороха с прибавлением к известным его компонентам спиртового раствора канифоли вместо дефицитного во время войны нитроглицерина.

Ей приходилось работать ночами, спорить, доказывать. Даже в мороз маленькая худенькая женщина шла по бездорожью больше десяти километров пешком к испытательному полигону, а потом рисковала при пуске ракет, которые порой на этом этапе взрывались. Многие мужчины предпочитали уходить в укрытие, а она ничего не боялась.

Если бы не предложенный Леей Борисовной новый вид пороха, «катюши» остались бы без ракетных снарядов. Позже в своей кандидатской диссертации она впервые математически описала процессы горения пороха в реактивном двигателе.

Когда Красная Армия перешла в наступление, обнаружилось, что ракетные снаряды, размещаемые в пусковых установках «катюш», неожиданно начали взрываться ещё при запуске.

При испытаниях на заводе двигатели рвались один за другим. Собрались не только инженеры, но и сотрудники НКВД. Разработчиков обвинили во вредительстве. В те годы это означало мучительную смерть для заподозренных и тяжёлые последствия для членов их семей.

Будучи руководителем испытаний, Лея нашла причину преждевременных разрывов снарядов – для новых зарядов требовалось изменить конструкцию одной из деталей двигателя ракеты. Трудно было убедить военпреда и сотрудников НКВДН, но она взяла всю ответственность на себя.

Новые детали изготовили, и ночью испытания продолжились. Лея сама доставала из порохового погребка заряды, воспламенители и электрозапалы, сама снаряжала снаряды. Так без сна она отработала двадцать восемь часов. Все сто снарядов были отстреляны, испытания дали положительный результат. Репутация института и жизни подозреваемых коллег были спасены, а Лея уснула, опустив голову на стол, и не реагировала на попытки её разбудить, чтобы уточнить формулировки отчёта.

Сотрудники Артиллерийского Арсенала заинтересовались теоретической работой Леи по внутренней баллистике мин и попросили откомандировать её к ним для консультации. На встречу крупного специалиста Кизнер к проходной послали подполковника, по улыбке которого можно было прочесть: «Хорошенького же учёного нам прислали – какая-то невзрачная девчонка...».

Как только Лея появилась в зале, все собравшиеся громко рассмеялись – вот так солидный учёный! Лея спокойно сказала:

– Ну что, будем и дальше смеяться или начнём работать?

Все притихли, посыпались вопросы. Кизнер давала чёткие ответы, сопровождая их уравнениями, которые писала на доске, и графиками. Общение продолжалось около двух часов. На прощание генерал извинился за встречу, которую ей устроили. Общение помогло, и Красная Армия смогла получить новое вооружение.

В 1945 г. директор института генерал Бибииков обратился к Кизнер:

– Лея Борисовна, я решил передать вам на испытание 15 новых тонкостенных двигателей для стартовых ракет. Мне докладывали, что они разорвутся, т.к. не могут гореть нормально.

Лея просто рассвирепела:

– Если порох не будет гореть, то вложите меня в камеру и сожгите вместо пороха!

После этого генерал сказал:

– Могу ли я отказать такому убеждённому инженеру?

Но недобросовестные коллеги решили подвести Лею и отвлекли её внимание, позвав к телефону (на самом деле ей никто не звонил), закрыли стенд и собирались произвести контрольный выстрел.

Лея, резко ударив по ручке рубильника, не дала включить ток, сама открыла тяжёлую металлическую дверь камеры и обнаружила, что крышка-сопло была завёрнута только на две резьбовые нитки – явно для того, чтобы камера слетела с постели стенда и разорвалась.

– Почему не довернули? – строго спросила она.

– Потому что камера всё равно разорвётся!

Лея из последних сил сама довернула тяжёлую крышку-сопло, выгнала всех из стенда, соединила провода и включила их в электросеть. Испытание прошло хорошо, и стартовый двигатель поступил на вооружение. А американские учёные пришли к выводу о возможности создании подобных ракет только через десять лет, в 1955 г.

В 1950 г. Лее поручили провести расчёт траектории движения капли, выходящий из форсунки двигателя вертолёта. Пришлось составить и решить

без электронно-вычислительной машины (их в стране тогда ещё не было) сложнейшие нелинейные дифференциальные уравнения 4-й степени. Расчёт Лея выполнила за месяц. Его результаты она доложила на научном совете; это позволило решить одну из проблем двигателя вертолёта.

Но вместо хорошей оценки работы Лею, по рапорту секретаря парторганизации, уволили за то, что она после работы не оставалась на политучёбе, и отобрали пропуск. Конечно, это был лишь повод – начались «чистки» и массовые увольнения евреев.

Кизнер подготовила кандидатскую диссертацию, в которой решила и впервые математически описала процессы горения пороха в реактивном двигателе, что помогло созданию его конструкции и для знаменитой «катюши», и для других ракет. Кроме того, ею были решены задачи внутренней баллистики динамо-реактивной пушки и других реактивных систем.

Однако рецензент в своём отзыве обвинил Лею... в космополитизме: "Везде и всюду ссылки только на иностранных учёных: Вьеля, Шарбонье, Зельдовича и Шапиро. Лишь одном месте приводится ссылка на академика Семёнова». Таким образом, Лея оказалась "космополитом" за то, что "издевалась" над академиком Семёновым и не указала, что проф. Зельдович и проф. Шапиро – отечественные учёные.

На защите учёный совет «прокатил» Лею без объяснения причин, и только через полгода она смогла снова защитить диссертацию в другом учёном совете.

ОКБ Королёва было поручено создание межконтинентальной ракеты на твёрдом топливе с дальностью 2500 км. Перейдя туда на работу, Лея приняла участие в конструкторской разработке ракеты. Затем она отработала внутреннюю баллистику этой модели ракеты и организовала первые лётные испытания её старта. Одновременно Кизнер вела теоретические исследования и направила ряд статей для публикаций в научные журналы.

Следующей серьёзной работой Леи было участие в создании межконтинентальной твёрдотопливной ракеты с атомной боеголовкой. На основании её расчётов удалось подобрать необходимые параметры важнейшего элемента ракеты – сопла, и организованные Леей лётные испытания модели ракеты на подмосковном полигоне прошли успешно.

После испытаний Лея от перенапряжения попала в больницу, но и там она, прячась от врача, продолжала вычислять нагрузки на модель при старте. Вычисления вела на логарифмической линейке, бумагу и линейку прятала под подушкой. Увлечение работой было настолько велико, что она забывала обо всём остальном и одна выполняла работы, которые по объёму могли быть осуществлены только целым коллективом сотрудников.

Это были её лучшие научные и творческие годы совместной работы с выдающимся инженером и учёным – Сергеем Павловичем

Королёвым. Накопив большой опыт разработок и расчётов, Л. Б. Кизнер написала и в 1969 г. представила к защите докторскую диссертацию.

Председатель Учёного сонета, преемник умершего Королёва, академик Мишин сказал:

– Я вам предоставляю только 15 минут.

– Даже при защите дипломной работы студентам дают 20 минут. Дайте, пожалуйста, хотя бы 25–30 минут...

– Будете торговаться, доведу ваше сообщение до 10 минут.

Пришлось на ходу перестраивать доклад о такой сложнейшей работе.

Мишин продолжал её перебивать. Неизвестно, что двигало академиком – антисемитизм или неприятие женщин в науке. После того, как Лее удалось доложить хоть кое-какие выводы по первой части работы, он опять грубо заявил:

– Что вы у нас время отнимаете? Пора заканчивать!

Ответы Леи Борисовны на вопросы Мишин тоже грубо перебивал. Можно представить, сколько выдержки ей потребовалось, чтобы всё это вынести. Но честные учёные, не настроенные антисемитски, поддержали Лею. Академик М. В. Мельников, один из заместителей Главного конструктора ОКБ, отметил, что в диссертации содержится ряд серьёзных научных разработок, а теория нестационарного периода работы двигателя ракеты вообще разработана впервые.

На заседании Всесоюзной аттестационной комиссии, утверждавшей присуждение ей докторской степени, Л. Б. Кизнер подытожила свою научную деятельность так: «Я стала основным автором аэродинамической модели, созданной впервые в Советском Союзе; участником создания стартового сооружения для пороховой ракеты; была в числе создателей и одним из авторов пироксилин-селитренного пороха. Участвуя в создании "катюш", ликвидировала причины преждевременных разрывов снарядов; благодаря моим расчётам удалось увеличить бронепробиваемость противотанковых реактивных пушек; мои методы расчётов применялись при создании беззвучной беспламенной мины, при испытании бронеплит для атомной станции и т. д. Таким образом за 30 с лишним лет работы в этой области я получила право на получение докторской степени».

Вскоре после достижения пенсионного возраста Лею Борисовну отправили на пенсию. Свои научные теоретические изыскания она продолжила дома, но они оказались не востребованы.

В 1998 г., после смерти мужа – еврейского поэта Давида Бромберга, она эмигрировала в Торонто, где уже жили двое их сыновей.

В 2007 г. вышла в свет 600-страничная книга 92-летней Кизнер "Ракета к старту готова", которую она писала много лет. Там есть такие слова: «Я счастлива, что жизнь удалась, хотя счастье это оказалось трудным. Счастлива, что дети с внуками устроены, что я с ними. И ещё я счастлива тем, что в победе над фашизмом есть толика и моего труда».

Лея Борисовна Кизнер умерла в 2014 г. в Канаде, немного не дожив до 99 лет. Удивительно, какая большая жизненная сила одушевляла эту маленькую, худенькую, но очень независимую и талантливую женщину с такой яркой и необычной биографией.

Источники: Циклопедия, сайт «Cyclovi.org», книга Л. Б. Кизнер «Ракета к старту готова» и её статья «Как я стала ракетчицей» в газете "Вести", статьи С. Кипермана «Катюшу» должны были назвать «Леей» в издании «Еврейский обозреватель», Л. Дерткина «Трудное счастье Леи Кизнер» на литературном портале «litkonkurs.ru», книга «Записки бабушки Розы и семейные истории рода Кизнеров», материалы интернет-проектов телеканала «Интер» «Наш полк» и «Путь к Победе» и др.

Семен Белкин

Б.Вашингтон, США

Воздушный налет на Атлантику. Часть 3. Гибель небесного «Титаника»

Можно без преувеличения сказать, что первые десятилетия минувшего века были эрой дирижаблей. Ими гордились, о них писали восторженные статьи, совершить полет на дирижабле считалось модно и престижно. Самые развитые страны считали необходимым строить дирижабли, а потом демонстрировать их на международной арене как доказательство своей силы и могущества.

И нет ничего удивительного, что Германия, едва оправившаяся после поражения в Первой мировой войне, стала одним из лидеров мирового дирижаблестроения. Когда в 1933 г к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, он взял эту отрасль под свое личное покровительство.

Гинденбург над Манхэттеном

В то время на одном из заводов Германии строилось самое большое воздушное судно – дирижабль «Гинденбург», названный в честь Пауля Людвиг Ганса Антона фон Бенекендорф унд фон Гинденбурга, видного государственного и политического деятеля Германии. Длина дирижабля составляла 245 метров, максимальный диаметр 41,2 метра, для создания необходимой подъемной силы на борту дирижабля были установлены баллоны емкостью 200 000 кубометров газа. «Гинденбург» был способен поднять в

воздух до 100 тонн полезной нагрузки, 50 пассажиров, и он развивал скорость до 135 километров в час..

В отличие от ранее построенных дирижаблей, работающих на легком, но легко возгораемом водороде, на «Гинденбурге» в качестве несущего газа предполагалось использовать гелий – слишком свежо было воспоминание о катастрофе британского дирижабля R101, при которой 48 человек, из находившихся на борту 54 человек погибли из-за воспламенения вытекшего водорода. В то время единственным поставщиком гелия были США, в которых действовало эмбарго на его экспорт.

Главный конструктор и прославленный пилот, впервые облетевший вокруг земного шара на дирижабле, Хуго Эккнер, встречался по этому вопросу с президентом США в Белом доме и надеялся, что гелий для его нового детища будет получен, но после прихода Гитлера к власти Национальный совет США по контролю за военными товарами отказался снять запрет на экспорт. В результате «Гинденбург» пришлось модифицировать под водород, что позволило увеличить пассажировместимость воздушного судна с 50 до 72 человек.

В корпусе дирижабля располагался ресторан с кухней, были оборудованы две прогулочных галереи с наклонными окнами. Ввиду ограничений по весу, вместо ванн предлагался душ, и все, что можно, было сделано из алюминия, в том числе специально изготовленный для салона дирижабля рояль.

Перед посадкой пассажиры и члены экипажа были обязаны сдавать спички, зажигалки и прочие устройства, способные вызвать искру. Несмотря на такие жёсткие ограничения, на «Гинденбурге» была оборудована специальная комната для курения, где находилась единственная на борту электрическая зажигалка. Для обеспечения пожаробезопасности в этой комнате постоянно поддерживалось небольшое избыточное давление, что препятствовало проникновению в неё водорода, а попасть в комнату можно было только через воздушный шлюз.

Свой первый трансатлантический перелет из Франкфурта в Рио-де-Жанейро и обратно «Гинденбург» совершил в начале апреля 1936 г., а 6 мая 1936 года, «Гинденбург» совершил свой первый перелет в США по маршруту Франкфурт — авиабаза Лейк-хёрст (Нью-Джерси). Полет занял 61 час 40 минут.

Затем последовали еще 10 рейсов в США, и все они прошли безупречно. Прибытие первого дирижабля стало для американцев сенсацией. Членов экипажа в Нью-Йорке принимали как кинозвезд первой величины. 1 августа 1936 г во время Берлинской Олимпиады «Гинденбург» совершил полет над олимпийским стадионом на высоте 250 метров. Дирижабль с олимпийскими кольцами на борту кружил над городом около часа, и немецкая пресса писала, что полет увидели 3 миллиона человек. Позднее, 14 сентября того же года, «Гинденбург» пролетел над зданием в Нюрнберге, где проходил ежегодный съезд НСДАП*.

В 1937 г. намечалось совершить 18 трансатлантических рейсов в США, которым пропаганда нацистской Германии придавала первостепенное значение, особенно шумно рекламируя предстоящий полет «Гинденбурга».

Роковой рейс начался 3 мая 1937 года в 20 часов 15 минут вечера. Дирижабль плавно взлетел и взял курс на Нью-Йорк. На борту было 97 пассажиров и членов экипажа. Управлял кораблём 46-летний капитан Макс

Прусс, ветеран Первой мировой войны. Путешествие через океан на престижном воздушном корабле могли позволить себе только весьма состоятельные пассажиры, поскольку стоимость билета составляла примерно 400 долларов, что соответствовало бы сегодня порядка 8000 долларов. В багажных отделениях было 17 609 почтовых отправок, 148 килограммов груза и 879 килограммов багажа.

Пассажиры «Гинденбурга» во время полета

На третьи сутки полета 6 мая 1937 года воздушный корабль пролетел над Манхэттеном, причем, желая угодить пассажирам и продемонстрировать американцам дирижабль, капитан Прусс провёл его настолько близко от смотровой площадки Эмпайр Стейт Билдинга, что пассажиры «Гинденбурга» и посетители смотровой площадки знаменитого небоскреба могли помахать друг другу руками. Затем дирижабль направился в сторону авиабазы Лейкхёрст, прибыв туда в 16:00. Однако из-за сильной грозы капитан вынужден был отложить посадку.

В 18:12 «Гинденбург», получив разрешение, пошел на посадку. Пассажиры уже видели, что внизу на земле их ждала возбужденная, радостная толпа. Стрекотали кинокамеры, вспыхивали фотолампы. Встречающие махали шляпами, платками, приветствуя снижающийся воздушный гигант.

Однако в 19:25 после сброса причальных канатов в районе кормы возник пожар. Огонь быстро перешел в носовую часть дирижабля, и вскоре прогремел взрыв. В течение 34 секунд дирижабль сгорел дотла и изуродованный каркас рухнул на землю на глазах сотен встречающих и работников авиабазы. Когда начался следующий день — это была пятница — от воздушного гиганта остался только искореженный скелет да закоптившаяся свастика на несгоревшем хвосте. Обломки были проданы на металлолом за 4 тысячи долларов, а затем переправлены в Германию, где после переплавки их использовали для строительства самолетов.

«Тросы уже спущены, и их держат люди на поле. Задние моторы продолжают работать и сдерживают корабль. Господи, он вспыхнул! Это ужасно! Пламя поднялось в небо на пятьсот футов. Кошмар. Чудовищный кошмар. Всё в огне. Всё горит, обломки падают на причальную мачту и на людей вокруг. Это одна из самых ужасных катастроф в мире!»

О'Лэфлин, пассажир, уцелевший при катастрофе, рассказал: «Это был неопиcуемый кошмар. Мы парили над аэропортом и думали о чем угодно, только не о возможности несчастья. Дирижабль находился метрах в 30 над землей. Я пошел в свою каюту— и вдруг, яркая вспышка осветила все вокруг. Я бросил взгляд в окно и увидел, что земля стремительно несется навстречу падающему дирижаблю.

Взрыв на Гинденбурге

Вокруг ослепительно сверкало пламя. Вряд ли я рассуждал в ту трагическую минуту; для этого не было времени. В мгновение дирижабль достиг земли, ударившись о нее со страшным грохотом. Силой удара меня отбросило от огненного пекла. Кто-то подбежал ко мне и помог перебраться в безопасную зону. Я почти потерял сознание от страха и полученных ушибов, поэтому ничего не могу рассказать об обстоятельствах катастрофы. Думаю, что и никто другой не может — ведь все разыгралось в несколько секунд».

Сразу же было организовано расследование катастрофы с участием американских и немецких экспертов. Назначенное министерством торговли США расследование производилось поверхностно и поспешно.

Выдвигались самые различные версии относительно причин взрыва и пожара на борту дирижабля. Трудность заключалась в том, что американцы упорно отрицали возможность диверсии, прежде всего из-за желания избежать обострения международных отношений. Немцы тоже не особенно стремились докопаться до истинной причины катастрофы. Германская комиссия по расследованию получила приказ Геринга— «ничего не открывать».

Прежде всего была отброшена версия о возможном диверсионном акте. Нельзя было допустить мысли, что среди немцев нашлись люди, дерзнувшие уничтожить символ величия третьего рейха. Было сделано все, чтобы замаять происшествие, а возникновение пожара и последующая гибель дирижабля приписывались «разряду статического электричества». В то же время никаких следственных экспериментов, расчетов или технического обоснования возможности возникновения пожара и взрыва па борту дирижабля от разряда статического электричества не производилось.

В результате была сформулирована окончательная версия: причиной трагедии стала утечка водорода из баллона, разорванного лопнувшим стальным тросом. После сброса якорных канатов в условиях непогоды, а также

из-за плохой электропроводности оболочки дирижабля, произошло короткое замыкание, вызвавшее искру, которая и привела к воспламенению горячего газа. И эта формулировка всех устроила.

Но прошло много лет, и вдруг в одной из бразильских газет появилась статья малоизвестного журналиста Майкла Муни, произведшая эффект разорвавшейся бомбы. Суть этой статьи следующая.

В состав экипажа «Гинденбурга» входил молодой немец Эрих Шпель. Выходец из баварской крестьянской семьи, он с юности привык к труду, научился мастерски владеть иглой и швейной машиной. Немногословный, физически крепкий Эрих, несмотря на молодость, пользовался большим уважением в семье и среди знакомых. Знание портняжного дела привело его в эллинг компании «Цеппелин» и позволило участвовать в строительстве «Гинденбурга». Его умение прочно и быстро сшивать парусиновую оболочку газовых камер и мембран было выше всяких похвал. Он успешно освоил ряд других операций, выполняя их быстро и аккуратно. Прилежного мастерового человека заметили и пригласили в состав экипажа в качестве наладчика. Шпель согласился.

В этот период он познакомился с одним немецким художником, прошедшим через допросы и пытки в застенках гестапо, где ему изуродовали руки. После многочисленных допросов и пыток художника выпустили на свободу, посчитав, что при своей физической беспомощности он для нацистов уже не опасен. Беседы с художником и его бедственное положение беспомощного калеки посеяли в сознании Шпеля ненависть к национал-социализму.

Он решает вступить в борьбу с фашизмом. Но как? Шпель остро переживал то, что каждый трансатлантический рейс дирижабля, в строительство которого он вложил свой труд, нагло используется нацистской пропагандой для возвеличивания третьего рейха. И тогда он принял решение уничтожить «Гинденбург», чтобы лишить фашистскую Германию ее козырной карты. Своими планами Шпель ни с кем не делился, действуя в одиночку, и это защитило его от слежки гестапо и возможного провала. В экипаже дирижабля он вел себя безукоризненно и был на очень хорошем счету у корабельного начальства.

Для квалифицированного специалиста, имевшего к тому же беспрепятственный доступ в мастерские аэропорта, не представляло большого труда сделать зажигательный механизм, при помощи которого можно вызвать пожар и взорвать наполненный водородом «Гинденбург». Не исключено, что кто-то оказал Эриху Шпелю помощь в подготовке диверсии, но эту тайну он унес в могилу.

Мина, а точнее, зажигательное устройство, помещенное Шпелем в газовую камеру № 4 задолго до отлета дирижабля, была чрезвычайно проста, но надежна. Детонатор, работающий от сухих батарей по принципу магниевой вспышки, поджигал фосфор, который, в свою очередь, прожигал ткань «мешка», наполненного водородом, а дальше следовали вспышка и взрыв. Мина была снабжена часовым механизмом. Чтобы привести ее в действие, достаточно было повернуть рукоятку этого механизма.

Шпель не собирался никого убивать, он рассчитывал подождать, пока дирижабль произведет посадку, затем включить часовой механизм и спокойно удалиться. Взлететь на воздух должен был на стоянке только сам дирижабль,

этот ненавистный символ рейха, и только после того, как пассажиры и экипаж покинут корабль.

В 18 часов Эрих Шпель сдал полетную вахту. Прежде чем уйти с поста, он разрезал ножом парусину в газовой камере № 4 и привел в действие часовой механизм. Разрез в парусине он тщательно прикрыл складками камеры. Утечку водорода в камере № 4 перед приземлением обнаружил один из охранников, однако прорез в ткани никто не заметил.

Задержка с приземлением дирижабля из-за непогоды спутала расчеты Эриха Шпеля. В момент взрыва он находился в носовой части. Через иллюминатор он увидел ослепительную вспышку, которая грозила гибелью всему дирижаблю. Шпель посмотрел на часы — было 19 часов 25 минут. Часовой механизм сработал слишком рано! Может быть, он неправильно установил указатель времени? А может, случилось что-то в механизме устройства или фосфор раньше времени прожег оболочку и поступивший в газовую камеру воздух привел к взрыву водорода и пожару? Во всяком случае Шпель никаких мер к самоспасению принимать не стал, он получил сильнейшие ожоги и вскоре умер.

Пока описанная трагическая история не получила экспертного подтверждения, но выглядит эта версия гибели «Гинденбурга» достаточно убедительно.

Взрыв «Гинденбурга» знаменовал конец короткой эры дирижаблей. После многочисленных разбирательств и расследований, немецкое руководство окончательно запретило перевозку людей и грузов на дирижаблях. Эта катастрофа оставила большой след в жизни людей. Она вошла во всемирную историю. Подобно тому, как после гибели «Титаника» появились книги, фильмы, картины и даже мюзикл, посвященный трагедии огромного лайнера, точно так же после катастрофы «Гинденбурга» были сняты художественные фильмы, написаны книги, сделаны сериалы.

В 1975 году американским режиссёром Робертом Уайзом был снят полнометражный фильм «Гинденбург», в котором в качестве основной причины катастрофы воздушного корабля выведен акт саботажа.

В американском телесериале «Секунды до катастрофы» (2004—2012 гг.) одна из серий была посвящена расследованию крушения «Гинденбурга». По итогам проведённого расследования в передаче признали версию о возгорании водорода более состоятельной, чем версию о поджоге или взрыве.

Американский композитор Стив Райх создал видео-оперу «Три истории», посвященную XX веку. Одной из историй была история о крушении «Гинденбурга».

В 2011 году западногерманским режиссёром Филиппом Кадельбахом был создан телевизионный фильм «Гинденбург: Последний полёт» продолжительностью более 3 часов.

Крушение «Гинденбурга» фактически стало концом коммерческого использования дирижаблей в транспортных целях. Компания Дейче Цеппелин Риеедерай, которая владела несколькими дирижаблями, отменила все запланированные рейсы в США и Бразилию. Правительство Германии запретило пассажирские перевозки на воздушных судах, разрешения выдавались только для перевозки почты и посещения авиашоу на территории Германии. Заграничные полёты с любимыми целями были запрещены.

18 июня 1937 года дирижабль «Граф Цеппелин» был переведён во Франкфурт, где был размещён в качестве огромного музейного экспоната на выставке, посвящённой графу фон Цеппелину и его работам. Следующий дирижабль в серии хотя и был достроен, однако использовался только в военных и пропагандистских целях. 6 мая 1940 года, в день третьей годовщины крушения «Гинденбурга», по приказу министра авиации Германа Геринга, оба дирижабля были переданы на слом.

Так сложилась судьба самого большого в мире воздушного корабля. По каким бы причинам ни произошла трагедия, дирижабль был признан опасным для человеческой жизни и в течение нескольких лет дирижабли прекратили свое существование как оригинальный вид транспортного средства. Вместо них в небе появились гигантские лайнеры, пересекающие земной шар во всех направлениях и пока не знающие конкурентов в воздушном пространстве.

-----
* НСДАП – (сокращение) – Национал-социалистическая рабочая партия Германии – профашистская партия во времена Гитлера.

Майя Улановская

(1932-2020)

Из записей разных лет. Часть 6. Из сборника «Памяти Анатолия Яacobсона»

«Общество взаимного восхищения» – называла моя мать нашу компанию в 1956 году. Действительно, мы, той весной освобождённые, радовались воле, Москве, друг другу и нашим новым друзьям, а они, несидевшие, смотрели на нас с любовью и слушали, затаив дыхание, наши рассказы. «Мы» – была наша группа арестованных пять лет назад «юных ленинцев»²⁾ вместе с нашими лагерными друзьями. «Они» – оставшаяся на свободе молодёжь, среди них знакомые моей младшей сестры и бывшие завсегдатаи литературного кружка в Доме пионеров. После ареста их подруги Сусанны Печуро (ныне сотрудницы московского "Мемориала") их допрашивали в МГБ, но, к счастью, не посадили. Бывший кружковец Саша Тимофеевский, московский поэт и сценарист, привёл в наше временное, у добрых людей, жильё студента-историка Анатолия Яacobсона, «ген-Толю», гениального, по общему мнению, марксиста, готового

поспорить с тогда же освободившимся моим отцом, который это учение начисто отвергал, но переспорить Яковсона был не в силах. Да и кто его мог переспорить! О том, как царил Яковсон в любом споре, любом застолье, как охотно собеседник уступал ему поле брани, понимая, что не покрасоваться Яковсону важно, а, как мало кому, важна ему истина – о вдохновенных тошкиных монологах помнит каждый, кто его знал.

Время было, по определению А.Ахматовой, «вегетарианское», нам казалось (только, казалось), что за разговоры не сажают, но отчётливо помню, что, увидев Яковсона впервые, я подумала: легче себя представить снова в тюрьме, чем этого человека. Вскоре мы поженились (развелись в 1974 г.).

Уже в Израиле, незадолго до его гибели, мы вспоминали то время:

«М.У.: Вернёмся к 1956 году. Когда мы освободились и стали встречаться друг с другом и с более молодыми, с теми, кто не сидел, ведь наши рассказы как-то действовали? Мы не могли в дальнейшем не чувствовать за это ответственность. Мы-то хотели отстраниться. Это нам плохо удавалось, но мы хотели: дескать, ничего не поделаешь, и вообще – мы уже сидели, с нас хватит. И поскольку ты и есть человек более молодого поколения, который сам не сидел...

А.Я.: Только в этом смысле.

М.У.: Но это очень важный смысл! Ты и есть тот человек, который сам не сидел, но на которого, я думаю, влиял тот факт, что твоя жена, тёща и тесть сидели. Так вот – что значила для тебя встреча с нашей семьёй, и как это повлияло на тебя в дальнейшем, когда ты пустился во все тяжкие? Я помню, мы ехали (в 1968 г.) с Белорусского вокзала в Звенигород, в пионерлагерь к сыну, и я сказала: Смотри – каждый бежит по своим делам. Почему ты не живёшь спокойно? А ты ответил: Не у каждого посадили жену в 18 лет. Значит, это имело для тебя значение? И я думаю, что имело.

А.Я.: Ну что ж тут думать, это ясно! Это имело очень большое значение. Только трудно его взвесить. Факторов, которые определили моё, так сказать, идейное лицо, моё жизнеотношение, которые заставили меня в своё время – именно заставили – как-то выступить, было много. Встреча с вашей семьёй, где все сидели. Ещё раньше был миф о Сусанне. Я из всех вас знал только про

одну Сусанну. И Саша Тимофеевский в своё время для меня, со своими смутными, романтическими рассказами про Сусанну, которая страдает за справедливость, был катализирующим фактором. Так получилось, что я сперва познакомился с Сусанной, весьма условно в неё влюбился и съездил в лагерь, где она когда-то сидела, за справкой, которую было очень трудно достать, о том, что она работала энное количество лет на тамошнем швейном производстве. Справка нужна была ей для поступления в институт.

...К чему я всё это рассказываю? К тому, что Сусанна была для меня всё равно, как Прекрасная дама. Ну, а потом, когда я познакомился с тобой и стал твоим мужем и узнал твоих родителей, которые тогда же, в 1956 году, освободились – это, конечно, был могучий фактор влияния. Но ведь их было много. Экспромтом назову ещё два. Во-первых, конечно, антисемитизм. Я выдержал на воле, пока вы сидели, самое страшное давление антисемитизма.

Я имею в виду антисемитизм эпохи дела врачей, ужасный антисемитизм конца сороковых годов и начала пятидесятых, когда я был уже не младенцем и когда происходили вещи страшные. Правда, лично я не испытывал антисемитизма. Но когда до меня доходили правдивые рассказы о том, что сестра из больницы пришла делать укол и, увидев её еврейское лицо, её не пустили в дом, это для меня не проходило бесследно. Но и это не самое главное. Самое главное – деревня. Так случилось, что я два лета провёл в Коноплянке, совершенно классической русской деревне Тамбовской области, в хорошей, чернозёмной среднерусской полосе. Где колхозникам давали сорок соток огорода – максимум того, что давали в России... Мало того, что ничего не давали на трудодень – это Бог с ним, но с этих самых приусадебных участков брали невероятный налог, который отменили только после смерти Сталина, ещё при Маленкове. Сорок соток огорода! Человек, который жил в деревне, понимает, что такое сорок соток. С этого можно жить. Но с этого полагалось сдавать государству сорок килограммов мяса в год. Мясо на огороде не растёт. Если человек мог выкормить свинью и сдать её государству, он выкармливал. Если нет – я лично знаю случаи, когда колхозник каким-то образом доставал деньги, покупал мясо и сдавал государству, чтобы сохранить свои сорок соток огорода. Я жил в Коноплянке летом 1949 и 1950 годов, всё видел и понимал. Я понимал, что такое колхозы, что этот режим сделал с мужиком. Для меня это был чудовищный режим. Когда собирали налог и выла вся деревня – я этого не забыл. И глубоко убеждён, что память об этом для меня лично было важнее даже государственного антисемитизма.

Свои тогдашние марксистские убеждения Якобсон в том же разговоре объяснял так: «У меня всегда была бескорыстная жажда понять мир, жизнь понять. Я был сформирован сызмальства в марксистских и домарксистских общелиберальных, общеинтеллигентских предрассудках XIX века: считал, что существует прогресс, что наука объясняет жизнь и мир. И был глубоко убеждён, что марксизм – это правильное учение». Разубедили его, конечно, не разговоры с моим отцом, а обнаруженная им при более глубоком знакомстве с этим учением «научная недобросовестность Маркса», приносившего истину в жертву своим установкам на мировую революцию.

Окончив Историко-филологический факультет Пединститута, Якобсон не сразу нашёл работу учителя и работал грузчиком на Заводе малолитражных автомобилей. Наконец, стал преподавать историю в 689-й школе, где организовал литературный кружок, на котором прочёл систематический курс

русской поэзии XX в. Об этом периоде его жизни написала после его гибели ныне тоже покойная Юна Вертман, режиссёр и учительница литературы в той же школе [.....]

О Якобсоне–учителе пусть расскажут его ученики, которых много осталось в Москве и много разъехалось по свету. Судя по вечеру, посвящённому его памяти во 2-й московской, бывшей математической, школе, где нам с сыном довелось побывать в 1992 году, Якобсона не забывают.

Последняя его лекция в этой школе была "О романтической идеологии", посвящённая поэтам 20-х годов, воспевающим революционное насилие. Через 20 лет пришлось ко двору в России эта тема, и лекция Якобсона напечатана была в "Новом мире", даже и с последней строчкой: «Солженицын, который не прощает палачей».

Но в ту пору лекция прозвучала так крамольно, что, заодно с его выступлениями в защиту Галанскова и Гинзбурга, вынудила Якобсона уйти в 1968 г. из школы, а его бывшими учениками вспоминалась потом, как прощальное напутствие. С тех пор и до самого отъезда он зарабатывал на жизнь уроками русского языка и переводами стихов.

«Русская поэзия была его пристанищем на земле» – так кончается статья А.Гелескула о Якобсоне–переводчике.

Книга о Блоке "Конец трагедии" – главное из написанного Якобсоном. Благодаря этой книге он был принят после её выхода в 1973 г. в ПЕН–клуб. Возможно, не последнюю роль в оказании Якобсону этой чести со стороны западной общественности сыграло желание оградить его от нависшей над ним в то время угрозы ареста, но тот, кто прочтёт книгу сейчас, будет поражён, каким самоочевидным было для него то, до чего дозрели на его родине только теперь. И до того самоочевидно и просто то, к чему он взывал, и в забвении чего – хотя бы временном – упрекал любимых поэтов, что вмещается в одно слово: «человечность».

Якобсону не понадобилось никакой смены вех. Он ушёл от марксизма, но не предал идею свободы. Став правозащитником, он не считал, что занят политикой: «Когда государство расправляется с людьми – это политика, – писал он в книге о Блоке. – Когда человек хочет препятствовать такой расправе – это не политика». Он отрицал революционное насилие, но не нравственное сопротивление власти, влекущей страну назад, к сталинщине. И в этой неравной борьбе с властью был «среди первых» – по выражению историка правозащитного движения Людмилы Алексеевой.

Посадили Якира и Красина, и они дали показания на Якобсона как на редактора "Хроники". Угроза ареста стала как никогда прежде реальной. А тут подрос наш сын и засобирился в Израиль. В эпилоге к нашим с матерью воспоминаниям я рассказала о том, как мы уехали:

«Якобсон, чувствуя своё еврейство так же, как и я, негативно, как реакцию на антисемитизм, был по самой своей глубочайшей сути типично–русским человеком, таким типично–русским какими бывают некоторые, определённого склада, евреи. Израилю, конечно, симпатизировал, но сионизмом в его московском проявлении не интересовался, на проводы не ходил, у синагоги в праздник Симхат–Тора не околачивался. Еврейские сборища, где сходились люди, ничем друг другу не близкие, кроме желания уехать, были нам обоим не слишком милы. Нам виделось на лицах сионистов самодовольство людей,

постигших истину в последней инстанции, и их общество нас отталкивало, так сказать, эстетически. А может быть нас просто шокировало объединение людей по голосу крови, которому мы привыкли не придавать решающего значения. Но меня привлекали на этих сборищах люди, с которыми хотелось повидаться или попрощаться, а муж их избегал вовсе. Но он считал, что надо спасать ребёнка.

Сын наш вырос в особой обстановке. С детства он вместе со сказками слышал рассказы о том, как сидели его близкие – мать, дед, бабка. Позже он встречал в нашем доме таких наших товарищей, как Гершуни, Буковский, Гарик Суперфин, а потом этих прекрасных людей хватало и отправляли в тюрьмы и психушки. Большинство из взрослых, с кем он сталкивался, или сидели в «период культа личности», или исчезали в наше время, или ждали ареста. И мы просили его писать Гершуни и генералу Григоренко, сидящим в тюремных больницах, потому что письма от детей лучше доходят, а узникам они доставляли самую большую радость.

Почему-то так случилось, что он очень рано столкнулся с проявлением антисемитизма. Он был хорошенький, смыслённый мальчик, няньки в детском саду его на руках носили, ровесники тянулись к нему, он был застрельщиком в разных школьных делах и проказах, но когда надо было его отругать, вспоминали, что он еврей – а он даже похож на еврея не был! «Убирайся в свой Израиль!» – слышал он тогда, когда ещё никто туда не ехал. «Правильно Гитлер сделал, что уничтожил евреев», «всех вас перебить надо», – несколько раз говорили ему и взрослые, и дети.

У нас, родителей, были противовесы, противоядия, мы были связаны с Россией и русскими глубинными связями, наше восприятие было сложным и многогранным. Мы чувствовали, что нас любят, что у нас есть товарищество. И помнили добро. А сын был по-детски прямолинейным и не хотел жить в этой стране.

О своих мотивах Якобсон рассказал сам (в упомянутой беседе 1978 г.):

«Теперь о том, как я решил уехать в Израиль. Так или иначе я еврей. Я всегда знал, что я еврей. С детства. Я не считал, что это хорошо или плохо. Стало быть я всегда любил Израиль. Я любил его как еврейское государство. Прежде всего, как государство, в самом грубом, примитивном, марксистском смысле слова. Как государственную машину... Государство – единственное, что меня привлекает. Ибо это сила, которая защищает евреев. И другой силы в мире нет и быть не может. Это я сейчас всё понимаю. Но, видимо, я всю жизнь это бессознательно понимал, потому что я еврей. Но что такое еврей? По культуре я, конечно, русский. Не хочу рассматривать сейчас твой парадокс, что я настолько русский, как только еврей может быть. Я всю жизнь знал, что я еврей, и потому моя душа тянулась к государству Израиль. Это – первое и главное. Второе – я не хотел сидеть. Мне было безумно больно расстаться с моими друзьями. Не только потому, что я их любил, а и потому, что я, действительно, хотел разделить их судьбу. Короче говоря, всё меня привязывало к России. И если проделать совсем уже беспощадный психологический эксперимент и задать себе вопрос: А если бы у тебя, Якобсон, не было бы сына, который нас как бы взял всех и за верёвочку привёл в Израиль? Уехал бы ты из России или нет?... Я не знаю, может, я и тогда бы уехал. Почему? Из страха перед тюрьмой? Ну, известно, что я был как бы не из последних трусов в России, кое-что делал, но я был не из тех, которые

делали, потому что за это сажают. А были и такие. Психологически у меня была другая позиция: я делал, несмотря на то, что за это сажают. Естественно, боясь тюрьмы, как и свойственно нормальному человеку, а ещё больше боясь сумасшедшего дома. Я не могу ответить на этот вопрос. Думаю, что не уехал бы, если бы не сын».

В Израиле

Здесь он кинулся учить иврит, ездил по стране с друзьями – с теми, кто уехал раньше, и с новыми. Он рад был всему, что видел, и тому, что его берут на Кафедру славистики Иерусалимского университета. Началась и прошла война; он, как все мы, тревожился и волновался. Потом – как все мы, но ещё сильнее – затосковал, во сне видел бревенчатые стены самойловского дома в Опалихе, как все мы, слал письмо за письмом в Москву, ждал нетерпеливо ответа. Только мы с тоской совладать могли, а ему становилось всё хуже: на холмы Иудеи вокруг нашего временного жилья он смотрел с трудом. Увидел диковинных, с длинными ушами коз и сказал: «Какой ужас!» Здешних девушек стал считать некрасивыми. Забросил иврит, не мог читать и писать. Лежал лицом к стене, а я читала ему стихи Лермонтова. Попытался покончить с собой и попал в больницу. С тех пор и до последнего дня, до 28 сентября 1978 года, наступая и отступая, держа на привязи и отпуская, воевала с ним болезнь, проявляясь как тоска по родине, без которой не стоит жить.

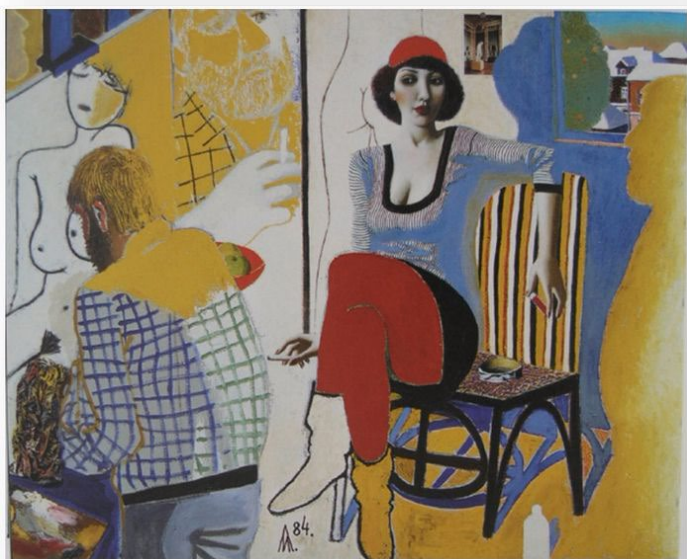
Дважды я отводила его в больницу. Придя в себя, он ездил по стране, всё больше о ней узнавал, написал письмо в защиту арестованного опять Алика Гинзбурга и отчаянно работал – писал и рассказывал о любимых поэтах, читал свои переводы разнообразной публике, но к студентам допущен не был: не зря опасались на Кафедре славистики его резких вспышек (другой полюс болезни, не всем заметный из-за бурной его натуры): таких, как на вечере памяти Юлия Марголина, замечательного израильского публициста, автора книги "Путешествие в страну зека" (1952), где Якобсон читал доклад.

Болезнь терзала его, но оставалась неразрушимым ядро личности – попросту понятия о добре и зле.

Главное, что написал Якобсон в Израиле – была большая статья "Вакханалия" в контексте позднего Пастернака". Ею завершилась работа над Пастернаком, начатая разбором 2-х переводов 66-го сонета Шекспира, сделанных Маршаком и Пастернаком.

"Вакханалию" в контексте позднего Пастернака" он писал, борясь с болезнью. Отпускала на время «свирепая воля к смерти» – в чём и выражалась болезнь – «когда отчаянно хочется подохнуть, и не вообще хочется и не по временам, а в каждую данную секунду» – как писал он в Москву Ю.Даниэлю. Это письмо и другие материалы о гибели А.Якобсона вошли в сборник "Почва и судьба". Работа о пастернаковской "Вакханалии" вошла составной частью, вместе с переработанной книгой о Блоке, в диссертацию, представленную Якобсоном на кафедру славистики Иерусалимского университета: "Соотнесённость реально-исторического и карнавалльно-мистерийного начал в русской поэме XX века". Но докторского звания он не дождался. Оно появилось лишь в траурных объявлениях университетского кампуса в Гиват Раме. 28 сентября 1978 года, почти одолев очередную депрессию, он покончил с собой.

3. Литература, Музыка, Живопись

Ирина Чайковская

Б.Вашингтон, США

Москва-Шахты. Пьеса-гротеск

Дорогие читатели, по своему обыкновению, представляю на ваш суд только что написанную пьесу-гротеск «Москва-Шахты». Она на актуальную тему, но раскрывает ее с необычного ракурса – комедийно-гротесковского. Кто-то заметит, что о трагедии нельзя говорить в комическом ключе. Но я могу сослаться на итальянца Бенини с его фильмом-комедией «Жизнь прекрасна» - на тему Освенцима... Мне хотелось показать тех, кто на другой от меня и, надеюсь, от вас стороне, тех, кто поддерживает и прославляет позорную для моей родины войну с Украиной. А с этими людьми - пропагандистами и их подпевалами – лучше всего бороться оружием смеха. Насколько мне это удалось, судить вам. Очень бы хотелось, чтобы эта маленькая пьеска попала на глаза умному и ищущему режиссеру Зарубежья и зажила сценической жизнью. Ведь писалась она - для сцены.

Автор

10 июля 2022, Большой Вашингтон

Часть первая

Сцена первая. Возле двери

Молодой человек. (звонит в дверь, открывает пожилой мужчина) Здесь живет Ляля ШАхтинская?

Пожилой мужчина. С вашего позволения, ШАхТинская. Вы по какому делу? Если без дела, то ее дома нет - прямо замучили посетители. Она ведь у нас, как вы, вероятно, знаете, звезда национального российского телевидения, любимица, так сказать, россиян.

А вы, смею предположить, почитатель таланта. Угадал? Но ее нет, то есть просила не беспокоить. Отдыхают-с.

Молодой. Я не от себя - по поручению. Только письмишко передать, маленькое. Один инвалид написал. Инвалид войны... ну которая сейчас в Украине. За национальные приоритеты России... Может, он и умер уже. Я долгонько до вас добирался. Да и посты тут у вас кругом. Не ровен час отловят и снова на фронт загремишь...

Пожилой. Так вы тоже из этих, из оккупационных войск? Простите, не то слово вырвалось, я хотел сказать, из наших доблестных защитников (разводит руками) Но тут я ... бессилён. Вы, голубь, не вовремя, в пересменок. У меня, знаете ли, свой домашний командир. И нужно подчиняться приказам... Ляля сейчас отдыхает, отдохнёт, переоденется - и поедет на митинг-концерт. Я как муж - сопровождаю.

Молодой. Но... письмишко—то можно взять? Я обещал найти и передать. Я здесь в отпуске... по ранению. Всего на несколько дней. Коля Смирнов - абсолютный инвалид. Дружбан мой. И на войне, и в госпитале – мы вместе. Я-то вроде того цел остался, а он, бедняга, подорвался на mine. Теперь абсолютный инвалид, колясочник.

Пожилой. Ай-яй-яй, как неаккуратно, на mine, говорите? ... Но бессилён, право слово... бессилён. Я как часовой - на страже порядка и покоя моей обожаемой супруги.

(Появляется Ляля)

Ляля. Что за шум? Вы ко мне?

Молодой. Я к Ляле ШАхтинской. А вы... вы кто?

Ляля. Я и есть Ляля ШАхтинская. Я отдыхаю, стало быть, сейчас без всякой косметики. Не могу же я все время быть такой, как на экране. У вас дело или вы поглазеть пришли на домашнюю жизнь звёзд? Идя, я же предупреждала!

Пожилой. Да я говорил, Лялюша. Он хочет что-то передать.

Ляля. (протягивает руку) Передавайте.

Молодой. Это письмо от Коли Смирнова. Он родился и жил в Шахтах. Потом его призвали. Мы с одной части. Он подорвался на mine, меня тоже контузило. Но я оклемался, а он теперь абсолютный инвалид, колясочник. Хотел руки на себя наложить. Я с него клятву взял, чтобы весточки от меня дожидался. Я здесь в отпуске... по ранению.

Ляля. Ужасы какие. Так он из Шахт? Я ведь тоже оттуда. А ты откуда?

Молодой. Мы Донские. Из Ростова мы. Слыхали? Ростов-папа, а Одесса... (осекается)... В общем да... Одесса сейчас под нашим обстрелом... Вот так в родную мать – чик? А? Потеха!... Колян вас звал, когда неумоготу было. Он ваши передачи с детства слушал. «Час радости с Лялей ШАхтинской».

Пожилой. Шахтинской, с вашего позволения. Ты, Лялюша, не опоздаешь?

Ляля. К двум придёт машина. А мне ещё нужно переодеться, освежиться, сделать лицо, в общем подготовиться к съемке. Тебе, Идюша, тоже следует переодеться. Иди, я сейчас (пожилой уходит)

А ты, солдатик, мои передачи слушал?

Молодой. Да нет, не доводилось, я больше по дзюдо... Колян мне вашу морду лица, пардон, ваше лицо, на карточке показывал. Он вашу личность с собой в бой носил.

Ляля. А зовут тебя как?

Молодой. Виктор.

Ляля. У тебя, Виктор, необычный цвет глаз.

Молодой. Ха. Зелёные у меня глаза. Как у кошки.

Ляля. У меня тоже зелёные.

Виктор. (свистит). Видно, слиняли маленько. Смотрятся как серо-бурмалиновые.

Ляля. Это я не накрашена. Вот когда я глаза подведу и ресницы сделаю, тогда и смотри.

Молодой. Да как же я посмотрю? Разве по телеку? Да где ж мне его взять?

Ляля. Приходи сегодня вечером. Почирикаем. Часов в 8. Ужином накормим. Видно по глазам, что голодный. Так и зыркают по сторонам. Как у кошки напуганной.

Молодой. Так и есть, боюсь полицейав. У вас тут посты кругом. Еле-еле от ихней своры ушел.

Ляля. И давно ты в Москве?

Молодой. Только прибыл.

Ляля. А где остановился?

Молодой. Покуда на вокзале.

Ляля. Деньги есть?

Молодой. Деньги-то? (лениво) Есть.

Ляля. У нас тут этажом выше апартамент сдаётся... Это если захочешь устроить стоянку. Так дружок твой пострадал на войне? Может, я ещё и передачу о нем сделаю. Такую ... радостно-сентиментальную. Хорошо бы для создания настроения, чтобы он с коляски встал и начал ногами ходить... Не получится?

Виктор. Не-еет, не должно. Он самоубиться хотел...

Ляля. Короче, подумаем на эту тему... Я женщина креативная, у меня много тем в голове ... жужжит. Так что приходи. Не думай, я не всех зову... Ты мне... понравился.

Пока, солдатик.

(дверь захлопывается).

Сцена вторая. В гостиной

Девочка Саша с компьютером, девяностолетний **дед**, ее прадед, сидит у телевизора.

Саша. Ты чего, дедуля, звук не включаешь? Там концерт идет в честь войны. Наша Ляля номера объявляет.

Дед. Звук? А чего его включать? И так все понятно.

Саша. Не одобряешь?

Дед. Я, Саля, под Киевом родился. А его бомбят. Вот и подумаешь, стоило ли без малого сто лет вековать, чтобы до такого дожить?

Саша. Ты чего, дедуля, меня Салей зовешь? Какая я Саля? Я Саша.

Дед. Я в тебе Саррочку свою вижу, такая же дурочка была, твоя прабабушка. И веснушчатая, точно как ты, и учиться не любила, и хулиганка..

Саша. Ты это... почему? Да я обожаю учиться. Особенно, если предмет нравится. Вот в пятом классе нам Клавдия Аполлоновна греческие мифы читала, рассказывала про Троянскую войну. Мне ужасно нравилось. А имена какие! Ахилл...Патрокл... Гектор. Ге-к-тор! А математику я НЕ-НА-ВИ-ЖУ. Вместе с этим противным Асафом Асафовичем. Потому и перезкзаменовка. (обреченно) Я когда в Америке жила, плевала на эту математику с Эмпайр-стэйт-билдинга. В хай-скул приятные предметы изучала – дизайн, фотографию, кулинарное дело...

Дед. А чего сбежала? Года не прожила... От матери родной назад в Россию, к деду с бабкой да столетнему прадеду...

Саша. Тебя пожалела. Вижу, что тебе без меня хана (после некоторого молчания). Там, в Нью-Йорке, своя жизнь. Маман со своим америкосом бэбичкой обзавелись... Здесь как-то вольготней. Мне все внимание. И потом... еще есть кое-что...

Дед. Влюблена что ли?

Саша. Ты как догадался?

Дед. ИНТУИЦИЯ! Читала Бергсона? Ничегошеньки ты не читала! Темная ты, Саля. Ну и как его зовут?

Саша. Кого?

Дед. Я про парня твоего спрашиваю...

Саша. Только тебе, дедуль. Его зовут... его зовут... Гек... Знаешь, книжка такая была для детей? «Чук и Гек»? Так он Гек. Иначе Гектор. Он старше. На целых пять лет. Ему уже девятнадцать исполнилось.

Дед. Ого. Вот это возраст! А чем занимается?

Саша. (нехотя) Занимается? Он ... это... альпинист. Он сейчас на Эльбрус восходит, у них группа набралась... в институте.

Дед. А институт-то какой?

Саша. Да какая разница! Главное, отучиться и корочку получить.

Дед. Брешьешь?

Саша. Ну, ты и догадлив. Я не брешу, я фантазирую. Ведь любить можно, даже если Он об этом ничего не знает. У меня подружка - Лиза, Лизочек, вместе учимся. У нее брат старший. Он на меня никогда никакого внимания. Подумаешь, какая-то мелочь под ногами... Хочешь фотку посмотреть? (вынимает, показывает) Правда, ужасно симпатичный? Он фоткался на военный билет, Лизочек принесла показать, а я реквизировала...

Звонок айфона

Саша (берет айфон). Поняла, приятного ужина! Нет, никто не приходил. А кто должен прийти? Покормить? Хорошо. Я как раз картошечку нам с дедом испекла. Да ты, Ляля, не беспокойся, все сделаю. (выключает айфон) (деду) Правительство Москвы устроило ужин для участников концерта-митинга. Акция проходит в ресторане «Освобождение»...

Дед. От совести они освободились. И от стыда.

Саша. Ты, дедуля, молчи. Сейчас за слова сажают.

Дед. Опять жучки в потолке? Снова как при Сталине?

Саша. К Ляле сегодня какой-то фанат приходил. Принес письмо с фронта (видит на столе) Этот что ли конверт? (достаёт письмо, читает надпись) От Николая Смирнова Елене Шахтинской. Будешь слушать?

Дед. Письмо Ляле, не тебе.

Саша. Будешь, говорю, слушать? Ляля его уже прочла...И здесь оставила...

Дед. Читай.

Саша (читает) Уважаемая Елена...

Коля Смирнов (в тени)

Уважаемая Елена, за долгие годы, что я смотрел вас с экрана, я с вами породнился душой и телом. Больше, кроме вас, мне некому сказать свою обиду и свою тоску. Мамка, я знаю, будет рада деньгам, которые мне станут выплачивать по страховке, может, ей даже хочется, чтобы я погиб, – тогда

денег выплатят больше. Не подумайте - я не в осуждение - она с малолетства всю жизнь бедует, да и едоков в доме три брата и сестра, мал-мала-меньше. А мне хоть в петлю. Я выбит из седла, став безногим инвалидом. Ночами в госпитале не сплю. Все думаю на эту безразмерную тему. Напишите мне хоть пару-тройку строк, очень бы хотел про все забыть и впасть в детство, когда ничего этого не было и я беззаботно слушал вашу передачу «Час радости с Лялей Шахтинской».

Спасибо, что выслушали! Остаюсь ваш Коля Смирнов. Буду ждать ответа и привета - как соловей лета.

Саша. Бедный... Нашел кому пожаловаться!

Звонок в дверь

Саша. (прячет письмо в карман и идет открывать дверь. На пороге Виктор)

Виктор. Я ... Ляля ШАхтинская здесь живет?

Саша. Проходите. Ее нет, но она дала ЦУ. Идемте сразу на кухню. Дедуля, будешь ужинать?

Дед. Не хочется что-то. Потом.

Саша. А то картошечка есть, печеная.

Дед. Я потом.

Сцена третья. На кухне

Саша. Вы садитесь, не стесняйтесь. Ляля с Изей сейчас на правительственном ужине. А мне велено вас покормить. Картошку любите? Печеную?

Виктор. Кто ж ее не любит? Не знаю таких.

Саша. Да миллион, тех, кто не любит. Итальяшки лопают макароны. Америкосы свои бургеры или свой чикен. Картошку им предложить – печеную, ну как мы любим, - если только из любопытства попробуют. Я их вкусы знаю. Полгода изучала кулинарию в американской школе.

Виктор. Были в Америке? Как там к нашим относятся? Не любят?

Саша. Да вроде нормально относятся. Им без разницы, ты из России или из Танзании.

Виктор. Но это давно, сейчас-то по-другому. А документ туда трудно оформить?

Саша. В Америку? Думаю, трудно. Я по обмену была... еще до этой войнушки.

Виктор. Вот говорят, сейчас в Израиле наших хорошо принимают. И в Грузии. Соль-то есть у вас? Без соли что картошка, что бурак.

Саша. Бурак – это что? Украинское слово?

Виктор. Да какое украинское? наше ростовское, овощ такая, в борщ кладут.

Саша. Вы там...долго воевали?

Виктор. Да не хочу я об этом. (оглядывается) Тебя как зовут?

Саша. Сашей.

Виктор. А меня Витей. Тебе лет шестнадцать есть?

Саша. Почти.

Виктор. У меня сеструха такая. Вы с ней похожи. Я тебе вот что скажу, ты вроде хорошая девка, не выдашь. Скажу по всей правде. Я на фронт больше

не хочу. Хватит. Не хочу больше воевать за ихние миллиарды. Наворовали, и все мало. Чего, спрашивается, в Украину поперлись? С какого бодуна? Мне маманя всю жизнь твердила: только бы не было войны, только бы не было войны... а она, война, – вот она. Нас с Колей Смирновым под пули, а сами жируют в своих дворцах... Видела, небось, какой дворчище отгрохали в Крыму, пожирнее, чем у шахов персидских... Короче, после госпиталя - получил я направление обратно в часть – и думаю сбечь.

Саша. Как же сбечь? Это же дезертирство. Вас могут поймать.

Виктор. Ты смышленная. Сегодня что-то много постов на улице.

Саша. Так военное же положение. Мобилизация идет.

Виктор. То-то ... полно полицаев.

Саша. У вас есть документы?

Виктор. Для побега? Откуда? Мне один чувак обещал документ оформить и переправить через границу.

Саша. Хороший человек?

Виктор. Откуда? Жулик абсолютный. За деньги... Большие.

Саша. Я бы тоже уехала. Да дедулю жаль. Он тут без меня пропадет. У него сын, мой дед, Лялин муж, совсем бесчувственный. Ляля его Идею зовет, от «идиота»...

Виктор. А как его вообще зовут?

Саша. Изяслав Арнольдович. Смешно, правда?

У меня вопрос есть. Насчет фронта. Вот, скажем, парень попал на фронт. И поначалу пишет, а потом письма перестают приходить.

Виктор. Сколько не приходят?

Саша. Да месяц уже.

Виктор. Понятно. Не знаю. Если похоронка не приходила, может, пропал без вести?

Там нет настоящего учета. Может, еще в госпитале найдется.

Твой парень?

Саша (кивает, вынимает фото). Он сразу записался, как мобилизацию объявили. Добровольцем. У него отсрочка была ...

Виктор (смотрит) Молодой.

Саша. Девятнадцать исполнилось.

Виктор. Может, еще найдется... А так - и погибнуть легко, не за грош. Насмотрелся я такого. После боя трупы в рефрежератор, а потом и закопают... как собаку... в общаке. Какой там учет? Нет, хватит, навоевался. Надо делать ноги. Скоро ваша Ляля придет?

Звонок в дверь.

Саша. Это они. Легки на помине. Пойду отворю.

Сцена четвертая. В гостиной

Ляля. Привет! И солдатик здесь? Покормили?

Саша. Не так, как вас, - в ресторане, но досьята. Как митинг-концерт?

Ляля. На митинг мы не остались, а концерт шикарно прошел. Играл Запойный, пела Хавронья. Народ балдел. После каждого номера скандировали «Да войне!»

Дед. (тихо, словно про себя). А в мое время какие хорошие песни были, душевные (напевает) Дывлюсь я на нэбо/ тай думку гадаю/ Чому я нэ сокил, /чому нэ литаю...

Изя. Ты, папочка, того, помолчи. Ляля устала, да и чужой человек у нас, чего ты на мове распелся? (Виктору) Папаша мой с Украины, там в школе учился, Котляревского может декламировать страницами... В ту войну, мальчишкой, чудом жив остался, семья эвакуировалась из Киева, а то бы всем капут. После войны окончил с отличием московский юрфак. Так что папа у меня человек ученый, профессор, мне, понимаешь ли, есть кем гордиться, с кого брать пример...

Дед. Тогда Киев бомбили немецкие фашисты, а сейчас свои бомбят. Как это понять?

Изя. А ты не напрягайся, папочка. Есть люди наверху, они давно уже все по полочкам разложили, лучше нас с тобой знают, кого бомбить, кого не бомбить.

Ляля. Послушай, Идя, тебе нужно переодеться. Ступай. А я тут с людьми пообщаюсь.

Дед. А вот еще – веселая: Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвела... Ты ж мэне, молодого, з ума–разума свила.

Ляля. Абрам Лазаревич, у меня от ваших песен мигрень начинается.

(к солдату) Тебя, кажется, Виктор зовут? Ты надолго в отпуск? Скоро на фронт отбываешь?

Саша. Он скоро отбывает, очень.

Ляля. А он что, немой? Сам ответить не может?

Виктор (нехотя). Еще побуду чуток. Первый раз в Москве. В Мавзолей схожу...

Ляля. У меня тут один проект родился в голове. Нужно твое участие. Пойдем-ка в мой кабинет - почирикаем. (Отводит его в другую комнату).

(Сцена проходит одновременно в трех комнатах, где в первой Саша и Дед, во второй Ляля и Виктор и в третьей, посредине, Изя).

Сцена пятая. Кабинет Ляли, больше похожий на будуар

Ляля. Можешь сесть поближе (хлопает ладошкой по стулу подле себя)

Так ты с фронта? И как там? Обрисуй ситуацию.

Виктор. Наши доблестные войска. В общем мы побеждаем. Давим гадину фашизма и нацизма в ее логове.

Ляля. Слава России! А конкретнее? Какой-нибудь случай? Ну вот этот парнишка, Коля Смирнов. Он стал инвалидом, жаль парня. Кто виноват в его инвалидности? Разве не Украина?

Виктор. Украина – они виноваты. Понатыкали мин.

Ляля. А Америка? Разве она не виновата? Натравила Украину на Россию – те и выступили, напали...

Виктор. Ну да, 24 февраля 2022 года. То есть напала-то Россия, но... в упреждение удара... Я правильно говорю?

Ляля. Как по маслу. Отличник... как там у вас? Боевой и политической подготовки. У меня глаз-алмаз – знаю, кого пригласить на передачу. Ну и как теперь мы Коле Смирнову можем помочь? Что ты думаешь?

Виктор. Коляску импортную? Лекарства обезбаливающие? Он по ночам от боли кричит...

Ляля (кривится). Это все не по моему ведомству. А что если на передачу позвать хороших артистов, певцов, музыкантов? Они будут петь и играть ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для Коли Смирнова. Я уже с Запойным договорилась, он что-нибудь сыграет, такое ... пронзительное – «Картинки с выставки» или

«Детский альбом»... Хавроша споеет... Арию Далилы. Кто-нибудь из простых россиян выступит... с искренним призывом... за войну до уничтожения противника... Как ты на это смотришь? Да ты не туда смотришь! Нахал! Так я жду ответа. Моя передача – в эту пятницу. Выступишь?

Виктор. Рады стараться. Зависит от одного жулика.

Ляля. Что-что ты сказал? От кого зависит?

Виктор. Сказал, что постараюсь. В пятницу – сначала схожу в Мавзолей, потом к вам.

(В смежной комнате Изя прикладывает ухо с усилителем звука к стене, внимательно слушает разговор)

В другой комнате. Дед и Саша

Саша. Дедуля, не хотела тебе говорить, никакой он не альпинист. Он на войну ушел, воевать с Украиной. Добровольцем. Он патриот, дедуля. Таими страна должна гордиться.

Дед. Ясно. Это как себе в сердце выстрелить или в висок. Смертельно то и другое.

Саша. От него месяц ничего нет. Лизочек говорит: мать сбилась с ног, ходит по инстанциям, выясняет, а отец пьет... Дедуля, что если я тебе стих один прочитаю? Его еще Клавдия Аполлоновна нам вслух читала. Нашла его сейчас на интернете. Мне нравится, что он такой... такой... возвышенный. Называется «Прощание Гектора с Андромахой».

Дед. Ну-ну, почитай. А то еще есть «Перелицованная Энеида» у Котляревского, вот это стихи! «Еней був парубок моторний/І хлопець хоть куди козак».

Саша. Так я читаю.

Милый Гектор! Не спеши в сраженье,
Где Ахиллов меч без сожаленья
Тень Патрокла жертвами дарит!
Кто ж малютку твоего наставит
Чтить богов, кто лук его направит,
Если смерть от нас тебя умчит?

Это она ему говорит. А он ей на это:

Милый друг, копьё и щит скорее!
Там, в кровавой сече, веселее.
Эта длань отечество спасет.
Чу, дикарь опять уж под стеною,
Я погибну, но избавлю Трои,
Лютый враг у стен ее падет.

Дед. Мне, Саша, нравится, что ты за Гомера взялась. Это по-взрослому. И про Гектора вспомнила. Никак этого не подозревал в тебе. Гектор, Саша, - защитник Трои, а Троя нынче – это Киев. Осаждаемый и обстреливаемый полчищами врагов. А кто враги? Братья по крови и по судьбе. Это не помещается в голове! Каин восстал на брата своего Авеля. Боже, помоги троянцам одолеть врага! Ты еще глупенькая, Саша, не видишь очевидного... Задурили голову детям. Патриот! Разве патриот может напасть на чужую страну и начать убивать, грабить и разрушать? При том, что чужая страна-близкая родственница, пол-России оттуда!

Саша. Дедуля, а ты знаешь, что этот парень с фронта мне сказал? Он дезертир, хочет убежать за рубеж, ему эта война не нравится.

(Изя за стеной прикладывает чуткое ухо с усилителем звука).

Дед. А вот это уже не по-взрослому. Парень с тобой поделился, а ты...

Снова кабинет Ляли

Ляля. Да, если хочешь, я договорюсь насчет апартамента, моя приятельница сдает. Сколько ты пробудешь? (набирает номер) Зинуля, тут один солдатик в отпуске после фронта, ему бы организовать ночевку (К Виктору) Сколько ночей?

Виктор. Да не от меня, говорю, зависит.

Ляля. Зинуля, слушаешь? До пятницы точно, включительно.

Он сейчас подойдет (Виктору) Это выше этажом, 113 квартира. Завтра утром приходи, покормим завтраком. Но чур не раньше одиннадцати, я богема, встаю поздно.

Да, насчет вознаграждения... В пятницу пройдет передача, а в субботу я тебя награжу... (со значением). Будешь помнить. Понял? Теперь иди.

(Изя слушает за стеной)

Снова гостиная. Дед и Саша.

(Оба молчат. **Саша** за компьютером, вынимает айфон, звонит): Привет, Лизок, как подготовка? У меня на нуле. А ты зубришь? Да не оценит он, этот Асаф Асафыч, он к девчонкам вообще плохо относится, презирает... В Америке бы ему приписали сексуальную сегрегацию. Может, до четверга успею что-то посмотреть, но вряд ли. Отвлекаюсь постоянно, столько всего интересного в сети... (другим тоном) Лизок, есть у вас новости?... ну, насчет Гены... Понятно... Подождем.

Дедуля, слышишь? Про Гектора пока нет новостей. Разбираются.

Часть вторая

Сцена первая. Гостиная. Следующее утро

Ляля пьет кофе. Изя суетится рядом. Звонок Лялиного айфона.

Ляля. А, Зинуля, привет! Какой переполох? Ничего не слышали. Я спала как младенец. Что? Патруль? Когда? И что дальше? Интересное кино. Так он сбежал... Хорош молодец!

(кричит в истерике) Караул! Моя передача под ударом!

Прибегает Саша. Потом заходит Дед.

Саша. Что случилось? Дедуля говорит, что началась ядерная война. Мы с ним завтракаем на кухне, а тут...

Ляля (спокойно) Пардон, не сдержалась. Все нормально. К Зинке в семь утра нагрнул патруль. Видно, кто-то донес. Искали постояльца... А его, представляете, след простыл. Ушел, видно, еще ночью.

Идя, ты здесь? Принеси мое лекарство! (Изя приносит начатую бутылку шампанского). (Ляля протягивает руку). Бокал! (Идя дает ей бокал, наливает. Ляля пьет). Впервые я так об...

Изя. Лялюша, здесь дети.

Ляля. Об... простоволосилась. Сашк, ты представляешь? Этот солдатик, ну Виктор, который принес письмо, видно, еще тот криминал.

Саша. Да сейчас многих берут. Просто за слова... или за убеждения. Чуть лицо поумнее – хватают. Вот Изю нашего не возьмут.

Изя. Я на твои приколы, глупая девочка, не реагирую!

Ляля. Идя, вызови машину! Волка ноги кормят. Поеду на студию.

(к Саше). У тебя когда переезжаешь?

Саша. В четверг.

Ляля. Так. Пятница, значит, свободна. (задумалась). Хочешь принять участие в моей передаче?

Саша. Я? В «Часе радости с Лялей ШахтИнской»? Нее-даа... А что я там буду делать? Для мебели?

Ляля. Почему для мебели? Вот давай я тебя проэкзаменую. Ты как на эту э... операцию смотришь? Положительно... или нет?

Саша. По.. положительно.

Ляля. А на нашего президента? Ну, не тани, должно от зубов отскакивать.

Саша. По... по... положительно.

Ляля. А как относишься к нашей победоносной армии?

Саша. По...по...по...

Изя. Какая-то попа получается.

Саша. Это я во-во-волнуюсь.

Ляля. Ну?

Саша. В общем положительно.

Ляля. А в частности?

Саша. Это для телевизора? Тогда тоже положительно.

Ляля. Я приеду – порепетируем. Мне нужен представитель молодежи, чтобы непосредственно от школьной парты... Мы тебе косички заплетем, бант завяжем... Идя, ты вызвал машину? Пойдем, ты меня посадишь. К обеду я дома. (уходят)

Саша (кричит) Дедуля, ура! Я буду участницей передачи Ляли ШахтИнской! Ура! Надо ЛизОчку сказать (кружится, потом уходит).

Сцена вторая. В гостиной

Дед, потом появляется Изя

Изя. Ты почему так смотришь, папа? Тебе что-то во мне не нравится?

Дед. Изя, скажи честно, на парня ты донес?

Изя. Я? Почему я? Совсем не я. А хоть бы и так. Этот Виктор дезертир, предатель. Таких нужно уничтожать, как... как...

Дед. Как бешеных собак. Так говорили в мое время, при Сталине.

Изя. Папа, зачем ты себя травмируешь? Ты должен, наоборот, заниматься психотерапией, говорить себе: все хорошо, все славненько, а будет еще лучше.

Дед. Изя, они бомбят Киев, город, где ты родился.

Изя (беспокойно оглядывается). Папа, кругом уши. Стены тонкие, если ты не донесешь, донесут на тебя...

Дед. Изя, ты был такой хорошенький! Саррочка души в тебе не чаяла!

Помнишь, как мы на Ирпене загорали? Помнишь? Изя, ведь детство нельзя забыть! Они разбомбили Ирпень, Изя!

Изя. Папа, ты сегодня встал не с той ноги. Я лучше уйду. По-моему, ты слушаешь какие-то другие известия. А это нехорошо, папа. Нужно слушать то, что тебе говорит твоя страна, твое правительство, твои компетентные органы. Ком-пе-тен-тные – понимаешь? Они все тебе разъяснят, КАК НАДО. Как надо твоей стране и твоему правительству, а не какому-нибудь дяде Сэму (высовывает язык).

Дед. Ты это кому сейчас язык показал?

Изя (т-сс). Это я тому, кто за стеной. Слушает.

Появляется Саша.

Изя. Однако пойду. Нужно еще обед заказать к Лялиному приезду... (уходит).

Саша. Хэллоу, дедуля! Слышал, я буду выступать в передаче Ляли Шахтинской?

Дед. Поздравляю.

Саша. Я знаю, тебе это неприятно, ты за Украину. А я – за свою страну, я за Россию.

Дед. Вот и выступай за свою страну. Только своим голосом, слышишь, Саля? *Своим голосом.*

Сцена третья. В гостиной

Появляется Ляля, за ней Изя

Ляля. Всем привет. Ох, и набегалась, где только ни была!

Изя. Садись, Лялюша (придвигает кресло). Ножки-то не казенные.

Ляля. Послушайте, я не зря бегала. Результаты – феноменальные. Нашла героя для моей передачи. Генерал. Настоящий бравый генерал. Ну, может, не совсем генерал, но держится по-генеральски. В отставке. Но боевой. Такая, знаете, выправка ... Немного косноязычит, но где найдешь военного, чтобы хорошо говорил? А этот хотя бы в нужном сегодня духе. Придется с ним ухо держать востро - может с темы съехать. Это для первой части передачи. А для второй будешь ты, Саша.

Мы потом с тобой порепетируем, что и как нужно сказать...

Идя, обед принесли?

Изя. Принесли, принесли, Лялюша. Все горячее.

Ляля. Абрам Лазаревич, Саша, пообедайте с нами! Порции такие большие, что хватит на четверых.

Саша. Спасибо, мы с дедулей поели щавелевых щей по-американски. Я рецепт в Америке освоила, у нас кулинарию одна русская преподавала, большая мастерица по супам... Я пойду, мне нужно заниматься. У меня завтра переэкзаменовка.

Ляля. Ты, Саша, не волнуйся. Я позвоню твоей директрисе, все будет тип-топ.

(Саша уходит)

А вы, Абрам Лазаревич, не хотите с нами пообедать? Еда из «Пекина».

Дед. Из Пекина у меня желудок не принимает. Вы ешьте, ешьте, а я вам спою. Эту песню в свое время пела вся страна – я имею в виду Советскую Россию. (Запевает) «Распрягайте, хлопцы, коней, да лягайте почивать».

Ляля. Идя, я в конце концов не выдержу. Что он себе позволяет?

Он же в глаза издевается.

Изя. Папа, Ляля устала. У нее невралгия от твоих песен...

Дед. Ну, раз невралгия... Ухожу. (Уходит, напевая: «А я выйду в сад элэный, в сад криниченьку копать»).

Сцена четвертая. Гостиная на следующий день

Ляля делает дела, Изя отдыхает

Ляля (звонит) Анна Федоровна, здравствуйте. С вами говорит Ляля ШахТинская с Первого канала. Да, да, она самая. В эту минуту моя внучка, Александра Скворцова, пересдает у вас математику. Да, да, кажется, у него, у Азефа Азэфовича... Прошу вас от имени всей редакции Первого канала – проследите за ходом передачи, чтобы там не было... чего-то недопустимого, разных высказываний, лозунгов, нерешенных задач и подобного. Так я могу на вас рассчитывать? Крайне вам благодарна. Смотрите мою передачу в эту пятницу, в ней как раз Александра Скворцова будет участвовать (выключает айфон). Кажется, с пересдачей дело в шляпе.

И с передачей вроде бы все складывается. С генералом я уже прорепетировала – он немножко в маразме, но голос поставлен и держится молодцом. Нужно только держать его под контролем. Осталась Саша... Ей всего-то два-три слова сказать - в поддержку. Мол, молодежь поддерживает, мы за...

(Изя клюет носом) Идя, ты меня слышишь? Спишь на ходу? Не выспался? Что ты ночью делал? Небось все «Свободу» слушал? Команду Навального? На ютуб выходил? Ну и как? Какая у них информация?

Изя (показывает на стены, на потолок, всеми телодвижениями изображает, что кругом «уши»). (шепотом) Ты, Лялюша, того, осторожней, уши кругом (громко) Положение наших вооруженных сил самое благоприятное (шепотом). Кранты скоро. Все закончилось – боеприпасы, еда, терпение.

Ляля. Терпение чье?

Изя (громко) Терпение всех ветвей нашей власти... безгранично. (шепотом). Закончилось терпение компетентных органов. Теперь возможно все, вплоть до новой рокировки...

Ляля. Врут они все. Или ты все придумываешь. Признайся. Небось до полночи порносайты смотрел?

Изя. Помилуй, Лялюша, как можно? Слушал радио «Ностальджи».

(Входит Саша)

Ляля. Что это ты такая ... перевернутая? Неужто не сдала? Быть не может!

Саша. Ты, Ляля, о чем?

Ляля. Как? Ты где сейчас была? В школе? Математику пересдавала? Этому... Азеф Азэфовичу?

Саша. Да нет, в школу я не пошла. Какой смысл? Ничего по математике не знала и не знаю.

Ляля. Дурочка. Не в этом дело. Ты бы свою отличную оценку взяла без труда и без науки. Сама бы к тебе слетела. Директриса бы за этим присмотрела. А Азефу вашему пришлось бы покориться, кушать-то всем хочется... Нет, ты, Сашка, не в бабку, смиренная очень, нужно во всем до конца идти, до самой крайней точки. Думаешь иногда: все, выхода нет. А он на самой последней секунде вдруг открывается... Ну да ладно, не переживай, назначишь на другой день. Думаю, ваша директриса не забудет, а забудет – напомним.

Как к завтрашнему - готова? Давай сейчас переберем твои вещички, для передачи нужно иметь блузку и юбочку, скромно, но не бедно, ярко, но не броско, модно, но не последний писк. Понятно? Пойдем?

Саша. Подожди меня, хорошо? Я сейчас приду. Умоюсь только. (Ляля уходит)

(Саша идет в комнату Деда)

Сцена 5. В комнате Деда

Саша. Дедуля, я к тебе. Представляешь - им прислали похоронку. Мол ваш сын геройски погиб там-то и там-то, такого-то числа. Похоронен на месте. Представляешь? Мать голосит: «Геночка! Хочу видеть твоё тело, хоть мертвое. Не верю, что ты погиб». Представляешь? То есть полный зашквар. Лизочек на передачу не пошла, я с ней за компанию. Что скажешь?

Дед. Что сказать? Рано паренек ушел. Жаль его. Но главное горе не в этом. Главное, что смысла в этой смерти нет. Ты это понимаешь? За что он воевал?

Саша (гневно) Как за что? Он геройски погиб за родину, за Россию!

Дед. А что, на нее, на Россию, кто-то напал?

Саша. Но... (заученно) Были замыслы. Если бы Россия не напала, на нее напала бы Америка и все прочие...

Дед. А зачем? Ты подумай головой: зачем Америке Россия? Что у нее своей земли мало? Или не хватает населения? Так к ней, с тайной мечтой остаться насовсем, со всего мира едут.

Саша... Но... но народ поддерживает. Вон у Гениного отца на машине Зига...

Дед. Не привыкли люди своей головой думать...

Голос **Ляли.** Саша, ты где застряла? Я ведь жду!

Саша. Ты, знаешь, дедуля, я к тебе после еще зайду... А передачу ты будешь смотреть?

Дед. А как же? Я ж болею за тебя (выходит из комнаты с песней: Ой, пид вишню, под чирешню/ стоял старый з молодую, як и с ягодою»).

Сцена 6. У Ляли

Ляля и Саша

Ляля. Нет, Саша, я не довольна твоим видом. Юбочка еще туда-сюда, а блузка – не проходит по нашим стандартам. В ней слишком много желтого и синего. Могут принять за намек на украинский флаг. Дам тебе свою.

Саша. У тебя же размер другой.

Ляля. Будет «свободный покрой». Косу сама заплетешь или дать накладную?

Саша. А косу обязательно? Ее уже давно никто не носит. И я совсем не девочка с косичками.

Ляля. Что? Хочешь вылететь из передачи? Это в одну минуту. Коса нужна. На тебя будут равняться. Посмотрят – и глядишь: начнут косу заплетать.

Теперь слушай. Сразу после генерала я скажу, что получила письмо от молодого фронтовика.

И моя племянница – это ты – вместе со мной письмо прочитала. Назову тебя племянницей, оно как-то веселее звучит, чем внучка, и что ты родственница, не буду скрывать, а то доносы начнутся.... Слушай, что я тебя спрошу: Саша, ты принадлежишь к российской молодежи. Как молодежь относится к военным действиям и к решимости нашего дорогого лидера вести их до полного истощения сил... противника? (Саша молчит). Ну... забыла? Ты должна сказать, что молодежь это полностью одобряет и поддерживает. Повтори (Саша заученно) Молодежь полностью одобряет и поддерживает.

Ляля. Умничка. Только нужно бодрее, веселее. Давай-как еще разок для закрепления. Я задаю свой вопрос – и твой ответ, чтобы от зубов отскакивало. Ну!

Саша: Полностью одобряет и поддерживает.

Ляля. Пропустила слово «молодежь». Потренируйся еще перед сном. Чтобы без задержки сказать, на одном дыхании. «Молодежь полностью одобряет и поддерживает».

Ну а потом я приглашу Запойного и Хаврошу, и они такой концерт устроят, мама дорогая! Мертвым мало не покажется! Запойный будет играть на рояле русский блюз, а Хавроша поет попури из советских песен про шпионов.

В общем, мы с тобой все уже решили. Теперь я должна заняться собой – подобрать соответствующий ко-стюм. Ты, иди, Саша. Завтра к 6 часам вечера будь наготове во всей экипировке. Кофточка за мной. (Саша уходит, идет в комнату к Деду)

Саша. Дедуля, повтори, пожалуйста, что ты вчера мне сказал, как я должна родину защищать?

Дед. Я сказал: «Говори своими словами. Как думаешь и как чувствуешь». Поняла?

Саша. Поняла. Спасибо, дедуля! До завтра!

*Сцена 7. Гостиная. У телевизора Изя
Идет трансляция передачи*

Изя. Папа, иди, уже началось... (подходит Дед, садится).

На экране:

Ляля. Дорогие зрители, сегодня на нашей передаче «Час радости с Лялей ШахТИнской» присутствует военный - Генерал в отставке Петр Перфирьевич Кудышкин. Уважаемый Петр Перфирьевич, наша передача называется «Час радости». Чем бы вы могли порадовать наших дорогих зрителей в грозный час, когда вся страна сплотилась в едином строю, в одном патриотическом и гражданском порыве, с единственной целью - одолеть жестокого и коварного украинца...

Генерал. Я с вашего разрешения, милая, не генерал, а генерал-полковник (высоко поднимет голову и смотрит вокруг орлом) Порадовать зрителей могу своим рассказом про русско-турецкую кампанию, когда доблестная русская армия отвоевала у жестокого и коварного турка крепости Карс, Эрзерум и Нахичевань. Таким образом был расчищен путь к проливам и к Индии. Русские умирают, но не сдаются. Империалисты в лице Англии, а также Америки и иже с ними...

Ляля. Уважаемый Петр Перфирьевич, вы правы, русская история дает повод... повод для державной гордости великороссов. Но ведь и сегодняшние события не могут не вызвать чувства гордости и восхищения.

Генерал. Великой гордости и великого восхищения, мадам. Помню, в русско-турецкую кампанию наш простой русский солдат Елизар Собакин отвоевал целый винный погреб у турецких нехристей. А то ведь сами не пьют и другим не дают... Но мы еще прорвемся. Мы еще дадим понюхать пороху жестокому и коварному турку.

Ляля. Украинцу, вы хотели сказать.

Генерал. Именно.

Ляля. Вы очень правильно коснулись темы нашей славной истории. Она дает высокие и... широкие примеры отваги и мужества в борьбе с жестоким и коварным врагом.

Генерал. Натурально. Так было во все кампании – и в турецкую, и в шведскую, и с Икеей, и с Макдональдсом... Победа всегда была за нами...

Дед (комментирует). Прогрессирующая деменция...

Изя. Тише, папа, не даешь слушать...

Ляля. Спасибо, уважаемый Петр Перфирьевич, за ваше сообщение. Действительно русская армия всегда шла от победы к победе. И это не может не вселять радость и гордость в сердца всех, кто смотрит нашу передачу. А ее смотрят по всей стране. Смотрят и в моем родном городе Шахты.

От уроженца этого города, юного воина Николая Смирнова недавно ко мне пришло письмо.

Коля Смирнов (в госпитале смотрит ТВ, возле горящая свеча). Тише, ребята. Тут обо мне говорят.

Ляля. Коля с детства любит нашу передачу и меня, ее ведущую, он был ранен в бою с жестоким и коварным врагом. Сейчас находится в госпитале. Наш потрясающий концерт мы посвящаем Коле Смирнову и всем безымянным воинам, сражающимся сегодня с жестоким и коварным врагом. Но прежде, чем дать слово артистам, я хочу дать слово молодежи, в лице Александры Скворцовой, моей племянницы, обычной российской школьницы, ученицы одной из обычных московских школ. Саша, скажи нам, пожалуйста, как молодежь относится к военной операции в Украине и к нашему дорогому лидеру, который осуществляет руководство всей этой грандиозной операцией.

Саша. Честно?

Ляля. Конечно, честно. Со всей прямотой.

Саша. Но я могу сказать только за себя, другие пусть скажут сами. Знаешь, Ляля, я вначале особо не задумывалась, но сейчас у меня есть сомнения. Вот Коля Смирнов из Шахт, он подорвался на mine, сейчас в инвалидной коляске. За что ему такое? Что он делал в Украине? Может, он поплатился за тот ужас, который наши принесли на эту мирную землю? Или

вот Гена, брат моей лучшей подруги. Он пошел добровольцем, вчера им принесли похоронку. Похоронка есть, а тела нет.

Но ведь даже в Древней Греции родным важно было получить тело бойца, чтобы похоронить с почестями. Тело Гектора, смертельного врага Ахилла, ... было, хоть и с задержкой, выдано его отцу Приаму... Да что там греки! Скажу про свою семью. Мой прадед родился в Украине, в Киеве, там же родился и дед, и миллионы русских там или сами родились, или имеют родственников. Так как же можно бомбить Киев? Мы же не фашисты! Мы же по своим людям бомбим, по своим городам! Как такое может быть? А?

Ляля (в растерянности). Дорогие зрители, у моей племянницы свой взгляд, очень спорный, но в чем-то можно с ней согласиться. Мы с мужем часто отдыхали в Ирпене, под Киевом, сейчас его полностью разбомбили... Это уже лишнее... Издержки войны... Пока Александра Скворцова говорила, у меня родилось предложение. Давайте соберем деньги на современную импортную коляску для Николая Смирнова... и еще на обезба – обезболивающие лекарства, которых, как я слышала, в наших госпиталях недостает... И еще я думаю...

(Трансляция обрывается)

Изя. Оборвали трансляцию. Что же теперь будет?

Дед. Молодец девчонка! Наш корень! Не подвела. А что будет? Наверное, Лялю уволят со службы. С волчьим билетом. Хорошо, если не посадят...

Изя. А я? Что делать мне, если Лялю посадят?...

Дед. Как что? Будешь сам зарабатывать на жизнь, носить передачи.

Изя. Папа, ты умный человек, профессор, скажи: будет ли у нас когда-нибудь «Прекрасная Россия будущего»? Ах, как бы мне хотелось, чтобы поскорее...

Коля Смирнов (закрывает лицо руками и тушит свечу). Будьте вы прокляты!

Михаил Синельников

Москва, Россия

Готовность

День рождения Марии (Елизаветы) Скобцовой в замужестве Кузьминой-Караваевой, известной как Мать Мария (1891 - 1945).

Есть примечательный снимок дореволюционных "дачников" - тверская глушь, милое сообщество, в котором, как в жизни случается, назревает незримая драма. "И те неяркие просторы, Где даже голос ветра слаб, И

осуждающие взоры Спокойных загорелых баб". Замечательной и исторической фотографией делает присутствие среди отдыхающих и мысленно в свои тайны погруженных - двух самых великих русских женщин двадцатого века - Анны Ахматовой и будущей, тогда молоденькой Матери Марии.

Ахматова - великий поэт. Елизавета Юрьевна - поэт небольшой, но поэт. Для нескольких ее стихотворений все же видится место в антологии. В ранних, библейских поражает подтвержденная всем будущим готовность к жертвенному подвигу, та одухотворенная воля, которая в конце концов привела к участию в Соппротивлении и в концлагерь Равенсбрюк, где Мать Мария решилась войти в газовую камеру вместо другой заключённой.

* * *

И за стеной ребенка крик,
И реки ветра под небесным сводом,
И меж камней пробившийся родник,
К которому устами ты приник, —
Все исчезает год за годом.

Нежданно осветил спящий, яркий свет
Мой путь земной и одинокий;
Я так ждала, что прозвучит ответ;
Теперь же ясно мне — ответа нет,
Но близятся и пламенеют сроки.

О, тихий отзвук вечных слов,
Зеленой матери таинственные зовы.
Как Даниил среди львиных рвов
Мой дух к мучению готов,
И львы к покорности готовы.

Александр Журбин

Нью-Йорк-Москва

Даниил Трифонов. Концерт в Карнеги-Холле

Этот зал давно стал «местом силы» для многих артистов. Масса музыкантов во всем мире мечтают об этом зале, но никогда в него не попадают. Но у артистов высшей категории – таких как Марта Аргерих, Евгений Кисин, Ван Юйцзя, Мицуко Учида и еще нескольких - играть в этом зале – это высшая точка их турне по миру, неважно, в начале или в конце этого турне. Важно, что именно этот концерт в Карнеги-Холле всегда вписывается в историю мирового фортепианного исполнительства. Так это было и в прошлые годы, когда в этом зале играли великие пианисты 20 века: Рахманинов, Шнабель, Артур Рубинштейн, Рихтер, Гилельс, Горовиц и многие другие.

Концерт Даниила Трифонова – всегда событие, где бы он ни играл. Концерт в Карнеги-холле особенно.

Photo: Richard Termine

Трифонову сейчас всего 31 год, но уже лет 7-8 назад он стал кумиром публики, именно той публики, которая любит пианистов - и выделяет пианистов, которые по каким-то причинам становятся предметами

поклонения, иногда даже «идолами». Как правило, «толпа» - в хорошем смысле слова – не ошибается.

Хотя ошибки бывают – и у поклонников, и у почтенного жюри.

Такой ошибкой мне кажется неожиданное возвышение пианиста Люка Дебарга, который среди определенной части публики вдруг стал любимцем. Я несколько раз был на его концертах в Москве и ничего, кроме разочарования, это не принесло. Изящного исполнения сонат Скарлатти или туманного исполнения музыки Эрика Сати недостаточно, чтобы попасть в высшую лигу. Все-таки большой пианист должен владеть всем арсеналом «пианизма» и уметь сыграть все 24 этюда Шопена, и «Трансцендентные Этюды» Листа, и Концерты Прокофьева, и Фортепианные пьесы Лигети. Если все это в пальцах и в репертуаре, можно немного пофорсить и сыграть какую-нибудь безделушку, типа «К Элизе» Бетховена или «Грезы» Шумана. (Я помню, как эти пьесы играл «на бис» Святослав Рихтер).

Даниил Трифонов безусловно входит сегодня в высшую лигу мирового пианизма. У него нет никаких проблем с техникой, со всеми четырьмя видами фортепианной виртуозности, по определению Листа:

а) октавы и аккорды, б) тремоло, в) двойные ноты,

г) гаммы и арпеджио... Ему доступны любые существующие в мире фортепианные сложности.

Наверное, поэтому он начал свой концерт с самых легких пьес для фортепиано на свете: с «Детского Альбома» Чайковского.

Эти пьесы знакомы каждому человеку, если он жил в СССР или в России, а если он/она учились в музыкальной школе, то эти пьески каждый слышал или играл по многу раз.

Девочки лет восьми с большими бантами и с большим энтузиазмом играли на праздничных или юбилейных концертах «Марш Деревянных Солдатиков», или «Вальс», или «Польку». Чайковский сочинил это, чтобы, как он сам сказал, «улучшить музыку для детей, которая обычно очень плохая». И правда, пьески (почти все) получились очень красивые, нежные, иногда лирические, иногда драматические.

В больших залах их практически не играют. Слишком уж они кажутся простыми, слишком легкими. Кстати, в Карнеги-холл этот цикл исполнялся впервые – за 130 лет существования этого зала.

Трифонов открывает в этих пьесках новый смысл. Хотя строго следует тексту Чайковского, не добавляя ни одной нотки, ни одного нюанса. Но в руках Мастера эти незамысловатые пьески становятся гирляндой драгоценных камней. Эта музыка, конечно, напоминает Даниилу его детство, которое прошло в Нижнем Новгороде и в Москве. И конечно, такие названия как «Зимнее утро», «Мама», «Сладкая греза» или «Русская песня», не могут не вызывать у него ностальгических воспоминаний. И весь цикл прозвучал как некие тихие мемуары, как некий вход в музыкальные ворота, как вступление, прелюдия к концерту, к тому, что нас сегодня ожидает.

И это получилось очень уместно и очень нежно.

Является ли Трифонов русским пианистом? Это интересный вопрос. Да, этнически он безусловно русский человек. Хотя я не знаю, может в его крови замешаны еще какие-то гены.

Но это неважно. Ведь русскими пианистами были и Владимир Горовиц, и Святослав Рихтер, и Эмиль Гилельс, хотя этнически они не были русскими. Но они прошли школу в России и учились у российских педагогов.

У Трифонова другая история. Он уехал в Америку в довольно раннем возрасте и образование получал в Кливлендском Музыкальном институте. Правда, его основным учителем был (и есть) Сергей Бабаян, ученик Льва Наумова и Веры Горностаевой. Однако наш герой давно живет в Америке и ездит по всему свету, крайне редко посещая Россию.. В каком-то смысле ему подходит слово «космополит», мультикультурный человек, которому внятна любая культура, любой музыкальный язык.

После «Детского альбома» прозвучала Фантазия До-мажор Роберта Шумана. Это великая музыка, одно из самых буквальных и подлинных воплощений слова «романтизм». Здесь этот самый романтизм царит и бурлит во всей своей красе.

Забегая вперед, скажу, что и весь концерт был в каком-то смысле «Фантазией». Судите сами, не было ни одного произведения в Сонатной форме. Обычно принято, чтобы в программе *Klavierabend'a* каждый пианист играл Сонату. Не обязательно классическую (Гайдн, Моцарт, Бетховен), можно и романтическую (Шуберт, Шуман, Шопен), можно и современную – Прокофьева или Чарльза Айвза.

Но Соната - даже самая современная - имеет свои правила. Как правило, она многочастная – 3-4 части, есть быстрые части и есть медленные, есть какая-то главная тема, разработка, есть интонационные арки и т.д. Композитор, пишущий сонату, так или иначе, придерживается некоего профессионального канона. (Это, правда, не относится к нынешним молодым «творцам». Но они и не называют свои сочинения «Сонатами», все больше какие-нибудь «Испарения» или «Трепанации»).

Но вот слово «Фантазия» в заголовке означает полную свободу для композитора. Здесь возможно все – любые повторения, отклонения, модуляции и модификации, спряжения и сопоставления.

И безусловно, это дает исполнителю невероятную свободу. Потому что играть «Сонату» надо очень ясно и прозрачно, подчеркивая «кристаллы формы». А «Фантазию» можно играть как душе угодно, подчеркивая то, что исполнителю кажется важным.

В программе концерта Даниила Трифонова – целых две Фантазии: Моцарта и Шумана, а также два произведения в фантазийной форме – Равель и Скрябин. Если учесть, что все пьесы «Детского Альбома» написаны в трехчастной форме (А - В –А), можно отметить, что сонатная форма Даниилом Трифоновым в этой программе элиминирована. Думаю что не случайно.

Но вернемся к «Фантазии» Шумана. Я очень люблю это сочинение. Кажется, в конце 70-х я слышал, как эту «Фантазию» играл Рихтер в БЗК и был потрясен. Кстати, Рихтер сказал об этой «Фантазии»: Фантазия Шумана — произведение глубоко сокровенное; она не просто значительна, она неисчерпаема. Второго такого сочинения нет на свете».

Потом Женя Кисин подарил мне CD с этой Фантазией, я ее слушал много раз. Исполнение Кисина - как всегда классично и великолепно.

Исполнение Трифонова в Карнеги-холл было фантастично. Видно, что это сочинение он изучил до малейших деталей, все рассчитано и отточено. Но при этом – какая страсть, какие невероятные взлеты и падения, триумфы и

поражения. Особенно выразительной получилась вторая часть – Im Legendtone: гениальная балладная мелодия прозвучала волшебно. И медленный финал, который был назван Шуманом первоначально «Звездный венец» (потом он убрал это название.) И действительно, это прямо по Канту: «одно из чудес света - звездное небо над головой».

Все знают, что Шуман обожал свою жену – замечательную пианистку Клару Вик. И эта «Фантазия» вдохновлена его любовью. Шуман тайно инкрустировал в свою музыку фразу из Бетховенского цикла «К далекой возлюбленной». Я уверен, Трифонов знает об этом.

Второе отделение тоже началось с Фантазии, но только Моцарта. И опять – удивительная чувственность пианиста делает из этой довольно простой и ясной классической музыки целый вихрь образов, впечатлений, видений и чувств. Это уже зрелый Моцарт, ему 30 лет, и жить ему осталось 6 лет. Это трагическое сочинение, оно близко и Моцартовскому Реквиему и к минорной музыке Бетховена, и даже Шуберта. Трифонов – ровесник Моцарта в этот момент, и он отлично показывает нам, что чувствует совсем еще молодой Моцарт, какие грустные мысли закрадываются в его гениальную голову.

Морис Равель пишет своего «Ночного Гаспара», когда ему исполняется 33 года. Именно в этом возрасте композитор вырабатывает свой стиль, именно в этом сочинении мы узнаем настоящего Равеля.

Три пьесы, три полотна, три удивительных картины. «Ундина» – типичный Равель, музыкальный импрессионизм, грусть и красота.

Две других пьесы – «Виселица» и «Скарбо» - мрачные и тревожные, в общем совсем не похожие на привычного Равеля. Никогда больше композитор, в принципе солнечный и нежный, не опускался в такую «зону отчаяния».

Трифонов погружает нас в невероятный поток равелевской фантазии, мастерски играет красками и светотенью, филигранно выполняя все указания композитора. Это удивительное слияние композитора и исполнителя, и зал находился в каком-то состоянии оцепенения.

Ну и наконец, Пятая соната Скрябина. Скрябину в момент написания 35 лет. Загадочное сочинение, приближение Скрябина к своим трансцендентным идеям, первые намеки на предстоящего «Прометей» и «Предварительное действие». Все присущие Скрябину черты стиля – томление, полет, мистицизм и восторг – все это здесь представлено. И Трифонову удалось сыграть эту Сонату на одном дыхании, с легкостью преодолевая адски сложные пассажи. Триумфальное завершение Сонаты Скрябина стало кульминацией всего концерта.

Интересная мысль пришла мне в голову. Всем композиторам этого концерта в момент написания этих сочинений было 30 с небольшим. И Даниилу Трифонову сейчас примерно столько же. Думаю, что его выбор не случаен – сыграть то, что написали его ровесники много лет назад. И таким образом как бы перевоплотиться – в Шумана и Скрябина, в Моцарта и Равеля. Кажется, это было его целью...

Сознаюсь – я впервые был на полном концерте Трифопова. И меня увлек этот Концерт-Фантазия! Могу уверенно сказать – Трифонов полностью оправдал мои ожидания. Толпа его поклонников не ошиблась – он выдающийся музыкант мирового класса.

Уверен - у него все еще впереди!

Григорий Писаревский

Нью-Джерси, США

История старой и все ещё популярной песни

Задумывались ли вы над тем, почему некоторые песни живут долгими десятилетиями и по-прежнему сохраняют популярность? Мелодия ли тому «виной», магические ритмы, резонирующие с некими струнами в нашей душе, содержание ли песен или удачная комбинация всех этих составляющих?

Конечно же, в песнях Высоцкого, к примеру - это именно содержание, сущность заложенной идеи, смысловая нагрузка. И четкое выражение мыслей поэта, нередко совпадающих с нашими собственными, а в то, советское время, - ещё и тема, о которой не принято было говорить так, как сказал он.

А вот в песнях на иностранном, малопонятном, а то и вовсе непонятном языке, это всё-таки звучание, ритмический повтор, мелодия, заставляющая отбивать такт или двигать головой и плечами. А позднее, ознакомившись с переводом песни или прослушав русский вариант, то ли проникаешься ею ещё глубже, то ли... отвергаешь. Но об этом позже.

Старая песня, которую хочу вспомнить сегодня, так и вошла в жизнь, а затем и в моду, в память миллионов, в культурный пласт нескольких поколений под ритмичное пощёлкивание пальцев исполнителя. Это произошло в середине 20 столетия, в далеком 1946 г., и через несколько лет песня стала необычайно популярной - сначала в Америке, затем в Европе и даже в ряде стран Азии. Дошла она и до бывшего Союза.

Я помню, как ее играли, к восторгу посетителей, в Харьковском ресторане «Горка» в конце 60-х или в начале 70-х. Содержание мы понимали весьма смутно. Мне и моим друзьям казалось, что речь идёт о портовых грузчиках. Песня называлась «16 Тонн», на самом деле, она повествовала о тяжелой жизни шахтера. Ее автор и первый исполнитель - американский певец Мерл Трэвис. В той русской версии, которую мы передавали друг другу, звучали слова, по смыслу не так уж и далёкие от оригинала:

16 тонн - это жизнь или смерть,
16 тонн, хоть в аду гореть.
Работай, дружище, как вол, как слон,
Но выполни норму - 16 тонн.

На интернете можно найти несколько более или менее удачных вариантов русского перевода. Вот два примера - читатели имеют возможность сравнить тексты и оценить подход и креативность переводчиков. В первом варианте лучше выдержан стиль. Второй ближе к оригинальному тексту и ритмам мелодии, но последний куплет явно нуждается в доработке.

Из грязи сделана гольтьба,
Сильна спина, а башка слаба,
Кости да жилы, кожа и кровь,
И та же судьба, хоть родишься вновь.

Припев:

16 тонн срубил, а вздохнуть не могу.
Стал лишь на день старше и глубже в долгу.
Зовёт святой Пётр, но я не приду.
Душа увязла в шахтерском аду.

Я родился в пургу, непогоду, туман.
И гаркнул отец: «быстро в шахту, пацан!»
Я хватъ лопату и мигом в забой,
А начальник орет: «где ты шлялся, бой?»

Я родился в ненастье и хмур всегда.
Мне душу вычернила нужда.
Мое имя - задира, а кличка – буян.
И со мной не сладить, я трезв или пьян.

Эй, прочь с дороги, идёт рудокоп.
Ударю с левой, несите гроб.
А врежу с правой - тот же конец.
Был один такой - он теперь мертвец.

***

Из грязи человека слепил Господь.
А мне Господь дал кости и плоть.

Кости и плоть, спина как плита,
Да мозги тупые, и башка не та.

Рефрен:

Шестнадцать тонн в смену на-гора выдаю.
Я кругом в долгах за работу мою.
Сказал святой Пётр: «Ты в рай убеги».
Но я душу свою заложил за долги.

Я родился утром мрачного дня.
И с лопатой в забой турнули меня.
Шестнадцать тонн накидал без труда.
Горный мастер глянул: "Вот это да!"

Я родился утром - с небес лило.
На разборки и драки меня повело.
Я зверею мигом, рычу невпопад.
Даже бабы со мною быть не хотят.

Кто меня повстречал и не отскочил -
Тех я перекалечил и замочил.
Из железа и стали два кулака.
Не левым - так правым наверняка.

В 1947 г. песня была выпущена в альбоме под названием «Folk Music of Hills» (Народная Музыка с Холмов). Альбом вскоре получил т.н. «золотой рекорд». Известная многим строка песни «You load 16 tons and what do you get? Another day older and deeper in debt» (Ты выдал на-гора 16 тонн, и чего достиг? Ты стал на день ближе к смерти и ещё глубже в долгу») взята из письма, написанного братом Трэвиса, шахтером по имени Джон. Так гениальная строчка рождается иногда в обычном письме близкому родственнику от человека, по-видимому, весьма далёкого от творчества. Еще одна строка песни исходит от их отца, также шахтера, который любил повторять: «Я не могу позволить себе умереть. Моя душа не принадлежит мне, она заложена в магазин компании».

Эти две строчки - отсылка к когда-то существовавшей на шахтах и у лесорубов системе оплаты труда ваучерами или талонами взамен реальных денег. То есть работникам платили не подлежащими передаче кредитными ваучерами, которые можно было обменять только на товары в магазине, принадлежащем их работодателю. Это лишало людей выбора или возможности накапливать денежные сбережения. Да нередко и не было других магазинов в округе.

Помимо всего прочего, шахтеры и лесорубы, как правило, жили в домах и квартирах, принадлежащих компании, рент автоматически вычитался из их заработной платы. В итоге возникало своего рода «долговое рабство».

Этот метод оплаты и расчетов был законодательно запрещен в США в конце 30-х годов.

Система использования талонов и прочих эквивалентов реальных денег широко использовалась в прошлом и по-прежнему находит себе применение.

Таковы food stamps (продовольственные купоны) в Америке, выдаваемые «малоимущим» для покупки продуктов - последние пару десятилетий в виде электронных карточек. Большинство супермаркетов и ряд других магазинов принимают их вместо денег при покупке любых продовольственных товаров. Но также, по слухам, их берут и уличные наркоторговцы, по цене ниже себестоимости.

Все ещё применяются широко распространённые в недавнем прошлом traveller's cheques (дорожные чеки) и money orders (заказы на оплату). Первые можно приобрести в ряде банков, вторые - в банках, почтовых офисах и даже некоторых магазинах.

Разумеется, все указанные эквиваленты денег не вызывают того жуткого эффекта зависимости, какой производили талоны владельца шахт - их можно свободно использовать для оплаты заказов и покупок во многих местах. Однако кредитные и дебитные карты резко уменьшили их применимость.

Жетоны или сертификаты в казино - тоже своего рода заменители денег - используются внутри выдающего их игрового бизнеса. А люди старшего поколения помнят советские магазины «Березка», торговавшие только на сертификаты с синей или желтой полосой. «Гуманное» советское государство по-отечески бесцеремонно изымало валюту у тех, кто работал за границей, и заменяло ее сертификатами «Березки». Там можно было приобрести - по довольно-таки дорогой цене - многие дефицитные вещи: джинсы, шубы-дубленки, иностранные видеоманитофоны, фотоаппараты, спиртные напитки, сигареты. Естественно, эти сертификаты становились предметом спекуляции, как и многое другое в страдавшем тотальным дефицитом «нерушимом» Союзе. А задержанным в «Березке» покупателям талонов могли грозить неприятности. Где-то в конце 70-х сертификаты заменили чеками Внешторга.

Но мы отвлеклись. В 1955 г. известный американский певец Теннесси Эрни Форд выпустил наиболее популярную версию «16-ти Тонн». Очень скоро продажи дисков превысили миллион копий.

С тех пор песню исполняли десятки звёзд эстрады, включая Элвиса Пресли, Поля Робсона, Джонни Кэша и многих других. Песня, которой исполнилось 76 лет, продолжает оставаться популярной. Уже в последнее десятилетие ее записали или исполнили, в числе прочих, The Dandy Warhols, LeAnn Rimes, Tim Armstrong, Robbie Williams, Hayseed Dixie.

Но и это ещё не все. Варианты «16 Тонн» прозвучали во многих странах мира, по крайней мере, на 15-ти языках, включая немецкий, французский, испанский, итальянский (в исполнении Адриано Челентано), финский, шведский, польский, венгерский, русский, украинский и китайский. Интересно, что песню исполняли разнообразные рок-группы, панк-группы, джаз-группы и группы sea chanté, каждая в своём стиле и на своём языке. Звучала она и во многих популярных телевизионных шоу и фильмах, и даже видеоиграх.

В одних случаях песню переводили более или менее близко к тексту, в других - создавали абсолютно несхожий вариант, но с тем же рефреном «16 тонн». Примером полностью изменённого текста с выраженным антиамериканским мотивом является вариант, приведённый в последнем из линков. Я слышал похожую версию в 70-х на Херсонщине, на стажировке в зенитно-ракетном дивизионе ПВО, перед сдачей экзамена на звание лейтенанта-инженера. Уже в ту пору этот вариант, при всей созвучности

музыкальных ритмов моему тогдашнему мировосприятию и некоей смысловой пародийности текста, отталкивал чувством ничем не оправданного превосходства над «амерами».

Шахтёр, герой песни, выносливый трудяга, забияка и хулиган, вызывает какую-то смутную симпатию... Может быть, своей жизнестойкостью и неукротимостью? Размеренными, почти что гипнотическими ритмами, четким музыкальным тоном, гулким рефреном «16 тонн» и словно вырубленными в шахте строками о нелегкой жизни молодого шахтера песня как будто подпитывает нас музыкально-смысловым кислородом.

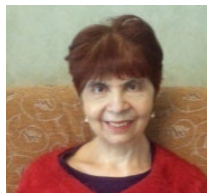
Долгой жизни этой замечательной песне!

https://youtu.be/niCIWANP_14

Вера Чайковская

Москва, Россия

Испуганные страстью. Об «эротических» рисунках Ивана Лубенникова (1951-2021)

Чиновники от искусства и послушные им редакторы боятся у нас любых человеческих эмоций, а уж тем паче страсти и любви. Это для них «страшные слова». Помню, как в младших классах школы мне безнадежно испортили встречу с впоследствии одним из самых любимых моих поэтов - Фетом. Дали не то в хрестоматии, не то в учебнике литературы его стихотворение «Я пришел к тебе с приветом», изъяв срединную строфу:

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова.
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова.

Из стихотворения словно вынули пылающее ядро, сердце, внутренний стержень. Какой-то странный человек пришел «с приветом» неизвестно к кому. И сам не знает, «что будет петь». Некоторая нелепость поведения и лексики лирического героя Фета не была подхвачена и освещена (освящена!) его любовным безумием.

Осталась просто нелепостью. Не понимаю, почему при такой боязни всего человеческого, не дали младшеклассникам какое-нибудь чисто пейзажное стихотворение. Зачем надо было уродовать прекрасные стихи о любви,

приспосабливаясь к возрасту «взрослого сюсюканья» для детей? Да нет такого возраста (скажу я в скобках)! И девятилетний понимает голос души и подлинной лирики.

Девушка Нина, 1999, б. м., кар.

Но до недавнего времени (а, кажется, еще и сейчас) у нас бояться и за взрослых - не дай Бог, будет что-то вольное про «страсть». Недавно попался в руки старый, начала 60-х годов, однотомник прозы Ивана Бунина. Там было несколько рассказов из «Темных аллей», на мой взгляд, лучшей книге о любви в 20-м столетии.

Это была практически первая публикация бунинских рассказов из «Темных аллей» в России (правда, два рассказа из этой подборки публиковались в «Новом мире» в 1955 с ярким предисловием Паустовского). И что бы вы думали? И там составитель-публикатор умудрился испортить несколько рассказов, сняв, показавшиеся ему слишком «вольными» эпизоды. Какое, однако, нахальство! Поправлять гениального Бунина! Учить, как нужно писать, не оскорбляя чувств... кого? Настоящий читатель как-нибудь отличит, где страсть и любовь, а где порночтиво. И вот исказились смыслы рассказов.

В «Антигоне» героиня потеряла ту загадочную двойственность, - не то циничная стерва, не то до безумия влюбившаяся в героя особа,- которой наградил ее автор. В «Гале Ганской» сокращен кусок с описанием любовного «безумия», «зверского» взрыва персонажа. Но из-за его утраты любовь героев теряет свой истинный, «безмерный» чувственный накал и трудно понять финальное самоубийство героини, которой примерещилось, что ее разлюбили.

Обо всем этом я думала, когда рассматривала рисунки Ивана Лубенникова с обнаженными моделями 80-х- 90-х годов. Рисунки превосходные и в большинстве своем снабжены авторской монограммой. Иными словами, они вовсе не были «отходами производства». Эти «эротические» рисунки отбирались для выставки его женой, художницей Натальей Глебовой, и галеристом Вадимом Гинзбургом уже после смерти Ивана Лубенникова. Почему же он сам не показывал их на выставках?

Курорт.1986, б. м.

Думаю, что и тут возникала «защитная реакция» на чиновничью боязнь «эротики». Не хотел с ними связываться. Обнаженных писал и выставял, но выставяемые работы не были натурными, как он сам говорил. Это были некие свободные «вариации на тему», очень техничные и холодноватые. Я некогда написала о них статью под названием «Мужские фантазии». Именно фантазии, лишенные «горячей» жизненной основы.

Но, оказывается, было и нечто другое, совершенно другое, насквозь пронизанное чувственным любовным томлением во всех его нюансах и градациях. Нечто такое, что, по всей видимости, отталкивалось от неистовых офортов Пикассо из знаменитой «Сюиты Воллара» (30-е г. 20-го в.) - лучшего, на мой взгляд, что есть у знаменитого авангардиста.

И вот наш автор подхватывает две темы сюиты: «Художник и модель» и «Минотавромахию». Причем прочитывает их в исповедально - личностном ключе. Впрочем, личностный момент был и у Пикассо, у которого герой-скульптор с аполлонически прекрасной внешностью таинственным образом превращается в какой-то момент в чудовищного полубыка-получеловека. Возникает некое «обратное» перевоплощение. Чтобы вспомнить «прямое», - перечитайте прелестную сказку «Аленький цветочек», где персонаж силой девичьей любви вернулся из звериного к человеческому облику. Но «озверение» персонажа Пикассо его модель-возлюбленную, кажется, вовсе не смущает.

У Лубенникова мы находим, скорее, одновременное сосуществование этих двух половинок - гармоничной, ищущей в женщине красоты («Художник и красота», 1980-1990-е, б., м.,) и неистово - звериной, способной на насилие («Европа», 1983, б., м.). Это и есть, по Лубенникову, «многоликость» творческой личности, которой присущи и нежность, и «безумные», неукротимые порывы.

В цикле имеется «Автопортрет» (1984, б., м., уголь), где в собственном облике автор усиливает черты «звериности», какой-то диковатой

запущенности и волосатости. А почти следом идет сценка с быком (Минотавром) и Европой, где автор явно с этим персонажем себя отождествляет (уже названная «Европа»).

Утро,1990, б, м.

Тут художник объединяет два греческих мифа - о Зевсе, похитившем Европу в образе быка, и о Минотавре. Причем сцена «захвата» Европы мощными лапами покрытого коричневой шкурой быка-человека очень напоминает поздний и тоже не известный зрителю при жизни художника автопортрет, где плывущий в ладье Харона герой с силой обхватил руками пойманную обнаженную русалку. В обоих случаях - женщина - последнее прибежище, последняя надежда героя на спасение. Может быть, еще и из-за этой исповедальной нотки «эротические» рисунки пришли к зрителю лишь после смерти автора? Впрочем, это только догадки.

У Лубенникова обе темы даны в маленьких, как бы пробных рисунках-зарисовках, не претендующих на «всеохватность» и «философичность» знаменитого предшественника. «Снижение» пафоса достигается еще и тем, что почти все рисунки пронизаны неподражаемым юмором художника, посмеивающегося и над собой в роли «Минотавра», и над обнаженными моделями.

Порой они выступают в роли прекрасных героинь древних сказаний, но в современной, несколько сниженной «оркестровке» (Европа, Сусанна), а порой гордо демонстрируют зрителям свои «достоинства», с которыми некоторые современные дамы, напротив, отчаянно борются, сгоняя лишний вес («Женщина с достоинствами», 1999, б.,м.).

К тому же это не холсты и не офорты, а просто бумага, на которой художник работает маслом, изредка добавляя карандаш. Работает, как и Пикассо, с помощью линии, почти не пользуясь штриховкой. Но есть одна

особенность - художник, в отличие от Пикассо, у которого лицо модели приближено к «античным» скульптурным образцам, иначе говоря, идеально прекрасно, - очень внимателен к женским лицам, к их индивидуальной мимике, взгляду, к их простонародно - русскому или жгуче-восточному типуажу, к волосам и прическам, придающим героиням неповторимый облик.

Вдруг понимаешь, что для того-то и требуется масло, которое, врываясь ярким пятном на белизну листа среди гармонично-плавных линий, - воссоздает «чувственный», буйный, очень живой облик модели.

Пикассо волновало «перерождение» скульптора, - в дальнейшем он будет изображать себя почти исключительно Минотавром. У Лубенникова - иное внутреннее задание. Ему интереснее «модели» и то разнообразие чувств, которое они у него вызывают. Перед нами разворачивается, можно сказать, своеобразный «донжуанский список» художника.

Юные мечты, 1998, б.м.

Ведь и у Пушкина он отчасти состоял из его платонических влюбленностей. Палитра чувств, как героинь, так и художника, - невероятно разнообразна. Вот он с веселым задором изображает девушку в роли «синего чулка». Но это его современный образец, вовсе без чулок, модно одетый, с оголенными руками и коленками, но с таким ужасом в глазах за очками в темной оправе, что молодые люди, вероятно, понимают: к этой дурехе лучше не подходить. На противоположном полюсе развеселые современные «нимфы» в компании мужичка-«сатира».

Возможно, и к этой роли художник примеривался. Но ничего «божественного» ни в них, ни в их отношениях, - он как-то не заметил («Сатир и нимфы», 1986, б., м.).

Безудержную «чувственную» страсть или ее предчувствие художник, как я отмечала, рисует в работах с Минотавром и Европой, а также в рисунке с

танцующим Жуаном (надо полагать, тем самым «Доном Жуаном»: «Хуан и Долорес», 1983, б.,м.)

Но есть и поразительная авторская нежность, пронизывающая каждую пядь рисунка с обнаженной моделью, например, с купающейся Сусанной, где намек на подглядывающих старцев дан зловещей черной тенью, ползущей по земле. Однако наибольший восторг вызывают у автора юные, смущающиеся, мечтающие о любви девушки-модели.

Он называет их по именам, вглядывается в их смущенные, простонародные лица с выбивающимися прядями и худенькие тела («Девушка Нина», 1999, б.,м., кар.). Он любит их чистотой и одухотворенностью («Мысли о будущем», 1998, б. м. «Утро», 1990, б.,м, «Юные мечты, 1998, х., м.). И, вероятно, ощутив эту интонацию счастья и полета, составители альбома поместили в его конце рисунок с летящей стаей птиц - излюбленным мотивом художника...

4. Проза

Сергей А. Кузнецов

Вашингтон, США

Комнаты напролёт

Силую повернуть время вспять. Добыть из глубин памяти, как из кимберлитовой трубки алмаз, хоть крошечную драгоценную крупичку прошлого. Должны же, просто обязаны остаться воспоминания: всё-таки целых пять лет, первых лет жизни, прожито в той квартире! Упрашиваю, уламываю подкорку, и вот нехотя, лениво она выдаёт на-гора случайную деталь. Вижу Сашину комнату, белую кружевную занавеску на окне, напольные, в человеческий рост часы: красное дерево, круглый золотой циферблат с чёрными стрелками и чёрными римскими цифрами, позолоченные цилиндрические гирьки. Влево и вправо чуть слышно скользит золотой диск маятника, и вдруг из глубин раздаётся глуховатый, торжествующий бой: часы отбивают полночь... Год или два спустя проглядываю невзначай пачку старых фотографий – вот же они, часы, точь-в-точь, как тогда вспомнилось! Сразу – подозрение, словно зуб заныл от конфеты: а не эту ли самую чёрно-белую фотографию, давным-давно виденную и вроде бы напроочь забытую, я и вспомнил? Постой, но откуда ж тогда благородный красновато-коричневый колер корпуса, золото циферблата?

А то ещё совсем редко, в невнятном промежутке меж бодрствованием и сном, в обморочной тиши, когда лишь сверчок, улизнувший из террариума с ящерицами, уютно стрекочет за камином, вспоминается нечто, чего ни видеть, ни слышать невозможно было никак...

***

Резкий, по нервам, телефонный звонок: снова, в который уже раз, вызывают ночью на службу. Сам виноват, такую подыскал себе работёнку, нервную насыщенную чрезвычайными ситуациями: зав лабораторией авиационной медицины. Одеваюсь по-скорому, стараюсь не шуметь, не разбудить детей. Кряхтя, натягиваю сапоги: старик, пятьдесят три года, инфаркт за спиной, ещё и ранение с контузией... А не откажешь, не останешься дома: военный человек! Пора, давно пора демобилизоваться: к чему теперь, спустя три года после Победы, служить в армии? Продеваю руки в узкие рукава кителя, застёгиваю блестящие пуговицы. Подыщут себе другого

заведующего, не опустеет свято место! А сам... что ж, последние годы жизни - их у меня мало осталось, я это чувствую, знаю – свои прощальные годы посвящу лекциям. И - книге, главной книге, которую всё никак не удаётся закончить, нельзя же бесконечно тянуть! И, конечно, больным - разве оттолкнёшь людей, молящих о помощи?

Выхожу в коридор, неслышно, на цыпочках проскальзываю мимо Любиной и Сашиной комнат, вынырываю на площадку. Осторожно защёлкиваю квартирную дверь. Вниз по лестнице два пролёта, распахиваю дверь подъезда. Окунаюсь во влажную, тёплую майскую ночь, бьёт в ноздри густой аромат черёмухи... ай да Люся, нигде в Москве нет больше такой роскошной черёмухи, как в нашем дворе! Люся-садовница, управдом, подруга и конфидент бедной Фанечки...

Ступаю наружу, спешу к ожидающей за углом служебной машине, - как вдруг с двух сторон железной хваткой вцепляются в меня чьи-то руки. Яркий свет фонарей хлещет в лицо, зачем-то пистолет, срывают погоны и тычут, тычут в глаза какую-то бумагу, я ж не вижу, я же не могу прочитать без очков! И оглушающее, под дых: «арестованы!»! Рвётся из груди сердце, резко, мгновенно приходит осознание: всё, кончена жизнь. Была и ушла, будто в землю вода, и никогда больше не воротится... За что? Нелепый вопрос, ведь именно этого я страшился уже очень давно, ожидал ареста ещё с предвоенных времён, с ежовщины, когда повадились таскать меня на допросы... Обвинить могут во всём, решительно в чём угодно! Даже святое дело, которому в 44-м и 45-м я отдавал часть души, часы сна, отдыха, - создание в Вильне и Ковне детских домов для уцелевших еврейских детей, - даже его не постыдятся объявить преступлением и изменой! Но дети... но родные дети! Господи Боже, эти люди не дали мне проститься... с моими любимыми, единственной радостью в этой горестной жизни! Как же они без меня, мои солнышки, маленькие, наивные, беззащитные мои...

***

По новой в одну и ту хавиру: обратно моя смена обыскивать. Башка трещит: вчера, как отседова воротился, накатили в казарме со Степаньчем, полторы банки на рыло. Закусь - сало с черняшечкой... Затрещит, поди... А здесь... сколь же бумажного хламу у этой гниды профессора, и каждый документ просмотреть с начала и до конца, вникнуть, изучить! С жидками завсегда так: здоровущие шкафы, бездонные сундуки всяких дрянных книг, полки никчёмных журнальчиков, писем, дневников, фотографий. Спросил дочку: на кой ляд эта прорва? Отец, грит, профессор, изучал, вишь, методы... как это она... "умственного труда великих людей", переписку вёл с ихними вдовами да детишками. Ничё, с@чье вымя, отольются тебе наши слёзки, ужо встренешь ты на Лубянке великих! Осточертело терпеть, скоро ль отпустит черепушка? Ногой по им, по тем книгам, наподдать моим начищенным сапогом, так их, так - звон, разлетелись воврозь, что твои сизы голуби! Средь всей этой трухлявой гнили попрятаны улики, избобличающие изменническую, антисоветскую деятельность арестованного – кровь из носу найти, раскрыть, вывести на чистую воду! Шумят, шебуршат страницы, падают заныканные в книгах листочки. Бдительность, настойчивость и упорство!

Вторые сутки ищем, вроде как подходит дело к концу. А вот хрен те в рыло! Зелёный кожаный диван в углу кабинета - на ём покемарить прилечь, так ведь нет: под завязку набит тот диван бумагами! К чему, вопрос ставлю, вся эта трихом&дия? Ах, благодарственные письма пациентов? Ах, рука не подымалась выкинуть? Ну, мразь, ну, жидок, это ж нам на полдня ещё работы...

Кранты, кончен обыск, впору с жилплощадью разбираться! Сами-то мы, при всех наших почётных лейтенантских заслугах, чем богаты? Кочечка в офицерской казарме! А у падлы-профессора - четырёхкомнатная чуть не в самом центре! С кухнею, ванной да уборной! Известное дело, умеют устраиваться! Неча тут, братцы, мудрить, печатываем три комнаты! А выбл@дкам, дочке с сынком, на двоих оставим одну, - небось, перебьются! Чего? Понятая? Какая ещё понятая? Управдомша? Людмила... как, гришь, фамилие? Тебе-то, дура, чё за резон? Протокол не подпишешь? Зубы те повышибать, карга старая, лезешь, куда не след! Да хрен с тобой, подавись, ведьма, времени не имеем м@дохаться! Лады, ребята, тады так: большие две опечатаем, а те вон махонькие комнатёнки жидёнышам пойдут, нехай чуток ещё пожируют. Покуда самих не оприходовали...

***

Все эти два дня, что тянулся обыск, её то отпускали домой на часок, то призывали обратно. И тогда она стояла бездвижно, наблюдала, как положено понятой, цепenea от страха. И думала одно: "Как хорошо, что Фанечка не дожила до этого кошмара!"

Ведь это Фаня-покойница, профессора жена, она вступилась тогда за Верочку! Не позволила, чтоб малышку отправили в спецдетдом, страшный детский дом для детей врагов народа. Как арестовали в 35-м брата Колю, инженера, за ним и Надю его... а Верочка-то совсем крошка. Фаня одна приходила тогда девочку кормить-умывать, ещё и надоумила, чтоб тётку вызвать без промедлений. Она, Люся, как принесли телеграмму, враз бросила свою агрономию, обоих детей в охапку - и, сломя голову, в Москву, племянницу выручать.

Жили тише воды, ниже травы, не слышно их и не видно. В одном не могла себе отказать: взялась, как дома, в Козлове, цветы разводить, большая ведь мастерица садоводческих дел! Шли годы, вырос мало-помалу на месте пустыря чудный сад. Тут тебе и сирень с черёмухой, и флоксы с табаком, розы, настурции, астры с георгинами, - на все сезоны, не перечтёшь. Из Моссовета приезжали фотографии снимать, газета «Вечерняя Москва» похвалу напечатала. А уж как жильцам наш сад нравится! Жильцы-то в этом доме не простые, на весь Союз известные, - вот и добились, настояли, чтоб её, Люсю, в управдомы...

Пока грезилась она, в прошлое погружившись, - взялся лейтенант за жилплощадь. Три комнаты, - орёт, - печатываем, одну оставляем! Помилуйте, да возможно ль такое? Детям Фанечкиным, Саше с Любой, жить ещё да жить! Любаша вон на выданье. Как им вдвоём в крошечной комнатухе? Враз онемело лицо, приостановилось, зашло от ужаса сердце. Что делать? В её положении нельзя, немыслимо рисковать!

- Как понятая, - слышит вдруг Люся собственный голос, - я такой протокол не подпишу! По закону не положено селить разнополых граждан в одну

комнату! - Говорит и буквально чувствует, как трясутся у неё все поджилки, хоть и неведомо, где они, поджилки эти. Главное - не выдать своего страха, голос чтоб не подвёл, не задрожал!

До чего ж он расвирипел, морда вся раскраснелась! - Людмила Николаевна? - Переспрашивает. - Управдом? Чего ж ты, управдом, нос суёшь не в свои дела? А фамилия как?

- Конец, - промелькнуло, - пропали! Чуть копнуть - и сразу всё припомнится, вскроются довоенные документы. Про брата-шпиона расстрелянного, про невестку. Что Верочка - вражья дочь...

Но пронесло, по счастью, пофартило: не стали они копать! Вечерело уже, и больно им хотелось разделаться пошустрее с обыском да по домам...

***

Сию за своим письменным столом, в комнате тьма, лишь настольная лампа бросает круг света на раскрытый дневник, на пустую страницу, где непременно нужно что-нибудь начертать. За спиной в колыбельке с жирафами посапывает десятимесячный Сергунчик, рядом на узкой кровати разметалась во сне Люба, а мне не спится в эту историческую ночь...

Сделаю запись - и лягу, попытаюсь уснуть. Поутру я должен быть в форме, со свежей головой на плечах: отправлюсь, как обычно, в библиотеку Ушинского корпеть над пьесой. Днём в нашей коморке работать невозможно: плачет или лопочет сынишка, его увещевает, играет с ним Люба, за стеной надрывается Сашкина Леночка - крохотное существо, ещё моложе своего двоюродного братца. Но по ночам выпадают тихие минуты, - самое время увековечить пару-тройку глубоких мыслей. Что ж накопать? "Ура, пляшем фрэйлехс, - кажется, мы спасены!"?

Разумеется, ничего подобного я не напишу. Вся моя молодость, ещё с Харьковских 30-х, когда я осознал себя, как личность, - вся многотрудная жизнь прошла под знаком предельной осторожности. По-иному не выживешь в этой кровавой, звериной стране (хоть подобным сравнением я здорово оскорбляю мохнатых и хвостатых). Мало ли трепливых болтунов-краснобаев сгнуло ни за грош в аду кромешном?

Нет, я пристально слежу за каждым своим словом, - чтобы досье, которое, без сомнения, на меня ведётся, было чистым, как свежесмытое окно! Дисциплина, жёсткая выдержанность сделались второй натурой. Лишь однажды я нарушил все принципы и запреты: когда женился на Любе. На дочери врага народа. Конечно, я люблю её, - и, как у всякого, вскормлённого русской культурой, моя любовь густо настояна на жалости. Но дело даже не в силе чувств. Просто чётко, раз и навсегда я осознал: если из осторожности или по трусости я откажусь теперь от Любы, - а ей не выжить одной без работы, без денег, безо всякой поддержки, - не только векек себя не прощу, но такое сохранное прозябание недостойно будет называться человеческой жизнью!

Всё ж бывает и у старухи прореха: случился-таки эпизод, когда я недодумал, немного ослабил бдительность - и едва не совершил роковую ошибку, за которую поплатился бы жизнью. Свезло дураку, бог уберёт, вернее - Илья Григорьевич. До конца дней буду помнить ту знаменательную встречу: ещё не демобилизовавшись, в форме, с погонами старлея явился я на приём к

Эренбургу. Давно мечтал встретиться с этим титаном, с этим пророком, цадиком, покорившим меня мудростью и талантом. И вот свершилось! Поначалу старик был немного напряжён, насторожен, но вскоре расслабился, убедившись, что гость - не подосланный сексот. Я не стал скрывать, что являюсь горячим поклонником его творчества, Эренбург улыбнулся и спросил, какие же именно произведения мне по душе. Я назвал романы и повести, рассказы и статьи. Из поэзии прочитал (довольно странное чувство, когда декламируешь стихи их собственному автору):

Когда я был молод, была уж война,
Я жизнь свою прожил и снова война...

потом:

Бродят Рахили, Хаимы, Лии,
Как прокаженные, полуживые,
Камни их травят, слепы и глухи...

и ещё - горькое стихотворение, которое кончается словами:

...Нас больше нет. Остался только холод.

Трава кусается, и камень жжёт.

Потом разговор перекинулся на мою скромную, но полную замыслов и надежд персону. Он внимательно выслушал рассказ о моей жизни, о литературных идеях, задал несколько тонких вопросов. Где-то через час я почувствовал, что аудиенция затягивается, пора и честь знать. Начал прощаться. Тогда Илья Григорьевич положил руку мне на плечо:

- Что ж, Абрам!

В ту пору я не стал ещё Андреем - хоть горек удел Абрама в эпоху разнузданного государственного антисемитизма! Сменил имя два года спустя, когда в Театре Советской Армии мне по секрету признались: им нравится пьеса, но нет возможности принять её к постановке, коли автор - Абрам!

- Что ж, Абрам! - Сказал Эренбург, - дерзайте, пишите! Вижу в вас мысль, вижу чувство, будем надеяться, откроется и талант. - Он помолчал, потом нахмурился и строго посмотрел мне прямо в глаза. - Что же касается прочих планов, - поверьте, я разделяю ваш иудейский энтузиазм. Но вы просили совета, и он будет таким: держитесь подальше от Еврейского антифашистского комитета!

Повторять и разъяснять не требовалось. И вуаля, живой и, тьфу, чтоб не сглазить, почти здоровый сижу я теперь над чистой страницей, раздумывая: что же всё-таки написать? Лизать руки и раболепствовать я, разумеется, не стану, но и вовсе смолчать - тоже чревато. Спросят потом на допросе: «Ты что ж, падла, обо всякой ерунде мараешь, а смерть Великого Вождя для тебя – не событие?» И хрясть с размаху по морде, и полетят врассыпную мои ровные зубы...

Беру вечное перо, обозначаю дату и старательно вывожу одну короткую фразу: «Сегодня советский народ постигло большое горе: скончался товарищ Сталин».

***

Я встал раньше папы, раньше мамы, потому что надо было играть в новые игрушки. С подарками вчера повезло! Вовка принёс мягонького мишку, Витя - красный грузовик, а Лена - отличное, как всамделишное, ружьё. Мама с папой, конечно, лучше всех подарили: водокачку! Нальёшь туда воды, нажмёшь на рычаг, и водичка сама потечёт из крана в серебряное ведёрко. Сначала я просто играл с этой здоровской водокачкой, потом посадил в грузовик шофёра, и мы стали возить ведро к медведю, потому что он очень хотел пить. Но мишутка промок, мама вытерла пол и сказала, чтоб я в комнате не лил. Тогда я взял ружьё и пошёл к Лене играть в войну. Лена воевать не хотела, но вообще-то она послушная, потому что я старший брат, и мы стали бегать и стрелять.

Лена мне сестра, дочка дяди Саши, маминого брата. Она большая, больше меня, хоть ей даже нету ещё трёх с половиной. Только трусиха, девочки все бояки, не любят войну. Зато Лена, по правде, жутко умная: умеет считать до ста, а я только до двадцати. И она уже знает буквы!

А потом в коридор вышел Сергей Евграфович, большой, лысый дядя. И спросил, во что мы играем. Он вообще-то здесь не живёт, он к сыну своему Гране пришёл. Граня и его жена - в больших комнатах, а в маленькой в одной я с мамой и папой, а в другой дядя Саша, тётя Вера и Лена. Большие комнаты я из коридора только видал, когда дверь открывали. Мама сказала, там у нас были столовая и кабинет. Почему "у нас", Гранины ж комнаты?

Ну дядя спросил, я отвечаю, играем в войну.

- Так ты, тёзка, солдатом хочешь стать?

- Да! Я смелый, врагов не боюсь! Мне четыре уже, вырасту большой и стану убивать всех фашистов!

- Фашистов убивать - это правильно, - улыбнулся Сергей Евграфович. - Слышал, день рожденья у тебя. Постой-ка, я, пожалуй, тоже кое-что подарю.

Ушёл к себе, потом выходит, а в руках две чудесные, взаправдашние фуражки. Военные, новые-преновые: одна с голубой полосой, другая с малиновой.

Я замер от счастья. - Вот это да! Неужели мне?

- Выбирай любую! - Говорит Сергей Евграфович, такой хороший, добрый дядя.

Я те фуражки трогал, гладил, мял, надевал их по очереди, так мне обе понравились! И ту ужасно хочется и эту! Жалко какую-нибудь обратно отдавать. Выбрал всё же малиновую. Долго потом по двору в ней гулял. Витька с Вовкой завидовали, и все другие мальчишки тоже, просили дать поносить. Правда, фуражка на глаза съезжала, плохо было смотреть.

Вечером папа пришёл из библиотеки, слышу из коридора, они с мамой разговаривают.

- Представляешь, Андрей, старый Литкенс с Серёжей заигрывает, в беседы вступает.

- Ага! Задёргались после двадцатого съезда, заелозили!

- Ну да, его, говорят, из органов попёрли, "по фактам дискредитации". А сегодня вообще - фуражку офицерскую подарил! Серёжка прямо счастлив, весь день с ней носится, расстаться не может. Повторяет: "Какой хороший дядя!" Что делать?

- Что ж теперь поделаешь? - Папа вздохнул. - Не отбирать же у мальчика подарок. Вырастет - разберётся...

***

Рукой подать до церкви, но Наталье Александровне три раза пришлось останавливаться, чтобы передохнуть. Тяжёлая отдышка, мучают отёкшие ноги. Ясен диагноз, только не станет она глотать лекарств. Незачем продлевать эту горестную жизнь, поскорей бы уже прибрал её Господь...

Всё же вид золотых куполов, нарядных, красных с белым стен храма Иоанна Воина на Якиманке принёс, как обычно, облегчение. Не напрасно зовут святого великим помощником в скорбях! Эта церковь не закрывалась ни на день; даже в страшные 30-е, когда по всей стране громили православные храмы, Иоанн Воин уцелел; сюда перевозили иконы и утварь из разорённых церквей. Увы, лишь внешне сохранился храм неизменным. Тяжко было по возвращении мириться с новыми порядками: "коллективными исповедями", одновременным проведением венчаний, крещений и отпеваний, особо же - с недоступностью священников. Но вот появился недавно новый батюшка, который охотно исповедует, - к нему-то она и стремится. Суров, говорят, отец Иоанн, - и во благо: она покается в своём грехе, и пусть он наложит на неё самую каторжную епитимию, - лишь бы не болела душа, не терзало раскаяние.

Ждать пришлось долго, но вот, наконец, её провели к священнику. Внимательные глаза сверкнули навстречу; тонкое одухотворённое лицо пастыря обрамляли длинные, чёрные с густой проседью волосы, такая же борода. Батюшка указал на стул, она представилась.

- Поведайте сперва о себе.

Очень коротко она рассказала. Счастливое, лучезарное детство в большой, дружной семье. Тревожная юность на фоне революций и войн. Любимый муж, долгожданный сын. А потом - конец, пропасть, мрак. Мужа расстреляли в 37-м. Сына, Петеньку, сгубили в детдоме для детей врагов народа. Сама восемнадцать лет отмотала по лагерям. Вышла в 56-м, реабилитировали, дали комнату поблизости, на Большой Полянке. Всё.

Пауза затянулась.

- Вы прошли тяжелейшие испытания, Наталья, - мягко промолвил, наконец, священник. - Хорошо понимаю вас, ведь и сам я побывал в лагере. Четыре года, из коих два - в инвалидке. Вообразить не умею, как вынесли восемнадцать. Неужто на общих?

- Год только на общих, после уж в медчасти. Врач я, терапевт. Поддерживала, как могла, других заключённых, этим держалась.

- Складно говорите, матушка. Сами-то не из дворян?

- Из дворян.

Он снова помолчал. - В чём же каетесь? Какие за мученицей грехи?

- Грешна, батюшка, непомерно грешна перед Господом. Как ни тщусь, денно и нощно молю о вразумлении, - не сподоблюсь врагов своих простить. Тем более возлюбить!

- Препятств ли супостатов, следователей с надзирателями, разумеете?

- Тех тоже, отец Иоанн, но и нынешних недругов - особо.

- Поделитесь, голубушка.

- Комната моя, двенадцать метров, - она в бывшей квартире профессора-психиатра, в 48-м арестованного и замученного. Детям его оставили по комнатке. Дочь с семьёю перебралась недавно в кооператив, её-то хоромы мне

и достались. Сын и жена его - славные люди, приносят продукты, девочку их врачу. А ещё две комнаты отдали отпрыску полковника КГБ от первого брака. Угрызения этим людям неведомы, хозяйничают в чужой квартире, как в своей. Контакт с ними избегаю. Но частенько является сам полковник Литкенс, бывший замминистра ГБ Литвы, замначальника Воронежского УМГБ. В 56-м уволенный и из партии исключённый, ныне повсюду восстановленный. Я узнавала. Это он возглавлял депортацию литовцев, он руководил расправой над подростками - членами "Компартии молодёжи". Не руки по локоть, - весь он в невинной крови, по горло, по маковку! Мелкой дрожью начинаю дрожать, когда Литкенс заходит. На кухне, как встанет, тряпкой за ним подтираю, приговариваю: "После палача! После палача!"

- Мда... - Священник тяжело вздохнул. - Что сказать вам? Апостол Павел тоже был палачом, руководил гонениями на христиан. Римский сотник участвовал в распятии Христа, потом покался, сделался добрым христианином. Таких примеров тысячи...

- Библейские "палачи" не пытали детей! Ненавижу!

- Рёк Господь: "Не судите, да не судимы будете. Любите врагов ваших." Христос Сам благословил распинавших Его.

- У Христа не замучили сына, отец Иоанн. Легче бы во сто крат, если б меня распяли саму!

- Не говорите так, - священник взял её руку в свою. - Иисус заключает в Себе всех нас. Он перенёс страдания ваши, и сына вашего, и мужа. И в лагере Бог был рядом, Его водительство вело верующего заключённого сквозь сень смертную каждый день. - Отец Иоанн задумался. - Господь дал вам выжить, чтобы правду Божию вы донесли до людей! Но не исполнится сие назначение, если держать зло в сердце своём. Святая Церковь учит: грех, коли в душе твоей ненависть осталась. - Опять он надолго замолчал. - Но кто есть я, чтобы осуждать вас, неслыханные страдания претерпевшую? Милосердный Господь жалеет вас, зрит раскаяние ваше. Молитесь Божьей Матери, Наталье. Той, у Которой на глазах распинали Её невинного Сына, но Она слова не сказала осуждения или обличения, хоть страдала смертельно. Молитесь Ей, нашей заступнице и утешительнице, чтоб сподобила следовать заповеди Божьей. Да осенит смирение и покой измученную душу страдальцы! - Батюшка возложил на её голову епитрахиль. - *Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти чажо Наталью, и аз недостойный иерей властию Его мне данную прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.*

***

Наяву, во сне ль являются из ниоткуда эти тёмные, словно сепией тонированные картины прежних лет: предстанут на миг, чтобы тотчас исчезнуть, и не запомнишь их толком и не успеешь осмыслить. Так ли случилось оно тогда, да и было ли вообще? Не узнать... Ушло, проструилось, как меж пальцев речной песок. И дома нашего, четырёхэтажного кирпичного дома №10 по Большой Полянке, давно уже нет на свете, снесли отчего-то, теперь на том месте - тротуар, мостовая, ресторан. Лет десять назад, жив ещё был Саша, мы обедали с ним и с Леной в этом ресторане. Саша вспоминал детство, родителей, канувший дом с его давно почившими обитателями,

просторную квартиру, ещё не превращённую в коммуналку. И всё заказывал новые блюда, не по-стариковски сорил деньгами...

Михаил Ковсан

Иерусалим, Израиль

Тошнота в контексте безумия

Сон был неожиданным.

Долина. Грязно-зелёная с проплешинами серой земли, с чёрными залысинами костров и пожаров. Древняя римская дорога её пересекает. По другую сторону долины поднимаются заброшенные террасы. Виноградники, масляные рощи к небу восходят, разверзаясь золотом православного купола.

Безлюдно. Красота. Чистота. Благолепие.

Но чем сон прекрасней, тем опаснее просыпаться. Что же делать? Не засыпать? Не просыпаться?

Тошнота.

Тошнота: во рту словно черви.

Тошнота: чёрное паскудство в душе.

Тошнота: не хочется жить.

Давно надо бы встать.

Встать надо давно.

Давно спать не хочется.

Но встать невозможно.

Не получается.

Не поднимается.

От кровати не отрывается.

Прислушаешься — тошнота.

Приоткроешь глаза — тошнота.

Вдохнёшь — тошнота.

Ощущение: шёл-шёл, ступил — провалился, воню шибануло, в жижу вязкую потянуло — не вырвешься, не мечтай. Не во сне это всё — наяву. И дата известна. Теперь никогда не забудется.

Съел не то, лишнее выпил, общался не с теми, услышал несвежее — тошнота, муторошно таракаными усами шевелящая воздух, отравленный помойками, общественными уборными, телеэкранами, открытыми настезь:

смотрите — увидите, слушайте — и услышите, нюхайте — пока не нанюхаетесь. Послать к чёрту или дальше куда — не пойдут. Послать можно только себя — но к чему, он там уже, в тошноте.

А то раньше было иначе? И раньше тошнило, но с перерывами. Потошнит — и премьеры, потошнит — солнце выглянет зимой, и пройдёт. А теперь: премьеры — и тошнота. Солнце выглянуло зимой из-за мерзостных туч — и тошнит. Какие напитки не принимай — не проходит. Самое развесёлое играй-сочиняй — не исчезает. Еда тошная, как питьё, а питьё тошнее, как работа, не отвлекающая, как прежде, от мыслей тошнотных. Даже тоска бесконечная, часто находившая, не тошнота, состояние ни с чем не сравнимое.

Тоску можно развеять — ролью новой, аплодисментами бесконечными, новым юным телом прекрасным. Тошнота ничему не поддается. Эта новенькая, рыженькая солнечным светом лучится, любую хандру одним взглядом, вздёрнутой бровью — вжик, и под корень. Взглянул, ахнуло, ойкнуло, в пятки ушло — но никуда не делось: тошнит. Потому — подниматься. Никуда не деться: встать и писать. Непременно писать. А то тошнотные эти слова и выговорить не сумеет. Вот будет пауза пауз: рот открыт, губы шевелятся, зубы блистают цене соответственно, даже язык вращается невидимый в глубине — звука нет, нет и не будет, занавес, немедленно занавес!

Встать. Написать. Страничка. Не больше. Упал — отжался. Делов? Можно даже меньше чуть-чуть. Если большими буквами, и слов вовсе не много. Что он, совсем идиот, страничку написать не способен? Да хоть тетрадь целую. Только, чтобы слова были не тошными. Ага! Так тебе не тошными и позволят. Не тошны никому не нужны. Спасение — в тошных. Вот и сказано главное слово, от которого зависит всё остальное. Спасение! Тошны слова во спасение! А то раньше всё было пушистенько? Не говорил. Не писал. Не участвовал. И говорил. И писал. И участвовал. Даже тошны слова говорил, правда, со всем понятным окрасом.

Сами знаете, для чего говенные слова произношу, сами их произносите. Сказал, рукою махнул: летите, мол, голуби — и моментально назад, в уютную норку, домой, в театр, куда же ещё? А через часок: грим — и на сцену, все печали снимающую, любую тоску — раз, и не было, не аплодисменты — овация. Были же времена. Прекрасные дни: премьеры, репетиции, свары, интриги, всё, чему есть достойное место в системе Константина Сергеевича имени Немировича-Данченко.

Корифеи по краю бездны ходили, когда требовалось, изо рта мыльные слова выпускали, за что им жить позволяли, и хорошо, ордена на грудь вешали, премии выдавали: кому девочек, кому мальчиков — для лучшего тонуса, для темперамента, для долгих оваций заслуженных. А тут? Ни бездны, ни премий, ордена у идиотов тоже дурацкие. Тошнота. Надо вставать. Чай не диетически сладкий.

Тошноту отпугнуть. И сесть написать. Тем более времени не так уж и много. Может, не сразу и сочинится. Такие слова особые — поискать. И откуда они такое берут? Из каких словарей? Они у них специальные. У них всё специальное. У других — обычное. У этих — особое. Особый путь. Особый народ. Особая операция. Особая тошнота. Нет, чай не поможет. Надо бы водки. Нет, водку нельзя: будет пахнуть.

А если заесть? Нет, тошноту водке не взять. Если рыженькая не взяла, то водке подавно. Надо перешибить. Войти в образ подлеца и написать, а потом

в этом образе выйти на сцену, встать на трибуну, произнести, сойти с трибуны, замкнуть слух — в машину, домой, а тут разгуляй малина: хоть водку, хоть рыженькую, хоть новую роль разучивай перед зеркалом, которое, конечно, по случаю надо чёрным завесить. Только никого такого он не играл, все роли, пусть не положительные, но весёлые, глупцов — но милых, идиотов — не пакостных. Господи! Почему сволочей не играл? Ну, почему? Воплотился бы — прежние жесты, прежняя мимика, слова тоже похожие, и валяй по писаному: автор старался, слова самые гнусные для тебя повыискивал, словно знал, подлец, что будущую жизнь тошнотворную твою облегчает.

Нет, даже самое гнусное похмелье мерзостным таким не бывает. Тем более холодная рюмочка и капусточка квашеная, нектар и амброзия, душа светлеет, глаза открываются, все чувства, резвясь, радостно возвращаются, сёла рады, грады веселы, а ещё — на речку купаться: никакого похмелья, никакой тошноты, от которой теперь ничем не избавиться, ни капусточкой, ни рекой, а надо садиться писать.

Иначе всё порушат, суки, бляди всё поломают, ему пинок под зад и пришлют рот помойный, тошнотворные слова, словно пушкинские стихи, легко, радостно извергающий. Отыщут самого дремучего, изверги. Самого из тошнотных тошнотного. В первый день репертуар покровсает. Труппу во второй пошерстит. Рыженькую, сука, прогонит, его репутация стоит дороже. Через неделю — ползала, и это после бешеных аншлагов, билетов за полгода вперёд, перекупщикам впору учинить массовое самоубийство. А всё почему? А всё потому, что эта сволочь встать не желает, пару слов не в состоянии написать, скоро машина подъедет, а идиот этот лежит, великую тошноту свою нежно лелеет.

Почему обязательно говорить? Почему нельзя просто молчать? Можно. Но тогда спросят: за кого ты молчишь, рот открывай и потом молчи сколько угодно.

Министр-конферансье выход его объявляет. Кто в зале? Одно дело глупые и обманутые. Неглупые и обманывающие — дело другое. В зале публика избранная, только неглупые, обманутым не сюда — к телевизору.

Нет, всё-таки, что ни говори, он артист неплохой. Не Смоктуновский, конечно, но всё же. Да и кто теперь, в нынешние времена Смоктуновский? Без единой репетиции, текст — экспромтом, в меру взвешенно, в меру взволнованно, в меру озабоченно, ошарашив зал броским прельстительным обаянием просвещённой имперскости.

Тон был взят верный, удачный и очень правильный. Мол, как там не назовите, а жизнь продолжается. Разве не так? Дел множество, невпроворот. О них и поговорим внимательно и подробно. А то, что там, где-то, это ведь частность, к делу отношения не имеющая, или не очень.

Бодро до трибуны дочапав, слотнув, уголь в топку подбросил, отыскав взглядом аккуратно блестящую лысину, волосёнками опушённую, обратился к ней так, как умел, решительно-доверительно.

В зале все всё понимают. Его не написанный спич наверняка оценили. После этого одни на голову лезть поостерегутся — как бы чего не учудил, другие — будут меньше мелко шпынять, а когда кончится тошнота и перемелется — дрючить не сильно: всё-таки мастер.

Или тошнота не кончится никогда? В стране вечной мерзлоты и тошнота вечная тоже? Не вся же страна в мерзлоте, есть и тёплое море. Ну какого под

конец про зет залепил, в знак солидарности и прочее на фасаде повесим. А может, и правильно? Одни поняли: свой в доску, другие: ёрничает, смеётся. Такая двустоволочка получилась. Не в том, запрещённом смысле, конечно. Нет, с зетом переборщил, с зетом увлёкся, слишком глубоко в образ вошёл и на волю вовремя не вернулся. С ним и раньше такое случалось.

А рыженькая и впрямь удивительно хороша.

Хэппи энд такой вот тошнотный случился, в тошнотворный восторг, Сартру неведомый, переходящий. Тошнота, может, она и вселенская, только ему и собственной предостаточно.

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

Попытка памфлета на тему давно ожидаемого

Сначала появилось экстренное сообщение правительства Российской Федерации: «Сегодня, в 5 часов 49 минут утра на семьдесят каком-то году жизни скоропостижно скончался Президент Российской Федерации, председатель Государственного Совета Российской Федерации и верховный главнокомандующий Вооружёнными силами Российской Федерации Владимир Владимирович Путин».

Перед этим сообщением и сразу после на всех телевизионных экранах России снова и снова показывали балет «Лебединое озеро». По радио звучала печальная классическая музыка. Через несколько дней состоялось прощание с телом Президента Российской Федерации, председателя Государственного Совета Российской Федерации и верховного главнокомандующего Вооружёнными силами Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. В почётном карауле первыми стояли Патрушев Николай Платонович, Секретарь Совета безопасности Российской Федерации, Мишустин Михаил Владимирович, Председатель правительства Российской Федерации, Лавров Сергей Викторович, Министр иностранных дел Российской Федерации, Шойгу Сергей Кужугетович, Министр обороны Российской Федерации.

По давней советско-российской традиции один из тех, кто ближе к телу покойного, встанет (а через пару лет ляжет) на его место.

На телеэкранах были крупным планом показаны плачущие Лукашенко Александр Григорьевич, Президент республики Беларусь, руководители

непризнанных самопровозглашённых республик: Приднестровской, Луганской, Донецкой, Абхазской, Юго-Осетинской...

Народ России рыдал так, как рыдал только после смерти Сталина. Толпы людей пытались проститься с любимым президентом. Желавших убедиться в том, что бессмертный умер, было столько, что в давке погибло несколько Народных и Заслуженных артистов, а также около тысячи ветеранов Первой Украинской, Третьей мировой, Второй Гражданской, Второй Финской, Второй Польской, Первой Грузинской, Первой Молдавской, Первой Казахской, Первой Израильской, Первой Папуа-Новогвинейской и других войн за освобождение исконно русских земель.

Вскоре поползли слухи, что Президент Российской Федерации, председатель Государственного Совета Российской Федерации и верховный главнокомандующий Вооружёнными силами Российской Федерации Владимир Владимирович Путин умер не сам, что убийцы в белых халатах помогли и что за их спинами стояли... Кто? Кое-кто.

В первые месяцы после смерти Президента Российской Федерации, председателя Государственного Совета Российской Федерации и верховного главнокомандующего Вооружёнными силами Российской Федерации Владимира Владимировича Путина несколько генералов, членов правительства, депутатов Государственной Думы, советников Президента и олигархов покончили собой или погибли при невыясненных обстоятельствах.

Власть в стране перешла к коллективному руководству. Российской Федерацией стала управлять тройка в составе: Майоров-Старшинов-Майоров... Нет, простите: Маленков, Хрущёв, Булганин... Нет, простите, Патрушев, Мишустин, Шойгу. Ещё через несколько месяцев двое из них оказались предателями, двурушниками и иностранными агентами. Третий взял власть в свои руки, провёл реформы, пообещал прекратить безобразия своих предшественников, включая покойного Президента Российской Федерации, председателя Государственного Совета Российской Федерации и верховного главнокомандующего Вооружёнными силами Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Но исполнить обещание этот третий не успел, ибо вдруг заболел и вдруг умер. Тот, кто пришёл на его место, вскоре тоже лёг на его место.

И тут о выходе из состава Федерации заявили: Дальневосточная Российская республика, Республика Саха, Республика Сибирь, Южноуральская республика, Республика Алтай, Астраханская республика объявившая себя ханством, Калмыкия, Татария, Башкирия, Мордовия, Удмуртия, Марий Эл. Бурятия вошла в состав Монголии. Республика Ичкерия объявила себя истинной правопреемницей Российской Федерации и начала вяло текущую столетнюю войну со всеми. В это время Санкт-Петербург и Карелия попросились в состав Финляндии. Курильские острова и Сахалин начали переговоры о присоединении к Японии. Камчатка и Чукотка проголосовали на всенародном референдуме за то, чтобы стать частью штата Аляска. На Кавказе Армения стала называться Великой Арменией, Грузия – Великой Грузией, Азербайджан - Азербайджаном.

Много всяких изменений произошло. Китайские производители глобусов, географических карт и национальных флагов стали зарабатывать миллиарды юаней. Композиторы-евреи вместе с поэтами-евреями еле попевали создавать всё новые и новые национальные гимны. Москвичи махнули на всё

рукой и уехали на историческую родину москвитов – в Израиль, где построили Новороссию на одном, отдельно взятом Русском подворье Иерусалима и возвели там памятник покойному Президенту Российской Федерации, председателю Государственного Совета Российской Федерации, верховному главнокомандующему Вооружёнными силами Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину. А что же Украина? Отстроилась в своих общепризнанных государственных границах и стала житницей Европы под названием Киевская Русь.

От автора:

Поскольку этот памфлет продиктован текущими событиями и автор не претендует на роль оракула или предсказательницы Ванги, то читатель волен принять участие в исправлениях, добавлениях и продолжении сего опуса в соответствии с собственной фантазией.

Сергей Верещагин

США

Моя благодарность. Автобиографический эскиз о советском застое

Был у меня одно время хороший американский приятель, работали вместе. Кроме тенниса, в котором он бил меня нещадно, и послематчевых выпивок, если можно этим содержательным словом назвать стакан-два не очень вкусного пива при полном отсутствии желаемого эффекта, наши отношения поддерживались его непомерным интересом к России, историю которой он знал не хуже меня, а уж что касалось дел сегодняшних – так намного лучше.

Как-то он спросил, какой период я считаю лучшим в истории России, что повергло меня в нелёгкие раздумья, потому как я никогда прежде об этом не задумывался. И потом, что значит «лучший период»? Кроме того, мои познания в истории России дореволюционной были (и остаются) не только весьма поверхностными, но что, пожалуй, главное – мне не удаётся представить себя больше века тому назад портным в местечке, гусаром на коне или просто с тросточкой и в шляпе. А стало быть и предположить, как бы я себя при этом чувствовал, я не могу. Но именно моё предполагаемое самочувствие, социальный комфорт, если хотите, в тот или иной исторический период, а никак не великие победы в войнах и индустриальные прорывы, и является единственным для меня критерием «лучшего периода». Вот такой я эгоцентрик – какой уж есть.... Поэтому я попросил у моего приятеля разрешения ограничиться советским временем, в котором я представляю себя прекрасно, включая даже годы до моего рождения. Ответ я нашёл очень быстро, используя простой метод исключения.

То, что было после революции и до войны, мне вообще видится сущим кошмаром, что подтверждали грустные рассказы изрядно побитых родителей

и кинохроники с плохо помытыми мужиками в заношенных пиджаках и антисексуальными сталинскими физкультурницами.

Война не в счёт, разумеется.

Сразу после войны если и было лучше, чем до, то не намного, по крайней мере до 56-го.

Ну а потом – оттепель, которую я почти не помню и о которой ностальгически скулили люди, которых принято называть интеллигентными, на полтора десятка лет старше. Я понимаю природу эйфории, охватившей тогда поэтов, художников и инженерно-технических работников, поспешивших увидеть в этом ростки будущей свободы. Только свобода ли то, что выдаётся начальством порциями, как паёк, а потом забирается назад в связи с возрастающим аппетитом?

Осколки того времени, долетевшие до меня в виде так называемой авторской песни и её бесчисленных творцов – незаконнорожденных детей оттепели, награждённых пошловатым названием «барды», вызывали у меня устойчивое неприятие как символ смирения и конформизма под туристско-романтической маской. (Запихивающие в эту компанию Окуджаву и Высоцкого не ведают, что творят). Любая поверхностная двусмысленность в этих нудных песнях считалась непомерной отвагой, а их авторы - почти вольнодумцами.

Советские воины развезжали на танках по Праге, за чтение, не говоря уже о написании, неправильных текстов можно было загреметь на зону, наши мамы старели в очередях, а бабушки умирали в коридорах грязных, плохоотапливаемых больниц, в пешей ходьбе от столиц люди всю жизнь ходили в дощаты сортиры с выгребными ямами..... а барды и их поклонники не уставали петь и смеяться, как дети, складывая трогательные песни в основном о тумане, сырых палатках и сладкой неустроенности. Или просто не пойми о чём...

Все эти остряки-КВНщики, почитатели Райкина и Жванецкого, отрегламентированных критиков отдельных недостатков, бородатые аспиранты с гитарами в электричках и у костров, инженеруё, с упоением обменивавшееся новыми мирами и иностранными литературами, тормозили своим оптимизмом умирание поганой страны гораздо больше, думая, чем партийные работники. Так же как миленькая новогодняя «Ирония судьбы», вызвавшая оргазмический восторг у большинства населения, была на мой взгляд гораздо более эффективной советской пропагандой, чем фильм «Коммунист».

Но шла параллельно с этим в 70-е и начале 80-х совсем другая жизнь, сделавшая это время для меня безусловно лучшим, о чём я и сообщил моему американскому приятелю к его непомерному удивлению. Хорошее время застою не назовут - в этом он был прав, но оно всё равно было лучше любого другого советского времени, а может быть, и всего российского.

Те годы стали для меня временем свободы - вопреки устоявшемуся мнению. Вернее, не свободы, а освобождения от необходимости стремиться, достигать и добиваться чего бы то ни было, чем меня мучили родители, пока я их слушал, и что определило образ второй половины жизни. Я с удовольствием принял беспросветность и безнадежность, надеясь, что ни хуже, ни лучше не будет, что мне нечего ловить, тем более, что ловить там на самом деле мне ничего и не хотелось. Оправданий собственного безделья было предостаточно, но в подсознании сидел страх: а вдруг правы родители

и всё поменяется к лучшему? – перестанут вдруг хамить, стучать и гадить в парадных, повыгоняют ото всюду партийных идиотов, у начальников исчезнет изжога при произнесении моего отчества и придёт мне тогда понуро брести в какую-нибудь аспирантуру, чтобы защитить диссертацию не ведомо от кого.

Это было то сладкое время, когда в голову ещё не залезала очевидная нынче мысль о том, что не стоит жить в стране, не желая ей добра, и что рано или поздно с этой жизнью придёт что-то делать. Это было время доблестного неучастия ни в чём на «их» территории, и создания чудесных островков, на которых ютились «мы», как зайцы, без надежды на появление лодки с дедом Мазаем на борту. Нам от них ничего не было нужно, и их, похоже, это устраивало, если мы соблюдали неписанные правила, оставаясь на своих островках. Это было время упоительного созерцания собственной жизни без активного в ней участия, когда кофе с густым, горьким ароматом за 28 копеек, который мы пили стоя в бесполезных количествах, никуда не торопясь, стал чем-то большим, чем напиток, рок-н-ролл – больше, чем музыкой, а американские джинсы – несравненно больше, чем штанами. Ну а хроническая нехватка денег и бытовые унижения в значительной степени компенсировались высоким уровнем тестостерона, сравнительно невысокими ценами на портвейн и радиоприёмником Spidola с полуночными колыбельными от Виллиса Коновера и Севы Новгородцева.

Должен признать, что советский штамп «слепое преклонение перед Западом» как нельзя лучше описывает мои тогдашние интересы, эстетические предпочтения и внешний вид. Не походить на типичного советского инженера было предметом достоинства и самоидентификации, что было достигнуто в моём случае весьма скудными средствами: обдолбанные джинсы, искусно, ворчливо и регулярно латаемые мамой, волосы почти до плеч, борода и небольшие круглые очки, как у Джона Леннона. К слову, он и его соратник Пол Маккартни, были моими первыми учителями английского языка, на котором я в основном разговариваю вторую половину жизни. Кроме того, раз уж я начал с истории, на мой взгляд, эти двое (хотя если по справедливости, то четверо) занимают верхние строчки в почётном списке разбойников, приложивших руку к развалу нерушимого союза, выше Солженицына, Рейгана, а тем более Горбачёва и Ельцина.

Деньги на джинсы, которые являлись одной из главных жизненных ценностей того времени и на которые не хватало моего месячного жалования, я зарабатывал изнурительным физическим трудом в летних отпусках с друзьями, страдая от комаров и бытового свинства, что я стоически переносил во имя великой цели. И что характерно, у меня не возникало желания писать про это романтические песни и напевать их под аккомпанемент плохо настроенной гитары.

Когда я вспоминаю, как выглядел тогда, то осознаю, что походил на метафорический средний палец, ежедневно и повсюду предьявляемый родине, что и было моей целью, хотя тогда я ещё не знал о существовании этого вызывающего, непристойного жеста. Я осознавал, что ни чехам, ни старикам в больницах от этого жеста легче не становилось, но это было чем-то вроде наивной декларации непричастности к гнусной сути страны моего проживания.

Мой вид огорчал родителей, о чём я сожалел, и безмерно раздражал начальников на работе, чем я был очень доволен. Сжав зубы, я ходил в

инженерный отстойник в силу полученного образования и отсутствия безболезненной альтернативы, и понимая, что бросать это дело нельзя. Я догадывался, что, несмотря ни на что, в жизни обязательно надо уметь хоть что-то делать профессионально, хотя планы свалить тогда сидели лишь в подсознании, то есть планами и не являлись. Позже я убедился в том, что, поддерживая мозги в относительно неплохой инженерной форме, я в значительной степени облегчил свои первые мучительные шаги по новой территории.

Но счастье было недолгим - настало время, названное потешным словом «перестройка», процесс пошёл, и я не на шутку перепугался. Казалось, что Россия действительно «вспрыла» ото сна. На улицы и в скверы повылезали патриоты с хоругвями в руках и выпученными глазами, собиравшиеся на митинги, чтобы ещё раз напомнить друг другу, кто виноват в их неизбывной русской беде. Жуть от их вида усиливали новые любители попеть, но в другом, гораздо более миллом моему уху жанре, чем барды, сообщая, что этот поезд в огне и что перемен требуют наши сердца. Короче, стало ясно, что лучший, по моему мнению, период советской истории завершён, а стало быть пора валить из стремительно оздоравливающейся страны.

Помню эмигрантское нытьё уехавших не в самом молодом возрасте: эх, здесь бы родиться – я бы сейчас уже..... Я про это думал, и понял, что очень не хотел бы прожить свою первую половину здесь, в Америке.

Прожить, не зная русского языка с его оригинальными мелодиями, потрясающими суффиксами и каламбурными провокациями. Повзрослеть, ни разу не испытав дрожь от холода и страха, часами бродя по тёмному, сырому городу без цели и отрицая её необходимость. Носить джинсы, не понимая, в чём их уникальная, идеологическая ценность. Выпивать по три чашки полупрозрачной, мерзкой бурды в день, считая, что это и есть кофе. Не пережить состояние, близкое к остановке сердца, в первый раз услышав Led Zeppelin IV в тесной комнате коммуналки, где сквозь табачный дым были еле видны счастливые лица собутельников. Не осознать, наконец, что Манхэттен, впервые увиденный под снижающимся самолётом – это ошеломляющее доказательство того, что Америка действительно существует, во что, мне кажется, до конца не верил ни один вменяемый советский человек..... Это перечисление не имеет конца.

Чтобы описать то, чем были для меня те замечательные застойные годы, нужно придумать новый антоним слова «застой», потому что все известные мне – не про это.

Память – вещь изнуряющая. Но делать нечего, ведь её альтернатива – деменция, которая делает наше существование между двумя тёмными бесконечностями не более содержательным, чем у медузы. («Наше» здесь относится лишь к тем, кому не помогают засыпать библейские сказки).

Она пасётся там, где меня давно уже нет и никогда не будет– на то она и память. Ощущение мерзости при воспоминаниях о родине с годами теряет остроту, и нынче я даже чувствую что-то близкое к благодарности подлому советскому режиму за уникальный шанс разломить жизнь пополам, сделав из неё две, такие яркие и такие непохожие.

Юрий Смирнов

Луга, Ленинградской обл., Россия

Сомнение

Не задавайте вопросов, если не хотите быть обманутыми.

У детей бывает период «почемучества», когда они задают вопросы про всё и обо всём. Есть варианты ответов: «подрастёшь – узнаешь», «тебе ещё рано это знать», «почему, почему? По балде и по кочану», «много будешь знать – скоро состаришься». В начале этого периода ребёнок может поверить, что вода в море солёная потому, что там плавает селёдка, а ветер дует оттого, что качаются деревья. Но потом встают более взрослые вопросы и, когда и на какие из них следует отвечать, а не отнекиваться, определить трудно, а порой и невозможно. Когда я своему шестилетнему внуку Артуру на его многочисленные «вот если бы» сказал пословицу «если бы у бабушки была борода и она курила трубку, то она была бы дедушкой». Внук недоверчиво посмотрел на меня: «Она всё равно была бы бабушкой».

Помните, когда Вову Иванова спросили после первого сентября, много ли он узнал нового в школе, Вова честно ответил, что узнал не очень много и что, видимо, придётся сходить в школу ещё раз. И ребёнок сам начинает доискиваться до правильных ответов, и тут многое зависит от источника получения ответов на эти вопросы.

Дальше я пытался говорить с внуком изречениями и пословицами, чтобы приучать его мыслить кратко и содержательно. И это дало свои плоды. Я выправил некоторые пословицы и обучил им внука:

«Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра».
«Ученье и труд всё перетрут, например, здоровье».

«Любишь кататься – полезай в кузов».

«Подальше положишь – быстрее забудешь».

«Сколько волка не корми, а уши у слона всё равно больше».

«Заставь дурака Богу молиться – он и пол расшибёт».

«Последним смеётся тот, до кого туго доходит».

«С миру по нитке – голомору верёвка».

Ученье не прошло даром – с кем поведёшься, с тем и наберёшься.

Но не все знания приносят радость. Есть мнение, что знания увеличивают скорбь. Узнав, что всё познаётся в сравнении, человек начинает сравнивать. Результаты бывают очень разные и не всегда радостные. И тут вдруг новое: «всё подвергай сомнению». Узнав об этом, и я стал сомневаться во всём. Это

порочное чувство часто одолевало меня и мне не удалось окончательно избавиться от него и сейчас.

Начальные классы я учился в школе-бараке в третью смену. С братом Вовкой, бывшим на год старше меня, у нас были одни валенки, и Вовка учился во вторую смену, а я в третью. Рядом с баракком был «туалет». Третья смена заканчивалась поздно, но иногда – очень поздно. Наша классная дама Анна Михайловна за малейшее нарушение одного из учеников оставляла после занятий весь класс. Нас обучали коллективной ответственности и доносительству. Класс стоял до тех пор, пока кто-то не называл виновника. Обычно это писала кто-нибудь из девчонок на промокашке в своей тетради и Анна Михауловна регулярно проходила вдоль рядов и читала донос. Никто из пацанов никогда не доносил – можно было получить взбучку и презрительную кличку «сиксот» (искажённое «сексот» - секретный сотрудник). Доносительство поощрялось, и около училки всегда было несколько «подлиз». Анна Михайловна была женщиной нервной и во время уроков была нас, нерадивых учеников, и книгами по голове, и линейкой по рукам.

В те времена в школу с собой никаких бутербродов не брали – не было ни бутеров, ни бродов. И стояли мы часами, холодные и голодные, и ждали, ждали ... Домой прибежал иной раз уже ближе к полуночи. А от барака до дома два километра, да ещё если мороз прихватывает.

Обучение доносительству, вероятно, было всеобщим, что в итоге привело к наличию в анналах НКВД, ГПУ, КГБ, МВД четырёх млн. «сообщений благожелателей», а это немало.

Взрослея, я раздвигал границы понятий «мало» и «много». Были и промежуточные величины: «так себе», «не очень», «это как посмотреть» и др.

Подливал масла в огонь и брат Николай. Он был старше меня на шесть лет, как потом оказалось, самый умный из нас четверых братьев - и потому самый сомневающийся. Доводя мысль до её логического завершения, чтобы понять её сущность и значимость, он порой приходил к удивительным результатам. Узнав, что одному из столпов марксизма-ленинизма «ничто человеческое не чуждо», Николай обобщил человеческие качества - и в них оказались и ложь, и подлость, и кое-что ещё. Из этого следовало, что и эти качества не были чуждыми одному из основоположников.

В техникуме, на лекции по электротехнике, нас оповестили, что словосочетание «закон Джоуля – Ленца» следует произносить «Закон Ленца – Джоуля», так как наш российский учёный Ленц первым открыл этот закон и только потом англичанин Джоуль. В действительности они открыли этот закон независимо друг от друга и первым был Джоуль, а наш россиянин немецкого происхождения Ленц – вторым. Да и мало ли у нас в России было иностранцев? Сама матушка-царица Екатерина Великая была чистокровной немкой, пригласившая, по совету Вольтера, французского скульптора Фальконе, который не торопясь, за 12 лет, создал первый памятник Петербурга его основателю Петру Первому. А такие россияне как Трезини, Росси, Кваренги, Монферран, Растрелли, Камерон? Все они создавали на российской земле - и потому мы их смело называем россиянами. И вообще, одно время говорилось, что всё, что сделано лучшего в мире во всех областях и направлениях, так или иначе, сделано россиянами.

В то время был такой «патриотический» анекдот. Иностранцы углубились в глубь веков на пять метров и там нашли проволоку, на основании чего

утверждали, что уже в те времена у них была проволочная связь. Российские археологи углубились в глубь веков на десять метров и ничего там не нашли, что послужило веским доказательством того, что уже в те времена у нас была беспроводная связь. Потом появилась первая российская микросхема, самая большая в мире с двумя ручками для переноски. А изобретением коммуналки наша семья пользуется уже 80 лет.

На лекции по химии нам сообщили, что миллионам американцев запрещено во время чистки зубов держать открытым кран с водой. И вновь меня «терзали смутные сомнения»: а кто это контролирует? или американцы настолько воспитаны, что сами закрывают краны с водой, не все, а только те, кому запрещено? Странное дело, но я и сейчас закрываю кран с водой во время чистки зубов. Вероятно, сказалась работа на ледоколах, где пресную воду следовало беречь, хотя и полученную опреснительной установкой. Напомню слова песни, первый вариант которой написан женщиной. Песня называется «Раскинулось море широко»: «...напился воды, воды опреснённой, нечистой». А Фёдор Конюхов утверждает, что на его лодке, на которой он в одиночку бороздит моря и океаны, самым главным приспособлением (устройством) является водоопреснительная установка – без неё он, в лучшем случае, пошёл бы по стопам Алена Бомбара*. Как поётся в другой песне: «без воды - и не туды, и не сюды».

И новый «удар»: в техникуме появились новые студенты - старшеклассники - музыканты, исключённые из городской школы «за игру на буржуазных инструментах». Наш техникум был особенным – готовил специалистов для создания атомных бомб, потому у нас учились любые желающие и даже сомневающиеся: было много бывших эков, бывших студентов других техникумов, любые переростки - двери были открыты для всех «потерпевших в ночи крушение». Разница в возрасте в нашей группе составляла шесть лет. В каждом потоке было пять групп: химики – аналитики, химики – технологи, механики, КИПиА (контрольно-измерительные приборы и автоматика) и физики.

Школьники появились полным составом оркестра и значительно украсили нашу студенческую жизнь синкопированными звуками и уменьшенными доминант-септ-аккордами. А вопрос тогда у меня появился простой: разве бывают музыкальные инструменты буржуазными? А если на саксофоне сыграть гимн Советского Союза, а на балалайке мелодию фашистской песни, то следует ли изрубить балалайку на дрова (вместе с балалаечником), а саксофон исключить из списка буржуазных инструментов?

Году в 1963, работая на ледоколе «Ленин», играя в судовом оркестре на гитаре, я выучил пару мелодий на саксофоне и кларнете. Открывал иллюминатор и оглашал арктические просторы несоветскими эстрадными пьесами. У белых медведей плохое зрение, но запах они чувствуют за 10 миль. Интересно, как у них со слухом? Помнят ли они «Цветущий май» и «I love Paris»?

Сейчас это кажется откровенной дурью и пещерным невежеством, но в те времена это влияло на судьбы людей, на их жизнь и место в обществе. В один миг можно было получить ярлык, а, точнее, клеймо, низкопоклонника перед западом, несоветским человеком, льющим воду на мельницу империалистов. И ваша будущность была предreshена: вносилась «чёрная метка» в вашу характеристику-анкету, которая сопровождала вас всю земную (а порой и

загробную) жизнь, отключая свет на вашем жизненном пути, и даже на пути ваших детей и родственников. И была песня со словами: «Будет людям счастье, счастье на века, у советской власти сила велика». Слова оказались пророческими: силу советской власти испытали на себе миллионы советских людей и один век «счастья» у России уже позади.

Кают-компания ледокола «Ленин»

И появилось большое количество «настоящих патриотов», которые на ваши вопросы о любых недостатках, отвечали: «В то время, как весь советский народ, вдохновлённый решениями очередного съезда партии, а также решениями сентябрьского, октябрьского, январского и февральского пленумов ЦК КПСС, идёт к новым свершениям по пути к коммунизму, отдельные товарищи своё внимание направляют только на отдельные недостатки, имеющиеся и в нашей стране...». И этот «патриот» «на коне», а вы – на лесоповале.

Тогда появилось суждение, что все жители СССР являют собой единое сообщество «советский народ» и не следует различать людей по национальностям. Были предложения в паспортах в графе национальность писать «советский». Другие предлагали писать «советский татарин», «советский еврей» и т.п. В нашем семействе предки писались «великорусскими Уральскими казаками» и на парадах шли третьими за Донскими и Кубанскими. Лев Толстой утверждал, что Россия создала казачество, а казачество – Россию. Наполеон говорил: «Дайте мне одних казаков - и я завоюю весь мир». Если в графе «национальность» паспортов нашего семейства добавить слово «советский», то в графе не хватит места. И это ещё не всё: Яицкие (Уральские) казаки – наши предки, не переходили на сторону советской власти. Впрочем, я отвлекся.

Самостоятельное изучение английского языка не только обеспечило моё досье многочисленными доносами, но в некоторых случаях даже помогало мне. В Петербурге я показывал гостю из Лондона ботик Петра Первого, подаренного англичанами отцу Петра Первого Алексею Михайловичу. Ботик очень заинтересовал гостя, и я оставил англичанина наедине с ботиком, присоединившись к группе туристов, которым гид с небольшого возвышения

вещал на английском. В паузе гид обратился ко мне: Where do you come from?» – «I'm from Tootation» - «What's Tootation?» («Вы откуда?») - «Я из Тутэйшн» - «Что такое Тутэйшн» - «Да, тутошний я, тутошний!» Гид остолбенел и потерял дар речи английской, а также русской. Мне пришлось уйти.

Времена менялись, оставаясь прежними по существу. Я знал сотрудника НИИ, которое, во времена Леонида Ильича Брежнева пыталось решить проблему СПР – синхронного правителя речи генерального секретаря. Идея была такова: генеральный секретарь выступая перед микрофоном, произносит «сиськи-масиськи», а из громкоговорителя слышно: «систематически». Задача, следует сказать, не из простых и институт бился над ней не один год, но со временем необходимость в СПР отпала сама собой.

Я никогда не отрицал успехов нашей страны в коллективизации, индустриализации, электрификации, строительстве каналов, железных дорог, разработке полезных ископаемых и т.п., но прежде, чем впасть в эйфорию и патристический экстаз, всегда просил назвать стоимость этих достижений в количестве человеческих жизней: в тысячах, в сотнях тысяч, в миллионах.

Не вышло из меня отъявленного патриота – вероятно, я неправильно применял правило сравнения и всё подвергал сомнению, как учили меня мировые основоположники. В русском языке приставка «со» означает объединение чего-то, соединение. Например «согласие» - это когда все голосуют одинаково, согласованно, единодушно. А полное единодушие бывает только на кладбище. А по поводу мнений писал Сэмюель Клеменс (Марк Твэн): «Хорошо, что у людей бывают разные мнения. Иначе нельзя было бы устроить даже скачки – все бы ставили на одну лошадь». Как говорится, «сколько людей – столько и мнений». И потому объединение мнений называется СОМНЕНИЕМ.

-----
* Человек, пересекший Атлантику на надувной лодке (прим. ред.)

Яков Фрейдин

Калифорния, США

Яйцо Фаберже

Лет двадцать назад я был занят добыванием денег для своего нового бизнеса. Почти ежедневно мне приходилось встречаться с разного рода инвесторами, в том числе с теми, которые зовутся «ангелами». Это люди несколько авантюрного характера, которые вкладывают свои собственные деньги в разного рода рискованные бизнесы, в надежде через несколько лет получить солидную прибыль. Одним таким потенциальным инвестором оказался некто, назовём его, скажем, так — Пол Глювайн. Жил он примерно в часе езды на машине от моего дома в очаровательном приморском городке Капистрано, что на юг от Лос-Анджелеса.

Пол был довольно упитанный мужчина лет под шестьдесят, с рыжеватыми седеющими волосами и постоянно приветливой улыбкой маленького рта, уютно расположившегося наподобие галстука-бабочки под его внушительным носом, зажатым меж пухлых щёк. Он появился у меня в лаборатории перед ланчем и сразу сообщил, что в технике он ни бум-бум, а потому будет благодарен, если я не стану заморачивать его всякими научными деталями, а сразу скажу, сколько мне надо денег на развитие бизнеса и сколько он сможет заработать на моих инженерных штучках, если дела пойдут так радужно, как я ему расписал.

После его короткого визита в лабораторию, мы отправились перекусить в японский ресторанчик, что был по соседству. Пол сообщил, что он родом из очень небогатой семьи, раньше работал финансовым брокером, а когда несколько лет назад вышел на пенсию, всецело посвятил себя своей главной страсти — коллекционированию произведений искусства. В разные стартапы, вроде моего, он вкладывает деньги, надеясь на джекпот, чтобы иметь свободную наличность для покупок картин, скульптур и прочих художественных вещей, цены на которые постоянно растут. Поскольку в области живописи наши интересы кое-где совпадали, мы неплохо провели часа полтора, попивая sake и обсуждая не столько перспективы моего бизнеса, сколько последние модные тенденции в развитии изящных искусств. Перед расставанием Пол пригласил меня в гости чтобы показать мне свою художественную коллекцию.

Через неделю я появился в его роскошном особняке над крутым обрывом, у подножья которого от левого горизонта до правого нескончаемой жёлтой лентой тянулся песчаный пляж. Из огромного окна во всю стену открывался панорамный вид на океан. Пол провёл меня по первому этажу дома, многочисленные комнаты которого были уставлены старинной европейской

мебелью. Гостиная и соседняя с ней просторная библиотека были увешаны десятками картин в массивных рамах. Коллекция была весьма эклектичная, что говорило о несколько сумбурных вкусах хозяина дома, хотя все картины были весьма дорогие. На стенах сюрреалистические работы Джорджо де Кирико, Доротеи Таннинг, Роберто Матта соседствовали с множеством старых голландцев, среди которых даже обнаружился небольшой портрет работы Франса Хальса — пожалуй самая ценная картина в его коллекции. Я подумал, что большинство этих работ были куплены не из любви к искусству, а как форма вложения капитала. Для вида я повосхищался разнообразием и качеством картин, после чего благодарный Пол угостил меня чудным шотландским виски и спросил:

— В вашей речи я слышу некий славянский акцент, вы из каких краёв будете родом? Погодите, погодите, не говорите — дайте я угадаю. Из Сербии? Нет? А может из Словакии?

Когда я ответил, что родом из России, он просиял и сказал:

— Ага! Я сразу догадался. В таком случае я должен вам кое-что показать. Вам будет интересно взглянуть на одно совершенно уникальное приобретение, которое попало мне в руки.

Он вышел в соседнюю комнату и через минуту вернулся с небольшой изящной шкатулкой из карельской берёзы, поставил её на стол, отщёлкнул запоры, открыл, и то, что я увидел, действительно меня поразило. Внутри шкатулки на синей шёлковой подушечке лежало прелестное пасхальное яйцо, искусно изготовленное из золота, бордовой эмали, перламутра, бриллиантов и прочих драгоценных камней. Хоть я в подобных вещах совершенно не специалист, смог догадаться, что это работа Фаберже или очень мастерская имитация под Фаберже.

— Да, да, — радостно воскликнул Пол, — всё правильно, так и есть. Это самый что ни на есть Фаберже. Подлинный. Вот здесь внизу видно его личное клеймо и год изготовления: 1898, — он вынул яйцо из шкатулки и подал мне в руки. Я подошёл к окну, чтобы лучше рассмотреть этот действительно поразительный предмет.

— Полагаю, что это самое дорогое ваше приобретение, — сказал я, бережно поворачивая яйцо во все стороны. Бриллианты яростно сверкали в лучах закатного солнца и раскидывали цветные блики по стенам комнаты.

— О да, сегодня этому яйцу цена пять-шесть миллионов долларов, если не больше.

— Вы что, заплатили за него такие огромные деньги? — удивился я.

— Ничего я не заплатил! — воскликнул Пол и рассмеялся, — Ни цента! Это подарок! Не от человека, разумеется — меня никто так сильно не любит, чтобы делать подобные подарки. Это дар... Судьбы!

— Надо же, — хмыкнул я, — чем же вы заслужили такую щедрую любовь от своей Судьбы? И потом, я слышал, что все подлинные яйца Фаберже наперечёт, их вообще немного, а вот подделок как раз везде навалом... Бывая в Китае, я их часто вижу на лавках уличных торговцев. Вы уверены, что это настоящее?

— Вполне уверен. До 1917 года мастерская Фаберже изготовила всего полсотни пасхальных яиц, в основном для царской семьи России. Из них 43 яйца находятся в частных коллекциях и галереях, их владельцы хорошо известны. Например, у английской королевы есть одно такое. А вот семь яиц исчезли, как полагают, без следа. Однако оказывается исчезли не все. Вот это, что у вас в руках, одно из тех пропавших семи, хотя про это никто не знает. Впрочем, теперь знаете вы. Хотите расскажу, как оно ко мне попало?

Я отдал Полу яйцо, он спрятал его в шкатулку и унёс в соседнюю комнату, где, как он мне потом пояснил, находился встроенный в стену массивный сейф. Когда он вернулся, мы поднялись по винтовой лестнице на балкон, что опоясывал весь второй этаж дома, нависая над шуршащим далеко внизу прибоем. С бокалами в руках уселись в плетёные кресла и подставили свои лица влажному бризу и оранжевому солнцу, которое быстро уходило от нас на запад и тонуло в синей океанской дали.

— Я часто летаю в разные европейские страны в поисках интересных картин для моей коллекции, — начал свой рассказ Пол. — Лет пять назад я познакомился в Париже с одним джентльменом из Люксембурга, тоже коллекционером, хотя несколько иного свойства, чем я. Его интересовали не картины, а ювелирные украшения, в основном периода Art Nouveau. Мы иногда даже вместе путешествовали в поисках интересных вещей, ибо друг другу дорогу не перебегали, а даже помогали, делясь полезной информацией. Звали его Анри Фаберж. Заметьте, не Фаберже, а именно Фаберж — он мне говорил, что приходился каким-то очень дальним родственником великим французским ювелирам из России. Дело в том, что почти 200 лет назад француз Густав Фаберж, когда перебрался в Санкт-Петербург и открыл там свою мастерскую, поменял фамилию на Фаберже, полагая, что так она лучше звучит для русского уха. Хотя, разумеется, не мне судить...

— Вы говорите про вашего приятеля Анри в прошедшем времени. Он что, умер? — поинтересовался я.

— Да, его больше нет. Именно из-за его нелепой смерти я стал обладателем этого удивительного пасхального яйца стоимостью в миллионы долларов. Анри был одинокий человек, без семьи, без близких родственников. Когда мы познакомились, ему было лет пятьдесят, высокой, худощавый, спортивный, каждое утро начинал с обязательной пробежки по парку, был всегда элегантно одет. Настоящий европеец. У него была, как сейчас говорят, нестандартная сексуальная ориентация. Я это замечал по его певучей манере разговора, плавной почти балетной походке и по частому употреблению слова «fabulous» по отношению к вещам, которые ему нравились, что типично для

таких людей, каким был он. Ко мне он нездорового интереса никогда не проявлял, отношения между нами были чисто приятельскими и на эти темы мы не говорили. Если бы он вдруг как-то ко мне приблизился в этом смысле, ну вы понимаете, что я имею в виду, меня бы это, разумеется, напрягло и скорее всего наше знакомство пришлось бы прекратить. К счастью, этого не случилось. Впрочем, к моей истории это обстоятельство никакого отношения не имеет.

В 2000-м году, кажется это был апрель, Анри мне позвонил и сообщил, что на днях собирается в Ниццу, где распродают вещи из наследства одного недавно умершего банкира. Ожидается реализация нескольких редких украшений в стиле Art Nouveau, а кроме того, там должны выставить на продажу небольшую картину работы Марка Шагала, с которым этот банкир дружил в Ницце. Если вас интересует Шагал, — сказал он, — то вам тоже стоит приехать и посетить эту распродажу. Я согласился и полетел во Францию.

Распродажа было частная, только по приглашениям, Анри всё организовал. Там действительно было множество редких произведений искусства, хотя то, что меня и его интересовало уже ушло ещё до открытия торгов, и с этой точки зрения получилось, что мы приехали в Ниццу зря. Я весьма расстроился, но делать было нечего. В наших делах редко получаешь то, что хочешь, такова жизнь охотника. Вечером мы вдвоём отправились на обед в небольшой итальянский ресторанчик, который Анри знал по прошлым поездкам. Когда он там появился, в его руках был выдавший виды портфель-дипломат.

После того, как мы осушили первую бутылку bougelet, я увидел, что он навеселе и у него несколько развязался язык. Он мне говорит:

— Пол, хочу вам по-приятельски сказать, что главная цель моего приезда в Ниццу была вовсе не эта дурацкая распродажа. Бог с ней, не держите на меня зла, что я вас сюда вытащил. В этом райском городе для меня намечается куда более интересный бизнес. Завтра вечером, — продолжает он, наклонившись к моему уху и понизив голос, — у меня назначена встреча с неким дилером-искусствоведом, который интересуется одной ценной вещью, что есть у меня. Если хотите, могу показать. Эта штука у меня тут с собой в портфеле. Я её нигде не оставляю, всегда ношу с собой.

При этих словах Анри кладёт себе на колени портфель, раскрывает его так, чтобы не видно было со стороны, и показывает мне шкатулку, в которой лежало это пасхальное яйцо от Фаберже. Я как глянул, просто ахнул — такой красоты я до того не видел. Анри объяснил, что оно досталось ему в наследство от покойного отца и, скорее всего, хранилось у него много лет. Как оно попало к отцу, он не знал, а то, что это подлинник, у Анри сомнений не было. Чтобы в этом убедиться, он отвёз его в США на экспертизу к куратору галереи Ричмонда, что в штате Вирджиния, где хранятся несколько подлинных яиц Фаберже. Куратор и его эксперты яйцо внимательно изучили и сказали, что по всем признакам это работа самого Поля Фаберже и цена ему тогда была не менее трёх миллионов. Куратор сказал, что они бы хотели это яйцо у Анри купить, но у галереи таких денег нет, и, если он согласен продать, придётся подождать, так как собрать от меценатов нужную сумму займёт некое время. Они распрощались, Анри забрал яйцо и улетел к себе домой в Люксембург.

Эта история про яйцо Фаберже меня очень заинтересовала, — продолжал рассказывать Пол, — особенно после того, как мы заказали вторую бутылку

bougelet и Анри сообщил мне, что сегодня утром ему опять позвонил этот искусствовед-посредник и сказал, что у него есть некий клиент — российский денежный мешок, имя которого он ему, разумеется, не сообщил. Клиенту как-то стало известно про яйцо Фаберже, что есть у Анри. Он серьёзно интересуется такими предметами и, если подлинность яйца будет доказана, готов сделать заманчивое предложение, от которого владелец яйца вряд ли сможет отказаться. Встреча назначена на завтра вечером в этом же ресторане. Анри был по этому поводу очень возбуждён, так как надеялся, что, увидев яйцо, таинственный покупатель будет готов щедро раскошелиться.

Я спросил его, уверен ли он, что действительно хочет продать это редкое яйцо. Анри рассмеялся и ответил, что, конечно, не хочет, но если цена подходящая, то почему бы и нет? В этом мире, — сказал он, — продаётся всё и всё покупается. Любая вещь и любой человек имеет свою цену, надо только эту цену знать. Вот вы, Пол, знаете себе цену? Я свою знаю!

Потом он сказал, что если таинственный покупатель будет согласен выложить пять миллионов евро наличными и ни центом меньше, то он наступит на горло собственной песне, утрёт горькую слезу и согласится расстаться с этим прелестным яйцом, ибо чемодан наличных — это сильное лекарство, которое залечит его душевные раны. Мы чокнулись и выпили за удачу.

Следующим утром, — продолжает рассказывать Пол, — я был разбужен телефонным звонком. Звонил Анри. Он сказал, что нам нужно повидаться, есть важный разговор. Предложил встретиться через полчаса на завтраке в ресторане отеля Негреско. Я быстро собрался и отправился в Негреско, до которого от моего отеля было всего минут пять хода.

Он уже ждал меня в углу зала за столиком. Перед ним стояла чашка кофе и на блюдечке — круассан. На коленях у него лежал тот же портфель-дипломат. Увидев меня у входа в зал, он помахал мне, и я подсел к нему с вопросительным взглядом. Оглянувшись по сторонам и понизив голос, Анри сказал, что возникло неожиданное обстоятельство и ему нужна моя помощь. Сегодня во время утренней пробежки по набережной его остановили два господина довольно странного вида, почти как гангстеры из детективного сериала. Оба в тёмных очках, хотя солнце только встало и ещё пряталось за холмами. Один маленький и юркий, а второй — настоящий громила, видимо, телохранитель. Маленький ему сказал по-французски с акцентом, который Анри не смог распознать:

— Мсье Фаберже, сегодня вечером не ходите на встречу с дилером, с которым вы договорились. Мой патрон хочет вам сделать более заманчивое предложение. Будете довольны. К вашему отелю сегодня ровно в полдень подъедет лимузин и отвезёт вас к нему на встречу. С собой возьмите только вашу куриную игрушку и ничего более. Очень рекомендую не отказываться, — добавил он, показывая глазами на мордоворота. — Значит, ровно в полдень внизу у подъезда.

Анри мне сказал, — продолжал Пол свою историю, — что после того, как эти странные люди исчезли так же незаметно, как и появились, он подумал, что дело принимает занятный оборот. Ему стало интересно, сколько их «патрон» предложит? Как понимаете, такие дела вмиг не делаются, а потому Анри решил поехать на это таинственную встречу, выслушать предложение этого «патрона» и только потом решать — кому продавать. Однако, судя по

виду и манере этих посланцев, ему стало как-то некомфортно брать с собой это яйцо на первую встречу неизвестно, где, неизвестно с кем. Кто их знает, что они надумают? Уж больно это всё было подозрительно. Оставляя его в отеле он боялся, тоже довольно рискованно. Он попросил меня взять это яйцо на хранение до его возвращения. Сказал, что вместо оригинала возьмёт на встречу копию, что у него есть. Обещал позвонить мне сразу как вернётся обратно в отель.

После чего Анри открыл свой портфель, вынул из него свёрток в небольшом пластиковом пакете и отдал мне, а глазами указал на фальшивое яйцо в портфеле, ну вроде тех, которые изготавливают в Китае для туристов. Я сразу накрыл пакет газетой, что лежала на столе, мы допили свой кофе, Анри попрощался, прихватил портфель с фальшивым яйцом и ушёл. Мне и в голову не пришло, что мы видимся в последний раз.

Я провёл день, гуляя по городу, посетил дом-музей Шагала, посмотрел там его работы на темы Ветхого Завета, потом вернулся в гостиницу и стал ждать звонка от Анри. Он не позвонил ни вечером, ни на следующее утро. Тогда я сам стал ему названивать в мобильник и в гостиничный номер, но ответа не было. Я позвонил портье его отеля, и тот мне сообщил, что мсье Фаберж в номере не ночевал, а затем почему-то стал настойчиво выяснять, кто я такой, откуда звоню и почему меня интересует мсье Фаберж. Этот разговор меня весьма обеспокоил, и я не представлял, что делать дальше. Решил подождать до вечера, и, если Анри не объявится, пойти в полицейский участок и заявить о его исчезновении. Однако, делать этого мне не пришлось.

Где-то через полчаса после разговора с портье в дверь моего номера постучали. Я подбежал чтобы открыть, думал, что это вернулся Анри, но у входа увидел двух господ в одинаковых серых костюмах и с официальными физиономиями. Они представились как работники юридической полиции Ниццы и сказали, что хотят со мной побеседовать по одному важному делу. Поскольку я не говорю по-французски, они перешли на весьма сносный английский. Я пригласил их зайти, мы уселись у стола, и они устроили мне форменный допрос про Анри. Спросили, известно ли мне, где он сейчас находится, как долго мы были знакомы, какие у нас с ним были в Ницце дела, вообще просили рассказать всё, что я про него знаю.

Я спросил, в чём дело и почему их интересует Анри. Добавил, что меня самого беспокоит его отсутствие и я уже собирался идти в полицию. Тогда они мне сообщили, что прошлой ночью с патрульного катера береговой охраны в двух километрах от берега выловили труп мужчины. Следов насильственной смерти не было заметно, в бумажнике были деньги и кредитные карточки, а в кармане ключ от гостиницы. При нём был люксембургский паспорт на имя Анри Фабержа. Следователи полагают, что это несчастный случай — он просто мог упасть за борт с какого-то судна. Был ли он пьян неизвестно — результатов аутопсии пока нет. Полицейские быстро выяснили, что предыдущие пару дней Анри провёл в моём обществе, поэтому они захотели со мной встретиться и выяснить, что мне известно и не пролью ли я свет на загадочную смерть моего приятеля.

Известие о смерти Анри меня так потрясло, что от волнения на пару минут я даже потерял дар речи. Когда пришёл в себя, я сказал следователям, что Анри вчера собирался на какую-то деловую встречу и его должен был забрать из гостиницы лимузин. Куда он собирался ехать и с кем встречаться, мне не

известно. Вообще я им честно рассказал всё, что про него знал. Вернее, — почти всё. Про яйцо Фаберже я умолчал, иначе они бы меня впутали в это дело. Мне это надо? Мы проговорили где-то с полчаса, они всё записали и сказали, что если будут дополнительные вопросы, то они со мной свяжутся. Я им сказал, что у меня назавтра билет для полёта в Калифорнию, и дал им телефон, по которому они мне могут звонить. Кстати, они мне никогда не позвонили, видимо, дело закрыли и списали всё на несчастный случай.

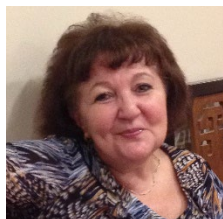
На следующий день я улетел домой и сразу по приезде занялся поисками наследников Анри. Яйцо было у меня, но владеть им незаконно мне не хотелось. Всё же Анри по его словам был в дальнем родстве с Фаберже, должен же кто-то найтись! Я нанял частного сыщика в Люксембурге, он искал месяца четыре, но никаких родственников Анри обнаружить не смог и прислал мне нотариально заверенный отчёт о своей работе. Как вы понимаете, — закончил свою историю Пол, — эта бумага мне нужна на случай, если вдруг возникнет вопрос о законности моего владением драгоценным яйцом Фаберже.

В заключение этой истории хочу добавить, что Пол Глювайн решил не вкладывать деньги в развитие моего бизнеса и с тех пор я с ним больше не встречался.

Галина Пичура

США

Женихи для мамы

Когда папа умер, маме было всего 54 года. Согласитесь: до старости далеко, хотя и молодость осталась лишь в воспоминаниях...

На самом деле, молодость живет не только в воспоминаниях, но и в мечтах о счастье... И возраст здесь ни при чем. Пока человек способен мечтать, он все еще молодой.

На уровне сложных процессов психики молодость продолжается до старости, а иногда и до самой смерти. Мы, женщины, видим это порой примитивно: в самообмане на самые разные темы, в тяге к новым нарядным платьям и туфлям (пусть не на шпильке, но уж наверняка на изящном каблучке), в тщательно замаскированном интересе к мужчинам и их восприятию тебя, в наивной попытке соперничать с этими юными дурами, которых становится все больше и больше вокруг с каждым годом и даже с каждым днем... А на самом деле, инстинкт самосохранения (а он куда не

девается с годами) содержит внутри себя и инстинкт тяги к радости, к обновлению, к потребности нравиться и любить, заботиться, дарить и быть объектом заботы и нежности.

Конечно, паспортный возраст никто не отменял и нелепо конкурировать с молодежью! Ну, к примеру, мы, женщины... Посмотрим правде в глаза: кого из мужчин волнуют женские мозги и бесценный багаж пережитых невзгод, если их носительнице перевалило за 50! А если за 70? Мужчины любого возраста сначала смотрят женщине на ноги, потом на грудь, на лицо, и только после этого замечают интеллект. Кстати, еще неизвестно, что их больше радует: отсутствие такового или наличие...

Так вот, в свои 50 с небольшим моя мама оставалась вполне себе молодой во всех отношениях.

С ногами и прочими атрибутами женской привлекательности все у нее было в полном порядке. А вот интеллект несколько превышал желаемый большинством мужчин уровень, при котором им можно не напрягаться и не задумываться, прежде чем что-то произнести.

Через несколько лет маминой вдовьей доли, одна далекая родственница решила познакомить ее со своим соседом. Звали его, как сейчас помню, Ильей Евгеньевичем. Он был старше мамы на целых 9 лет. Но мы на семейном совете, состоявшем из мамы, меня и альбома семейных фотографий, решили простить Илье солидный возраст, если он сумеет очаровать нас обеих и скрасить мамино женское одиночество. Разница в возрасте моих родителей составляла тоже... девять лет. И это совпадение тут же было зачислено как добрый знак свыше. Но одно дело – родной муж, который старел на твоих глазах, незаметно превращаясь из юноши в пожилого человека, и совсем другое – чужой старый мужик, взявшийся ниоткуда.

И все-таки наше женское царство (мама, я и моя дочка) явно нуждалось хотя бы в одном на всех мужчине, его уверенности, свежей струе новых взглядов, знакомств, умений, готовности оградить, пожалеть, защитить и проявить заботу...

В ту пору мне было 27 лет. Я успела выскочить замуж, родить ребенка, развестись с мужем и пребывала в том чудесном состоянии, когда свершилось долгожданное освобождение от неудачного первого замужества, а возраст, как и внешние данные, позволяли пока еще не спешить сломя голову во второе.

Мы проживали в одной квартире с мамой не из-за проблем с жилплощадью, а просто потому, что вместе нам было хорошо во всех отношениях. Мама помогала мне растить ребенка. Я ей — чувствовать себя востребованной. Человеческое тепло, любовь и забота были нужны всем трем.

При необходимости в семье имелась дача со всеми удобствами, куда всегда можно было «свалить», если этого требовала ситуация.

Я решила помочь встретить мамино гостя: все-таки нужно сварить вкусный праздничный обед, накрыть на стол, вести непринужденную беседу... В солидном возрасте не принято бегать на слепые свидания в кафе или к метро, тем более, если знакомство происходит с подачи общих знакомых. Так что мы ожидали гостя у нас дома.

Мама всегда помогала мне с готовкой для моих торжеств, а потом деликатно уходила. Я решила поступить так же.

Илья Евгеньевич оказался чуть ли не пижомом: он явился в длинном черном кожаном плаще, на шее — мягкий красный шерстяной шарф (эффектный и очень элегантный, если такое слово приемлемо по отношению к шарфу).

Красавцем он не был, этот Илья, но впечатление произвести умел. Пришел красиво: с цветами и тортом.

После холодных закусок я попыталась ускользнуть к соседке с третьего этажа, куда заранее отвела дочурку. Но Илья Евгеньевич не отпускал меня, и я сочла это знаком его скованности: он смущался остаться наедине с моей мамой, а я вроде как разряжала атмосферу своим присутствием. Факт сватовства двоих немолодых людей становится не таким явным, когда за столом сидит кто-то третий. По крайней мере, я так чувствовала и так воспринимала эту ситуацию. Однако перед чаепитием я все-таки ушла к соседке, предоставив возможность маме и Илье Евгеньевичу поговорить по душам.

Примерно через час гость ушел, и мы с дочкой вернулись в квартиру.

... На следующий день я отправилась на работу, потом — за покупками для дочери, а когда наконец пришла домой, то застала маму в самом отвратительном настроении.

Лицо ее было красным: она явно плакала. Но самым неприятным оказался ее взгляд: она смотрела на меня не как на дочь (недавно еще очень даже любимую), а как на соперницу.

Вбить кол между мамой и дочкой способен лишь редкий подонок. Ведь совместить в своей душе любовь к родному ребенку с ревностью к нему же — крайне сложно, и мало кто способен отнестись к подобной ситуации без серьезного ущерба для своей нервной системы.

Но, к счастью, я была той дочкой, которая за мамину слезинку готова убить любого.

— Что случилось?

— Мой ухажер влюбился в тебя и обнаглел до такой степени, что прямо сказал мне об этом по телефону.

— ???

— Что тебя так удивляет? Они все такие, мужчины. Зачем им женщина за 50, когда рядом есть молодая!

— Господи, мама! Он для тебя-то стар! А мне он — куда? Смешно даже говорить об этом! Да если бы даже ему было 30 лет, неужели я встала бы на пути у родной матери! Мне и в голову не могло прийти, что он способен на такую выходку. А что конкретно он сказал тебе?

— Позвонил, поздоровался и попросил к телефону тебя. Я сказала, что ты еще не вернулась с работы. И он заявил, что будет за тебя бороться.

«Мне очень понравилась ваша дочь, и я сделаю все, чтобы понравиться ей. У меня — самые серьезные намерения. Я полон сил, есть жизненный опыт, и, поверьте, я интересный человек. Возраст не портит мужчину. Предупреждаю, что намерен бороться за вашу дочку. Я готов носить ее на руках всю жизнь».

— С ума сойти! А ты? Что ты ему ответила?

— Я сказала: «Носить на руках? Боюсь, что ей этого будет недостаточно».

Я засмеялась и обняла маму. А она продолжила:

— Хочешь верь, хочешь нет, но он мне в любом случае не понравился. Не мой человек. Я сразу это почувствовала. Очень много выпендрежа. Мне бы кого-то поинтеллигентней и подемократичней. Но все-таки очень противно, когда твой гость, который пришел знакомиться с тобой лично, начинает проявлять интерес к твоей дочери. Спасибо, что не к внучке!

Мама понемногу успокоилась и даже стала шутить и пародировать походку вчерашнего гостя. Мы развеселились. Хотя я понимала, что осадочек от этой истории останется в душе у моей мамы надолго. И дело вовсе не в потере этого «бесценного» ухажера, а в вере в собственную женскую привлекательность. Этот негодяй заставил маму усомниться в ней. А ведь она готовилась к встрече!

Через два часа Илья позвонил и попытался поговорить со мной о поэзии. Он начал телефонную беседу с того, что его библиотека хранит уникальный материал, затем попытался читать стихи классиков, незаметно перейдя к своим собственным стихам. Перебить его было сложно. Но и терпеть идиотские попытки старого ловеласа охмурить меня поэзией я не собиралась. На классиках я себя еще как-то сдерживала и тренировала свое терпение. Но как только несостоявшийся мамин хахаль перешел к собственному творчеству, меня прорвало. Я неплохо разбиралась в поэзии, поэтому терпеть стихоплетство самонадеянного наглеца никак не могла. И, хотя я с ужасом понимала, что перебить его цивилизованно будет непросто, а дожидаться паузы и того сложней, я все-таки его перебила и прямо заявила о том, что не буду продолжать никаких отношений, даже чисто приятельских, с человеком, который был приглашен к нам в дом для знакомства с мамой, но почему-то переключился на дочку, что я считаю неприличным. Я даже что-то изрекла на тему стихов: мол, обидев женщину поступком, нелепо реабилитироваться ни стихами классиков, ни собственными виршами.

Долгое время после этого случая мама даже слышать не хотела ни о каких знакомствах, и мне это было очень больно. Я невольно чувствовала себя виноватой: надо было уйти из дома до того, как пришел этот тип. Хотя если мужчина – козел, то уходи-не уходи, а попытка залезть в огород молодой зелени все равно будет предпринята рано или поздно.

С тех пор прошло немало лет. И вот однажды... Мама получила льготную путевку от райздравотдела в дом отдыха «Морской прибор» в Зеленогорске на целых две недели.

Я в тот момент лежала в больнице с гастритом, и мама навещала меня почти каждый день. Гастрит не знал, что над ним быются лучшие гастроэнтерологи района. Поэтому он никого не боялся и нагло проявлял себя голодными болями по ночам. Язву не нашли, но симптомы были такими, как при язве.

Однажды утром в больнице начался переполох: ночью кто-то из язвенников в приступе голодной боли залез в общий холодильник, где пациенты хранили принесенные им из дома гостинцы, и наглým образом присвоил чужую вареную курочку, тут же целиком уничтожив. Видимо, сильно болело, свои запасы еды истощились, а заповедь «не укради» была создана теми, кто не испытывал язвенных приступов голода. Утром по больнице распространился слух о ночном происшествии, и слух этот обростал новым подробностями с каждым пересказом:

«Этой ночью кто-то выпустил из холодильника на свободу курицу! А в клюве у этой курочки была целая палка сервелата! Но преступник пока не обнаружен. Ищут среди язвенников, что вполне логично».

В общем, больница жила своей внутренней жизнью. Врачи флиртовали с медсестрами (или наоборот), пациенты с пациентками, встречаясь в коридоре взглядами, без которых мир давно уже перестал бы существовать. А за пределами больницы царствовала очередная весна. Ее ежегодно повторяемая неповторимость, тысячи раз описанная, но так и не понятая прелесть, ее свежайшее дыхание трепетно разливалось по улицам нашего городка, доставаясь каждому за просто так, но при условии способности дышать и радоваться. В общем, за окнами затаилось весеннее предвосхищение счастья – та самая ничем не примечательная для обывателя житуха, которую не ценишь и почти не замечаешь, пока не заболеешь и не попадешь в больницу или тюрьму.

Путевка в дом отдыха досталась моей маме раньше, чем она того ожидала. Как самая преданная мама на свете, она была уже готова отказаться от нее, раз дочь – в больнице. Но тут я по-настоящему восстала и настояла на мамином отпуске. Подумаешь, гастрит! Он – надолго, если не навсегда, а путевка всего на пару недель.

Мама укатила, пообещав звонить знакомой медсестре больницы, чтобы узнавать обо мне, так как мобильников в ту пору еще не изобрели.

Молодая докторша, та, что вела нашу палату, зачем-то добилась у больничного начальства отпустить меня на пару ночей домой, хотя я этого не просила. Как позже выяснилось, это был эксперимент: врач рассудила, что я как молодая женщина давно и безрезультатно лечусь от гастрита, а он, гастрит, явно – на нервной почве. Придумала, фантазерка-врачиха, что если меня отпустить на пару дней домой, то принц ли, муж ли, а то еще кто-то успокоит меня, приласкает, и моей нервной системе (а значит, и гастриту) станет намного легче.

Но дома меня никто не ждал. Там было пронзительно пусто: мама – в доме отдыха, ребенок – на даче со свекровью, с мужем я давно в разводе, ну а возлюбленный мой – со своей супругой (меня угораздило влюбиться в женатого). Промучившись пару часов в пустой квартире, я стала скучать по обитателям своей больничной палаты. Подруги на работе. У каждой – свои проблемы. А в палате мы уже – общий коллектив случайных, но временно объединенных общими обстоятельствами нездоровья людей. В больнице кажется:

«Вот выйду на свет божий, а там...»

А как остаешься наедине с рутинной жизни, то не всегда и понятно, почему так казалось, что тебя ждут и дела, и люди и все вокруг обещает близкое счастье или хотя бы искорку смысла...

... На улице было хорошо, но остро одиноко. Разве что воробьи да голуби радовали своей компанией, ну и весеннее солнышко, конечно, тоже...

Я вышла из кондитерского магазина с пакетами печенья, конфет и кексов и медленно шла по бульвару в сторону больницы. Не терпелось угостить обитателей палаты сладостями, ценность которых невероятно возрастает в однообразии больничного быта и питания. Я мечтала о своем женатике, о том, чтобы он меня навестил, рискуя карьерой и семьей. Но этого так и не случилось. Я мечтала, чтобы он развелся и женился на мне, а это уже вообще

из области фантастики. Но весна разрешает строить самые нереальные планы... И я их строила, подставляя свое лицо под ласковые лучи.

Странно, почему какие-то незначительные эпизоды запоминаются на всю жизнь... А важные порой исчезают бесследно: армянский паренек невысокого роста разговорился со мной на автобусной остановке и явно начал проявлять ко мне нешуточный интерес. Стереотип принца ну очень сильно отличался от облика этого парня и ростом, и акцентом, и чем-то еще, хотя я невольно отметила, как парень интеллигентно выглядел и говорил. Но я была влюблена в женатика и никто другой в тот момент не мог меня заинтересовать.

Чтобы наверняка отшить, но не обидеть так некстати влюбившегося в меня паренька, я рассказала ему правду о том, что у меня – гастрит и я возвращаюсь в больницу. Ну кому нужна больная девушка, которая вот-вот окажется в палате на неизвестно какой срок! Но вместо ожидаемого мной разочарования я услышала искреннюю тревогу и обещание выслать мне мумию высокого качества прямо из Армении.

– У моей мамы был гастрит, и мумие помогло. И вам поможет! Вы в какой палате лежите? Я дирижер! Приехал выступить с оркестром. Но я вас на днях навещу... А пока провожу...

Я улыбнулась в душе: ох, уж до чего мужчины любят приврать! Он через полчаса и не вспомнит обо мне. Но придумывать себе другое имя я не стала. Неловко как-то. Да и зачем обижать хорошего человека? Тем более, что вижу его (в чем была уверена) в первый и последний раз в жизни.

И вот через неделю я услышала его говор через открытое окно палаты: он громко произносил мое имя, спрашивая всех вокруг, как найти мою палату. Пришлось спуститься, поблагодарить его за заботу и сказать, что у меня есть жених. До сих пор помню его огорченные глаза, добрые, умные, влюбленные... Он все равно настаивал на доставке мне мумие, но я отказалась принимать его, придумав несуществующую аллергию.

Почему этот случай не стерся из памяти? Что в нем такого особенного? Неужели та будущая боль от всех мужчин, которых я любила и которые меня обидели в жизни, была послана мне в отместку за этого невзрачного, но искреннего мальчика? Все мы влюбляемся в красивых мучителей, пустых и равнодушных к нам, и совершенно не замечаем достойных ребят из-за каких-то преступных глупостей: не тот рост, не тот акцент, не тот облик киногероя, что на афише или в журнале...

... А мама, как обещала, позвонила мне через больничную медсестричку. Та позвала меня к телефону и попросила долго не разговаривать. Но остановить маму в этот день было совершенно невозможно. Сначала, конечно, разговор шел о моем здоровье, а потом... В общем, я сразу почувствовала, что мама воодушевлена не на шутку. Как оказалось, в доме отдыха у нее появился ухажер. И хотя женщин там было полно, как обычно, а мужчины всегда в дефиците, но этот поклонник, видно, быстро разобрался и выбрал мою мамочку. Не дурак, значит. Соображает. Еще бы: голубоглазая, умная, стройная женщина, очень женственная, гордая, тактичная...

Достоинства мамы я могла бы перечислять очень долго, но в этом нет необходимости.

Я была счастлива, хотя и уловила в родном голосе тревогу: отпуск скоро закончится, и никто не знает, будет ли продолжение у этих отношений...

... Они сидели за одним обеденным столом. Три раза в день целых две недели... Они ходили на прогулки и на танцы, в кино и в библиотеку... Они держались за руки, как дети... Столько прекрасных мгновений общения, поводов узнать друг друга и очароваться!

Он, как и мама, был вдовцом. Физической близости не случилось: он не стремился рисковать дорогими для него отношениями. Однажды он так и сказал: «Маша, здесь в каждом номере секс, а каждый заезд рождает новые романы. Я бы очень не хотел опозлить наши отношения казенной койкой предсказуемых банальных ласк сроком на две недели. Я уважаю тебя и себя. У нас все будет, я надеюсь. Но пусть это произойдет не здесь!»

Маме понравилась эта речь и эта романтичность.

Она рассказывала мне о своем новом знакомом без умолку... Эпизод за эпизодом... И я понимала, что этот отпуск надолго останется в ее памяти.

Однажды на танцах к маме и ее кавалеру подошли две немолодые разодетые женщины (видимо, в прошлом, красотки), и одна из них произнесла:

«Валерий! Позвольте представить вам мою подругу Ирину. Я давно хотела вас познакомиться».

Мама смутилась и уже хотела было отойти в сторону (она всегда пасовала, сталкиваясь с хамством), но Валерий, вежливо попроветствовав довольно наглых искательниц любовных приключений, произнес:

«Очень рад знакомству, но хочу заметить, что я – с дамой». Он тут же пригласил маму на танец и закружил ее в вальсе. В общем, Валерий сполна проявлял свою заинтересованность и теплоту, и моя мама была близка к влюбленности, невзирая ни на возраст и ни на что другое.

Увы, все хорошее неизбежно проходит: отпуск закончился, и мама вернулась домой.

Поняв, что мой гастрит остался недоступным для врачей, она настояла на моей выписке из больницы. В доме отдыха, как я позже узнала, ей удалось познакомиться с известным врачом-гипнологом, и уже через неделю я оказалась у него на приеме.

Помню странную реплику гипнолога о том, что с ушами мне не повезло: мочки крепятся почти под прямым углом к черепу, а это верный признак сложного строения нервных стволов и чего-то там еще. В общем, он определил меня как сложную натуру и предложил мне в качестве лечения не гипноз, а какое-то лекарство. Оно действует не на стенки желудка, а на нервные точки, ответственные за чрезмерную выработку желудочного сока.

«Давайте попробуем! Оно может и не помочь. Но точно не навредит».

Лекарство называлось липоцеребрин, и стоило всего 40 копеек за бутылочку. Доктор тут же снабдил меня двумя упаковками и написал схему приема, а она оказалась довольно замысловатой. Но через неделю от моих симптомов не осталось и следа. Я позвонила волшебному доктору, чтобы спросить: что делать дальше. Он был счастлив.

«Ну, эту бутылочку допейте до конца, а вторую пить не стоит».

В это трудно поверить, но с тех пор гастрит меня никогда больше не беспокоил. Однако лекарство это почему-то было убрано из производства через пару лет (наверное, слишком эффективное и дешевое). Откуда я знаю? Советовала подругам, страдающим гастритом. Им тоже помогло. А потом вдруг лекарства не стало. Но я отвлеклась...

Мама вернулась из дома отдыха окрыленной и помолодевшей.

– Ты знаешь, я сказала ему при прощании, что благодарна за чудесное время, общение и замечательный отпуск! И даже если мы никогда больше не увидимся, я все равно не жалею о нашей встрече.

А он... Он обиделся и спросил:

– Ты больше не захочешь меня видеть? А я лично с тобой расставаться не собираюсь!

Мы обменялись телефонами и адресами, и он на прощанье сказал мне:

«Машенька! Дай мне пару дней побыть с сыном, а потом зови в гости! Познакомишь меня с дочкой и внучкой!»

И вот этот день наступил. Я порхала по квартире, мыла полы, жарила, пекла, строгала салаты. Маму отпустила в парикмахерскую. Потом мы долго выбирали ей наряд... Валерий звонил и уточнял маршрут и номер автобуса... Спрашивал, какие пирожные мы любим...

... Стол был накрыт, и мы с дочкой в срочном порядке покинули квартиру, отправившись с ночевкой на дачу, дабы не мешать маме и не повторять прошлых ошибок. А уж познакомить Валерия с нами мама успеет еще сто раз. Пусть уж сначала стабилизируются их отношения!

Мы долго добирались до дачи: сначала на автобусе, потом на электричке и снова на автобусе.

Когда же наконец я открыла дверь дачи, раздался телефонный звонок и встревоженный голос мамы сообщил, что к ней никто не приехал и даже не позвонил.

Я долго молчала, не зная, как реагировать. Наконец я спросила:

– Ты думаешь, с ним что-то случилось?

– Нет, я так не думаю. Ни про кирпич, что обязательно должен упасть на голову нашим обидчикам, ни про инфаркт... Опыт жизни научил искать более прозаичные причины, когда речь идет о мужчинах. Но все равно на душе очень гадко.

– Мама, но ведь приехать к тебе – целиком и полностью его инициатива. Именно он звонил тебе и напрашивался в гости. Так?

– Так!

– И что получается? Купил пирожные к столу и не доехал? Сам сожрал их в приступе жадности? Так не бывает! Было бы ему лет 25 - 30, я бы подумала, что он по дороге «склеил» кинозвезду. Но ему за 60! И у вас – роман. Пусть даже платонический! Значит, все-таки кирпич! Или я уже ничего не понимаю. Мама, позвони ему домой! В этом нет ничего унижительного. Вдруг все-таки что-то случилось с сыном или с ним самим? Сердечный приступ? Да мало ли что может произойти с человеком! С твоей стороны, просто неприлично не узнать и обидеться. Успеешь обидеться потом!

– Я уже позвонила, – мамин голос звучал ужасно.

– Подошел его сын. Я поздоровалась и представилась, а потом попросила к телефону Валерия. Сын ответил, что папы нет дома и чтобы я больше им не звонила. Он был груб и первым бросил трубку.

Я вызвала такси, и мы с дочкой вернулись домой поздним вечером, чтобы не оставлять маму в таком жутком состоянии в одиночестве. Когда малышка заснула, мы еще долго сидели за столом и, как следователи, раскладывали на составляющие все возможные и невозможные причины такого поведения взрослого мужчины. Пазлы не сходились!

Если бы Валерий был женат, он не стал бы давать маме номер своего домашнего телефона.

Если бы с Валерием что-то случилось, сын был бы в курсе и сообщил об этом в вежливой форме. Если бы случилось что-то в дороге, сын волновался бы не меньше мамы и сам уже позвонил бы ей сто раз!

Предположим, сын устроил отцу скандал, чтобы тот не встречался ни с какими дамами. Но даже если Валерий оказался послушным папой и шел навстречу требованиям своего сына-деспота, то зачем бы он стал звонить и уточнять наши кондитерские вкусы?

Мы обе чувствовали тень таинственной причины этой то ли странности, то ли наглости поведения такого с виду приятного мужчины, но не могли поймать эту тень ни сачком своего воображения, ни логикой, ни подозрением...

Однако такого оплеванного состояния, в каком мы обе пребывали в тот вечер, я никогда до этого не испытывала. Сердце сжималось от обиды за маму. Хотелось срочно разыскать этого мерзавца и выразить ему свое презрение.

В какой-то момент мы обе устали от перемалывания одних и тех же мыслей вслух и уже хотели было лечь спать, как мама неожиданно вспомнила, что последний звонок от Валерия был не из дома, а из телефона-автомата возле кондитерской, где он занял очередь за выпечкой. Именно тогда он уточнил номер автобуса и поинтересовался, какие тортики и пирожные мы предпочитаем. И тут мама сказала ему, что лично она любит эклеры, как и он, а вкус дочки и внучки учитывать не стоит в этот раз, поскольку они (мы) уехали на дачу.

Валерий помолчал немного растерянно и переспросил: «Так дочки и внучки дома не будет? Жаль!»

«Я успею тебя с ними познакомить в другой раз», – пообещала мама, совершенно не придав этому разговору никакого значения.

– Я знаю, почему он исчез, – заорала я на всю квартиру! – Он – импотент, и наше присутствие было ему необходимо как причина, исключаящая интим с тобой. В доме отдыха он придумал романтическое объяснение своей вынужденной сдержанности: казенное помещение. Помнишь?

А сейчас наш отъезд уничтожил для него возможность хоть какого-то объяснения, почему он не хочет спать с тобой. Ничего другого тут быть не может.

Мама побледнела:

«Дурак! Я бы не бросила его из-за этого! Мне скоро шестьдесят три года! Можно подумать, что в этом возрасте секс – главное содержание отношений! Просто идиот...»

Валерий так никогда и не позвонил моей маме, и она ему – тоже. Никаких романов в ее жизни больше не случилось. Да она и не стремилась к ним. Треснуло что-то, наверное, в ее душе в тот вечер, когда она, ничего не подозревая и замирая от предвкушения радостной встречи, ждала друга, мечтая об общем с ним будущем...

Так что этот отпуск, несмотря на его ужасное завершение, остался в маминой памяти последним романтическим эпизодом отношений с мужчиной. Иногда она тайком листала альбом, в котором были фотографии того самого дома отдыха, а на одном из снимков Валерий и мама весело смеялись и дурачились перед камерой, как дети. Это был снимок счастья со случайным

знакомым, который имел шанс стать родным человеком, но испугался возможного удара по своему мужскому самолюбию и ударил женщину первым (на всякий случай).

А я все думала: кто разберет этих мужчин! И в следующий раз уезжать мне из дома или наоборот остаться?

Но следующего раза в маминой судьбе не случилось: как-то быстро наступила старость, болезни и смерть.

P.S. Не успеешь родиться, как уже – взрослость, а за ней и старость. Только привыкнешь, что тебе сорок, погрузишь на тему цифр, как тебе уже за 50, за 60, за 70...

Едешь по жизни в поисках счастья на особом такси, а на счетчике быстро, коварно и безжалостно мелькают цифры возраста и непоправимых событий...

Оплата за проезд – напрасными мечтами, несчастьями и сначала годами, а потом сразу пятилетками и даже десятилетиями...

Жаль человека на Земле! Даже злого... Откуда нам знать, почему он стал таковым и какие его надежды разлетелись в пух и прах!

Но особенно жаль наших мам. Они в любом возрасте умирают с надеждой на любовь и с тревогой о том, как выглядят, много ли морщин, в порядке ли прическа и подходит ли кофточка.

Наум Клейман

Мичиган, США

Назад в будущее. Фантастический рассказ

Благодаря машине времени, встреча с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, которая произошла более полугодом назад, стала одним из самых значительных событий в моей жизни. Временами мне казалось, что это был сон, но я снова и снова открывал его книгу с автографом - и убеждался, что это всё-таки было. Я закрывал глаза и видел Москву 1939 года, дом № 3/5 на улице Фурманова, беседу с писателем и просмотры фильмов. Да, это было...Всё-таки мечты иногда сбываются...

Но ежедневная суета жизни постепенно стала снижать остроту воспоминаний, да и времени прошло уже достаточно, и новые события, такие, как рождение внучки, всё больше занимали место в моей голове.

Всё так продолжалось бы и дальше, но моя очередная встреча с Борисом, устроившим мне встречу с Булгаковым, за чашкой кофе нарушила этот процесс. Он сообщил мне, что их команде удалось продлить время нахождения в прошлом до трёх дней и они готовятся к новому эксперименту для отработки всех деталей. Я прореагировал на это, как старая полковая лошадь, которая, услышав знакомый звук трубы, встрепенулась - и предложил свои услуги. Борис сказал, что подумает над моим предложением и поговорит об этом со своей командой.

Через неделю он позвонил и сказал, что команда против моей кандидатуры не возражает и готова опять со мной работать, но, так как они не могут обеспечить мою безопасность, то просят выбрать соответствующие место и время. Мы с Борисом обсудили этот вопрос и решили, что самым безопасным будет, наверное, осень 1970 года в Москве.

Это время, когда я учился в Московском автомеханическом институте и жил в огромном общежитии на Стромынке в Сокольниках. Это время становления моей личности, и я им очень дорожу, хотя пришлось тогда многое пережить. Но, с другой стороны, ещё раз побывать в этом времени в очень зрелом возрасте и увидеть всё другими глазами человека, прожившего в Америке больше двадцати лет, что может быть интереснее? Помимо всего прочего, у меня будет возможность увидеть себя в двадцать два года и, может быть, пообщаться с самим собой. Согласитесь, фантастика, да и только!

Мы снова начали подготовку...

На этот раз всё было проще, так как многое из того времени я помнил и знал. В моём старом, чудом сохранившемся, удостоверении «Моспроект 1» (я проработал там пятнадцать лет с 1977 года) Борис сменил фотографию.

Нужны были деньги соответствующего времени. Я купил немного одежды для продажи после прибытия в Москву 1970 года. Дело в том, что в столице нашей Родины на пересечении улицы Горького (Тверской) и Камергерского переулка в 70-е годы был большой подземный туалет.

Туалет был самым надёжным местом сбора людей – нигде поблизости общественных туалетов в этом центре города больше не было, а в магазины и рестораны для разрешения столь важного вопроса не пускали. Все пути вели только к нему. Надо сказать, что туалет был ещё известен как место сбора мужчин не традиционной ориентации. Я узнал об этом совершенно случайно, когда, будучи студентом, зашёл туда по нужде и сразу получил несколько интересных предложений, от которых с ужасом отказался и позорно бежал, совершенно забыв о цели своего прихода.

Но для меня было важным, что возле туалета, учитывая его исключительное значение для сбора советских граждан, с рук продавалась различная одежда. Масса людей с сумками крутилась вокруг. Я мог продать все эти вещи очень быстро и за очень большие деньги. Хорошую одежду в те времена было тяжело купить, и поэтому в разных местах произвольно организовывались такие небольшие рынки. Я был уверен, что вопрос денег я таким образом решу.

Наконец мы с Борисом вылетели в Москву, где каждый решал свои задачи. Мои старые товарищи в Москве собрали мне одежду, в которой я мог появиться, не вызывая подозрений.

Было немного свободного времени для встречи со своими знакомыми, которых я не видел много лет. Это была весьма печальная встреча, так как мы

сильно постарели и изменились как внешне, так и внутренне. Слишком разную жизнь мы прожили в последние двадцать лет, и найти общий язык, помимо воспоминаний было уже сложно. Например, когда они говорили, то чувствовалось, что слова проходят внутреннюю цензуру. Я это хорошо понимал, но сам избавился от цензора много лет назад, конечно, благодаря жизни в Америке. Были и другие нестыковки.

Сегодня все собрались на последнее совещание перед путешествием в прошлое. Ещё раз уточнили расписание и обязанности каждого члена команды. Маша (помогала мне в прошлый раз) сообщила, что сняла однокомнатную квартиру на Большой Полянке недалеко от метро «Добрынинская» и готова к моему прибытию. Завтра в 10 часов утра я убываю.

В восемь часов утра вся команда была в сборе. Уже привычная наладка, пожелания, и я отбыл...

Ну вот я и в 1970 году... Маша помогает мне снять аппаратуру и вводит меня в курс дела. Мы в небольшой однокомнатной квартире на втором этаже трёхэтажного кирпичного дома. Обычная старая квартира - ничего особенного, но без соседей. Сейчас нужно прийти в себя, оглядеться и двигаться согласно утверждённому плану. В первую очередь нужно получить деньги. Для этого я и Маша с двумя сумками одежды поехали на улицу Горького. При подходе к туалету мы были моментально вычислены перекупщиками и к нам сразу же подошли две полные женщины среднего возраста. Они предложили зайти во двор и показать товар. И уже через двадцать минут мы с деньгами вышли на центральную улицу столицы. Всех сделка устроила, и обе стороны, довольные, разошлись по своим делам.

Так как уже было время ланча (обеденный перерыв), я пригласил Машу в кафе «Московское», которое в то время было очень популярным среди молодёжи и находилось совсем рядом на углу улицы Горького и Камергерского переулка. Была пятница, и поэтому днём народу было немного. Говядина с грибами была свежей и вкусной, и мы, затратив на еду минимум времени, вышли на центральную улицу в хорошем настроении. Я хотел хоть как-то отблагодарить мою спутницу. Мы прошли немного вниз к магазину «Диета», где в те времена располагалась театральная касса. Дело в том, что я в то время был шапочно знаком с кассиршей и за небольшую переплату получал билеты практически в любой театр. Конечно, она меня не узнала, но сразу поняла, что я свой и предложила мне билеты на хорошие спектакли. Я выбрал на воскресенье балет «Спартак» в постановке Юрия Григоровича. В главных партиях: Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Нина Тимофеева и Мариус Лиена - лучший состав. Я пригласил на представление Машу, и она с удовольствием согласилась.

После всех этих дел захотелось побыть одному и, попросившись со своей помощницей, я поехал в Пушкинский музей, наверное, самое любимое место в Москве. На втором курсе института я впервые попал в этот музей и до отъезда в США постоянно посещал его. В Америке достойной заменой ему оказалась Национальная галерея искусств в Вашингтоне. Но Пушкинский музей навсегда останется в моём сердце. Я там впервые увидел импрессионистов и полюбил их сразу и навсегда. И если я появлюсь в Москве, то первое место, куда я поеду, будет этот музей.

Кроме того, мне надо было собраться и обдумать мою возможную встречу с самим собой, и музей мне показался удобным местом. Находясь среди картин

Ренуара, Сезанна, Ван Гога, Писсарро, Дега, Сислея, я расслабляюсь и ухожу от всех проблем, чтобы сконцентрироваться на одном важном для меня вопросе. Интересно, что органная музыка действует на меня таким же образом, как и картины. Ну, вот и музей – всё знакомо до мелочей, и можно расслабиться...

Встреча предположительно должна была случиться завтра в субботу в общежитии на Стромынке, куда я собирался приехать примерно к двенадцати часам дня. Субботу я выбрал, так как вероятность встретить себя была наибольшей. В выходные никаких занятий не было и студентам, естественно, хотелось поспать подольше. Если встреча не состоится, я мог бы подъехать и в воскресенье.

Но как себя вести при этой встрече? Ведь я даже не могу себя правдиво назвать, так как он (то есть я в молодости) сочтёт меня сумасшедшим, тем более, что психиатрическая больница имени Ганнушкина находилась на противоположной стороне улицы и гуляющие на её территории больные хорошо были видны из окон общежития. Конечно, надо вести себя в зависимости от сложившейся ситуации, но, главное, не спешить с ответами и постараться просчитать их последствия.

Постепенно у меня сложился предварительный план поведения, и после осмотра экспозиции я поехал на Большую Полянку, заехав в кулинарию ресторана «Прага» на Арбате, где всегда можно было купить вкусные пирожные для чая.

Спал я плохо, так как в голове прокручивал разные возможные варианты встречи и разговора. И вот, наконец, долгожданное утро. На улице было довольно тепло, солнце было надёжно спрятано за тучами, но дождь не ожидался. На завтрак я съел бутерброд из бородинского хлеба и докторской колбасы, выпил чай с пирожным, получив от этого огромное удовольствие. Времени было достаточно, но и ехать в Сокольники с пересадкой, а дальше на троллейбусе до Стромынки было тоже не близко. На удивление, моя адаптация в Москве прошла легко и без видимых проблем.

Но уже подходя к общежитию, я почувствовал сильное волнение и старался себя успокоить тем, что возможно никого сегодня не увижу, так как никакой договорённости не было и всё было рассчитано на счастливую случайность. На проходной показал, не отдавая, свой пропуск, пробормотав что-то невнятное, и вахтёр меня пропустил без проблем. Я поднялся по лестнице на третий этаж - и тут же столкнулся с моим студенческим приятелем Славой Аврутиным. Он шёл с женой на выход и, конечно, меня не узнал. Боже, какие же они были молодые! Им было не больше 22 лет. Интересно, что месяц назад я говорил с ним по скайпу, и было ему уже семьдесят четыре года. Вот такое начало. Я прошёл по плохо освещённому, но хорошо знакомому коридору мимо комнаты 573, в которой прожил четыре года, к окну и сел на большой подоконник, предполагая, что придётся долго ждать, а может быть, и постучаться в комнату. Этот вариант мне совсем не нравился, но пришлось бы действовать по ситуации. Так я просидел минут двадцать пять, и, о чудо, два человека вышли из этой комнаты. В дальнейшем я, чтобы не было путаницы в описании, себя буду называть «я», а себя в молодости «ты».

В одном из них я узнал себя и быстро подошёл, попросив показать мне столовую. Ты ответил, что как раз идёшь туда пообедать и с удовольствием мне покажешь дорогу. Я не отрывал от тебя взгляд, жадно вглядываясь в твое

симпатичное, очень худое лицо. Наверное, это было не совсем прилично, но, думаю, меня тоже можно было понять. Одежда на тебе была чистой, но очень скромной. Боже мой, это был я, но на пятьдесят лет моложе!

Когда мы спустились на второй этаж, я сказал, что у меня сегодня очень хороший день и я хочу вкусно поесть, а заодно и угостить тебя. Дело в том, что рядом с общежитием в то время располагалось кафе «Яуза», в котором шеф-поваром был армянин. Он очень вкусно готовил армянский вид шашлыка – по-карски. От остальных кавказских шашлык по-карски сильно отличается. Во-первых, для него берут не небольшие кусочки мяса, а крупные куски круглой формы, срезаемые в поясничной части бараньей туши. Во-вторых, он отличается от грузинского составом маринада, в котором выдерживают мясо. В-третьих, готовность такого шашлыка достигается постепенно, т. е. сверху мясо бывает уже готово, а в середине оно еще сырое. Поэтому по мере готовности его периодически срезают тонкими ломтиками по 1,5 см, в то время как центральная часть шашлыка, укрепленная на вертеле, продолжает жариться. Мясо на вертеле чередуется с курдючным салом.

Бедные студенты очень редко могли позволить себе пойти в это кафе. Сравнить такой шашлык с молочными сосисками или хлебными котлетами было невозможно.

Моё приглашение было принято одновременно с радостью и удивлением. Я представился Львом Борисовичем, а ты моим именем. И мы пошли... Какое же было искушения рассказать тебе, кто я такой...

В кафе было немногочленно, и это давало возможность свободно общаться. Я заказал тебе шашлык по-карски, а себе люля-кебаб. Пока мы ждали еду, ты рассказал, что приехал учиться из Винницы, что любишь живопись, но я почувствовал, что ты чем-то очень расстроен, и спросил тебя об этом. Я чувствовал, что тебе плохо сейчас и надо кому-то рассказать об этом, и, может быть, после этого станет немного легче. Очень часто люди рассказывают о сокровенных вещах незнакомцам, понимая, что никогда их больше не встретят в этой жизни, и поэтому можно рискнуть, так как трудно всё держать в себе.

И ты начал мне рассказывать о своей первой любви, которая продолжалась полтора года. О том, как молодая женщина, клялась в любви, а четыре месяца назад, когда ты на неделю уехал к родителям, изменила - и вы расстались. Ты очень переживал и думал, что в этой жизни уже ничего подобного не встретишь. Но я знал продолжение этой истории. Через сорок пять лет эта женщина, по имени Марина, нашла меня по скайпу в Америке и

мы даже разговаривали. Она была замужем, были дети и внуки. Она попросила меня прислать фотографии и сказала, что продолжает меня любить. Вот такая странная история.

Принесли еду. Она выглядела великолепно, а запах увеличивал аппетит. Ты набросился на еду, а я глотал кусочки люля-кебаба с большим трудом, так как от волнения появились спазмы в желудке, и ещё я с нетерпением ждал продолжения рассказа. После небольшого перерыва ты продолжил рассказ. Месяц назад, после летних каникул, ты пошёл на вечер поэзии - и там неожиданно встретил девушку, которая очень понравилась. Ты даже растерялся – как это может быть? Но это случилось. Ты подошёл к ней и познакомился. Она была красива, очень молода, начитана и умна. Вы стали встречаться, и однажды она пригласила тебя на день рождения, чтобы познакомить со своими родителями. Ты, конечно, согласился, но так сложились обстоятельства, что прийти не смог. Это было неделю назад. Ты позвонил, чтобы предупредить её, что в этот день не сможешь, но готов прийти в любой другой день. В ответ она очень жёстко тебе ответила, чтобы больше не звонил, забыл номер телефона, и бросила трубку. И вот сейчас ты очень расстроен и не знаешь, что дальше делать.

Я знал продолжение этой истории: только через семь лет, когда ты уже был женат и она замужем, и даже родила ребёнка, она нашла тебя и попросила встретится. Вы встретились, и она сказала, что все семь лет жалеет о том, что наговорила тогда по телефону, но поезд уже ушёл... Рассказать это я, конечно, не мог, хотя и искушение было большое.

Ещё я мог тебе посоветовать позвонить ей, может быть, несколько раз, и она, наверное, ответила бы. Вы бы встретились, и наша с тобой судьба пошла бы совсем по другой дороге, которая привела бы неизвестно куда. Могу ли я это делать – менять жизнь таким образом??? Но я почти прожил эту жизнь и ни о чём не жалею - и поэтому не хочу другого пути. Но как же всё-таки наша жизнь зависит от обстоятельств и даже от случайно оказавшихся на твоём пути людей. Как же трудно что-то спланировать в ней и не сделать ошибки.

Я ему посоветовал успокоиться прежде всего и не отчаиваться. Я думаю и верю, что у него всё будет хорошо, но надо быть готовым ко всему, а победа будет за ним. Я сказал это очень уверенно, потому что знал результат, и, мне кажется, он мне поверил.

Он сказал, что почувствовал, что я ему очень близкий человек (он даже не подозревал насколько), что верит мне и благодарит за поддержку в трудную минуту.

Ну вот и всё. Я расплатился за роскошный обед, и мы вышли на улицу и стали прощаться. Мы обнялись. Он старался посмотреть мне в глаза, а я отворачивался, чтобы он не увидел слёзы на моём лице. Я поднял руку и такси почти мгновенно появилось и остановилось. Сел в машину, которая повезла меня на Большую Полянку. В заднем окне я видел худого молодого человека, машущего мне рукой вслед....

На следующий день мы с Машей пошли на балет в Большой театр. Огромная толпа у театра просила лишнего билетика. У нас были хорошие места на балконе в первом ряду. Спектакль был великолепен. Я впервые видел живую Васильева, Максимову и Мариуса Лиепу. Это был их день - и такого успеха у зрителей мне никогда не приходилось видеть, это был настоящий праздник балета.

Наступило утро моего последнего дня в 1970 году. Я сел в кресло, и Маша стала подключать аппаратуру, а я всё ещё продолжал видеть в заднем окне такси худого молодого человека с поднятой для прощания рукой...

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

Шумная история. По материалам израильской русскоязычной прессы

Это случилось 15 лет назад, но обсуждается до сих пор. Вряд ли я смогу рассказать вам разгадку этого детектива – ведь это подлинная история, а именно о жизни особенно трудно узнать правду. По крайней мере я сообщу вам, и кажется уже скоро, решение, которое вынесет суд. И тогда верить или нет этому решению – дело ваше.

6 декабря 2006 года в Кацрине - маленьком ухоженном городке на севере Израиля, была убита тринадцатилетняя девочка Таир Рада. Ее нашли мертвой в школьном туалете. На теле были множественные следы насилия и ножевые ранения. По подозрению в убийстве был задержан Роман Задоров – ему тогда было 29 лет. В то время русскоязычное население Израиля не делало акцент на том, что Роман - гражданин Украины.

Мы воспринимали его как «своего брата» репатрианта. Мы (вернее я, не знаю, как остальные) даже не сообразили, что Роман не репатриант – он не был евреем. Он приехал в Израиль по туристической визе и остался нелегально, как-то подрабатывал. Встретил Ольгу, приехавшую ранее из Мариуполя и уже успевшую получить профессию экономиста. Они поженились. Не знаю, как именно они зарегистрировали брак: в Израиле, где религия не отделена от государства, нельзя вступить в брак не в религиозной общине и не с единоверцем. Еврейка не может выйти замуж за нееврея (соответственно и еврей не может жениться на нееврейке), причем это правило соблюдается настолько строго, что раввинат требует от репатриантов документального подтверждения еврейства. Гражданского брака не существует, но брак, оформленный за границей, признается - так что выход есть.

После заключения брака с Ольгой Роман проходил ступенчатую процедуру получения израильского гражданства. Украина, в отличие от России, двойного гражданства не признает. До завершающего собеседования оставалось два месяца. Однако в этот период он был арестован. То есть с тех пор он живет без гражданства.

В той школе, где произошло убийство, Роман занимался ремонтом. У него были инструменты, среди них и нож. Нож – орудие убийства - не нашли. После задержания он был отпущен, но через неделю вновь задержан по подозрению в убийстве. Полиграф не дал четкого ответа. Мотив убийства не установлен. Специально посаженному в камеру человеку («подсадной утке») Роман признался в убийстве, потом он реконструировал преступление на следственном эксперименте.

К суду долго готовились. В 2010 году Задоров был признан виновным и осужден на пожизненное заключение. В 2014 и 2016 годах он подавал апелляции, которые были отклонены. Обвинительный приговор был подтвержден.

Дело об убийстве Рады Таир вызвало огромный резонанс в СМИ. Родители девочки выступали с заявлениями, что не верят в виновность Задорова и требовали пересмотра дела. Шмуэль Рада, отец девочки умер через девять лет после ее убийства, успев буквально за несколько часов до смерти на больничном амбулансе прибыть на торжественное открытие синагоги имени Таир. Это событие широко освещалось, я смотрела по телевизору. Мать Таир, Илана, продолжает говорить, что интуиция подсказывает ей, что расследование не доведено до конца. Журналисты утверждают, что измученная женщина призывает не верить государственной прокуратуре и полиции. Существует гипотеза, что прокуратура, полиция и судебные органы продолжают настаивать на виновности Задорова лишь потому, что не желают признавать своих ошибок в этом деле. Это серьезные заявления, мне неприятные - хочется верить в нашу судебную систему.

В 2016 году был создан телевизионный документальный фильм-расследование «Тень правды». В трех сериях рассказывается о нарушениях, допущенных, по мнению авторов фильма, в ходе расследования дела об убийстве Таир. Приводятся выдержки из интервью с адвокатами и криминалистами, указывавшими на "темные пятна" в деле Романа Задорова. В заключительной четвертой серии было показано интервью с неким А. (подлинная личность скрывалась, потом мы узнали его имя - Адир Хабани), жителем севера Израиля, который утверждал, что его бывшая подруга, А.К., является истинной убийцей Таир Рады. Государственная прокуратура прокомментировала эту серию, заявив, что изложенная в фильме версия, еще в 2012 году была внимательно изучена полицией Израиля, которая пришла к

выводу о ее несостоятельности. Версия была отвергнута Верховным судом Израиля, так как А. имел "личные мотивы для клеветы на А.К". При этом в фильме говорится, что А. прошел три проверки на полиграфе и все три раза результаты свидетельствовали о том, что он говорит правду. Я не поняла, опровергла ли прокуратура факт полиграфа или его результаты.

Хотя авторами фильма являются, насколько известно, израильтяне нерусского происхождения, а демонстрировался фильм на экране израильского нерусского телевидения, многим из нас казалось, что высказанная в фильме точка зрения о невиновности Задорова призвана не только обелить предвзято осужденного невиновного, но и восстановить справедливость по отношению ко всем русским репатриантам. Чудилась нам в этом деле дискриминация: мол, повесили убийство на попавшегося под руку русского. Потом мы узнали, что А.К., чья личность долго скрывалась, тоже русского происхождения – Оля Кравченко. Но вместо того, чтобы укрепить ощущение дискриминации, этот факт его ослабил. Вообще надоело кричать «наших бьют». Просто в Кацрине примерно треть жителей русскоязычные, совсем не об их происхождении речь.

В 2018 году было обнаружено соответствие ДНК волоса, найденного на теле Таир Рада, генетическим данным Адир Хабани - раньше исследования именно такого вида соответствий (боюсь наврать в научном объяснении, так что не уточняю) были технически невозможны. Адир Хабани утверждает, что в день убийства на Кравченко был его свитер, то есть от этого его волос, от нее. А Кравченко утверждает, что Адир Хабани лжец и садист, который стремится обогатиться и уничтожить ее.

В октябре 2019 года адвокаты Задорова подали официальное ходатайство о пересмотре его дела. Верховный суд Израиля обдумывал возможность пересмотра дела более полутора лет. Наконец в мае 2021 года суд принял решение о повторном рассмотрении. В августе 2021 года Задоров был освобожден из тюрьмы и до окончания судебного разбирательства помещен под домашний арест, во время которого он должен находиться в доме своей тещи в Кацрине. Нам показывали по телевидению, как к приезду Романа разукрасили дом шариками жена и двое сыновей. Первый мальчик родился примерно за месяц до ареста Романа, из-за всей этой истории нелегко ему приходится в школе, а второй еще маленький, он появился на свет благодаря тому, что жене давали «семейные свидания». Как объясняла Ольга, им почти на сутки предоставляли чистую комнату с туалетом и душем, даже телевизор и холодильник были. Женам запрещено приносить что-либо, но мужья могут покупать в тюремном магазине и угощать жен. Правда, во время пандемии свиданий почти совсем не было. Зато по телефону можно было говорить много. На тюрьму Задоров не жаловался, хотя она считается довольно суровой. Хочется свободы, а не улучшения условий.

Освобождение под домашний арест с электронным наблюдением задержалось – телевизионный комментатор караулил машину и сетовал в эфире, что она никак не подъезжает. Потом Ольга объяснила, что это было связано с отсутствием у Романа удостоверения личности. Это потому, что израильское удостоверение личности не выдается без гражданства, которого нет у Романа. При выходе под домашний арест Задоров получил временное удостоверение, которое нужно было внести в компьютерную систему, и затем сообщить на все пограничные пункты, что ему запрещен выезд из страны.

В ходе первого судебного разбирательства Задоров давал много лживых показаний. Сейчас он утверждает, что лгал на суде по просьбе защиты, "чтобы получить более легкое наказание". А признался в преступлении перед «подсадной уткой», потому что этот сосед по камере угрожал ему. Свою осведомленность в деталях преступления Задоров объясняет тем, что следователи ему их подсказывали. В ходе повторного разбирательства судьи подвергли критике ход следственного эксперимента. Например, показывая, как он вышел из туалетной кабинки, Задоров передал нож полицейскому, что, разумеется, не могло произойти после убийства. И стоять в момент убийства можно было как-то иначе и покинуть место преступления, как показал на повторном процессе адвокат Задорова, можно было не так, как утверждалось на первом суде.

Некоторые улики обвинения были на повторном процессе отвергнуты. Эксперт по отпечаткам подошв, свидетельствовавший в первом суде о том, что отпечатки подошв ботинок Задорова соответствуют рисунку пятен крови на брюках девочки, на повторном суде запутался и отказался от своих предположений. На ботинках Задорова, которые ранее считались отмытыми от крови, не обнаружено моющих средств. Уборщик, дававший на первом суде показания о вытертых им пятнах крови, признался, что он не помнит этого (он сильно постарел за эти годы), а защита доказала, что в этом месте вообще не убирали. Были обнаружены и следы другой обуви, чей владелец не был обнаружен, то есть убийцей мог быть и другой человек.

Другие косвенные улики можно было отвергнуть только благодаря научно-техническому развитию, произошедшему за эти годы. Так, например, случилось с выдвигавшейся обвинением идеей о пристрастии Задорова к просмотрам короткометражных фильмов, в которых показаны настоящие убийства. Об этом свидетельствовали найденные в его компьютере результаты поиска в интернете. Однако недавно – раньше не было аппаратуры, способной к точному обнаружению дат просмотра - выяснилось, что эти фильмы искал не Задоров, а, видимо, прежний владелец компьютера, купленного Задоровым «со вторых рук», - давно их смотрел, до Задорова.

И все-таки многое Задорову объяснить не удалось. Есть детали, которых следствие не обнаружало, непонятно, откуда он их узнал. Есть какие-то несурезицы, например, всегда его рубашки стирала теща, а в тот вечер он сам рубашку стирал. Есть несовпадения, которые Задоров объясняет тем, что был в шоке.

Трудное решение предстоит принять суду и, возможно, многим оно не покажется окончательными.

Но вообще какая все это трагедия! Ужасно жалко девочку. Да и человека жалко, если он невиновен – столько лет в тюрьме. Жена совсем извелась. Мальчишек жалко. Да и страшно, если убийца на свободе ходит. Или преступник именно тот, кто сидит?

Олег Щекотихин

Запорожье, Украина

Жаклин

Наш теплоход стоял в Неаполе. Я вернулся из увольнения в город и отнес в каюту «школу». «Школой» почему-то моряки называли различное второсортное барахло, которое покупали за рубежом, чтобы потом его перепродать после возвращения домой и пополнить получаемую мизерную зарплату. Зарплата у моряков была маленькая, как и у большинства труженников коммунизма в СССР. Для поддержания семьи приходилось заниматься «школой». В Неаполе недалеко от порта был прозванный моряками за его извилистость ломаный переулочек, трущоба, где находились дешевые лавочки, торговавшие второсортным бракованным товаром, который не принимали в фирменные магазины. Это были нейлоновые плащи, косынки, недавно появившиеся шариковые авторучки и так далее. Все это не выпускалось в нашей стране и поэтому имело спрос на толчке.

Была середина года, и стояла знойная южная погода. В каюте душно, и я отправился не свежий воздух на открытую прогулочную палубу. Тут находились скамейки для отдыха пассажиров и различные развлечения. Трое французов-пассажиров круиза, две женщины и мужчина, соревновались в набрасывании колец на вертикальную жердь. Мое внимание привлекла пассажирка, одетая не в модный современный наряд, а в народный национальный французский костюм. Он был необычного покроя и из материала красивых ярких расцветок. Пассажирка повернулась в мою сторону и наши взгляды встретились. От ее взгляда я онемел, какое-то странное чувство овладело мною, я не мог отвести от нее глаз и уселся на стоящую рядом скамейку.

Пара французов ушла, а эта загадочная особа подошла ко мне и протянула кольца, предлагая начать соревнование. Это занятие с переменным успехом продлилось с десяток минут. Какая-то неведомая сила притягивала меня к этой женщине и не давала уйти. На палубе лежал волейбольный мяч с прикрепленным к нему шпагатом чтобы он не улетел за борт, Незнакомка подняла мяч и кинула в мою сторону. Я отбил мяч на нее. Началась наша игра. Вскоре на палубе появилось несколько моряков, подключившихся к нам. Незнакомка оказалась в центре круга, и все стали подавать мяч на нее.

Жаклин

Она не пропустила ни одного удара и ловко отбивала мяч на окружающих. После окончания нашего волейбольного состязания и ухода моряков, мы остались на палубе вдвоем. Я смотрел на загадочную незнакомку и не мог отвести от нее взгляда. Она подошла ко мне и назвала свое имя - Жаклин, а я назвал свое. Начался наш разговор на англо-немецком языке, так как я не знал французский. Английский я учил в школе и сдавал перевод страничек в институте, а немецкий подучил в раннем детстве. Я узнал, что она из Парижа и что ей очень понравился круиз и обслуживание на нашем лайнере, а также бассейн, в котором она каждый день с удовольствием плавала.

- Давай отдохнем и через час встретимся в бассейне, - предложила Жаклин. Я с радостью принял ее предложение и с нетерпением ждал этого момента. В назначенное время Жаклин была в помещении бассейна. Красивый в меру обнаженный купальник элегантно облегал ее стройную фигуру. При моем появлении она уверенно прыгнула в бассейн, и я последовал за ней. Наше совместное купание длилось довольно долго, Жаклин хорошо плавала и ныряла, и красиво прыгала в воду. Вдоволь накупавшись, мы с удовольствием отдыхали на одной из скамеек и наблюдали за остальными посетителями бассейна. Несмотря на мое слабое знание языка, каким-то непонятным образом я понимал каждую ее фразу иногда раньше ее произнесения, а она мою. Неведомая сила не позволяла нам расстаться, и мы с увлечением вели нашу беседу.

- Приходи после ужина в музыкальный салон, - неожиданно предложила мне Жаклин. - Я буду ждать тебя там. Посещать музыкальный салон членам экипажа не разрешалось, а туристы хотели общаться с моряками. Бывшая одесситка, мадам Гофман, глава французской фирмы, зафрахтовавшей наш теплоход, договорилась с нашим капитаном Дондуа, что один из столиков в музыкальном салоне будет для наших офицеров и вечерами они будут там вместе с туристами. Я условно занимал среднее положение между комсоставом и рядовыми членами экипажа. Я закончил не мореходное училищ, куда не мог поступить из-за не зависящих от меня причин, а гражданский ВУЗ по одинаковой с мореходкой специальностью электромеханика. Кодекс морского мореплавания требовал от претендентов на должность судового электромеханика лицам, окончившим гражданский ВУЗ, прослужить чисто в

море на судах два года, независимо от имеющегося стажа и опыта при прежней работе на берегу. Так я очутился в среднем положении между комсоставом и рядовыми моряками.

Поэтому мне не препятствовали бывать вечерами в музыкальном салоне. Музыкальный салон находился на прогулочной палубе. У входа располагались два небольших уютных бара. Музыкальный салон украшала современная отделка и оригинальные светильники. В салоне размещались удлиненные столики с десятком стульев, на которых рассаживались отдыхающие. В центре салона была танцплощадка, а за ней сцена для артистов или музыкантов.

За одним из столиков в компании французов сидела Жаклин. На ней было красивое вечернее платье с глубоким вырезом на груди, которую украшало элегантное ожерелье. Платье плотно облегалo ее, подчеркивая стройную фигуру. Голову украшала высокая копна волос, удачно обрамляя ее красивое лицо. Рядом с ней был один свободный стул. Усаживаюсь за стол комсостава в общество наших офицеров.

Музыка играет танцевальные мелодии. Жаклин подходит к нашему столику и приглашает меня на танец. Но это не танго или фокстрот, которые я умею танцевать, а незнакомый новый танец. Отказаться нельзя, идем к танцплощадке, и я объясняю Жаклин, что не умею танцевать этот танец, а в ответ слышу просьбу не волноваться: у нас все хорошо получится – и она начинает меня вести в ритмах этого танца. Ее рука крепко охватывает мою талию и прижимает к себе. К моему удивлению, я четко выполняю все шаги и повороты этого танца. Как это происходит, я не могу понять, но я уверенно повторяю все движения моего ведущего. Танец окончен, и Жаклин ведет меня к своему столику и усаживает на свободный стул. Французы оживленно приветствуют меня, но что они говорят я не понимаю, улыбаюсь в ответ и киваю головой. Бокалы, стоящие на столе, наполняются ароматным марочным вином и после тоста начинают опорожняться. У меня нет денег, чтобы заказать ответную бутылку, поэтому подношу бокал к губам и делаю маленький глоток ароматного вина, чтобы больше не наливали, если стакан опустеет. Один не знакомый для меня танец сменяется другим, и, к моему удивлению, я удачно выполняю все не знакомые для меня движения. Как это происходит, трудно понять. Я чувствую все сигналы передаваемые обхватывающей меня руки и прижатого ко мне тела Жаклин.

Но, кроме передаваемых физически команд, я мысленно воспринимаю поступающие ко мне команды от ее сознания. Между нами проходит безмолвный обмен мыслями, воспринимаемый дистанционно нашими мозгами. Двадцать два часа, музыкальный салон закрывается - и вся наша компания следует к лифтам и поднимается на верхнюю палубу. Тут расположен верхний бар с двумя рядами столиков. Из динамиков звучит танцевальная музыка, и бармен элегантно обслуживает клиентов за красивой стойкой бара. Помещение бара расположено сзади капитанского мостика. В бар два входа, один со стороны лифтов, а второй - со стороны капитанского мостика. Свободны два столика со стороны капитанского мостика, за которые усаживается наша компания. Бармен расставляет на наших столиках бутылки вина и бокалы. По виду, манерам и поведению состава нашей компании видно, что я попал в общество довольно высокого уровня.

Танцы продолжают и наши взаимные объятия становятся все ближе и крепче. Я чувствую касающиеся меня упругие груди Жаклин и ее губы совсем

близко от моих и как будто бы готовые принять мой страстный поцелуй, временами ее щека касается моей щеки. На один из танцев Жаклин уходит с красивым парнем, сидящим за нашим столиком. И в этот момент в дверях бара со стороны лифтов появляется помполит (помощник капитана по политической части – бдительный надзиратель над командой от КГБ). Встреча в баре в такое позднее время в обществе французов грозит мне серьезными неприятностями. Противоположный выход рядом, и я моментально выскакиваю из бара и оказываюсь около наружного крыла капитанского мостика. Тихая теплая ночь окутывает просторы Средиземного моря. Красивая лунная дорожка пролегла к борту нашего судна. Наш теплоход разрезает морскую гладь, отбрасывая в сторону пенные фосфорисцирующие брызги воды.

Широкие окна бара позволяют видеть все происходящее внутри него. Помполит не спеша проследовал от одного конца бара до другого, внимательно разглядывая посетителей, подошел к стойке бара, где бармен налил чего-то в бокал, осушил бокал и удалился в сторону лифтов. Возвращаюсь в бар. Жаклин сидит одна за столиком, пары наших компаньонов танцуют. Ее лицо, совсем недавно излучавшее чувство радости от нашего общения, неподвижно, губы поджаты, а глаза устремлены куда-то вдаль. Увидев меня, ее лицо моментально изменяется в радостной улыбке, и она бросается ко мне навстречу. - Извини меня, - звучит ее радостный голос, что я тебя не предупредила и пошла танцевать с этим парнем. Он очень хорошо танцует. Этот танец новый, и я просила научить меня, что он и сделал. Я так обрадована, что ты не ушел, а вернулся.

Я не стал ничего объяснять и промолчал, а в душе был рад ее переживаниям. И вот мы снова вместе и наша сказочная встреча продолжается.

Но время неумолимо приближается к полуночи, и бар закрывается, посетители направляются к лифтам. Мы с Жаклин выходим последними и вдвоем заходим в кабину. Двери лифта закрываются, и он плавно опускается вниз. Как не хочется расставаться с этой сказочной женщиной, встречу с которой послала мне судьба. И вдруг руки Жаклин охватывают мою шею и ее губы дарят мне горячий поцелуй, ее язычок раздвигает мои губы и ласково касается моего языка. Ее грудь плотно прижата к моей, и я улавливаю удары ее сердца. Кабина лифта останавливается на палубе, на которой размещены дорогие одноместные каюты. Пора выходить, но мы не в силах прервать этот волшебный момент. Но всему приходит конец. Жаклин раскрывает свою изящную сумочку, показывает пачку денег и говорит, что эту подаренную нам судьбой ночь мы проведем вместе и ни в чем себе не откажем, оплатив наши минуты счастья этими деньгами. Идем в мою каюту. Глаза ее сияют, и она радостно улыбаются. Еще немного, еще чуть-чуть - и наши тела сольются вместе в божественном порыве совоплощения.

Виктор

И тут на какое-то мгновение передо мной всплывает лицо моего друга, Виктора Коростылева, который попал в аналогичную ситуацию, лишился визы и возможности быть на флоте. С ним я был в рейсе в Атлантику к рыбакам на "Украине", и вместе мы попали в команду "Тараса Шевченко". Срочную службу в армии он проходил в Румынии и хорошо овладел их языком. Румынский язык, родственный итальянскому, и Виктор старался общаться с итальянскими туристами, когда они совершали круизы на нашем теплоходе. Когда были немцы или французы, Виктор был к ним равнодушен. Он мне рассказал о своих планах – хорошо освоить итальянский язык и поменять специальность электрика на администратора, а затем и пассажирского помощника капитана. Дирекция круиза часто обращалась к Виктору как к переводчику, и он успешно справлялся. В одном из круизов в итальянской администрации была молодая красивая девушка, с которой Виктор проводил вместе много свободного от вахт времени. Итальянка влюбилась в Виктора, и при окончании круиза на глазах помполита, расставаясь с Виктором на трапе, крепко обняла и расцеловала его.

В следующем круизе с немцами при нахождении в африканском порту неожиданно Виктору приказали прибыть на выход с теплохода с вещами, где его встретили два незнакомца и ничего не объяснив, отвезли в аэропорт. Он оказался в Одессе, где ему объявили, что ему закрыта виза и он уволен из пароходства. Оказалось, что его итальянская симпатия прислала на теплоход письмо, в котором сообщалось, что в ближайший заход нашего теплохода в Неаполь она будет встречать Виктора с родителями на автомобиле и покажет все достопримечательности города. Письмо на теплоходе попало к проверяющему всю переписку помполиту, который решил, что Виктор собирается убежать с теплохода и принял соответствующие меры, которые продолжило КГБ в Одессе.

Всплывает в памяти нелегкий путь моего поступления на флот - моей страстной мечты молодости, на дороге к которой оказались огромные препятствия. Мой отец сказал одну фразу против возвеличивания Сталина и получил срок по статье 64.10 - агитация против советской власти, а я стал сыном врага народа. В Мореходку и в Водный институт до экзаменов меня не

допустили еще на мандатной комиссии, прочитав графу об отце. Поступил в Политехнический на ту же специальность электромеханика, а по окончании - 3 года обязательной отработки на комбинате "Запорожсталь", и еще там же 4 года без надежды на дорогу в море. И вот отец после отбытия срока и смерти Сталина реабилитирован - мне открыта виза. И вот моя мечта сбылась - и я на флоте.

Что мне делать? На каждой палубе круглосуточная вахта стюардесс, и коридоры кают под их наблюдением. Помполит опрашивает их, кто из команды появлялся в их заведывание в неурочное время, а дальше следуют соответствующие выводы - и прощай море. Держу в своих объятиях трепещущее тело Жаклин, готовое доставить, самые лучшие в жизни человека посланные Всевышним минуты взаимного счастья. Какой сделать выбор: бесподобная ночь с Жаклин и повторение судьбы моего друга или море? Конечно море! Делаю неимоверное усилие над собой, чтобы разжать свои руки и выпустить из них такое желанное тело впервые в жизни встретившейся мне этой необыкновенной женщины.

Олег

- Дорогая, через пять минут начинается моя вахта, и я должен расстаться с тобой, прости, но такова суровая жизнь, иначе меня ждут крупные неприятности. Еще раз я крепко обнимаю её божественное тело, крепко целую, открываю дверь лифта и покидаю Жаклин.

На следующий день наш теплоход прибывает в Марсель. Неожиданно меня находит вахтенный матрос и говорит, что меня просит пассажирка прийти к трапу. Бросаю выполняемую работу по ревизии электродвигателя и спешу к трапу, где, конечно, меня ждёт волшебница Жаклин. Лицо её опечалено, а в глазах вместо чудесного блеска слёзы. Звучат её последние незабываемые слова.

- Какой ты необыкновенный и как не похож на остальных мужчин. Как жаль, что судьба разлучает нас, но я никогда тебя не забуду. Мои губы обжигает её горячий поцелуй.

- Дорогая, дай мне твоё фото, чтобы я мог смотреть на него и вспоминать волшебные минуты, подаренные нам судьбой.

- У меня только это фото для паспорта туриста - вот это, - показывает она мне. Я выхватываю это фото, а она медленно идёт к трапу и спускается на землю родной ей Франции.

С тех пор прошла половина столетия. В моей жизни были встречи с другими женщинами, удачная свадьба с одной из них и дружная долгая

совместная жизнь до дня её смерти. Но такого взаимного очарования, притяжения и взаимопонимания, которое случилось при моей встрече с волшебницей Жаклин, больше никогда не было и забыть эти сказочные мгновения я не могу до сих пор. Я смотрю на её маленькую фотографию довольно часто, и в моей памяти всплывают те неповторимые чувства, которые я испытал при нашей встрече.

Говорят, что если взять пятьсот монет, разрубить их пополам, перемешать половинки и сложить, то только одна монета найдёт свою половину, а между остальными парами будут неровности в месте их соединений, где-то большие, а где-то меньшие. Так и в жизни людей. Пары сходятся в совместной жизни, где большая несогласованность – они расстаются, где малая - продолжают совместную жизнь, но все равно в чем-то не понимают друг друга.

Наверно, Жаклин была именно той половинкой, которая полностью совпадала с моей. Но суровые законы железного занавеса в СССР не дали возможности соединить нам наши судьбы.

Оксана Кочетова

(1937-2016)

В ту войну. Солдаты

"Война - это ужас, страх и гадость". Слова Булата Окуджавы, фронтовика, автора самых пронзительных песен о войне, не только верны. Они точно передают мое восприятие войны, когда она врывалась в детство.

Ужас. Лето 1943 года. Мы носимся по двору со своими салочками. Мама развешивает белье. И вдруг на его фоне, ярко-белом от солнца, как на киноэкране, вырастает жуткая фигура. Заросшее лицо, разодранная грязная гимнастерка, обмотки, разбитые ботинки. Чудовище падает перед мамой на колени и просит есть. Мама ведет его в дом, я боюсь идти следом. Потом все-таки прихожу. Чудовище хлебает суп. Мама собирает ему с собой. В глазах слезы. Когда он ушел, я не стала спрашивать, почему солдат такой? Теперь очень жалею. А тогда старалась скорее забыть ужас.

Страх. Мы, дети, любили дядю Сашу. Он был похож на героя из русских сказок. Глаза голубые, волосы льняные, румянец, роста богатырского. Добрый, веселый. Дядя Саша, как и тысячи солдат, в начале войны попал в плен. Бежал. Потом трибунал, штрафной батальон. Отличился в бою, был тяжело ранен. После госпиталя, назавтра, снова на фронт. Мы его ждали, чтобы

поиграть напоследок. Это всегда здорово. Играли с ним в прятки, так и не смогли найти, облизав всю квартиру. А он сидел за столом и пил чай в тетином халате и шали. Так бы и думали, что это тетя Зина, пока он не рассмеялся. Дядя Саша научил нас делать из бумаги озеро с рыбами. Вырезаешь овал. Рисуешь на нем рыб. Накладываешь кальку - рыбы уже под водой. Окантовываешь бумажной полоской – это берег. На нем рисуешь цветы и траву. А еще мы играли в кукольный театр, а еще он придумал смешные маски. Всего не упомнишь. В песни тех лет Клавдии Шульженко «Дядя Ваня» мы поменяли Ваню на Сашу. Пели: «Дядя Саша, хороший и пригожий», а трехлетний брат добавлял : «Дядя Саша вкуснее, чем морковь».

Пленные немцы в Москве, 1944 г

В тот вечер мы так и не дождалась дядю Сашу. Поздно легли спать. Среди ночи просыпаюсь от громких голосов. Встаю и вижу в окружении взрослых плачущего дядю Сашу. Храбрый, веселый дядя Саша плачет?! Видеть невыносимо, как такое может быть?! Дядю задержали в комендантский час. Проверка документов. И там всплыло его «преступление» - плен. Свою «вину» он уже искупил собственной кровью в бою. Но его тащат в военную комендатуру. Наиздевавшись, наизмывавшись, отпустили. «Ты должен был кричать: Что?! Задерживаете, не пускаете на фронт! Под расстрельную статью хотите попасть?» - возмутился папа. Я же понимала, что дядя Саша не может так кричать. Как страшно, что есть злодеи, которые заставили плакать большого и сильного дядю Сашу!

Гадость. Я помню 17 июля 1944. Двоюродный брат вбежал с веселым воплем: «Фашистов ведут!» Мы бросились на балкон. По Садовой шла серо-зеленая колонна обшарпанных, угрюмых людей под конвоем. Вслед ехала моечная машина. Брат замолчал, смотрит растерянно. Мама и тетя почему-то прячут лица. На улице, запруженной народом, ни криков, ни улюлюканья. Тишина, уныние, обреченность. Один из зрителей этого «парада побежденных» вспоминал: «Я слышал, как одна старуха бормотала: «Такие же, как наши, бедные дети... И кто же погнал их на эту войну?»

Не прошло и десяти месяцев, как пришел конец этой проклятой войне.

"Девятое мая! Мы ждали, чтобы наступил день, когда последний удар свалит с ног черное чудовище, оскорблявшее жизнь. И мы нанесли этот удар!» (газета «Правда» 9 мая 1945 г.). Каким всенародным праздником счастья стал День Победы! Солдат – героев-победителей встречали цветами, обнимали, качали, целовали.

Со мной навсегда Красная площадь 9 мая 1945 года. Среди ликующего народа самозабвенно отплясывает и поет девушка в голубом платочке. Сияет радостью милиционер.

Владимир Шамов

Россия

Два рассказа. Русофоб. Странник волк

Кто первым скажет тебе правду - друг или враг? Кто разрушит твои иллюзии, покажет истину, заставит тебя сомневаться? Случится это летом, или зимой, а может ты пойдёшь по ковру из красных листьев к друзьям-поэтам на бессмысленную пьянку? Или это будет на постылой работе, где туман цифр и расчётов перед глазами лишает саму жизнь всякого смысла?

Черновик за черновиком летят дни и отправляются в пластиковую корзину на полу, и кто-то, уборщица или сама смерть, приходит и уносит несостоявшиеся ошметки мыслей, цифр, расчётов, планов на жизнь.

Отложив в сторону ворох дефектных ведомостей, я полез за бутербродом. Коллега, что на несколько дней приехал из другого города, чтобы помочь с расчётами, посмотрел на телефон: время обеда. Я протянул ему бутерброд.

– Спасибо, но только не русскую колбасу. Кстати, вы давно, ничего не выкладывали. Неужели нет новых рассказов? - вдруг объявил мой сосед по офису.

Я удивился:

– Я опубликовал пару новых рассказов в США. Странно, что вы меня читали. Я думал, меня никто не знает. Я порой грешным делом набираю своё имя в соцсетях. Ну вот посмотрите, уверен, никто обо мне не пишет, - я набрал в поиске новостей «Владимир Шамов». Мой новосибирский тёзка опять втирал детям свои сказки. И всё. Обо мне ни слова.

– Вы неправильно ищете. Вы не учитываете особенность загадочной русской души. Наберите несколько слов из своего рассказа, - предложил коллега.

Я скопировал пару предложений из «Холодные стены далёкого счастья» и вставил в строку поиска. И тут — десятки размещений моего рассказа на частных страницах и в пабликах, но те, кто выкладывал, либо ставили своё имя, либо не ставили в авторы никого.

– Вот, видите. Просто все русские по натуре воры, завистливые воры и извращенцы.

Я вытаращил глаза. Сначала мне показалось, что мой коллега пошутил. Лучше бы он молчал, как делал это два предыдущих дня. Однако я поймал себя на мысли, что очень хочу узнать его мнение.

– То есть Вы хотите сказать, что все русские воры от природы?

– Уж не знаю от чего, но воры - это точно. Они по убогости своей рассматривают вас как конкурента в этой жизни. Поэтому они воруют ваши рассказы и выдают за свои. Да вы же в СССР родились. Какое там было самое распространённое явление?

– Спекуляция?

– Да, но спекулянты как раз честно зарабатывали свои деньги. Это лучшие люди того времени. Самое распространённое явление — несунуны. Все несли с работы всё! То есть просто воровали.

– Вы оппозиционер?

– Конечно, нет! Напротив, я никогда не понимал лозунг «партия жуликов и воров». Правильнее было бы сказать «нация жуликов и воров». Именно потому оппозиция апеллирует к зависти, ведь зависть проела эту нацию насквозь. Зависть ко всему — чужому успеху, чужому таланту, шубе, квартире, машине, яхте. Они завидуют чужим дворцам, но сами при первой возможности воруют и пытаются доказать, что жизнь удалась, причём через показной достаток. Показной, потому что построенные ими дома на окраине города — уродливы, их автомобили взяты в кредит, они все в долгах, но напялить весной шубу для русской бабы — первое дело.

– Вы знаете, я вспомнил одного волгореченского чиновника, который ненавидел Путина так, что всё время произносил: «Да чтоб он сдох!» А потом его посадили на четыре года за вымогательство с подрядчика десяти миллионов. Взяли с поличным при передаче денег.

– Вот- вот.

– Кстати, об уродливых халабудях: (я заметил, что втянулся в разговор) у меня знакомый построил такую квадратную халабуду, выдумал свой герб и повесил на фасад. А во дворе поставил свой бюст. Он не дворянин, нет. Просто сын директора советского магазина. Его мать ещё в восьмидесятые неплохо обеспечивала семью.

– Вот Вам и пример дикости, неоправданной гордыни, глупости и отсутствия вкуса. Зато как они кичатся. Взять, к примеру, сыночков «красных директоров». Им уже к пятидесяти, и они действительно считают, что крутые, а не дерьмо собачье.

– Это те, чьи папы в перестройку будучи руководителями, посредством скупки акций у работяг стали хозяевами?

– Ну да. Так вот, во-первых, они дерьмо собачье потому, что позорные папочкины сынки, не годные что-то создать своим умом, а во-вторых, потому что дети бесстыжих жуликов. Тех же несунунов.

Я засмеялся. Мне вспомнились так называемые костромские «династии» ЖБИшников Курделовых, строймеханизаторов Рубиновых и прочие.

– Да уж, работать на папочку и наследовать ворованное - это позор, и им, и их жёнам. Но ведь люди получают высшее образование, интеллигенция возрождается.

– Не надейтесь на студенчество. Этот сброд съезжается из деревень и нищих районных центров, чтобы закрепиться в областных. Это тупая бескультурная масса будущих хапуг. Они не способны чувствовать искусство

и поэзию, поэтому у них нет души. Кто-то из них даже пролезает во власть, но они ничего не смогут привнести и создать, только воровать и всё. Но безусловно все они огромного мнения о себе. Именно поэтому у русских так популярен нацизм — ничего из себя не представляя, можно считать себя великим потомком белых богов. А ведь русские довольно уродливы внешне, поскольку сами по себе есть смешение разных чухонских и азиатских генов. Дворняжки, одним словом. Как видите, и Навальный, и Путин делают ставку на самые низкие инстинкты русского народа. Цель оправдывает средства.

– Я понял, вы русофоб!

– Вот ещё. Фобия - это страх. Я не боюсь, просто презираю.

– А как же народ-победитель?

– Бросьте вы, толпой отрезать пленному украинцу гениталии - это не подвиг. Вон ваш победитель — драпаёт. Вы что, не знаете, сколько войн проиграла Россия? Русских победили даже чукчи. Да это и не удивительно, ведь русские, похоже, самый гомосексуальный народ. Они даже гомосексуальнее, чем народы Кавказа.

– Да-да, я слышал эту байку, что те, кто ненавидят геев — сами латентные геи. Они просто ненавидят это в себе. Но количество геев в процентном отношении примерно одинаковое у всех народов.

– С научной точки зрения возможно, но, вот послушайте, вы видели эти популярные наклейки на автомобилях из серии «Можем повторить»? Ну там, где схематичный человечек с серпом и молотом вместо головы вставляет сзади человечку со свастикой ну тоже - вместо головы? Видели, что они одного пола? Разве это не открытое массовое признание гомосексуальности? Или фразы: «Я тебя в ж-пу вы-бу» во время любого спора?

– Да, действительно, странно.

– Да ничего странного. Виновата в этом обязательная военная служба в рядах вооружённых сил СССР в период полового созревания. У многих пед--астичный сдвиг произошёл именно в это время. Хотя и от рождения гомосексуальных садистов среди русских довольно много, но именно в армии и тюрьмах они задают тон и совращают других людей. Вот зайдите в статистику запросов яндекса.

Я зашёл в яндекс и набрал: «Статистика запросов по ключевым словам».

– Как думаете, если набрать слово «русский», какое словосочетание будет на первом месте по запросам?

– Ну, возможно, «русский балет», или «русская литература».

– Набирайте.

Я набрал слово «русский» и подобрал статистику запросов. На первом месте по запросам было словосочетание «русское порно» - тридцать миллионов запросов. Все русские искали русское порно! Мой собеседник засмеялся:

– Недаром они прикрываются званием «Народ – богоносец», изображая из себя праведников. Удобная маскировка, прямо как маньяк, изображающий из себя приличного семьянина и достойного члена общества. Поэтому у нас так много людей уезжает жить в Европу и США. Они просто не могут дышать среди этой дефектной озлобленной нации.

– Говорят, что в Европе и США все улыбки не настоящие, просто там так принято.

– Да чушь собачья. Я открою вам страшную тайну: это очередная байка от русских. В Европе люди улыбаются друг другу, потому что они добрее и испытывают к согражданам миролюбие и отзывчивость.

Во второй половине дня я был недостаточно сосредоточен. Ещё бы, ведь мне так беспощадно надавили на мозг. Когда ты рассеян, расчёты лучше сразу не отправлять, а отложить до утра, чтобы ещё раз проверить на свежую голову. Я взял свой раритетный ГДРовский портфель, накинул любимую странную кофту и с облегчением вылез из постылого офиса на волю.

Рано или поздно найдётся тот, кто заставит тебя смотреть на этот мир иначе. Вычленять и фиксировать из круговерти дней те явления и события, что подчёркивают его личную теорию. Запоминать, делать на них акцент. И не замечать иного.

Мнение радикально мыслящего человека - это сито, через которое проходит только то, что соответствует его мировоззрению.

Потом вы в такт ему начнёте ненавидеть и презирать. Потом возьмёте топор или автомат и уйдёте в ночь сознания.

Или возьмёте билет в один конец. А на самом деле конец у всех один.

Так я успокаивал себя, идя по улице Подлипаева.

В овраге один подросток валял по земле другого. Он заламывал ему руки и одновременно тёрся о жертву членом. «Это подтверждает».

Ну вот же, девушка покупает у бабушки всю зелень. Зачем девушке с двенадцатым айфоном зелень? А вот полицейский – он стоит рядом и не арестовывает эту бабушку. Всё это - чтобы помочь человеку с нищей пенсией. Тут из моего сознания, как слепой крот, вылез контраргумент: «Но пенсия-то нищая!»

А если во всей этой его теории есть хотя бы доля истины? Почему нас – русских - так ненавидит весь мир?!

Не хочется во всё это верить.

Напротив, как было бы здорово, если бы нас любили.

Ели бы я когда-нибудь зашёл в Макдональдс где-нибудь в Филадельфии и на ломаном английском, пытаясь заказать себе еду, стал тыкать пальцем в сочные картинки под потолком.

А человек за стойкой спросил бы меня: «Вы откуда?»

И я ответил, что русский.

Его лицо засветилось бы неподдельным уважением, и он бы с восхищением изрёк: «Вы из России? Для вас — бесплатно».

Странник Волк

*Было тихо на старой Земле
(Алексей Толстой. «Аэлита»)*

В 2022 году правительство Российской Федерации, несмотря на расходы, связанные с неудачной ликвидацией Украины, приняло решение о ремонте отделений почтовой связи по всей стране. Несмотря на ужасные бюрократические препоны, подмоченную репутацию легендарной конторы и жёсткие условия в отношении подрядных организаций, к осени были отремонтированы первые ОПС. Однако большая часть отделений пока ещё не

соответствовала никаким земным нормам. Крыши были провалены, туалетов и воды не было, кирпичные печи вышли из строя и отравляли работников дымом, стены пришли в полную непригодность. Почтальоны замерзали, на них совершали нападения не только люди с преступными наклонностями, коих было много в российской глубинке, но и дикие животные.

Смотрите, в этих убитых деревнях почти никто не живёт, а в районных центрах нет газа, нет работы, нет жизни, нет цели, нет денег. Люди просто идут к концу. И нужно суметь отыскать в этом убогом нищем мире что-нибудь прекрасное. Например, приятный запах дыма из труб поздней осенью и зимой, тишина, которой нет в городах, и одинокая фигурка почтальона вдалеке - как вестника надежды. Он прорвался через леса и снег, чтобы вручить вам весточку - надежду, и, о Господи, долгожданную копеечную пенсию!

С тех пор, как в урочище «Гнилой угол» пропал почтальон, на замысловатых тропках и одиноких перекрёстках стал являться людям странник Волк. Деревенские наблюдали его на протяжении трёх лет, отчего многие утверждали, что это ни кто иной как оборотень Веня, так звали пропавшего почтальона. Странник Волк без опаски выходил на дорогу и вставал на пути человека, впрочем, никогда не вредил. Однажды беспечные охотники, нахлеставшись деревенского самогона, хотели переехать зверя на УАЗе, но машину по непонятным причинам бросило в деревья, и бедолаги даже немного пострадали. Однажды местный лесник захотел подстрелить существо, но вернулся с чёрным лицом и синяками под обоими глазами. Поговаривали, что ружьё разорвало при выстреле, потому что никто после этого не видел его двенадцатый калибр, но это факт не проверенный, потому что Миша молчал о случившемся.

Сестра Вени продолжала носить почту в деревни за Гнилым углом. Она часто видела то медведя, то кабанов, но звери будто не замечали женщину, видимо, какая-то неведомая сила оберегает русских почтальонов, что бредут сквозь километры полей и лесов с весточками и нищими пенсиями для одиноких людей. И почтальоны эти сами по себе уже святые. Ведь не тронул же медведь отче Серафима Саровского.

Люди, что ещё живут в этих забытых деревнях, искупили все свои грехи. Сколько бы они не пили и не сквернословили, ни бог, ни дьявол не имеют права их наказывать после смерти, ибо при жизни они всё это искупили ужасными условиями жизни и одиночеством. Баба Вика жила в самой отдалённой деревне. К ней давно никто не приезжал, потому что дети и внуки предпочитали отдых у моря, а не в старой избе с жёлтыми обоями и неприятным запахом.

К ней и отправилась в тот день по первому снегу сестра Вени - Валентина Юрьевна, тоже почтальон. Тут на её пути и возник странник Волк, всё как в сказке про красную шапочку, только несла Валентина Юрьевна не пирожки, а мизерную пенсию и две буханки ржаного хлеба для старушки. Женщина бросилась бежать, но поскользнулась на замёрзшей луже. Сумка взлетела в воздух и приземлилась прямо перед хищником, а Валентина, вскочив, пустилась наутёк. Только прибежав домой, она поняла, что потеряла деньги и хлеб в Гнилом углу. А ведь старушка ждёт её, сидя у окна. Решилась просить соседа за бутылку сходить с ней завтра до деревни, потому что оба мужика из соседних домов в данный момент были уже «в дрова».

Наступила тихая ночь. Собаки лаяли, но внезапно замолчали. Валентина Юрьевна почувствовала, что за окном кто-то ходит. Он сжалась под одеялом и стала думать о том, что скоро ей починят телевизор и она снова сможет смотреть сериал. Утро наконец-то настало. Валя открыла деревянные двери и выглянула наружу. У входа лежала её почтальонская сумка со всем содержимым, а рядом — волчьи следы. То-то было счастье!

Женщина снова отправилась в путь. Баба Вика вышла навстречу, она улыбалась беззубым ртом и протягивала руки. Приняв из рук почтальона хлеб и пенсию, она тут же отломала кусочек мякоти и положила в рот, чтобы наслаждаться, рассасывая мякиш.

На обратном пути среди деревьев Валентина Юрьевна видела силуэт странника Волка, но она уже не боялась.

Кто мы — люди или волки? Кто мы, обитающие в логове без света и огня? Мы, живущие лесом и тем, что смогли вырастить на куцах грядках. Те, для кого буханка чёрного хлеба - уже радость. Мы бредущие в одиночестве через леса и урочища, не замечая холода и страха.

Кто мы — люди, волки, почтальоны...

Роман Рязанов

Беларусь

Исчезнувший шахин

1

- Кстати, купец, по твоему мнению, какое из занятий более других подобает повелителям в мире ислама, а, если говорить прямо, именно таким грозным владыкам, как наш светлейший хан?

Голос визиря Азиз-бека доносился до меня, словно издалека. Мне казалось, что сам воплощённый порядок в государстве в нашем доме это только сон...

К тому же мне действительно хотелось спать. Ведь в то утро, когда всё началось, купец Рахматулло разбудил меня ни свет ни заря.

- Мой господин! – вскричал я. – Зачем ты прервал мой сон, ведь во сне я видел птицу Хумай! (1)

- Увидеть птицу Хумай во сне это прекрасно, - заметил в ответ купец Рахматулло. – Но настоящее счастье подстерегает нас только наяву. – Ты не ослышался, мой мальчик, – усмехнулся он, оглаживая бороду, - именно

подстерегает. Одна моя знакомая дворцовая служанка утром передала мне, что к нам домой должен прийти сам визирь Азиз-бек! И он явится с минуты на минуту! Когда твой дом удостаивает посещением сам великий визирь, это, конечно, счастье, но такого счастья я бы поостерёгся! Так что, Мамед, - обратился мой господин ко мне, - одевайся и не забудь приготовить калам!

Едва я успел натянуть халат и прихватить калам, свиток китайской бумаги и склянку с песком, как под окнами нашего дома раздались зычные голоса:

- Дорогу великому визирю!

- Дорогу и да не обрушится карающий меч державы на ваши головы!

Вскоре карающий меч державы уже входил в балхону нашего дома, отдуваясь так, словно он бежал всю дорогу, а не его несли на носилках верные рабы.

- Почему воплощенный порядок в государстве вспомнил о простом купце? – спросил Рахматулло у Азиз-бека осторожно, но не подобострастно.

- Разве ты забыл, что все мы равны перед Аллахом, мой Синдбад, - бросил в ответ визирь довольно холодно. - Кстати, купец, по твоему мнению, какое из занятий более других подобает повелителям в мире ислама, а, если говорить прямо, именно таким грозным владыкам, как наш светлейший хан?

Мы замерли в молчании. Даже навалившаяся на меня сонная одурь не могла заглушить шевелящийся в глубине души страх. Уже несколько месяцев в Бухаре ходили слухи, что враг собирается вот-вот напасть на нас. Неужели визирь заявился в дом моего господина, чтобы отобрать его казну для военных нужд, либо же отправить в войско нас самих?

Визирь Азиз-бек лишь довольно рассмеялся:

- Ну что же? Испугал я многомудрого купца? На самом деле я веду речь о соколиной охоте, известной ещё со времён шаха Тахмураза. (2) Разве не подобен владыка, бросающийся на вражий стан, соколу-шахину, что обрушивается с небес на журавля или на куропатку? Воистину, соколиная охота - сестра войны... Так говорил ещё Чингис-хан! И разве не является, как заметил ещё мудрый Омар Хайям, шахин - лучшим другом истинно благородного государя? Впрочем, с лучшим другом нашего хана и случилась неприятность, - понизил голос визирь. – Во время последней охоты исчез любимый белый абазский шахин (3) нашего светлого хана. Вылетел бить куропатку и не вернулся... О милосердный Аллах! Хан отрубил голову дворцовому миршикарю (4), если птица не будет найдена! – закончил Азиз-бек с такой неподдельной печалью в голосе, словно ему самому предстояло лишиться головы. – Только ты, Рахматулло, способен спасти этого несчастного доброго мусульманина. Ты спасёшь его, благородный купец, ты отыщешь эту царственную птицу!

- Можно ли мне для начала поговорить с маршикарюм? – спросил мой господин.

- Он уже здесь, - кивнул в ответ Азиз-бек. - Задавай свои вопросы, купец!

Спустя несколько мгновений в комнату вошёл маршикар - худой, словно высохший, мужчина лет пятидесяти.

- Я содержал этого сокола, как своего брата, как своего сына! – принялся сбивчиво говорить он с порога. - Я велел кормить его, как и советуют знатоки обращения с охотничьими шахинами, сочным белым куриным мясом без крови,

и я лично промывал пищу шахина водой! Я держал его зимой в тепле! Неужели он ждал весны, только, чтобы покинуть нас?

- Твоя забота об этой царственной птице не вызывает моих сомнений! – заверил маршикара купец Рахматулло. – Но поведай нам толком, каким же образом пропал шахин?

Маршикар в ответ на просьбу моего господина рассказал нам, что охота в тот день шла как обычно и шахин вылетел бить пустынных куропаток, но хан не дождался, ни добычи, ни своего любимца. Белый абазский шахин исчез. Когда птицы хватились, помощники сокольника осмотрели все окрестности в степи, но не нашли ничего, кроме следов ослиных подков.

- Ах, какой замечательный это был шахин, - посетовал маршикар. - Ах, как царственно сидел на его голове клубочок! (5) Ах, как смело он устремлялся ввысь при первом же ударе тавылырпеза! (6)

- Вероятно, похититель ехал на осле, либо вёл осла под уздцы с собой, - проговорил Рахматулло негромко.

- Похититель? – вмешался визирь Азиз-бек. – И куда же он потом скрылся? Уж не хочешь ли ты сказать, почтенный купец, что в нашу степь из небытия явился египетский халиф Хаким на осле (7), похитил шахина, а затем вновь исчез вместе с ним до Судного дня? – усмехнулся он.

- Нет, - серьёзно ответил мой господин, - я убеждён, что мы имеем дело с похитителем из плоти и крови, который скрывается где-то в городе, либо же в его окрестностях...

- Я вспомнил! – хлопнул себя по лбу маршикар – Вспомнил ещё кое-что, хотя, может быть, это мелочь...

- Говорите, говорите, уважаемый, - подбодрил того Рахматулло. – Любая мелочь может оказаться важной.

- Так вот, - продолжил маршикар уже спокойнее, - под одним из деревьев мои люди нашли две-три нити от мешка, а также брошенную вязанку сушёных саксаулов...

- Мешок, говоришь! – заговорил визирь Азиз-бек, едва скрывая злобу. – Почему ты умолчал об этом?! Выходит, похититель поймал сокола в этот мешок! Только почему бросил вязанку хвороста? Он не готовил похищение заранее? Или это для отвода глаз? - принялся сыпать вопросами он. – Но ничего, мы до всего дойдем... Недавно нашему светлому хану подарили молодого хиндустанского слона. Этот слон любит озорничать с государственными преступниками, особенно если его перед этим немного напоить сладким вином. Мы самого этого мерзкого похитителя зашьём в мешок, а потом швырнём слону под ноги!

- Для начала похитителя следует отыскать, почтенные, - напомнил собравшимся купец Рахматулло. – А скажите, уважаемый господин, - вновь обратился он к маршикару, - был ли приставлен к белому абазскому шахину отдельный слуга, который обучал его?

- Да, безусловно, - сразу же отозвался тот. – За шахинем присматривал слуга, абаз по происхождению. Ребёнком его выкрали турки, заманив на свой фулкар (8), когда тот причалил к тамошнему побережью. Позднее мальчика обратили в ислам и отдали в услужение. Когда же его хозяева узнали, что его отец и дядя были на его родине знатоками соколиной охоты, то приставили юношу ухаживать за шахинами абазской породы...

- Было бы неплохо поговорить с этим юношей, - заметил купец Рахматулло.

- Конечно, - с ходу согласился маршикар. – Мы бы с удовольствием дали вам поговорить с ним, вот только он исчез...

- Исчез? – прервал словоизлияния маршикара визирь Азиз-бек. – Ты не соизволил мне ничего сообщить об этом, а ведь сие обстоятельство существенно меняет дело. Ты, правда, хочешь, чтобы я помогал тебе? Или, может быть, мне стоит подыскать место для твоей головы на стенах цитадели крепости Арк?

- Но это произошло только сегодня утром, - оправдывался маршикар. – Быть может, исчезновение юноши никак не связано с пропажей птицы. Вероятно, он просто где-нибудь загулял, быть может, от огорчения после исчезновения своего питомца...

- А я мыслю совершенно иначе, - раздвинул губы в хищной улыбке визирь. – Сдаётся мне, что негодный раб сам спрятал где-нибудь шахина, а потом скрылся, когда ему показалось, будто шум, поднявшейся после пропажи, немного поутих... Но мы отыщем его.

- Абазский шахин – редкая порода шахинов в здешних краях, - недоверчиво покачал головой купец Рахматулло. – Кому бы он продал пернатого охотника, ведь каждый покупатель задал бы вопрос, откуда у него столь редкая птица? И куда слуга мог бы скрыться, если в нашем краю он всего лишь чужеземец, беглый раб, и нет у него здесь ни родных, ни друзей?

- А вот на эти вопросы и предстоит дать ответы тебе, мой почтенный Синдбад, - поставил точку в споре визирь Азиз-бек. – Нас же ожидают неотложные дела, касающиеся управления нашей державой. Я полагаю, нет нужды напоминать тебе, купец, что срок на то, чтобы устранить все неясности и отыскать шахина, тебе дан небольшой...

Когда незванные гости, наконец, удалились, мой господин едва заметно улыбнулся и задумчиво проронил:

- Великий визирь Азиз-бек столь рьяно печётся о судьбе сего исчезнувшего абазского шахина, будто знает, что сей шахин после смерти нашего повелителя опустится ему на плечи и сделает его новым ханом, как в той сказке о двух бедных друзьях, один из которых сделался тираном. (9) Нам, впрочем, тоже не обойтись без помощи друзей в поисках шахина и слуги, приставленного к нему. Мамед! Срочно разыщи моего друга Юнуса и его молодцов-олуфта! Белый абазский шахин не мог не оставить после себя следа в виде слухов и сплетен на базаре. Я должен знать их все!

2

Не прошло и часа, как я отыскал Юнуса и передал ему просьбу своего господина. Следующим утром Юнус был уже у нас и, прихлёбывая чай из пиалы, делился с нами свежими базарными толками:

- Вчера ночью в камышах равнины Даштак (10) был обнаружен неопознанный труп и глаза его были выколоты... Вот о чём сегодня судачит весь базар!

- Подожди, Юнус, - остановил тут его купец Рахматулло. - Глаза выколоты, но ведь это неспроста... У кипчаков и иных кочевников есть обычай сшивать

веки охотничьим соколам. Мне кажется, что это неспроста, - повторил он в задумчивости. - Где находится тело?

- Я так и знал, что ты об этом спросишь, мой друг, - отозвался Юнус. - Мои молодцы забрали тело с собой и пристроили его в ледник. Думаю, ты мог бы осмотреть его.

Вскоре мы уже были на месте и мой господин сразу же бегло взглянул на труп.

- Хотя я и не лекарь-табиб, - произнёс Рахматулло. - Но могу сказать, что убийца нанёс удар ножом, либо же длинной иглой в глаз. Этот удар и оказался смертельным. А, желая отвлечь нас от истинной причины смерти, убийца выколол жертве и второй глаз, обезобразив её лицо. Судя же по одежде, что была на трупе, и описанию, тому, что нам дал придворный маршикар, перед нами, наверняка, пропавший сокольничий-абаз. Но кто мог столь жестоко расправиться с ним?

- Вероятно, его подельники, с которым он вместе украл ханского шахина, - предположил я, хранивший доселе молчание.

- А вот этим они, наверное, желали с ним расплатиться, - вставил Юнус, показывая нам потускневший серебряный перстень, и тут же пояснил: - Это колечко валялось рядом с телом.

- Колечко? - подивился мой господин. - Странно, странно, но об этом нужно поразмыслить, - заключил он.

Когда мы возвращались домой, то услышали громкие крики негодующих людей возле мечети. Мы не могли пройти мимо, ибо мечеть является центром жизни в каждом гузаре, и, узнавая о происходящем в мечети, можно узнать обо всём, что происходит в квартале.

- В чём дело, правоверные? - окликнул собравшихся купец Рахматулло.

- Коли судить по твоему виду, ты человек почтенный, - ответил один из рассерженных жителей гузара. - Вот и рассуди по совести. В нашей мечети существует, как и положено, тахоратхона (11) для омовения, куда мы погружаемся, дабы смыть с себя скверну перед намази бомдод, утренней молитвой. А весна нынче ранняя и по ночам ещё довольно зябко. Словом, за подогрев воды отвечает Али... Тот, что живёт в лачуге вместе с престарелой матерью. Человек он обиженный судьбой и, говоря между нами, безумец-дивана, и разумом своим подобен трёхлетнему дитяти, но, надобно сказать, до сих пор он всегда ревностно относился к своим обязанностям. А сегодня с утра воды нет и найти нашего помощника мы не можем... Не иначе, как бабёнка завлекла его, - посетовал горожанин. - Я слышал, как Али хвалился вчера, будто у него теперь есть богатый калым...

- Калым! - вскричал купец Рахматулло. - Как же я сразу не догадался? Покажи нам скорее, где находится жилище этого Али!

- А что за дело у тебя к нему, незнакомец? - подивился в ответ житель гузара. - Ты, часом, не раис? (12) Ежели что, мы - добрые мусульмане и своих не предаём святошам вроде тебя, - добавил он недоверчиво.

- Нет, я не раис! - рявкнул на горожанина купец. - Веди же! Нам некогда терять время! Наше промедление может вызвать гнев светлого хана!

Упоминания имени хана оказалось достаточным, чтобы наш собеседник принялся живо показывать нам дорогу, и мы последовали за ним.

- Калым... как же я сам не догадался, - шептал мне по пути мой господин. - Ведь шахины вполне годятся для калыма..

- Так это Али украл абазского шахина? – изумился я. – Но зачем?

- Как правило, преступник желает скрыть своё деяние, - как всегда издали начал объяснять купец Рахматулло. – Но здесь же мы имеем дело с человеком, настолько бесхитростным, что он даже не видел нарушения закона в совершённом им деянии... А ведь меч справедливости, визирь Азиз-бек, был, пожалуй, прав, когда упоминал египетского халифа Хакима, коего многие добрые мусульмане не без оснований считают безумцем. Посуди сам, Мамед, кто кроме сумасшедшего стал бы красть приметного белого абазского шахина у самого хана без малейшей возможности его продать...

Ты только представь себе, этот Али всю жизнь один-одинёшенек. Он мечтает найти себе жену. И вот как-то раз он идет собирать высохший кустарник, чтобы использовать его на растопку и подогреть воду для купальни в мечети. С собой он берёт осла, чтобы навьючить на него груз в мешке. И он сам не замечает, как оказывается на пути ханской охоты. Всякий другой повернул бы назад, но не человек, одержимый джинами, живущий в своём собственном мире. Он видит опустившегося на куст или на дерево белого шахина и, представив какой замечательный калым он может теперь получить, ловит его при помощи мешка и спешит домой, даже позабыв про хворост... Но вот, кажется, мы и пришли, Мамед, - закончил он, когда мы подошли к двери бедной лачуги

- А сокольника-абаза тоже убил этот бесхитростный человек? – остановился я в нерешительности у порога.

Мой господин не удостоил меня ответом. Войдя в лачугу, мы едва различили в тишине женский плач.

- Почему вы плачете, почтенная? – обратился к сидящей в комнате старухе купец Рахматулло.

- Сынок мой... сынок мой, - запричитала та. – С утра не встаёт... а позавчера приволок в мешке какую-то птицу.. вот там она она в клетке... Он говорил, будто это – птица счастья, а как по мне – так будь она проклята! С тех пор мой сынок и занемог, как принёс в дом эту несчастную птицу Вот она в клетке! Как-то мой бедный Али купил соловья в такой клетке, дабы выпустить его на волю. С тех пор клетка и осталась.

Я оглянулся по сторонам и заметил в деревянной, грубо сколоченной клетке вроде тех, в которых мальчишки по праздникам продают птиц на базаре, для того, чтобы желающие затем могли выпустить их на волю, белого шахина. Тот в растерянности вертел головой, изредка раскрывая синеватый клюв, и напоминал при этом настоящего шаха, утратившего престол. Напротив клетки подле очага прямо на земляном полу лачуги лежал мужчина.

- Вот он, Али, – шепнул мне на ухо Рахматулло.

Подойдя ближе, он пристально взглянул на лежащего безумца, взял его за руку и сказал мне негромко:

- Ступай со всех ног за лекарем-табибом, Мамед! Ты сможешь найти его на рынке в москательных рядах... Хотя едва ли самый искусный лекарь сможет чем-нибудь помочь этому несчастному! Он умирает, и часы его сочтены..

Я побежал за лекарем. Но когда я очень скоро вернулся вместе с ним в лачугу, Али был уже мёртв.

Нам осталось лишь взять с собой клетку с шахином и удалиться, оставив матери покойного кошель с деньгами. Перед тем, как уйти, мой господин перебрался несколькими загадочными фразами с лекарем.

- Не слишком ли мало денег мы оставили этой бедной пожилой женщице?
– спросил я, когда мы вышли на улицу.

- Я расскажу о случившемся великому визирию, и он выдаст ей куда более достойную награду, - проронил в ответ купец Рахматулло.

- Награду? – не смог скрыть своего изумления я.

- Да, разумеется, этот дивана достоин награды, - кивнул головой бухарский купец. – Ведь он спас жизнь самому хану, став жертвой вместо него...

Заметив моё изумление, купец Рахматулло принялся рассказывать по порядку:

- Я переговорил с лекарем, и у меня не осталось сомнений, что бедняга Али умер от яда... Это хиндустанский яд, наподобие того, которым местные жители мажут наконечники стрел. Только он был нанесён не на стрелу, а на коготь шахина?

- На коготь шахина? Но кем? – подивился я.

- Ты ведь знаешь, Мамед, что враг готовит нападение на нашу державу. А лучший способ разрушить нашу оборону – убить нашего светлого хана. Для этого вражеские шпионы проникли в наши земли. На той охоте они подменили любимого абазского шахина хана на точно такого же выращенного в Хиве. Этот шахин должен был вернуться к хану, вместо настоящего, который на самом деле был убит стрелой или дротиком, и ранить нашего повелителя отравленным когтем. Для этого заговорщики снова прибегли к услугам хиндустанских брахманов, которые умеют воздействовать на животных так, что те могут выполнить любой приказ. Подобным же образом хиндустанские слоны превращаются в совершенных убийц и их тогда вовсе незачем поить сладким вином, чтобы заставить топтать людей, как полагает наш почтенный Азиз-бек.

Дошло до меня, в старину в Фарсистане (13) ловчие были способны научить шахинов нападать на людей и выклёвывать им глаза. Стало быть, можно научить шахина напасть на человека и ранить его отравленным когтем, верно? Яд же был разведён таким образом, что действовал только спустя несколько дней. И, следовательно, если бы наш повелитель скончался бы на другой или третий день после охоты, никто не стал бы связывать его смерть с шахином.

Но дурачок Али, изловив того шахина, что должен был бы стать убийцей хана, разрушил все планы заговорщиков. Только вот беда: пока он ловил шахина, тот ранил его отравленным когтем и сам Али скончался от яда. Кстати, ты обратил внимание, Мамед, как спокойно шахин, обнаруженный нами в доме Али, сидел в клетке? Видимо, ему было не привыкать к такому сидению взаперти и в клетке его держали те, кто сделал из него убийцу. Но от долгого заточения в клетке он, должно быть, не смог сразу лететь и в изнеможении присел на куст. Вот почему Али сумел так легко поймать его...

- А сокольников-абаза тоже убили заговорщики? – спросил я. – Он был с ними связан?

- Чтобы узнать о том, кто убил абаза, нам нужно наведаться в лавку, духон, где турки из народа кыргыз торгуют поделками из кожи, - ответил купец Рахматулло.

- А вот тут он, кстати, и поблизости, - удовлетворённо заметил купец. - Из этого духона как раз хорошо видны, и мечеть, и тахоратхона. Ты не находишь, Мамед?

Прежде чем я успел ответить, мой господин уже стучался в ворота духона. На шум вышла девушка с раскосыми глазами.

- Скажи, милая, а где твой отец?

- Мой отец на Бараньем Базаре, договаривается с поставщиком-арабом о покупке новых овечьих шкур, - ответила девушка. - Скажите, господин, вы желаете что-нибудь купить? Может быть, кементай? (14)

- Вот и прекрасно, что ты одна, - удовлетворённо потёр руки купец Рахматулло. - Халаты в твоей лавке нас не интересуют. Я просто хотел бы поговорить об одном деле, поговорить именно с тобой...

- Нам не о чем разговаривать, уважаемый, - холодно проронила в ответ девушка. - Если вы не собираетесь ничего покупать из нашего товара, то вам лучше уйти.

- Я хотел бы поговорить с тобой об Али, - сказал купец Рахматулло. - Я принёс тебе печальное известие, с твоим возлюбленным случилась беда..

- Что с ним? - вскрикнула в ответ девушка. - Его схватили ханские палачи?. Но ведь это я виновата! Это я убила того человека! Я не хотела, но он сам не оставил мне другого выбора!

- Нет, - возразил купец Рахматулло. - Али не стал жертвой ханских палачей. Он скончался от яда, того яда, что был на когте шахина, приготовленного заговорщиками для хана. Он, можно сказать, отдал жизнь за своего повелителя, ведь этот яд предназначался никому иному, как светлому хану! Я рассказал тебе всю правду, которую мне довелось узнать. Поведай же и ты мне, дитя, свою часть правды! Поверь, я не из числа ханских прислужников и не призову их заключить тебя в оковы и бросить в зиндан! Если ты желаешь, я сам расскажу тебе, как было дело, а ты поправишь меня, там, где я ошибусь... Хорошо? - ободряюще взглянул на тюрчанку бухарский купец.

Та лишь согласно кивнула, и купец Рахматулло принялся рассказывать:

- Ты заметила Али, когда он выполнял подённую работу в мечети, и вскоре вы полюбили друг друга, ибо оба вы - чужие в этом городе! Вы с отцом пришли в Бухару из Моголистана (15) и кормитесь продажей вещей, сделанных из дублёной кожи. Али такой же изгой, как и вы, с отцом, получившим славу одержимого джинами в собственном гузаре, и вынужденный тяжело трудиться за медные гроши или за миску плова! Конечно, о свадьбе между вами не могло быть и речи. Но Али мечтал найти хороший калым, чтобы подарить его твоему отцу. Он поймал в степи белого шахина...

- Да, - прервала рассказ купца тюрчанка. - Он приволок показать мне эту птицу. Я так и знала, что она навлечёт на нас беду! Я хотела, чтобы он вернул шахина, но ведь было уже поздно и его всё равно бы казнили, так ведь? - спросила она с неким вызовом в голосе. - А потом, - продолжила девушка, чуть запнувшись, - потом и появился этот страшный человек. Он представился сокольничьим... и...и, - тут тюрчанка в рыданиях замолчала.

- Позволь, я продолжу, - заговорил купец Рахматулло. - Каким-то образом абазу удалось напасть на след твоего возлюбленного. Возможно, нашёлся свидетель, заметивший там, где проходила охота, человека, ведущего под

узцы осла, гружённого хворостом. К тому же, вероятно, этот осёл имел какую-то особенность, бросающуюся в глаза, верно?

- Верно, осёл Али хромал на левую ногу, - ответила тюрчанка. - Он был уже стар, но где нам было раздобыть денег на нового?

И вот абаз принялся искать хромого осла, - продолжал купец, - и обратился к тебе в лавку, не делала ли ты кожаное седло или подпругу для такого животного.

- Да, - подтвердила девушка, - он не стал от меня скрывать, будто ищет вора. Он ещё упивался тем, что, если он найдёт похитителя шахина первым, то это откроет для него, безродного раба, путь к славе и богатству. Он с каким-то сладострастием описывал мне, каким жестоким наказанием будет подвергнут вор в ханских застенках... И тогда я решила...

- Ты решила, - подхватил Рахматулло, - убить абазу. Ты сказала ему, что твой отец делал седло для похожего осла, и назначила сокольничьему новую встречу в камышах равнины Даштак, сказав что до вечера узнаешь подробнее о владельце осла, а в лавке ты боишься говорить. Когда же солнце закатилось, а твой отец уснул, ты выскользнула из дому и явилась в назначенное место. Там тебя уже ждал абаз. Но с собой ты прихватила острый нож, которым бреют подготовленные для выделки шкуры. Его ты вонзила сокольничьему в глаз! Вот только ты обронила в темноте рядом с трупом свой серебряный перстенёк, который нечаянно сорвался с твоего пальца. Как вы называете такие кольца? Шакек? И поскольку ты руками готовила шкуры животных, твоё кольцо насквозь пропахло малмой, закваской из цельного кислого молока, а также настоя степных корней и трав, в которой твои соплеменницы и вымачивают шкуры, предназначенные для выделки. Вот так я, грешным делом, и догадался, что убийство абазу совершила мастерица по кожевенному ремеслу из киргизского рода! Об этом даже в ваших песнях поётся... (16). И способ убийства - меткий удар ножом в глаз - показался мне подходящим скорее для женщины, чем для мужчины. А на кожевенную лавку возле мечети я сразу обратил внимание... Но у меня один вопрос к тебе, девочка, почему ты вонзила нож во второй глаз своей жертвы, когда жизнь уже покинула тело абазу?

- Мы чтим свободных соколов-шахинов, - пояснила тюрчанка. - А сокольничьи ловят их и сшивают им веки (17), чтобы в то время, пока они не видят света, подавить их волю и выучить их убивать дичь для себя или чаще для забавы своих господ на охоте. Пусть же тот, кто зашивает глаза свободным птицам, сам лишится глаз! Я обставила дело так, будто это дух сокола выклевал глаза этому жестокому нечестивцу! Ведь наши старики говорят, что именно в белом соколе воплощается душа самого мужественного воина! - закончила она убеждённо, а затем помолчала и спросила робко:

- А что со мной будет дальше?

- Ничего, моя милая, - сказал купец Рахматулло. - Ты убила низкого и подлого человека, мечтающего на несчастье других получить корысть для себя, убила, чтобы защитить своего возлюбленного. Если он видел Али, то мог сообщить об этом другим стражникам. Но он хотел поймать похитителя белого шахина лично и поплатился за это своей жизнью...

- Теперь нужно рассказать о заговоре великому визирию. Наверняка, в ханской свите остались пособники тех, кто покушался на жизнь нашего повелителя, и мы просто обязаны разоблачить их. Мы только не скажем ничего о несчастной тюрчанке. Разве она не была права, когда говорила, что мы превратили свободных птиц в рабов своей жажды убийства? Вот уж верно молвил поэт:

Так далеко зашли мы в невежестве своём,
Что мним себя царями над птицей и зверьём. (18)

И пусть нечестивый слуга исчезнет бесследно в камышах равнины Даштак. Хану же Азиз-бек льстиво скажет, что бедняга Али скончался от огорчения, когда узнал чьего сокола он похитил. О том же, что его любимого шахина подменили, наш светлый владыка никогда, видимо, не узнает. И вот что ещё занимает меня, Мамед? - обратился он ко мне. - Покойный Али искал калым для своей возлюбленной, но та сама заплатила за него самую высокую цену... Только всё это оказалось напрасно...

Мой господин говорил что-то ещё, а я думал, куда улетала от нас птица Хумай и вернётся ли она к нам вновь?

Примечания:

1. Птица Хумай – волшебная птица счастья в сказках народов Средней Азии.

2. Тахмурас – древний персидский шах из династии Кейянидов, первый согласно «Шахнаме», приручивший хищных птиц в целях охоты.

3 Шахин – Так в Ср. Азии называли охотничьего сокола-сапсана. Абхазский сапсан (абазы шахин) встречался при дворах восточных правителей в качестве ловчей птицы вплоть до берегов Инда. Его описывает в своей книге «Баз-намэ» афганский поэт и полководец Хушхаль-хан Хаттак (1613-1689). См. Г.Н. Симаков, А.Д.Хеция « Очерки соколиной охоты у народов Кавказа»
http://apsnyteka.org/file/Simakov_G_Khetsiya_A_Oчерki_sokolinoi_okhoty_...

4. Маршикар – наименование главного сокольника при дворах правителей стран Ср.Азии

5. Клубочок – элемент снаряжения охотничьего сокола в виде колпачка, выкроенный из куска плотной, тонкой ткани, который надевался птице на голову, чтобы та временно лишена была способности видеть и сидела спокойно на руке у хозяина. В Ср.Азии было принято красиво украшать соколиные клубочки.

6. Тавылырпез – барабан, используемый в Ср.Азии во время соколиной охоты, чтобы вспугивать пернатую дичь.

7. Халиф Хаким (правил 996-1021 гг.) – египетский халиф из династии Фатимидов. Бесследно исчез в 1021 году, отправившись верхом на осле в одиночку на холмы аль-Мукаттама в окрестностях Каира. Мусульманской сектой друзей почитается до сих пор в качестве воплощения Аллаха.

8. Фулкар – так в поэме Алишера Навои «Стена Искандара» называли фелуку – небольшое палубное судно с косыми парусами, которое использовалось греческими и мусульманскими пиратами и работорговцами.

9. Здесь купец Рахматулло вспоминает известную узбекскую сказку, которую пересказывает в своём романе «В этом мире подлунном» советский узбекский писатель Адыл Якубов (1926-2009)

<https://www.litmir.me/br/?b=233879&p=2>

10. Даштак (буквально «маленькая степь») – заросшая камышами низина, начинавшаяся за стенами Бухары.

11. Тахоратхона – в Бухаре специальное помещение во дворе мечети, предназначенное для омовений . О.А. Сухарева «Квартальная община города Бухары»: «Квартальная община нанимала какого-нибудь бедняка из числа жителей квартала, который обслуживал помещение для омовения и подогревал воду, чтобы она была тёплой к тому времени когда начнут собираться на первую молитву».

12. Раис – в Бухаре особый чиновник, надзирающий за тем, чтобы прихожане мечетей посещали молитву в установленные часы и соблюдали нормы религиозного благочестия.

13. Фарсистан – Иран, Персия. О том, что в Иране охотничьих птиц обучали нападать на людей и выклевывать им глаза о том писал исследователь Г. Н.Симаков в своей статье «Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана».

14. Кементай – киргизский войлочный халат без подкладки.

15. Моголистан - средневековое тюрко-монгольское государство, образовавшееся в середине XIV века. Территория Могоилстана включала в себя Восточный Туркестан, Притяньшанье и Семиречье. В Моголистане жили и предки современных киргизов.

16. См. Строки в киргизском эпосе «Манас»

«Не лентяш, готовила закваску Каныкей с большим стараньем.

В медные бочки положила кору яблонь.

Выдерживала малму шесть месяцев.»

<https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/art/arts-and-crafts/2689-vydelka-ko...>

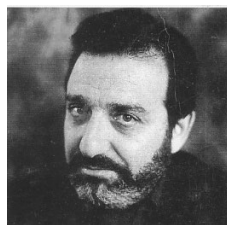
17. У кочевых народов Средней Азии и Казахстана помимо клубочков существовало и другое средство, лишавшее хищную птицу возможности видеть на время. Это сшивание век ловчей птице С зашитыми глазами птица находилась от 3 до 10 дней См. Г. Н Симаков «Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана».

18. Абу-ль-Аля аль-Маарри (973 -1057) – арабский поэт. Стихи из его книги «Лузумийят» даны в переводе А.Тарковского.

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Из писательского архива. Одинокое среди идущих

В феврале 2022 года исполняется 25 лет работы Евсея Цейтлина над чикагским ежемесячником «Шалом». Евсей Львович наш постоянный автор, член редколлегии ЧАЙКИ, большой наш друг и незаменимый помощник. Он накопил огромный и бесценный опыт работы со своим журналом, с авторами, редакторами, просто читателями. Кроме того, за его плечами стоят годы преподавания в университете и многогранной журналистской деятельности, которой он занимался в Союзе. Его подсказки и советы дорогого стоят! «Шалом», издаваемый в ЧИКАГО, несмотря на свою религиозную

направленность, имеет широкую и разнообразную читательскую аудиторию. Евсей Львович Цейтлин умеет привлекать как авторов, так и читателей.

Дорогой Евсей Львович,

От души желаем Вам продолжения Вашей замечательной творческой работы на писательской и редакторской ниве! Здоровья Вам и счастья, здоровья и счастья Вашей семье!

По поручению редакции Ирина Чайковская

У них было особое выражение глаз. А мне казалось даже – особый запах. И уж точно: особая походка. Это походка одиноких людей. Я сразу обратил на них внимание – много лет назад, когда только начал записывать рассказы советских евреев. Иногда это был всего лишь легкий всплеск слов и жестов – сбивчивые, как торопливый выдох, исповеди в очередях у американского и нидерландского посольств (последнее, как вы знаете, долго представляло в Москве интересы еврейского государства), затем – израильского консульства. Преодолевая страх, они приходили за вызовами и визами. И я запомнил их, с кем-то, вроде бы, подружился. Но потом многие потерялись, куда-то исчезли. Только лица и голоса по-прежнему живут в моем блокноте.

Без языка

Неподвижное, окаменевшее будто лицо. С ним явно контрастирует надрывность речи. – Вы не догадаетесь, за что я ненавижу общество «Память»...

Она делает паузу, но мне ничуть не хочется гадать. Все равно мне не придет на ум ее довод:

– Не могу перенести, что вынуждена говорить на их языке!

Ловит мой недоуменный взгляд:

– Я не в каком-то переносном смысле – в самом прямом. Я общаюсь, мыслю, читаю, мечтаю – только по-русски.

Она истерична, в основном лишь себя и слушает. Все же, не будучи права, приближается неожиданно к истине.

– Они... они презирают меня. Самое суть мою презирают. А я вынуждена пользоваться их языком. Они твердят, что евреи спаивают русский народ, сгубили деревню, испортили культуру. Это демагогия? Но вот лучший их аргумент: я отвечаю им на их языке. Что у меня своего, еврейского? Действительно, пустоцвет, перекаати-поле...

Молчу по-прежнему, боясь согласиться с ней, по больному ударить. Хотя знаю: здесь почти все – правда... В голове ее, конечно, мешанина из прочитанных книг: Ремарк, Хемингуэй, Кафка, Булгаков... В разное время эти авторы были модны, каждым она увлекалась недолго. Но ведь скорее всего любит она – действительно, любит – Есенина: чувствует надрыв души, что таится за бедными рифмами, за сравнениями типа: «голова моя машет ушами, как крыльями птица». Вероятно, еще ей близки в Есенине безоглядность искренности, безотчетное стремление к исповеди.

В почтовом отделении на Большой Ордынке спрашивает меня:

– Нет ли у вас ручки?

И тут же, признав во мне своего, разъясняет:

– Надо написать собственные данные, чтобы прислали из Израиля вызов. Ведь и вы, не правда ли, пришли сюда за тем же?

Нет нужды объяснять ей что-либо. Просто мы вместе отправляемся к израильскому консульству, где она опускает в ящик свой конверт. Стоим потом в толпе. Вслушиваемся в повторяющиеся, как на пластинке, разговоры. Идем обратно к метро, вдыхая резкие запахи весны.

– ...В Израиль едут из-за детей, а у меня их нет и не будет...

Несколько коротких, внезапных, вроде бы, фраз. И вот уже ее жалкая, смятая, пролетевшая почти жизнь лежит передо мной.

Ей сорок девять, выглядит много моложе: так случается порой именно с теми женщинами, которые махнули на себя рукой. Черная резинка скрепляет пышные рыжие волосы. Ничуть не смущена она тем, что на синем плаще красуется масляное пятно, а серые туфли исцарапаны по бокам.

Она преподает в ПТУ какие-то технические дисциплины. В последние годы, сама замечая за собой несдержанность, все-таки выучилась контролировать себя на службе: молчать, выглядеть деловой и собранной. Однако это трудно давшееся искусство растаяло, точно и не было, в феврале. Да, в феврале девяностого, когда в Москве и других городах томительно ожидали погромов.

В те дни, думая исступленно об одном, она пол-урока однажды проговорила об антисемитизме. Класс смотрел на нее с недоумением. И, конечно, донесли директору. Тот вызвал ее к себе, морщился, выдавливая слова, но не попросил, как ждала она, заявления об увольнении – попросил «не отвлекаться на занятиях от темы».

У метро прощаемся. Зачем-то обмениваемся телефонами, хотя ясно, что не позвоним друг другу никогда. И вот она уже исчезает в потоке ног и локтей, в запахах пота и продуктовых сумок, в гуле той речи, которая пока еще так ненавистна ей и по которой потом не сможет разучиться тосковать.

Еврейское счастье

Мокрый, уже с утра темноватый мартовский день. Гудящая – все та же – толпа. Она выплевывает одни и те же слова, точно шелуху от семечек: багаж... билеты... погром...

Как с неба, упало другое слово: счастье.

Почудилось? Но и на завтра, и через день слышу завистливое: евреям хорошо сейчас!

Иногда утверждают это лишь интонацией, взглядом: русские, украинцы, грузины – все те, кого заносят сюда сладкие мечты об отъезде.

Ах, старый этот, с огромной бородой, анекдот! «Жена-еврейка: не роскошь, но средство передвижения». Слышали? Теперь за фиктивный брак по пять тысяч дают.

Все равно, конечно, вздрагиваю:

– Нам-то счастье...

На этот раз слово, точно рахат-лукум, тает во рту молодого бакинского еврея. Улыбчив, польщен вниманием посторонних людей – они расспрашивают подробности бакинского погрома.

– Нам-то еще счастье... Дали армянам всего год сроку для выезда из Баку, а евреям – три. Русским? Пять...

Не знаю, так ли это. Скорее всего, сроки выдуманы молвой. Но думаю я не о том, а об его унижительной радости. Древние у нее корни: поднимается порой дух еврея, если оказывается он не самым презируемым, стоит не на последнем, но хотя бы так – на предпоследнем месте.

Тем же днем – еще встреча.

Тоже двое бакинцев. Тоже молодцы, более того – молодожены.

Издревле таинственный союз: армянин и еврейка. Соединившись, не побоялись они умножить вечную печаль своих народов.

Во время погрома скрывались неделю в азербайджанской семье, но все это слишком известно по рассказам беженцев, чтобы описывать сейчас подробно: трепет от каждого звонка в дверь; духота кладовки, где прятались, теряясь в догадках; наконец, билеты на самолет («заплатили в шесть раз дороже!»); сейчас, в Москве, – у дальних-предальных родственников...

– Что было бы, если б вас поймали? – спрашивает кто-то.

Он пожимает плечами – не желает ни на кого взваливать тяжесть своих слов.

Она отвечает:

– Самое малое – отрезали бы уши... Тогда нам это постоянно снилось – из ночи в ночь.

Она смотрит в сторону, зато все соседи по очереди – на нее. Хрупкая, миниатюрная. Несмотря на неустроенный быт, волосы тщательно уложены. Она изящна в черных своих ворсистых брючках, в кожаных белых сапожках, в белой нейлоновой курточке. Все это, конечно, ради него. Не знает она, что похожа на своих библейских сестер – наивных девочек, которые вырастали в мудрых старух. Но знает, вижу, другое: счастливые ее глаза неуместны здесь, в этой толпе. Потому часто опускает веки, пытается скрыть то, что все же открыто любому внимательному взгляду: нежность, решимость перехитрить судьбу, спокойное ожидание горькой, как у всех нас, дороги.

Деталь

Как в двух словах нарисовать ее портрет? Грузна; пожалуй, даже величественна; давно ответила для себя на все вопросы жизни.

Именно такими и бывают часто старые еврейки.

Сейчас она твердит кому-то с глухой, непонятной озлобленностью:

– ... Нет, вы не знаете, какие хамы эти израильяне! Вы и представить не можете... Они воспитали молодежь, с которой уж точно не построишь никакого будущего... Вы мне поверьте, мне достаточно только одной детали, чтобы увидеть целое.

Что сейчас для нее эта «деталь»?

Оказывается, концерт израильской самодеятельности, состоявшийся недавно в Вильнюсе. Если еще точнее – поцелуй двух юных артистов, мальчика и девочки. (В антракте они целовались «на глазах у всех» – сидя на скамейке, прямо у входа в зал).

Поговорив со старухой, я вполне понимаю ее раздражение.

Конечно, это обида на самое себя. Или на нелепость жизни? Вот уже три дня как она вместе с семьей сына подала документы в ОВИР.

1990, Вильнюс

Тот, кто остается

Но многие из них останутся. Лучше сказать: это останется их страх. Страх, однажды поселившийся в душе, победить трудно.

Когда-то Моисей приказал евреям, живущим в Египте, немедленно покинуть свои дома и отправиться в путь. Из рабства. В Землю Обетованную.

Чем была вызвана спешка? Вовсе не тем, что Моисей боялся преследования фараона. Он знал о другой опасности: чуть промедлишь и – передумают сами евреи.

...С Моисеем ушли из Египта только около двадцати процентов наших предков. Большинство – остались.

Снег в субботу

Сегодня пустынно здесь: суббота. Евреи сегодня должны думать о вечности, прогнав суету. На тротуар падает тихо снег. Прохожие редки, они не успевают – как в будни – превратить снег в хлюпающее месиво. Тепло. И милиционер у консульства не прячется в будку. Прохаживаясь у металлического барьера, он думает о своем.

Все же время от времени подходят люди. Прочитывают объявления на бетонной стене, которые странны именно тем, что стали теперь обычны: телефоны и адреса кооперативов упаковщиков, грузчиков, правила бронирования билетов, предложения о продаже и покупке квартир. Переписывают в блокнот необходимое, разбегаются – кто куда.

В полдень здесь надолго задержится старый еврей. Утренний поезд привез его из подмосковного городка. Ему сказали, что консульство работает ежедневно, и он, как почти все в России, забывший о законах еврейства, поверил. Не встретив никого, кроме милиционера, старик все не решается обратиться к нему. Наконец, спрашивает:

– Скажите, сегодня есть кто-нибудь из дипломатов Израиля?

– У них выходной... В субботу им не полагается заниматься делами... – роняет милиционер важно.

– Да, да, – переступает с ноги на ногу старик. И опять – неожиданно, преодолевая себя:

– Мне сказали, здесь можно оставить свои данные для вызова на постоянное жительство...

– Можно, – подтверждает милиционер. – Если хотите, дайте мне, я опущу конверт в специальный ящик.

Старик молчит: ну как доверить такое гою, тем более – милиционеру. Тот поставлен органами, собирает, конечно, информацию; однако что делать? Неужели приезжать снова? Он вопрошающе смотрит на милиционера. Тому едва ли больше двадцати, у него ясные глаза, пухлые детские щеки.

Я стою к ним спиной, лицом – к стене с объявлениями. Оба они не обращают на меня внимания. Наконец, оборачиваюсь. И вот уже бросается ко

мне старик – с радостью. Он сразу оценил характерность моей иудейской внешности. И заранее приготовленный конверт дрожит в его руке:

– Посмотрите, пожалуйста... все ли верно?

Чуть прикрывает ладонью – и от снега, и от глаз милиционера. Я замечаю прежде всего год рождения: 1910. Вижу также: на листке – одна фамилия. «Значит, и едет один». А мысли старика сейчас – о другом. Интересуется у милиционера процедурой оформления документов, отправкой багажа. Тот неожиданно оказывается в курсе всего (во время дежурств память, как магнитофон, зафиксировала однообразные разговоры людей). И почему-то теперь это не удивляет старика.

Так стоим, почти облепленные хлопьями снега. Потом старик идет разыскивать что-то в пустых магазинах. Медленно, без лишних движений, скользит по снегу допотопными своими ботами, которые когда-то, лет тридцать назад, помню, называли «прощай, молодость».

1989

Истина

Мне всегда интересны антисемиты – их судьбы, их с годами крепнущая ненависть, их жаркая правда, в которой по-своему (но совсем иначе, чем у евреев) перепутаны логические связи.

В прибалтийском Калининграде, на Ленинском проспекте, идет навстречу мне старая женщина. В обеих руках – тяжелые сумки, на голове – берет, спереди и сзади на старенькое пальто опускается большой вязаный шарф. (Обычные, наивные попытки интеллигенции скрыть вопиющую свою бедность).

Замечаю ее издали, вижу, как безжалостно бьет ноябрьский ветер маленькую фигурку.

Встретив мой взгляд, подходит ко мне. Остановившись, чуть опускает сумки и произносит, четко выговаривая слова:

– ...А все-таки во всем виноваты евреи!

Высказав эту – сокровенную для нее – истину, женщина неторопливо идет дальше.

1989, ноябрь

Фразы

Приезжающие оттуда твердят в один голос: глазам своим не поверил, когда увидел: кругом – евреи. И я подтверждаю: чувство это ни с чем не сравнимо. Поверьте, дышишь по-другому! В буквальном смысле – там дышать легче. Ведь здесь мы так зажаты, скованы...

Кому принадлежат эти слова? Какая разница! Каждый раз их кто-нибудь да обронит в очереди. Кто-нибудь из тех, кто едет в Израиль во второй или в третий раз. Дама из Минска, воронежский парикмахер, пенсионер из Бельц...

Случается, однако, услышишь другое. С хохотком ли, серьезно ли:

– ...Хорошо в Израиле, да только слишком много евреев!

Фразы эти, в сущности, может произнести голос одного и того же человека. Конечно, в разное время, в настроении разном.

Попробуйте спросить: почему? Скорее всего, говоривший вам ничего не объяснит. И я сейчас промолчу: отвечать слишком долго. А задумавшись, вы и сами поймете, что сделали с нами два тысячелетия рассеяния.

1992, январь

Карта

Случайная, как почти всегда, встреча. Знакомимся с ним в одном московском доме, куда он приезжает прямо с вокзала, едва сойдя с саратовского поезда. У наших общих знакомых ждет его переданное с оказией письмо от израильских родственников. Ну, а там, в конверте, – легко догадаться: вызов «на постоянное жительство».

Я и сейчас хорошо вижу его. Вот сидит, развалившись в кресле-качалке: при неосторожном движении подсакивают резко вверх пыльные полуботинки на толстой подошве; мятые брюки, коричневые синтетические носки. Он нерешителен и оттого развязан нередко. Ставит его в тупик даже простой вопрос:

– Вам кофе?

Он понимает: это жест вежливости (хозяева торопятся куда-то), однако отказать не может – выпивает две чашки, опустошает тарелку с бутербродами («Извините, возьму еще один». – «Ну, конечно, конечно»).

Еще больше он говорит. Слова плотно облепляют его, точно скрывают важное. Хотя скрывать нечего, уже через несколько минут все ясно. Разумеется, не знает он, почему все-таки решил уезжать: «Логике это не поддается». Наконец-то – в сорок два – защитил диссертацию, дали в институте должность старшего научного сотрудника, строит дачу. «Антисемитизм, конечно, существует, но меня-то никто не трогал...»

Все это обычно, и я перестаю его слушать (не узнав ничего про родителей, с которыми он вместе живет).

Я слушаю песни Окуджавы, которые звучат из соседней – детской – комнаты, а смотрю на Б.

Можно было бы назвать его симпатичным, но рыжая густая борода совсем не идет ему, не вяжется с растерянным выражением глаз. Обычно борода придает лицу определенность, законченность какую-то, однако он – самое воплощение растерянности. Может, оттого и не уходит, засиживается до неприличия в гостях, что ждет инстинктивно подсказки...

Когда мы снова – случайно же – встречаемся на Большой Ордынке, Б. помят еще более. Живет в кооперативной гостинице (в комнате на четверых), несколько дней, видно, не принимал душ: в разрезе плаща проглядывает чистая рубашка, которую он достал из саратовского чемодана, но голова лоснится, а на воротнике плаща – перхоть.

У консульства он переходит нетерпеливо от группы к группе. А в глазах – все то же ожидание: кто-то – кто? – должен ответить на его сомнения.

Он рад встрече со мной (старый знакомый!) и вскоре приглашает перекусить в полуподвальном кафе. Мы идем туда долго: как всякий провинциал, Б. знает в Москве только несколько мест общепита. В кафе он водружает на поднос две порции сосисок, тарелку булочек, два стакана некрепкого, на сгущенке, кофе. И беспрестанно опять говорит, точно не желая

прислушаться к голосу внутри себя, а, может быть, как раз заглушая тихий этот голос.

После сидим на скамейке. Он закуривает и достает из портфеля карту Израиля, которую купил у спекулянта. По-детски шевеля губами, повторяет вслух древние названия. Я думаю: миллионы людей с трепетом произносили в течение тысячелетий те же сочетания звуков, которые для него почти ирреальны.

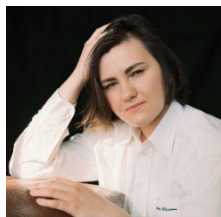
Наконец, он замолкает и смотрит куда-то вбок от меня.
1990

Дебюты

Марина Бондаренко

Гданьск, Польша

Побег (Дебют)

– Я завтра сяду.

Кошачья голова требовательно уткнулась в бок. Катя с трудом подняла руку и запустила пальцы в пушистый мех.

– Кексик, хороший мой.

Кот урчал маленьким моторчиком, способность думать понемногу возвращалась. Нужен совет. Она подняла с пола мобильный.

– Дядя Сережа, это Катя. У меня проблемы. Да, я приеду.

Несмотря на разгар рабочего дня, трафик был очень плотный. Такси переползло из одного затора в другой. Катя машинально пролистывала новостные каналы. Профдеформация, как говорила мама. Аресты, обыски. Обыски, аресты. И, как финал уродливой пьесы, большие тюремные сроки. Пять, семь, десять, пятнадцать лет.

Такси резко дернулось. Снова пробка. Девушка посмотрела в окно. Мост. Живот скрутило в тугий узел, в горле пересохло. Год назад именно здесь, на этом мосту, она, домашняя девочка Катя, с ребятами из редакции попали под светозумовые гранаты. Первый выход «в поле».

Глубокий вдох, медленный выдох. Таксист покосился в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. И хорошо. Не то время и не то место, чтобы разговаривать с незнакомцем. Даже если у этого незнакомца в телефоне на приборной панели открыты те же новостные каналы.

Офис дяди Сергея располагался в тихом центре, в доме довоенной постройки. Дядя уже ждал ее на лавочке. В своем неизменном костюме-тройке он напоминал замшелый валун с поблескивающей на солнце лысиной.

– Прекрасный сегодня день. Прогуляемся? – спросил он вставая.

Некоторое время шли молча, только трость стучала по тротуару.

– Меня вызвали на беседу. Завтра к восьми, – сказала она почти спокойно.

– Повестка была?

– Нет, – качнула головой, рыжие колечки волос мазнули шею. – А если просто не пойти? Я никто. Кому я нужна?

– Тогда они придут сами. Редакторы в СИЗО? В СИЗО. – Дядя Сережа остановился, опираясь на трость. Заглянул ей в глаза. – Катюша, для них ты, как минимум, участник протестов, а, как максимум, фигурант уголовного дела. И твой коллега, как там его, на беседу уже ходил.

Катю передернуло. Сходил, да. Уже появилось видео, на котором избитый Ванюша заплетающимся языком говорит на камеру, как он сожалеет, что координировал протесты.

– У твоей маменьки сердце. Ты подумала, как она будет ходить по твоим судам? И независимых адвокатов сейчас не найти.

– А как же вы?

– Катюша, я уже слишком стар, чтобы потерять лицензию. Да и СИЗО, если попаду, просто не переживу.

Помолчали. Опавшие листья шуршали под ногами. До них еще не успели добраться дворники, которые денно и нощно вылизывали центр, делая его стерильным.

– Надо валить.

– Надо. Я тебе это давно толкую, а ты все «долг, друзья, товарищи», – он достал телефон. – Дам номерок одного человека, поможет. Бери ровно столько, сколько можешь унести на себе. И, прошу, не затягивай. Завтра тебя здесь быть не должно.

Катя кивнула.

– Вот и хорошо, – Сергей Николаевич прищурился, глядя на солнце. – Тревожный октябрь в этом году, но такой красивый.

Город горел в желто-багряном пожаре. Пылали парки и скверы, бульвары и тихие дворики пятиэтажек. Ветер гулял по широким проспектам, танцевал опавшими листьями на огромных пустынных советских площадях. Город для пропагандистской открытки. Витрина.

С проводником она списалась в такси, встреча на заправке на выезде из города. Осталось три часа. Всего ничего.

Озираясь по сторонам, Катя юркнула в подъезд. Маленькая квартирка, доставшаяся ей от бабушки. Только год назад Катя сделала в ней ремонт. Что брать? Как уместить всю жизнь в одном рюкзаке? Ноутбук, паспорт, деньги, водительские права, новые носочки с пандами. Поколебалась, но все таки запихнула в рюкзак фото в рамке: молодые родители и маленькая она. Счастливые. Еще живой отец.

Щелкнул замок входной двери.

– Катюша, это я! – Раздалось из коридора. – Заезжала к тете Наташе, решила к тебе заглянуть. У нее новые выкройки! Такая красота! Пошью тебе на работу костюмчик, а то вечно в джинсах ходишь.

Мама, невысокая и хрупкая, бывшая балерина, не оставляла попыток Катю то приодеть, то причесать копну ее непослушных рыжих кудрей.

– Не сутулься! Ты же девочка! — Одергивала она Катю-подростка, уже повзрослому высокую, но ещё по-детски нескладную.

– Журналистика не для девочек, — отговаривала Катю-выпускницу.

Катя молчала и делала по-своему. Упрямством, как, впрочем, и ростом, и рыжими волосами, она пошла в отца, уважаемого хирурга, сгоревшего от пневмонии десять лет назад.

Мама заглянула в комнату.

– Катя, ты куда-то собираешься?

В комнате, в которой обычно каждая вещь лежала на своем месте, словно прошел ураган. Одежда вперемешку с документами ровным слоем лежала на диване, на полу, из выдвинутого ящика выглядывала горка разноцветных носков.

– К друзьям, — ответила Катя, не поднимая головы. Вышло резче, чем она хотела. Катя, сидя на полу, как раз пыталась застегнуть молнию на плотно упакованном рюкзаке. Молния сопротивлялась, Катя злилась. Не хватало только порвать единственный большой рюкзак.

– Катерина, ты не умеешь врать. Ты куда?

Молния наконец поддалась, скрепив между собой края туго натянутой ткани.

– Ты, правда, хочешь знать? — Катя подняла голову и посмотрела на маму.

– Я — твоя мать.

– Мам, ты же в это не лезешь.

– Катя, что случилось? — И после паузы. — Сергей в курсе?

Катя коротко кивнула. Мама тяжело опустилась на диван:

– Я знала, что так будет. Всегда знала. Зачем же ты пошла на журфак?

– Мам, ну, мамочка, — Катя придвинулась к ее ногам, сжала ледяные пальцы, заглянула в глаза. — Не надо. Прошу тебя. Со мной все будет хорошо.

– Катюша...

– Мамочка, позаботься, пожалуйста, о Кексе. Мне пора идти.

Встала, с усилием подняла рюкзак и направилась в прихожую. Мама шла следом. Катя замерла, взявшись за ручку входной двери.

– Опасное это дело, Фродо, — выходить за порог, — пробормотала она.

– Катюш?

Оглянулась. Мама, такая родная и потерянная, стояла посреди прихожей, руки прижаты к груди. Такая маленькая, такая родная. Кекс сидел у ее ног. Хотелось обнять, прижать маму к себе, но тогда она, Катя, просто не сможет уйти.

– Люблю тебя, мама, — прошептала Катя.

Толкнула дверь и вышла. В груди горело.

Двор погружался в сумерки. Ветер быстро высушил слезы. Сняла в банкомате все деньги с карточки, затолкала во внутренний карман куртки. Город, который она так любила. Город, в котором прошло ее детство. Город, который стал врагом. Но как же хотелось надышаться им напоследок.

Она приехала немного раньше. Ее сопровождающий, серый мужичишка неопределенного возраста, был уже на месте. Машина была под стать своему хозяину.

Всю дорогу они молчали. Из магнитолы звучал шансон. Катя очень устала за день, но не могла заснуть. Еще вчера она думала, в чем пойдет на свадьбу к друзьям, а в субботу собиралась пойти с девчонками на кофе. Зимнее пальто осталось в химчистке. Так и не заказала корм коту. Остатки нормальной жизни рухнули, как гнилой, покосившийся забор. За спиной остались любимая квартира, мама, дядя Сережа и Кекс.

Сначала ехали по трассе, потом по проселочным дорогам. Леса и поля сменяли друг друга. Машину подбрасывало на ямах. В какой-то момент водитель выключил фары.

Внезапно машина остановилась возле очередного голого поля.

– Иди через поле прямо, пройдешь перелесок насквозь и выйдешь к реке. Возьми немного влево. Брод возле сломанной березы, – сказал водитель.

– Брод? – после долгого молчания ее голос звучал хрипло.

– Там будет по колено. Перейдешь реку и иди сдавайся погранцам. Проси политическое убежище.

– Вы со мной не пойдете?

– Нет. Я тебя довез, дальше сама.

– Сколько я вам должна? – Катя полезла в карман куртки, в котором лежали наличные.

– Нисколько. Все уже оплачено. Удачи.

«Спасибо, дядя Сережа».

Ноги в кроссовках по щиколотку проваливались в жирную распаханную землю, тонули в ней. Земля словно знала, что еще одна дочь покидает ее. Лесок медленно, но приближался.

Черная лента реки уже виднелась между деревьями. Еще чуть-чуть, и там, в другой стране, ее уже не достанут.

– Стоять! – Окрик парализовал, приморозил к месту. Между деревьями показалась темная фигура с автоматом. «Добегалась». Мысль промелькнула и утонула в нарастающей панике.

– Что вы здесь делаете? – Спросил мужчина в камуфляже.

Она беспомощно посмотрела на реку.

– Заблудились? – Вежливо поинтересовался он и, усмехнувшись, добавил.

– Бежите?

Кивнула. Комок в горле мешал говорить.

– Следуйте за мной, – он развернулся и первым направился к деревьям.

Катя, как во сне, побрела за ним, с трудом переставляя ноги. Сколько они так шли вдоль реки, она не знала. Внезапно «камуфляж» остановился.

– Вы можете пройти здесь. Мельче уже не будет.

– П-п-пройти?

– На ту сторону, – уточнил он.

– Спасибо вам, – прошептала Катя.

– Считаю, я тебя не видел.

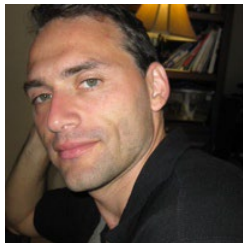
Катя пришла в себя на другой стороне реки. Мокрые джинсы липли к ногам, в кроссовках хлюпала вода. Катя оглянулась. Берег, отделенный рекой, чернел размашистой кляксой на фоне чернильного неба, которое подпирали верхушки деревьев. Черное на черном. Однажды и там взойдет солнце.

Максим Эрштейн

Атланта, США

Старуха (Дебют)

Многие, наверное, покопавшись в памяти, вспомнят эту старуху. Ее можно было часто видеть поздними вечерами в Петербургском метро в конце двухтысячных. Я в то время бывал в Петербурге наездами, раз в несколько лет, и впервые обратил на нее внимание, кажется, в 2008 или в 2009 году. Тогда выдался необычно жаркий и душный август, прохожие носили в руках плащи и зонты, по вечерам небо покрывалось тяжелыми серыми облаками, лили дожди. Ночи, уже густые и темные, дышали свежестью и прохладой.

Местные жители, конечно же, не глазят по сторонам в метро. Тем более, в ночное время, когда пересечение взглядом с каким-нибудь подвыпившим субъектом может сулить не то чтобы опасность, но скорее ее предвкушение, щекотание нервов и желание выйти на ближайшей остановке и пересест в следующий поезд. И лишь приезжие, самые любопытные из них, разглядывают пассажиров, их лица, пытаюсь проследить и угадать – что же это за народ такой – петербуржцы, и чем они отличаются от нас, может быть, белорусов или молдаван: щелкают ли они в метро семечки, читают ли до сих пор поголовно художественную литературу, как то было в советские времена, и можно ли здесь запросто заговорить с незнакомой девушкой.

Если вам интересна жизнь, люди и их культура, то вы в любом новом городе не ограничитесь посещением музеев и достопримечательностей, но обязательно спуститесь в метро, приедете на рабочую окраину и понаблюдаете, как именно люди здесь ходят в магазины, выгуливают собак и ходят всей семьей в соседнее кафе поужинать. Только самым старательным и пытливым искателям удастся пройти рядом с такой семьей и подслушать спор о дороговизне японской кухни, за которой, собственно, семья и вышла из дому, сетование жены на зарплату мужа, мужа на желание жены и сына, чтобы у него был плейстейшен. Если встать близко у афишной будки и долго делать вид, что читаете объявления, то можно услышать, как с другой стороны мама распекает ребенка за плохие оценки или хозяйка какого-нибудь мопса ласково укоряет его в проглоченном объедке, валявшемся на тротуаре. Вы увидите, как самые аккуратно одетые граждане выносят из мясного магазина тонко нарезанные свиные эскалопы в прозрачных пакетах. Все это будет и похоже и

не похоже на аналогичные ситуации, происходящие в вашем городе, но именно такие сцены из городской жизни составляют правдивую картину местной действительности, истинную цель любого настоящего путешественника.

Так сложилось, что я часто возвращался в свою съемную квартиру уже далеко за полночь, предпоследним или последним поездом метро, и в вагоне бывало не более десятка пассажиров. И вот однажды, разглядывая их, я заметил ее. Она сидела на сиденье напротив, справа от меня: сгорбленная, высокая, худая старуха со скорее светлыми, чем с седыми, волосами, убранными в платок. Высохшее лицо в морщинах, резкие черты лица. Меня сразу поразила ее крайняя, глубокая, какая-то экстремальная старость. Ей было никак не менее ста лет; таких старых людей мы вообще нечасто встречаем, а уж появление такого персонажа около часа ночи в метро должно быть большой редкостью.

Старуха была не то чтобы неряшливо, но плохо и бедно одета, руки перевязаны копеечными пластиковыми пакетами, в какие упаковывают еду в супермаркетах. Пакеты лежали возле нее на сиденье и в них угадывались пустые бутылки, коробки и другой мусор. Род ее занятий и причина столь позднего пребывания в метро были очевидны. Однако, сидя спокойно на сиденье, с опущенной головой и вперенным в пол взглядом, мерно покачиваясь на сиденье, она не вызвала какой-то особенно сильной жалости, не выглядела как человек, нуждающийся в помощи. Я разглядывал ее несколько остановок, потом вышел из метро, еще немного побыл под впечатлением встречи с такой пронзительной старостью - и скоро забыл о ней.

В следующий раз она встретилась мне на станции метро, наверху, в вестибюле, около часа ночи. Прохладный ветер, залетавший с улицы сквозь открытые двери, шевелил газетами и мусором, разбросанным возле стен. Как сломанное дерево, с видимым усилием, нагибалась она к полу и собирала пустые бутылки. Подолгу застывала она в согнутом состоянии и разбивала свою работу на эпизоды – сначала наклониться, затем взять бутылку, секунд двадцать собираться с силами, затем разогнуться обратно – на этот разгиб тяжело было смотреть без содрогания – так тяжело он давался ей. Она постепенно переходила вдоль стены и продолжала свое занятие, а я стоял и наблюдал. Однако, что же такое – как ни тяжело ей приходилось, но она была, что называется, «on the mission»: не поднимала головы, погружена в свое дело, никаких вздохов и ахов, и периодически отдыхала: медленно доставала из кармана платья часы и подносила их к лицу. Видимо, помнила, что скоро последний поезд и наверняка знала, сколько времени понадобится добраться до эскалатора и потом до двери первого вагона. Редкие пассажиры появлялись в вестибюле, иногда бросали на нее взгляд, пробежали и поглощались эскалатором. Я стоял всего в нескольких шагах от нее, так, чтобы не мешать ей. Она не видела меня. Не замечала. Ее работа продолжалась, так же деловито, со скрипом, медленно и упорно. Я погрузился в наблюдение, оно втянуло и засосало меня, и, когда старуха подняла голову и посмотрела сквозь меня в сторону эскалатора, то я почувствовал, что меня нет. Я тоже себя не увидел в ее взгляде. Мне стало страшно, я очнулся и посмотрел на время; скоро надо было идти на поезд. Немного еще помедлив, придя в себя, я спустился на эскалаторе вниз на станцию, но прежде чем сойти, я посмотрел вверх и увидел ее там, вдалеке, в светлом пятне на другом конце; между нами

никого не было. Я пробежал подальше – не хотел ехать с ней в одном вагоне. Сел в поезд и задумался.

Она была совершенно отдельным, самостоятельным явлением этом мире, пожалуй, даже собственным миром, в котором из нашего мира существовали только бутылки, двери, щель для жетона на эскалатор, поручни, ступеньки, сиденье поезда. Все это были элементы ландшафта ее мира, зачастую трудно проходимые, и ее задача состояла в успешном их преодолении и достижении конечного пункта. Не упасть. В этом месте ставить ногу на пятку и держаться за поручень. В другом выбит кусок мрамора на полу, его обходить осторожно, с правой стороны. Множество задач поглощало ее и полностью мобилизовывало ее силы. Думаю, что темные движущиеся фигуры тоже были отмечены ею как элементы ландшафта, но эти фигуры никогда не мешали ей, они расступались и растворялись перед ней. Она знала, что это люди, но помнила ли она еще – что такое люди? Добыча существовала в виде пустых бутылок. Для того, чтобы успешно завершить самую опасную часть квеста, нужно было собрать их и обменять где-то в черной дыре на крупу. Которую предстояло еще сварить, но эта, домашняя часть квеста, была полностью схематична и лишена неожиданностей, в отличие от уличных частей. Думаю, неожиданности она ненавидела больше всего, боялась их и понимала, что ресурсов справиться с ними остается все меньше. И вот оно – успешное завершение квеста – тарелка с кашей на столе. Трофей, добытый из мира теней, где бывает снег, закрытые двери и даже бродячие собаки – ее, может быть, главные враги.

Ну и ладно, пусть так. А наш квест, спрашивается, так уж намного отличается от ее квеста? Разве что мы с вами намного чувствительнее и в этом мире еще умеем радоваться. Я вдруг резко осознал, что единственное настоящее чувство, которое я должен испытывать к этой старушке, – это уважение, благоговейное уважение к ней и ее квесту. К ее миру. Она совершенно автономна. Не надо ей ни помогать, ни мешать. Я встретился с вещью в себе, и все мои домыслы о ней есть только мои домыслы. Уважение – это, по определению, позволение быть самим собой. Никакой жалости, никакого сострадания. Может быть, мой собственный квест должен вызывать не меньше сострадания, но мне ведь никто не сострадает, да и я сам не нуждаюсь в сострадании.

Так я ехал и думал; проехал три лишние остановки и вышел на конечной. Выйдя из поезда, я запретил себе смотреть назад – не хотел ее видеть. Но искушение было слишком велико, я оглянулся – станция была пуста. Старушка вышла раньше. Пришлось добираться домой на такси. Водительское окно было открыто, таксист курил. На темном перекрестке он выбросил окурочек в окно, сверкнули искры, и я глядел, как он тлеет там, на обочине, пока он совсем не скрылся из глаз. Интересно, а когда жизнь вот точно так же выбросила эту старушку на обочину? Тридцать, сорок лет назад? И сколько ей еще тлеть на обочине жизни?

Любой человек сходит с главной колеи жизни не позднее сорока пяти – пятидесяти лет от рождения. Примерно в это время он выполнил основные задачи в жизни и она его не держит за шкуру так крепко, как раньше. Вдобавок, человек уже накопил достаточно много внутренних отличий и собственных пристрастий и взглядов, взглядов в свои тоннели, уходящие к своим особым мирам. Никто уже не может понять его, разделить его взгляд,

вместе с ним заглянуть в тот же самый тоннель. Поэтому, подобно кусочку магмы, поднявшемуся из недр звезды на ее самую периферию, он откальвается от родительского тела и летит на обочину звездной системы. Он еще связан со звездой, вращается вокруг нее, но он уже отдельное тело и даже может взглянуть на свой бывший мир со стороны. Впрочем, некоторые, чья скорость разлета со звездой слишком велика – то ли из-за того, что их чересчур сильно пнули, то ли потому, что у них свое мощное внутреннее движение и направление, – они покидают звездную систему, совсем отчуждаются от нашего мира. Видимо, погибают или сходят с ума. Но для большинства этот отрыв от звезды – все-таки первый этап в путешествии на обочину. Второй, окончательный, происходит гораздо позже – когда твоя материнская звезда начинает казаться медленной и затемненной и нет больше связей с ней. Нет никого, кому ты дорог и необходим; никто тебя не ждет – ни ученики, ни внуки, ни работа; мир не нуждается в тебе и нет никаких целей и надежд, кроме как подольше протлеть у себя на обочине. Вот этот, второй, решающий этап отчуждения, когда же он случился со старушкой? Наверняка, очень давно. С тех пор она сформировала свой собственный мир, полный своих вызовов и стратегий для решения одной единственной задачи – продолжать существовать.

Окрик таксиста прервал мои мысли – пора выходить.

– Тут уж не проедешь свою остановку – с удовлетворением отметил я и отправился домой спать. Уснул, помнится, на удивление быстро и крепко.

На следующий день старуха не выходила у меня из головы. Ее мучительные наклоны и согнутая фигура стояли перед глазами. Мне захотелось почувствовать себя в ее шкуре. Гиря, черневшая в углу комнаты, мгновенно выстрелила идеей, и я тотчас все сообразил. Я раскидал по полу какие-то банки и бутылки, плотно закрыл занавески, повесил себе гирию на шею и решил, что двигаться буду только на одной ноге. В руках я держал мешок и поставил себе целью собрать в него все, что набросал. Тусклый свет едва проявлял силуэты предметов в просторной комнате, а те, что были далеко от окна, совсем сливались со стенами, покрытыми серыми обоями. Вчувствование шло сначала не слишком удачно. Было, конечно, тяжело, но, скорее, это походило на спортивную игру, напрягало мышцы. Мне оставалось подобрать только пару банок, как вдруг, прыгая на одной ноге, я больно ударился боком об деревянный стеллаж, которого не заметил в темноте. «Now you are talking» – подумал я. С болью прыгать было совсем неприятно. «А ведь у нее постоянно что-то болит» – посетила и такая мысль. Последняя бутылка лежала неудобно для моего больного бока; мне пришлось несколько раз подстраиваться, чтобы нагнуться другим боком. Снимая с себя гирию, я как-то сразу прочувствовал разницу аттракциона с жизнью – она-то с себя снять гирию не может. Особенно к боли я не был привычен. В общем кое-как мне все-таки удалось походить, что называется, в ее башмаках. Мне стало жаль ее, как жаль моего ушибленного бока.

– Надо все же ей помочь – решил я. Для меня это вопрос очень щепетильный – предложение помощи. Можно и обидеть человека и унижить. Вообще-то не следует помогать тому, кто не просит. Уважение к его непростению – прежде всего. И все-таки в данном случае – необходимо помочь. Дам ей много денег – твердо решил я. И больше в этом решении не сомневался.

Однако в последующие несколько дней я не мог нигде найти старушку, хотя и задался целью. Мне суждено было привести мое решение в исполнение только через год – в следующий мой приезд в Петербург. Снова я должен был возвращаться ночью из пригорода в центр на метро. В первую же мою поездку я увидел ее на той же станции, в той же позе. Страшная старость вновь бросилась в глаза. Так же отрешенно, фанатично и независимо шла она по своему квесту, и было видно, что она знает, что делает, ибо делает это очень давно. Времени у меня в тот вечер совсем не хватало, я опаздывал на последний поезд.

– Завтра же поговорю с ней. Расспрошу ее немного и дам денег – так я сказал себе.

И вот завтрашним вечером я встретился с ней в вагоне метро. Она смотрела только внутрь себя; когда поезд затих на остановке, встала и поковыляла к двери. Не для того, чтобы сейчас выйти, это было ясно. Но чтобы успеть выйти на следующей. Так что последний прогон она ехала стоя.

Я вышел вместе с ней, и мы поднялись в вестибюль на эскалаторе; две-три ступеньки разделяли нас, и никого не было рядом, но она и не подозревала о моем существовании. Она принялась за свой труд. Я подошел к ней и громко поздоровался. Не упомяну точно, что я ей сказал: что-то очень доброжелательное, участливое. Она услышала, медленно повернулась ко мне, глядя почти слепыми глазами, и, спустя несколько мгновений, произнесла со злостью и раздражением:

– Что вам нужно? Что вам от меня нужно?

Я опешил от такого холода и злобы - и не нашелся сразу, что ответить. Все слова куда-то исчезли, я не мог выдавить из себя ни звука. Потом все же как-то скомканно, неуверенно сказал:

– Бабушка, вам, наверное, тяжело так наклоняться. Можно я...

– Что вам от меня нужно? Зачем вы ко мне пристаёте? Какое у вас ко мне дело? Уходите отсюда, – почти прокричала она мне, с еще большей ненавистью и агрессией. Ее слова выходили как будто откуда-то издалека, из холодного космоса, и были адресованы как бы не лично мне, а вообще наружу, туда, откуда ее потревожили. Я не думаю, что она отчетливо различала мои черты лица, это было видно по ее глазам. Меня обдало враждебностью и отчуждением. Рука все еще лежала в кармане и сжимала пачку денег, немалую сумму для старушки. Однако я отпрянул, прямо-таки отпрыгнул от нее. Я совершенно не ожидал такого разговора. Злость порождает злость, и помню, что я разозлился, или, скорее, обиделся. Какая-то детская обида за мое поруганное доброе намерение овладела мной. Сбежал по эскалатору и уехал домой. Ночь не спал, потом проспал сутки напролет.

Через несколько дней я вдруг стал прозревать. Глубокий стыд и осознание собственной ничтожности и уродства овладели мной. Он, видите ли, обиделся!

А чего, ты, собственно, ожидал? – говорил я сам себе.

Ты хотел получить добрый привет и беседу - и взамен наградить старушку своей помощью? С какой стати? Почему она должна быть добра к тебе? Мир ненавидит и отвергает ее уже долгие годы, и она отвечает ему тем же. Какое ты право имел рассчитывать на разговор с ней? Она ведь не побирающаяся нищенка и сама тебя ни о чем не просила, это ты влез к ней, отвлек ее от дела.

Зачем ты испугался холода и злобы в ее словах, почему был к этому не готов?

Так я ругал себя. Ну что я за debil, почему у меня хорошая мысль, приходит, как говорится, всегда опoся? Почему я так медленно подстраиваюсь под ситуацию?

Мне надо было просто протянуть ей приготовленные деньги, сказать «Возьмите» - и уйти. Вот что следовало сделать, а я повел себя как обиженный мальчишка. «Ну ладно – исправим ошибку», – решил я.

Но не случилось мне исправить эту ошибку. Только однажды я увидел ее еще раз, на другой станции метро, из окна автобуса. Догнать не успел, она исчезла. Катался потом обычным маршрутом в метро, не замечал ее. Затем пришлось улетать в свою страну. И в последующие мои визиты в Петербург я больше никогда ее не видел.

Максим Стельмак

Омск, Россия

Накануне революции. Омск непарадный (Дебют)

*Колосом серым висится тюрьма.
И стали в ряд курные избы ссыльных
И гордые чиновничьи дома.
Л. Н. Мартынов. «Старый Омск».*

*Тащат узников дроги,
Красный холм, как снегирь,
Лишь этап на дороге
Из Сибири в Сибирь.
Д. Н. Косяков. «Город родной».*

Часть I. Гнездо бюрократии в степи

Омск всегда поражал приезжих своим казённым духом и консервативной атмосферой, так свойственным, по их выражению, «этому провинциальному городку, или далёкой пыльной станице». «Город с общей казённой физиономией, побольше военных чем в других городах, вот и всё», писал П. А. Кропоткин.

Почему же именно эти явления больше всего бросались в глаза? Причин тому было немало. В городе находились административные учреждения, центр Акмолинской области, Степного генерал-губернаторства, штаб Сибирского

казачьего войска и местного военного округа, судебная палата, управление железной дорогой и множество других казённых ведомств. Безусловно, присутствовали представители культурных слоёв, интеллигенции, общественности, но они были сравнительно невелики. Им было непросто что-либо противопоставить большинству – военным и чиновникам (действующим и отставным), являющимися полновластными хозяевами города. Воистину, это был военно-бюрократический бастион.

Город, по выражению почётного гражданина Сибири и г. Иркутска, географа, этнографа, публициста, фольклориста, ботаника, одного из основателей сибирского областничества Г. Н. Потанина, «без базы, без фундамента, без своей народной массы, вымуштрованный дисциплиной и традицией». Город, отличающийся исключительной индифферентностью к животрепещущим общественным вопросам. Существовать «вне службы», жить без местечка, быть человеком, не будучи чиновником, для Омска было неприлично и стыдно... Иногда от торговцев книгами можно было услышать жалобы на невозможность заниматься продажей данного товара ввиду крайне низкого спроса.

Согласно мнению Г. Н. Потанина, «список омских генерал-губернаторов не блещет именами; из администраторов наибольшую память о себе оставил Капцевич; нездоровая традиция о нём прожила с двадцатых до шестидесятых и в шестидесятых ещё живо чувствовалось в Омске. Это был узкий аракчеевец, пытавшийся экспериментами над подчинённым ему народом доказать возможность безрассудных планов Аракчеева – превратить Россию в сплошное военное поселение».

Известный американский журналист Джордж Кеннан, побывший в Омске в 1885 г. во время своего знаменитого путешествия по Сибири, отметил, что половина жителей носит казённый мундир и занимается управлением другой половины. В его памяти остался разговор с местным честным чиновником, выразившим просьбу ни в коем случае не писать о нём положительно. Удивлённому журналисту было откровенно сказано: «Потому что я не думаю, что ваша книга будет особенно приятна правительству, и, если ваши отзывы обо мне будут хороши, мне предстоит немало неприятностей со стороны моего начальства. Как ни нелепа кажется вам моя просьба, пожалуйста, исполните её».

Сосланный народоволец, журналист, фельетонист, писатель В. Д. Соколов (Митрич) дал подробную характеристику городу в своём стихотворении:

С берегов Иртыша

Город грязный, город пыльный,
Тёмных улиц сонный град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, родимый град!
Управлений и правлений,
Канцелярий и палат,
Предписаний, отношений...
Вот он Омск, родимый град!
Град с кокардами на шапках
Даже маленьких писцов,

Важных барынь в модных шляпках
И «поношенных» пшютов;
Педагогов бессердечных,
Опечаленных детей,
Град комиссий бесконечных,
Неисполненных затей.
Град посулов нашей думы
И обманутых надежд;
Град, где сильны толстосумы
И могуча рать невежд;
Где училищ не хватает,
Для больных – в больницах мест,
Где одно лицо срывает

...

Град общественных скандалов
А над ними – вечный мрак.
Город тёмных капиталов,
Нажитых Бог знает как.
Где с триумфом открывают
Всякий новый ресторан,
А в магазинах сбывают
То, в чём видится изъян;
Где комиссий санитарных
Обыватель не знавал,
Где не раз обоз пожарных
Среди улиц утопал.
Где предвидит обыватель
От пожаров много бед
Оттого мой друг читатель,
Что к рекам подъездов нет.
Город грязный, город пыльный,
Тёмных улиц сонных град!
Город наш вполне чернильный –
Вот он Омск, родимый град!

(Митрич) Соколов В. Д. С берегов Иртыша // Сибирская жизнь. 1899. № 178. С. 2.

Многие жители Сибири именовали Омск городом Акакиев Акакиевичей, впрочем и омичи сами шутили, когда говорили о необходимости ночного освещения улиц. По их мнению, это было вовсе ненужно, ибо ночью город прекрасно освещался благодаря пуговицам на мундирах чиновников. Обладателей же данной одежды зачастую интересовала лишь нажива и попойка. Отставные сибирские чиновники предпочитали доживать свой век в Омске.

Несмотря на мечты, Омску было крайне далеко до культурного центра. Писатель Федор Сологуб, бывший здесь в октябре 1916 г. позднее вспоминал: «Плоский город — кругом степь. Пыль из степи — год, два, сто лет, вечно — так мирно и успокоительно засыпает весь город». Один из омских

публицистов, уделив внимание особенностям местным жителям, дал следующую характеристику горожанина: «Омич, рождённый среди вечной, нудной, наущающей пыли и жары, не привык к большим событиям в своей обывательской жизни. Далеко от центров умственных «схваток» и «счетов», далеко от центров умственной жизни – он индифферентно относится к резким колебаниям в той и другой областях».

Тяжело было найти краю компетентных людей для честной государственной службы, что с горечью констатировал журнал «Сибирские вопросы» за 1908 г.: «Кому неизвестно, насколько, в общем, малоудовлетворителен состав сибирской администрации почти всех ведомств? В этом отношении особенно нужно отметить ведомство внутренних дел, представители которого наиболее многочисленны, находятся всюду и имеют постоянную и огромную возможность оказывать своё воздействие на местное население. В то же самое время именно среди сибирских представителей этого ведомства наиболее всего лиц крайне плохо образованных, не проникнутых чувством законности и крайне непопулярных среди населения».

Точка появилась на географической карте в 1716 г., благодаря основанию подполковником Бухгольцем Омской крепости. По меткому выражению Л. Д. Троцкого, отечественные дореформенные города не были ремесленно-торговыми центрами, а лишь военно-дворянскими наростами на теле всероссийской деревни. Значительная роль военных в жизни региона, расположение в городах Западной Сибири многочисленных воинских частей и заведений отразилось и в городской топонимике. В Омске, например, существовали улицы: Лагерная, Штабная, Манежная, Полковая, Артиллерийская, Бригадная, Госпитальная, Солдатский переулок.

В 1782 г. Омск был назначен уездным городом Тобольской губернии. Генерал-лейтенант, председатель войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска, один из инициаторов основания в Омске Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (а позднее и его руководитель) Г. Е. Катанаев в 1916 г., во время празднования 200-летия города дал немало важную характеристику. По его мнению, Омск, именно в качестве настоящего города, может насчитывать лишь 30-летнюю историю.

Типичный степной город, оставался в памяти попавших сюда благодаря обилию пыли. Довольно примитивная система очистки площадей и улиц, сильная загрязнённость питьевых вод сточными нечистотами из бань порождало высокую степень заболеваемости и смертности, особенно среди детей.

В июне 1915 г. в Вестнике Омского городского общественного управления можно было прочитать следующие строки: «Но человек, сколько он ни живёт в городе, всё-таки, стремится в свободные минуты быть поближе к природе, хочет подышать чистым, ароматным воздухом. У нас же в Омске этого удовольствия трудно найти, потому что город кругом обложился навозом, который разлагается или горит и заражает воздух удушливыми газами гниения и дыма; приходится ехать подальше за город, но что омич найдёт за городом в своих жалких берёзовых колках? Весной здесь ещё застают зелень, а в середине лета всё высыхает: трава пожелтеет, запылится, выгочится людьми и животными, и становится положительно невозможным найти места для праздничного отдыха».

С конца XIX – начала XX вв., когда Омск значительно разросся, обострился квартирный вопрос. В 1914 г. в городе проживало примерно 140 тыс. Вследствие этого на жильё значительно повысился спрос, что в свою очередь привело к неестественно высоким ценам на квартиры. Это относилось и к маленьким комнаткам на окраине, не говоря уже о помещениях в центре. По мнению И. В. Голошубина, выгодоискатели стали быстро строить на продажу дома, стремясь заканчивать работу в короткие сроки. В результате появлялись сырые довольно холодные квартиры. Так что благодаря городским зданиям Омск продолжал представлять из себя смесь контрастов – рядом с деревянной лачугой могло возвышаться каменное здание, а недалеко по соседству жалкий полуразвалившийся дом.

Часть II. Грёзы о Лейпциге

Но вместе с неотъемлемыми частями российской действительности на Сибирь, с опозданием, наступал и XX век. Фабрично-заводская промышленность в Акмолинской области хоть и была развита слабо, всё же значительно подвинулась вперёд. В 1913–1914 гг. процентное отношение рабочих ко всему населению Сибири колебалось вокруг цифры в 7 %, а вместе с членами семей достигало 30 %. Социальный состав рабочих Сибири в силу географической и общей неравномерности экономического развития края отличался неоднородностью. Здесь были представлены и кадровые рабочие фабричного типа, и постоянные мануфактурные рабочие, и рабочие-кустари, сезонники. 7 июля 1913 г. закон о введении фабричной инспекции был распространён на Сибирь. Но и после введения её в регион положение было неблагоприятным. В 1914 г. было зарегистрировано 541 нарушение фабрикантами законов.

Контора завода С. Х. Рандрупа, 1911-1912 гг.

Видный и популярный приват-доцент Московского университета, один из заметных социал-демократических публицистов и лекторов Н. А. Рожков, находившийся в ссылке Восточной Сибири (после двух лет заключения в Бутырской тюрьме) указывал, что к началу 1912 г. российское

правительство очень мало сделало, чтобы уменьшить «болезненности русского капиталистического развития» для большей части населения.

В 1901 г. датчанин С. Х. Рандруп основал в Омске завод по производству сельскохозяйственных машин и орудий. С 1909 г. в городе появилось несколько автомобилей. После проведения железной дороги Омск приобретал значение как место складирования товаров, идущих из европейской части страны. Через город проходили преимущественно мануфактурные, галантерейные и бакалейные товары.

Положение на судоходной реке, при пересечении двумя железными дорогами, способствовало развитию города как важного торгового пункта. Стали появляться не только российские купцы, но и иностранные предприниматели. Появилось несколько складов сельскохозяйственных машин. Открылось представительство британской фирмы братьев Роберта и Томаса Эльворти.

Тюменский купец В. Л. Жернаков купил в Омске лесопильный завод. К 1909 г. в городе действовал Городской общественный банк, Отделение Государственного банка и ещё отделения пяти частных банков: Сибирский торговый банк, Волжско-Камский коммерческий банк, Русско-Азиатский банк, Русский для внешней торговли банк, Омское Общество взаимного кредита. Деятельность банков находилась в тесной связи с ростом грузооборота по Иртышу и железнодорожному пути.

В 1909 г. из города было вывезено 628000 пудов масла. 67% всей вывозимой из Западной Сибири шерсти приходилось в 1903 г. на долю Омска. Советский и российский историк, профессор, доктор исторических наук А. М. Анфимов подмечал: «Тем не менее, с 1912 г. Государственный банк начал выдачу ссуд на покупку сельскохозяйственных машин и орудий. Но обратим внимание на одну деталь. Ссуды выдавались преимущественно не там, где больше на них был спрос, т.е. в европейской части страны, поскольку рассрочки могли помешать интересам помещиков, а за Уралом, «в крестьянском царстве», где к тому же машины продавали главным образом американские фирмы и по очень высоким ценам».

Лесопильный завод В. Л. Жернакова, 1914 г.

Активно проводились операции по скупке сибирского сырья. Товарооборот города, благодаря железной дороге, с 1900 по 1910 гг. увеличился в 3 раза. Величественный Любинский проспект в центре города в

первую очередь обращал на себя внимание гостей, напоминая столичный уголок. А он и вправду был застроен московскими коммерсантами каменными, преимущественно двухэтажными магазинами, чьи представители обосновались в новых помещениях.

Многие люди выражали надежду, что когда-нибудь Омск станет развиваться в торгово-промышленном отношении, раз не удаётся стать центром просвещения. Представители купеческих семей обещали приезжим, ещё вот-вот - и Омск станет русским Лейпцигом. И Г. Н. Потанин писал с надеждой в 1908 г.: «Из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакгауз, дробь барабана хочет смениться шелканьем счёт».

Но время шло, обыватель не просыпался, благоустройством нельзя было похвастаться, скудное освещение не разгоняло мрак и в двух шагах, караваны верблюдов и отары овец поднимали тучи едкой пыли. Не исчезали и землянки с городских окраин, где продолжали жить дети.

В докладе, представленном Омской городской управе в 1911 г. о положении окраин Омска всплывала горькая правда: «На прогнившем, обращенном в свалку нечистот и постоянно загрязняемом сотнями живущих малокультурных людей участке рождаются и растут дети. Смертность детей громадна – 40%... Живут здесь все в землянках. Большинство населения 54 % алкоголики. Пьянство здесь невероятно».

Порою в начале Любинского проспекта можно было встретить и нуждающуюся публику, в том числе в лице крестьян, стремившихся вырваться из деревень, чтобы убежать от голода.

Газета «Омский телеграф» в номере от 19 октября 1912 г. уделила внимание ситуации с безработицей: «В толкучем ряду на углу Скорбященской и Екатерининской улиц стоит в ожидании какой-либо работы безработный люд. Есть между ними и женщины с детьми. Все они стоят целый день на холоде. Следовало бы о них позаботиться хотя бы устройством какого-либо помещения». В результате роста населения и недостатка начальных школ в 1910 году в Омске было отказано в приеме в городские приходские училища 245 мальчикам и 148 девочкам. В 1911 г. в городе было отказано в приёме 965 детям школьного возраста за отсутствием вакансий.

Крестьяне Курганского уезда Тобольской губернии в Омске, 21 июля 1911 г.

Врач В. Е. Клячкин в 1911 г., рассуждая о мерах, направленных на оздоровление Омска, в заключении указал: «Наш город так беден санитарными сооружениями, так нуждается в санитарных мероприятиях, так утопает в грязи и столько в его населении болезней, что надо общими усилиями прийти на помощь городскому общественному управлению и указать ему пути к посильному улучшению санитарного дела».

Часть III. Европейская иллюзия

Летом 1911 г. в Омске произошло грандиозное по провинциальным меркам событие, надолго запомнившиеся горожанам и поразившее их воображение. Подобного наплыва гостей ранее никто не представлял. 15 июня состоялось открытие Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки. По своим масштабам она значительно превосходила все сибирские выставки, проводимые ранее. Мысль об устройстве подобного мероприятия возникла ещё в 1902 г. и вот, спустя девять лет, наконец-то, была реализована. На пустопорожном месте был выстроен уголок с чудными зданиями.

В архитектуре было представлено множество стилей, но преобладал всё же модерн. Здесь были водопровод, электрическое освещение, фонтаны, газоны, клумбы, гроты. Участие приняли предприниматели из Санкт-Петербурга, Одессы, Тулы, городов Поволжья и Урала.

Присутствовали фирмы из Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Дании, США. Иностранных экспонатов было действительно так много, что выставку даже называли «уголком Европы в Омске».

За два месяца выставку посетило 250 тыс. человек. При входе особое внимание обращал на себя павильон «Общенаучный» (Сибириведения), выстроенный в египетском стиле со сфинксами и обелисками.

В одном из павильонов при входе стояла статуя Ермака. Всего для выставки было возведено более восьмидесяти павильонов. Модерн царил на ней во всём великолепии, но и сооружения частных компаний отличались своеобразием. Публики были представлены самые разнообразные технические новшества: нефтяные и паровые тракторы, дисковые плуги, молотилки. Официальные издания указывали, что положительные результаты выставки скажутся в ближайшем будущем сами собой.

В северо-восточной части выставки известным авиатором Васильевым было выполнено несколько полётов на аэроплане – первое подобное мероприятие в городе. Признавалось, впрочем, на фоне общего оптимизма, что выставка была организована в неудачное время, когда страну постиг неурожай хлебов, из-за чего крестьянское население было лишено возможности посетить это высококультурное мероприятие. Что не помешало председателю выставочного комитета А. Трувеллеру в речи на торжественном закрытии провозгласить организацию выставки чуть ли не общенародным делом: «К нам пришли не только представители капитала, но и люди из глухих деревень, крестьяне-экспоненты, экспоненты-труженики».

Но немалое количество посетивших смогли увидеть за парадной стороной дела ряд неприглядных явлений. Ими было указано, что выставка не раскрыла реальной картины хозяйства и жизни Западной Сибири и Степного края.

Не удалось выставке и в полной мере передать правду о жизни столыпинских переселенцев в Сибири. Фотографии изображали строительство школ, церквей, счастливых крестьян на новых местах.

Авиатор Васильев перед полётом, 1911 г.

Реальность отличалась от красочной картинки. Как указывал один корреспондент: «Но если мы вспомним тот громадный наплыв переселенцев, который наполнил бесприютные сибирские степи, и вспомним тех из них, которые потеряли надежду выбиться из своего безотрадного положения и... теряя на пути своих детей, тянутся обратно на родину к своим разорённым хозяйствам, для нас будет ясно, что помощь переселенческого управления, если не равна нулю, то она является каплей в море, которая не может являться серьёзной поддержкой в жизни переселенца».

По подсчетам А. М. Анфимова из 3,7 млн. переселенцев 1 млн. вернулся, 700 тыс. разбрелись по Сибири став обычными батраками. Переселенческий поток направлялся по большей части в узкую полосу земледельческой Сибири, где свободный запас земель скоро закончился.

Крестьяне-переселенцы на Омском железнодорожном вокзале, 1908 г.

Часть IV. Итоги

Все перечисленные условия городской жизнедеятельности оказывали серьёзное давление на состояние умов. Но вопреки всему, интеллигенция стремилась развивать культурную сферу. К. Д. Бальмонт, один из ярчайших представителей российской поэзии Серебряного века, посетивший Омск в ноябре 1915 г., оставил в письме следующее описание своих впечатлений: «И хоть в целом публика там скучная и тяжёлая, в нескольких сердцах я зародил красный огонь».

Можно было найти применения силам, желающим активно заниматься просвещением. Это и упомянутый Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, музей при нём, Омский отдел Общества изучения Сибири и улучшения её быта, Общество Просвещения, Омский отдел Императорского музыкального общества, Медицинское общество. Увеличивалось количество желающих посещать библиотеки.

Омский тюремный замок, нач. XX в.

Но активная деятельность, посвящение себя творчеству могло натолкнуться на серьёзное недопонимание лиц, считавших себя сведущими в культурных вопросах. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев в 1910 г. оставил свою резолюцию на стихотворении знаменитого сибирского поэта Г. А. Вяткина, посвящённого Л. Н. Толстому и предназначенного для публичного прочтения во время литературно-художественного вечера. Л. И. Лаврентьев не оценил таланта автора, подчеркнул красным карандашом фразы «душой, познавший чистоту», «пришёл ты к нам верою богат» и вынес следующий вердикт: «Не разрешается. Очевидно неврастеник, а то и совсем полоумный, если только не сумасшедший».

Писать, выносить проблемы на обсуждение было чревато неблагоприятными последствиями. Так, редактор газеты «Омский вестник» Л. И. Корвин-Круковский за статью, посвящённую 50-летию отмены крепостного права, был арестован на 3 месяца.

В январе 1906 г. в Омском тюремном замке находилось 70 человек арестованным по политическим мотивам. По распоряжению Степного генерал-губернатора И. П. Надарова только в 1906 1907 гг. из Омска было выслано как

минимум 153 человека. Они были отправлены в Вологодскую, Томскую, Енисейскую губернии, уезды Акмолинской и Семипалатинской областей.

Летом 1913 г. Г. В. Плеханов, анализируя ситуацию в стране указывал: «Во время революционного взрыва не все было так хорошо, как этого хотелось нашим революционерам, а в эпоху застоя не все было так плохо, как этого желали наши реакционеры».

Умеренный земский либерал Д. Н. Шипов заключил: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя. Пропасть, отделяющая государственную власть от страны, всё растёт и растёт, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти».

Правительство так и не смогло понять весьма жирного намёка истории. Пятый год, усиленно изгоняемый правительственными людьми из своих голов, оставил о себе память в степях города на Оми. Омск, град Акакиев Акакиевичей, всё же оставался частью России, со всеми её сторонами и проявлениями. Какие-то их них были заглушены сильнее, другие пытались осторожно пробиться наружу. В умах граждан кипела работа, все видели разные пути выхода из приближающегося тупика.

В конце концов, к тому времени в стране накопилось немало традиций, выражавших разные проявления общественно-политической мысли страны, стремившейся бороться за справедливость, равенство, свободу, науку и просвещение. Но и иная Россия, на протяжении веков бывшая одной из самых толерантных стран по отношению к насилию, бесправию, жестокости, иррациональности, консерватизму и предрассудкам, не собиралась уступать дорогу. Никуда не исчез значительный слой людей, мечтающих остаться в стороне, замкнуться в себе и жить в изолированном от мира футляре, без побед и поражений. А всё же из людской памяти не удалось изгнать дни 1905 1907 гг., время напряжения всех общественно-политических, народных сил, стремившихся к долгожданному обновлению российских и мировых реалий.

Таким был город накануне «короткого XX века» (1914 1991), по выражению британского историка Эрика Хобсбаума, перед скорым наступлением революционной эпохи.

Паулине Лихтшайнхоф

Бонн, Германия

Четыре рассказа из жизни Вампиров (Дебют)

1. В гостях у бабушки Яны

Баба Яна подобрала под кустом вампирчика. Худенького такого, кожа да кости, невесомого, аж посеревшего от недоедания, волосатого, маленького, ростом с котенка. И как его занесло под куст, да на болото? Наверное, злые люди поиграли и бросили. И так же, как у котенка, пол вампирчика остался невыясненным. Кормила она его тыквенным супом (а вы что подумали?)

Нет, вот как раз тыквенным супом с чесноком вампирчик плевался, разбрызгивая вокруг себя по стенам избушки кляксы жизнерадостного оттенка. А тыквенный суп без чеснока — ничего, ел. И сделался со временем довольно упитанным таким вампирчиком. Но тут уж вопрос крови встал, как говорится, ребром. Кровь, она, как известно, не вода. И даже не сливки, на которых варился тыквенный суп. Хороший такой, густой суп-пюре.

Кровь — это кровь. И вампирчик, он хотя и не целый вампир, а все же и не комарик, ему побольше надо. Потому повелось, что как придет к бабушке гость, сядет на лавку, так вампирчик — шась ему на колени. Пригреется там, помурлычет. Гость потеряет бдительность, расслабится, а он как вцепится! И не отцепится обратно, пока не отопьет. Немного, так, чтобы гостю не слишком обидно было. Гости вздрагивают, нервно морщатся, а бабе Яне жаловаться все равно бояться, что мол, котик ваш того, озорует...

Почему-то все они принимали вампирчика за кота. Ну, уши у него, конечно, были острые, масть серая, а глаза в темноте сияли, как два веселеньких зеленых огонька. Но в основном происходило все это потому, что гости эти ничего вокруг себя толком не видели. Ведь приходили гости к бабе Яне все как один по делу. Кому жену извести, кому брата, а кому тещу. Живет она, теща эта, понимаешь, и целую комнату в квартире занимает. И живет, и живет... Вот бы для нее отварчика какого! Из мухоморчиков или там белены... Ну, вы сами лучше знаете, что в таких случаях Минздрав рекомендует.

— Сами вы... белены объелись — неслышно ворчала себе под нос баба Яна.

А средства все же выдавала. Работа у нее была такая. А ОТПИТЫЕ уходили к себе, довольные, гладкие, лоснящиеся, и все у них сперва получалось. А потом, когда их ДОГОНЯЛО, каждый, наверное, искренне удивлялся, с чего это ему, любимому, такая непруха пошла, за что одолела хвороба и тоска. Их-то за что?! Про свой визит к бабе Яне они забывали быстро. Хотя бабой Яной ее звал вампирчик, гости-то называли просто Бабой Ягой.

2. Ужас в Трансильвании

Как известно, в Трансильвании можно провести замечательные каникулы. Вдоволь полазять по горам, полюбоваться таинственными развалинами замков, наесться до отвала ароматной кровяной колбасы, и не кровяной тоже, и послушаться баек про вампиров. Юноша и девушка были в восторге от местной природы, погоды и архитектуры. Причем от всякой архитектуры, даже самой простенькой, сельской.

Вечером они вдвоем забрались на сеновал, ведь никто не докажет, что сеновал это не архитектура. Они собирались рассматривать альбомы с марками. Впрочем, это уже вообще какая-то глупость и ерунда. Не было там ни альбомов, ни марок. Они забрались на сеновал, чтобы...

Но это совершенно неважно. Важно то, что в горных районах Трансильвании темнеет быстро, и в сгущающихся сумерках в маленькое чердачное окошко залетела летучая мышь. Прежде, чем девушка успела воскликнуть: «Ой, какая хорошенькая мышка!», гостья, мечущаяся под потолком в подобии безумного танца, камнем свалилась на пол, и в тусклом свете, проникавшем на сеновал, обоим показалось, что тело ее стремительно растет. Серые морщинистые крылья внезапно раскинулись едва ли не в полкрыши и вот перед ними уже никакая не мышь, а женщина в черном, бледная до синевы, и все же невероятно знойная.

Ее не портили даже красные как кровь глаза. Совсем была бы красotka, если бы не прикус. Четыре пары тонких, серовато-желтых клыков, которые решительно не помещались в ее краснортом рту, поэтому верхняя пара спускалась почти до подбородка, так что казалось, что у красавицы растущие вниз старомодные усы, похожие на усы Тараса Бульбы, а нижняя наоборот торчала выше носа, как дополнительная пара усов, набриолиненных для остроты и напоминающих усы Сальвадора Дали. Женщина широко распахнула свои замечательные усы-клыки и стала надвигаться на нашу парочку, многообещающе посверкивая красными огненными глазами.

— Ой, да это же вампир! А у нас, как назло, ни чеснока, ни святой воды. Даже альбомов с марками нет. — сказал юноша слегка дрожащим голосом.

— Да ты что! — так и подпрыгнула девушка — Так НЕЛЬЗЯ говорить! Это — вампирка!

Женщина раздраженно клацнула зубами и остановилась, разглядывая обоих подозрительно прищуренными красными глазами.

Девушка задумалась и вдруг воскликнула:

— Нет, лучше — вампиресса!

Женщина в черном содрогнулась всем телом и сделала шаг назад.

Девушка оценивающе склонила голову набок:

— Или все-таки вампирица?

Женщина содрогнулась сильнее и отступила на два шага.

— Надо посмотреть правде в глаза и избавиться от вековых стереотипов! — решительно сказал юноша — Перед нами — вампириша!

Женщина испуганно зажмурила свои красные глаза, превратилась обратно в летучую мышь, на глазах нашей парочки стремительно уменьшилась до первоначальных размеров и заметалась по сеновалу туда-сюда в поисках выхода. Похоже, в панике бедняжка никак не находила оконце, в которое так неосмотрительно влетела.

— Пожалуй, правильнее будет называть ее гендерно нейтрально вамп... — начала девушка, но мышь отчаянно взвыла, с усилием протиснулась в узкое окно и была такова.

3. Ночью на набережной

— Ммм-нна, мм-нна, мм-на... ночная бабочка, ну кто же виноват... — сквозь зубы напевала Наталья, нанося на лицо толстый слой мейкапа, свою профессиональную маску, единственную защиту от враждебного окружающего мира.

Потом пришла очередь бровей. Черный карандаш слегка дрожал в Натальиных пальцах. Рисовала она щедрыми мазками поверх собственных, лысоватых, немного покосившихся за последние годы. Вышло как-то подозрительно. Наталья уперлась в зеркало критическим взглядом, и свеженарисованные угрожающе-черные брови, похожие на червяков, шевельнулись.

— Страшновато, конечно, но на вечер сойдет! — успокоила сама себя Наталья. — Вечерний макияж должен быть каким? — деланно-бодро спросила она и сама же себе ответила — Стойким! Стойким, вот каким...

Поковырялась в стоящей под зеркалом бумажной коробке с посеревшими оттрепанными краями. Так, что тут у нас? Помада фиолетовая, есть еще яркомалиновая и... цвета пьяной вишни?! Нет, действительно, это как же нужно было набраться? На трезвую голову такое не купишь.

На дне лежала плоская пластмассовая коробочка с тенями. Наталья еще раз взглянула на свое отражение в зеркале и слегка содргнулась. А вот тени однозначно лучше не наносить! И вообще, надо бы, конечно, меньше пить. Но ведь выпьешь, и тоска отступает, страх притупляется. А страшно ей бывало почти постоянно. Вот сегодня тоже. Мало ли кого встретишь ночью на набережной. Или ЧТО.

Наталья поежилась и все же неохотно начала одеваться. Что поделаешь, надо. Как там у классика? Ночь, улица, фонарь, аптека... Это похоже на формулу ее жизни, и каждому понятно, что если в ней ровно на одну четверть ночи, на четверть улиц, фонарей и аптек, то ни на что другое места не остается.

Наталья вздохнула. Так и есть. Ночь — вот она, улица — прямо под Натальиными ногами, есть и фонарь, расположенный стратегически, не так далеко, чтобы торчать здесь на набережной в полнейшей темноте, и все же не так близко, чтобы слишком ярко высветить ее лицо и, чего доброго, спугнуть клиента вечерним, стойким макияжем.

А что касается аптеки, то и она тут как тут. На углу переливается вывеска. Написано, правда, «Бар», но зато добавлено «24 часа», что прочно роднит его с аптекой. И лекарства в нем такие, что помогают сразу от всех болезней.

Наталья с тоской посмотрела в ту сторону, потом прошла по безлюдной набережной взад-вперед, ежась от морозного ветра и слегка сгорбившись, потому что прятала холоднющие руки глубоко в карманах.

Издали услышав в темноте шаги запоздалого прохожего, она приняла элегантную позу, руки из карманов быстро вынула и даже оперлась ими на ледяной, как могила, каменный парапет, изображая изящную задумчивость. Не помогло, тот торопливо прошел мимо и даже не оглянулся, не соблазнившись Натальей и ее вечерним, стойким. Наталья разочарованно хмыкнула и снова сунула руки в карманы.

...Ну кто же виноват? Мда, кажется, переборщила она сегодня с бровями.

И вот когда Наталье уже казалось, что все было напрасно, зря она красилась, зря малевала себе брови, зря мерзла на набережной, появился Он. Ну плешивый, плюгавый, небритый, зато клиент, а значит, не виноват. Вот привязалась-то песенка эта дурацкая, нет бы возвышенное — ночь там, улица, фонарь... А все потому, что постоишь ночью с Натальей на улице, намерзнешься под фонарем, так только ерунда в голову и ползет.

Клиент мялся, робел, но Наталья ловко подхватила его под руку и повела по каменной лестнице вниз, к самой реке.

— А как же мы будем? — глупо бормотал он.

— Да у нас прекрасно получится! Я всех туда вожу. — весело уверяла Наталья, не слушая его робких возражений. — Ну не на улице же нам с тобой, прямо под фонарем, у аптеки...

И все действительно получилось прекрасно. Вверх по лестнице Наталья поднималась, блестя от удовольствия глазами и слегка пошатываясь. С трудом удалось столкнуть обмякшее и непослушное тело клиента в воду, потому что она опять выпила слишком много; плюгавый клиент оказался неожиданно полнокровным. Вот такая Наталья ночная бабочка, кто же тут виноват?

4. Забор крови

Медсестра Зина с каким-то непонятным чувством рассматривала стоящие перед ней штативы, один полный, другой наполовину занятый пробирками с кровью.

— Зии-иин, а ты карточку-то на Елагину Елену Сергеевну заполнила? — раздался страшный вопль из кабинета напротив, заставив ее вздрогнуть.

— Заполнила я все, заполнила! — из принципа тихо, под нос себе, пробормотала в ответ Зина.

— Не слышу, коллега, чего ты там пищишь? — громче прежнего завопила Танька.

— Вот лень тебе подняться с места, подойти и спросить меня спокойным голосом, как нормальный человек! — злобно выкрикнула в ответ Зина — Тогда бы ты услышала, что я отвечаю!

— Так если ты все равно ОПЕШЬ, просто крикни, заполнила или нет! — донесся очередной вопль из Танькиного кабинета. Самое обидное, что определенная логика в этом присутствовала. Зина встала с табуретки, прошла три метра, отделяющие ее от соседнего кабинета, с упреком посмотрела на толстую, широкую в плечах, непрошибаемую по жизни Таньку, нависшую над сжавшимся в комок пациентом, лицо которого было куда блее Танькиного

изгвазданного халата. И так-то кровь сдавать не каждому легко и приятно, а тут Танька еще и оглушила беднягу своими воплями:

— Вампир ты, Танька,... энергетический! — укоризненно сказала Зина. — Сказала бы сразу, что занята.

— Вампир-ампир! — грубо заржала Танька, которой все было как с гуся вода. — Так что там у нас с карточкой-то, с Елагинской?

Зина работала медсестрой на заборе крови. На двери, ведущей в коридорчик, куда выходили оба кабинета, ее и Танькин, так и стояло «Забор крови». Недавно неизвестный доброжелатель прилепил им на дверь лист клетчатой бумаги, а на нем — картинка: угловатый деревенский забор, обильно залитый неестественно яркой кровью. Не пожалел художник красной гуаши. И клея тоже, как оказалось, не пожалел. Так крепко наклеил это свое безобразное творчество душевнобольных, что листок пришлось долго отдирать от двери с помощью теплой воды и мочалки.

— Большой какой-то! — прокомментировала это происшествие Танька. Зина, которая как раз и занималась приведением двери в приличный вид, только вздохнула. К ним ведь только больные и ходили. На забор крови. Как известно, кто не больной, тот недообследованный. А кто и тогда не больной, тот скоро будет!

Зине в силу специфики работы это было известно совершенно точно. А самое ужасное, что когда к тебе целый день потоком идут больные, то и самой трудно от них не набраться.

Вот недавно один пациент взял и укусил Зину. Нет, серьезно. Зину до этого даже дети ни разу не кусали. Плакали, бывало, орали как резаные, но кусаться не кусались. А тут взрослый, вроде бы, человек, приличный на вид. Укусил и убежал, сам, наверное, испугался.

Зина, конечно, ранку продезинфицировала, чтобы не воспалилась, и пару дней поглядывала на нее с подозрением. А потом укушенное место зажило и Зина выкинула глупую историю из головы. Да вам любая медсестра десятки таких расскажет, если не сотни. С кем работать-то приходится? С больными.

Внезапная Зинина светобоязнь, поселившееся где-то внутри сосущее чувство голода и повышенная чувствительность к запахам явно были симптомами переутомления.

Пришлось пойти к Таньке.

— Подменишь меня? — с некоторой робостью поинтересовалась Зина. — Хочу вот взять пару отгулов за свой счет.

— Ты что, мать, охренела? Отгулы она возьмет?! Отгул за прогул. Мне что, одной тут оставаться, на этом хреновом заборе крови? — так и подпрыгнула Танька. Делать это ей не стоило. От резкого движения штатив с пробирками, который стоял на самом краешке Танькиного стола, наклонился и вдруг соскользнул вниз. Жалобно клацнули пробирки, из них веером брызнула кровь.

Зина проворно метнулась за скребком и ветошью для дезинфекции. Надо бы задобрить Таньку, а то она что-то совсем разошлась. Опустилась на пол. Низко наклонилась над краснеющей лужицей. Теряя контроль над собой жадно вдохнула в себя запах, такой волнующий и аппетитный...

— Ну все, вижу, тебе точно пора на отдых! Ты, коллега, совсем головой поехала! С пола слизывать! Про гигиену совсем не думаешь, да? Нет бы, как

все остальные, взять пробирочку из холодильника, перелить в приличную посуду, да под закусочку...

Слова Таньки с трудом доходили до Зининого сознания.

— Какие остальные? — непонимающе пробормотала она.

— Ну мы. — фыркнула Танька. — Все, кто здесь работает.

— Что, все-все? — пробормотала Зина, неловко поднимаясь на ноги. — И Танька? Не ты, а другая. Олейникова.

— И Танька.

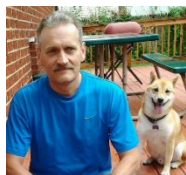
— И главврач?

— Он-то? Давно! И я. И он. И ты. А что такого-то? — возмутилась ее тупости Танька. — Ты что, коллега, совсем дура что ли? Сама же видишь каждый день, с кем нам тут работать приходится.

Лев Немчинов

США

Схватка, или Йонган Дешин

... И вот однажды, заглянув по наводке интернета в удаленный зообутик, он нашел то, что искал: голенастый, не окатыш уже, игривый, но в меру, явно смысленный, рыжеватый с темноволосой спинкой и черненькой мордочкой, маленький шибя ину тотчас запал ему в душу. На другой день, после работы, готовый внутренне к любым сюрпризам, приехал в магазин. Шибка, чья просторная клетка была у входной двери, явно узнал его, вскочив радостно на худенькие лапки, повиливая хвостиком-пружинкой, ловя его взгляд. Шенки в других клетушках завистливо и тоскливо поглядывали на них, не приподнимаясь с подстилок.

Они пообщались еще раз в небольшом закутке, предназначенном как раз для подобных случаев: встреч будущих питомцев и потенциальных владельцев, присматриваясь друг к другу, оценивая взаимную надежность, преданность и серьезность намерений. Шибка проделывал это скрытно, притворяясь увлеченным игрой и общением с Хозяином. Хозяин же, не утаивая своих целей, внимательно рассматривал щенка, его поведение, внешность, сообразительность...

Служащая зоомагазина — продавцом ее Хозяину называть не хотелось, друзей не покупают — рассказала, что у шибки небольшие проблемы со здоровьем, поэтому он и задержался у них. Сердечко бьется учащенно, смещена коленная чашечка на задней лапке. Но тут же и успокоила: мол, у большинства собак эти болячки временные и бесследно проходят с возрастом.

Шибка, водворенный пока суд да дело в свою клетку, пристально наблюдал за ними, инстинктивно понимая, что дальнейшая судьба его зависит от этого разговора. Хозяин ему сразу понравился, еще вчера, — добрый, сильный и ласковый. Другой ему теперь не был нужен. Если он не заберет его отсюда, придет сначала грусть, а с ней тревога и боязнь угодить в приют для бездомных собак, откуда не возвращаются. Маленький шибка знал уже и об этом: слухами земля полна, даже в зоомагазине.

Наконец, Хозяин, улыбаясь, вернулся к нему, поднял высоко на руки, прижал к себе, поцеловал в нос. Шибкиной радости не было предела: у него будет дом и семья. Своих маму и папу он помнил отрывочно и беспечно: теплые и вкусные мамины соски, постоянно сердитый папа, не подпускавший к себе и лишь изредка шуточно тыкавший его носом в бок...

Первые месяцы Макс осваивался, привыкал к незнакомым обстоятельствам, писал-какал по углам, необученный еще искусству смотреть за собой в зоомагазине, налаживал отношения с главенствующим дома Пушком. Кот воспринимал его как надоедливую муху, давая лениво когтистой лапой по морде, или шипел, ошетинаясь, когда приставания щенка доносили его. Макс, расстроено поскуливая, убегал: драться с Пушком ему, мелкому еще, было не по силам. Но он рос шустро, как бамбук, и через полгода уже, не убегая как раньше от острых кошачьих когтей, подпрыгивал слегка вверх, разворачивался в воздухе и блокировал лапку Пушка круглой шерстяной попкой.

Во время ежедневных прогулок в парке, детвора не давала Максу прохода: такого симпатичного, с улыбчивой физиономией, доброго лисенка-пса, им встречать не приходилось. Взрослые от них не отставали, расспрашивая о породе, теребя его мягкую, пушистую холку, предлагая собачьи вкусняшки. Макс радушно и с удовольствием терпел, подставляя голову незнакомым людям, оглядываясь им вслед.

Вначале его тянуло к другим собакам — поиграть, пообщаться, но с возрастом он перестал обращать на них внимания, с готовностью подходить лишь к людям, призывно умилявшимся его внешности, приседавшим погладить, а то и чмокнуть в мокрый нос. Хозяину интересно было наблюдать за ним, молча семенившим впереди, не замечавшим лаявших, брызгавших слюной, рвущихся на него, удерживаемых владельцами собак.

С дружелюбными мелкими шавками Макс готов был обнюхаться, познакомиться на ходу, запоминая и узнавая их при следующих встречах. Благосклонных гигантов приветствовал настороженно, соблюдая дистанцию, выставляя им навстречу широкую для своего небольшого роста грудь.

В целом же, будучи по характеру добрым, покладистым псом, Макс был обычно настроен в отношении сородичей миролюбиво, не ожидая подвоха. За что ему иногда приходилось расплачиваться. Люди, как и собаки, абсолютно разные, и понять их зачастую невозможно. Казалось бы, что здесь мудреного — при входе в парк белым по ярко-зеленому фону написано на аккуратном металлическом плакатике: «Собак держать на поводке!». Чего проще? Но не тут-то было.

Нередко, выгуливая Макса, Хозяин замечал громадных лабрадоров, длинношерстных золотистых ретриверов или курчавых болонок, несущихся им навстречу в свободном полете. Появляющиеся вслед за ними радушные, улыбающиеся как ни в чем не бывало обладатели этих вольнолюбивых

созданий наивно объясняли Хозяину, что их питомцы чрезвычайные добряки и Макс, дескать, ничего не угрожает.

Хозяин, будучи человеком наблюдательным, давно заметил, что разгадать поступки людей, особенно здесь, на фоне ритуальной вседозволенности и разноречивой мозаики наций, далеко не просто. Обстановка формирует непредсказуемость характера, и лучше не пытаться что-либо изменить, досадуя про себя, избегая нелепых случайностей.

С женщинами, порой заглядывавшими в дом Хозяина, Макс был одинаково благосклонен и приветлив, от души радуясь знакомству с новыми людьми, разнообразившими их весьма монотонную жизнь. Он узнавал их при встрече, игриво взлаивал, разрешал почесать за ухом, тыкался мордой в колени. Когда неизбежно подходил момент расставания, Хозяину всегда думалось, что именно из-за Макса им труднее уйти, что он сам как бы и ни при чем, так — занятное стечение обстоятельств.

Одна из них, впрочем, не ушла и перевоплотилась, оседлав вакантное место Женщины Не в Себе, в Новую Жену Хозяина. С Максом, находясь постоянно дома, она быстро нашла общий язык. Изменился с ее приходом, стихийно ли, нет ли, и характер пса. Не в лучшую, к сожалению, сторону. Звонки в дверь всевозможных домогателей — подрядчиков, рассылных, миссионеров районного масштаба, бойскаутов, страховых агентов и прочего случая йного люда — заставляли его опасноливо вздрагивать, убегать вглубь дома, прятаться под столом или коленями Новой Жены.

Наслушавшись и начитавшись местных новостей о непрекращающихся убийствах, ограблениях, зверствах и насилии, в особенности против безобидных азиатов, к которым она, будучи китайкой, имела непосредственное отношение, Новая Жена Хозяина пугалась любого шороха, что умный и наблюдательный Макс собачьим тонким чутьем тут же уловил и перенял.

Только Хозяина встречал он у двери радостно и громко, старательно пытаясь воспроизвести его отеческое "I love you" счастливым лаем. Посторонние звуки — наружные, уличные — беспокоили мнительного пса. Он жался испуганно к ногам Новой Жены, лез под ее кресло, тыкался мокрым носом в руки.

Тяжким испытанием для него были праздничные дни, и пуще всего, четвертое июля, день независимости США от агрессивных британцев. К этому надо добавить, что демография их городишки за последний десяток лет изменилась радикальным образом: средний класс, представленный в большинстве своем белыми «профессионалами», был энергично вытеснен разбогатевшими на хозработках мексиканцами, правдами и неправдами проникшими в страну из своей нищей республики.

И все бы ничего, но мексиканцы, народ трудолюбивый и доброжелательный, по природе и характеру люди тусовочные, шумливые и многосемейные, живущие по принципу работай не разгибая спины, но и оттягиваясь в полный рост. И в день независимости они, не сговариваясь, отдыхали наиболее усердно: с непрекращающимися до полуночи фейерверками, крикливыми дворовыми застольями, толпами возбужденной ребятни — в каждой семье по 3-5 детей — твякающими без перерыва шавками, к которым у них было необъяснимое пристрастие, и грохочущей мариачи или мексиканским рэпом с гулками басами.

Для бедного Макса вечер четвертого июля превращался в многочасовую пытку. От тархтящих, как автоматные очереди, а порой и гремящих, как орудийные выстрелы, фейерверков его охватывала непрерывная дрожь, на него было тяжело смотреть. Обнимания-целования, укачивания, как ребенка, на руках и прочие атрибуты хозяйской любви не помогали. Пес умирал от страха, свернувшись клубочком в подкроватной запыленной нише, дрожа и поскуливая.

Новая Жена Хозяина, от души жалея Макса, не могла удержаться от насмешек: ты же самурайских, мол, кровей, потомственный смельчак, а кто же дом будет защищать от шального люда? Со временем ее шутки обратились в... нет, не в презрение к боязливому псу, она искренне любила Макса, а в стойкое пренебрежение к его якобы бойцовскому духу, твердую уверенность в малодушии и способности постоять за себя и, если понадобится, за нее.

Так и повелось: их ласковые подтрунивания над «отважным» Максом стали привычной семейной забавой, безобидной игрой. Любя, они принимали его таким, какой он есть, — умный, интеллигентный и добрый трусишка: что поделывать, таким уродился. Макс, словно догадываясь об этом, и не думал обижаться: знаю, дескать, за собой такую слабость, чего уж там...

Когда Макс пошел второй десяток, или, в переводе на человеческий возраст, когда ему стукнуло шестьдесят, рассчитывать на изменения в его характере больше не приходилось. Благо он по-прежнему оставался кротким симпатягой, милашкой, любимчиком прохожих детей и взрослых, и жаловаться было не на что.

Но годы напоминали о себе: хвостик-колечко порой раскручивался, свисая грустным хоботком ниже спины — по словам ветеринара, начинающийся артрит. Темно-карие умные глаза покрылись голубоватой дымкой — ленткулярный склероз, неопасный признак старения...

Тем удивительнее оказалась история, приключившаяся с Максом на двенадцатом году его жизни и мгновенно изменившая не вполне лестное мнение, сложившееся у Новой Жены, да и у самого Хозяина о его собачьей удали. О происшедшем Хозяин узнал со слов Новой Жены, выгуливавшей в тот день Макса в одном из соседних парков — ухоженных, с протоптанными дорожками и неглубокими искусственными озерцами посередине.

По обыкновению Новая Жена неторопливо следовала широкой тропкой вдоль озера, здороваясь с приветливыми людьми и отводя взгляд от неулыбчивых и хмурых. В правой руке она крепко сжимала поводок с Максом, озабоченно вынюхивавшим каждый куст, а в левой — повернутый горизонтально айфон, по которому хорошо поставленным адвокатским голосом общалась через китайскую социальную сеть с подругой. Невысокая и ладная, с гривой жестких черных волос разметанных вольно по плечам и приятным округлым лицом с большими глазами, Новая Жена колоритно смотрелась рядом с не менее живописным Максом, с готовностью направляющимся к очередному размякшему при его виде любителю животных.

Этим же необычно теплым, даже для бабьего, или, на американский манер, индейского лета днем, вышла на послеобеденный моцион женщина — назовем ее, к примеру, Парниша Браун — прихватив с собой обожаемого ею питбуля бульдожьего типа. Обожаемого настолько, что хомутить его ошейником и сдерживать поводком ей представлялось чистой воды

издевательством над своим любимцем. Питбуль — известная своей жестокостью и непредсказуемостью порода собак, невзирая на диаметрально противоположное мнение их владельцев. Грустная статистика: за последние пятнадцать лет только в Штатах питбули прикончили более четырехсот человек — в основном женщин, детей и стариков...

Парнишин питбуль был еще молодой, не полноразмерный зверюга, но уже со всеми атрибутами этой бойцовской породы: тяжелой, полубульдोजьей башкой, мощной кабаньей шеей, мускулистым корпусом, напоминающим древесный обрубок, перетянутой мышцами грудью и короткими лапами матерого качка. Сопровождая Парнишу, он обыкновенно вел себя вполне прилично, не задирая других собак и лишь изредка вызывая порицания их хозяев: собаки в парке должны быть на поводках.

Что на него нашло при виде добряка Макса, миролюбиво снующего рядом с Новой Женой — останется нелепой тайной, известной лишь ему. Увидев их, питбуль, злобно оскалась, неожиданно рванул вперед, словно оголтелый испанский бык на красную тряпку тореадора. Когда Новая Жена, всмотревшись, разглядела несущийся им навстречу молочно-бежевый снаряд, до него оставалось метров пятьдесят.

Зная о людоедских наклонностях этих собак, она громко и по-бабьи истошно вскрикнула, растерянно оглядываясь вокруг себя в поисках убежища. Но спрятаться было негде: справа поблескивало холодное озерцо, слева — запущенная лужайка частного дома. Бежать от пса назад, по тропинке она не решилась: все равно догонит.

Трубные окрики всполошившейся наконец-то Парниши не остановили питбуля. В этот момент Новая Жена, обезумевшая от страха перед мчавшимся на нее зверем, случайно взглянула на Макса. Впереди — ни сбоку, ни сзади, а именно впереди нее, явно прикрывая, заслоняя своим телом — стоял ее собственный хищник, маленький волк, Акела, преобразившийся Макс. Расправив грудь, вскинув дерзко голову и оцетинившись, Макс внезапно покрупнел, набряк, прибавил в росте, не отличаясь теперь по размерам от кряжистого питбуля.

Надо сказать, что он всегда был рослым и упитанным шибой ину, весившим килограммов на пять больше среднего веса, типичного для этой породы. Увидев обнажившиеся в грозном оскале клыки Макса, Новая Жена вспомнила, как Хозяин, пытаясь как-то убедить ее в присутствии всем шибам глубинном, подсознательном бесстрашии, зачитал отрывок из руководства владельцам собак: «...уверенный в себе шиба встанет грудью на защиту семьи.... не нападая первым, после начала схватки он не отступит и будет драться до победы или полного изнеможения».

Мимолетная эта память, высветившаяся ниоткуда в сознании, помогла ей принять единственно верное решение — отстегнуть длинный кожаный поводок, удерживающий Макса на месте.

Не бросившись навстречу взбесившемуся питбулю, Макс терпеливо и с достоинством наблюдал за его приближением. Лишь в последнюю секунду перед столкновением, которое неминуемо отбросило бы его на лопатки, под резцы питбуля, он безукоризненно, как многоопытный каратист, выполнил прием «рукопашного» собачьего боя, свойственный только японской породе шиба ину. Чуть присев на передние лапы, Макс в развороте, с небольшим

подъемом, нанес питбулю удар по ощерившейся морде своей крепенькой пушистой попкой. Этакий уширо-гери, но не ногой, а задницей.

Своя же, накопившаяся за стометровый пробег, но перенаправленная несильным толчком инерция, снесла разогнавшегося кабанца под двухметровый откос, к озеру. Чуть было не искупавшись в холодной осенней воде, он, выбравшись на тропинку, вновь кинулся на Макса. Шиба, поджидавший его наверху, прыгнул на питбуля, открытой пастью метаясь в отвисшую бульдожьей щеку. На короткое время псы схлестнулись стоя, охватывая друг друга передними лапами и норовя вцепиться зубами в горло противника. Но силы были слишком неравными и мощный питбуль быстро подмял Макса под себя.

Новая Жена закрыла лицо руками. Насилу подбежавшая, запыхавшаяся Парниша, непрерывно крича «Rocky, stop», боялась приблизиться к дерущимся собакам. Роки и не думал обращать внимания на вопли хозяйки. Несколько человек — ни одного взрослого мужчины, все женщины с детьми или без них и спортивного вида бабульки — молча наблюдали за дракой. Кто-то снимал на видео.

Со стороны казалось, что питбуль нащупал горло Макса и печальный, но легко предсказуемый конец схватки неотвратим. Но Роки, несмотря на тщательно селектированные у этой породы за двести лет ее существования навыки уличного бойца, допустил небольшую оплошность, за которую ему тут же пришлось расплатиться. К слову, и шиба ину, за более чем двухтысячелетнюю историю породы, натаскивали не только на мелкую дичь, но и на собачьи бои. Похоже, древние гены Макса проснулись, растормошенные врожденным чувством долга и стремлением выжить.

Повалив Макса и вцепившись ему в горло, Роки не подвинулся в сторону, что уберегло бы его от когтей сопротивляющегося шибы ину, а навис над ним, как насильник, широко расставив мышцастые конечности по обе стороны лежащего на спине пса. Макс не замедлил воспользоваться промашкой Роки, по-кошачьему раздирая брохо питбуля задними лапами. Глубокие порезы тут же начали кровоточить.

Вдобавок, и мертвая хватка питбулю тоже не удалась. Со щенячих времен, в силу его вольнолюбимого нрава, Макса наряжали не только в простой ошейник, но и в замысловатую шлейку, охватывающую грудь и часть спины. Сейчас эта прочная, в полсантиметра толщиной ткань с металлическими застежками, как броник, соскользнула ему на шею, защищая, хотя и не полностью, от клыков Роки.

Не в состоянии терпеть долее обдирание своего гладкого пуза острыми когтями Макса, питбуль отошел, позволив шибе встать на ноги. Быть может, другой пес, оценив силу противника, втянул бы хвост между ног и ретировался, поскуливая. Но, раз включившись, запущенный в голове шибы механизм камикадзе, «божественного ветра», не мог прерваться. Едва вскочив, ослабевший уже, Макс безрассудно ринулся в атаку. Питбуль отбросил его с ходу, клыками, порвав или прикусив что-то в груди. Шиба, взвизгнув от боли, кувыркнулся беспомощно и полетел в жухлую траву рядом с тропинкой.

Новая Жена метнулась было к нему, оттащить, пока живой еще. Но разгоряченный питбуль, почувствовав скорую развязку боя и не желая упускать добычу, дернулся в ее сторону, злобно рыкнув. Она тотчас отбежала,

укрывшись за тонким деревцом. Парниша, видя что ее Роки вне опасности, медлила то ли сознательно, то ли на самом деле страхась своего пса и зная его придурковатость.

Макс, обессиливший и подраненный, поднялся вновь. Роки, словно затягивая наслаждение от предстоящей расправы, надменно и в то же время озверело пялился на него. Когда собаки, наконец, бросились друг на друга, избегая столкнуться мордами и потому отворачивая слегка головы, правый верхний клык Макса угодил Роки в вытаращенный глаз, проткнув его, а нижний поддел изнутри отвислую губу питбуля.

Был ли этот изощренный укус безысходной случайностью или результатом хорошо продуманной Максом боевой комбинации, не имело значения: полуослепший Роки взвыл от боли, пятясь назад, подалее от Макса.

Макс же, смыкая челюсти, не отпускал его и энергично тряс башкой вправо-влево: так шибы ину приканчивают мелкую дичь, попавшую им в зубы. С кровоточащим глазом и разодранной мордой, судорожно повизгивая, питбуль завалился набок. Надо отдать ему должное: он все-таки пытался достать Макса лапой, но, скорее, отталкивая его, чем продолжая сопротивляться. Несколько наблюдавших схватку и боявшихся до того вмешаться пацанов громко захлопали, но тут же притихли под осуждающими взглядами родителей.

Новая Жена и Парниша, как секунданты в боксерском поединке, одновременно побежали к своим питомцам. Выяснить отношения не имело смысла: свидетелей начала драки, кроме них, не было; пойдн докажи кому, кто зачинщик, а кто пострадавший. Подняв Макса, Новая Жена до машины несла его на руках, плача и целуя в расцарапанный нос. Хозяин, узнав о происшедшем, сразу приехал домой и отвез пса к ветеринару. Жесткая, густая шерсть спасла Макса от укусов питбуля: швы накладывать не пришлось, раны зажили через неделю. О дальнейшей судьбе опрометчивого Роки, к сожалению, ничего не известно.

Перед самым новым годом, когда соседи-мексиканцы в очередной раз увлеклись праздничной пиротехникой, громыхавшей повсюду как пушечные взрывы, дрожащий от страха Макс приплелся в хозяйскую комнату, жалобно поскуливая. Новая Жена подняла его на руки, поцеловала в переносицу и обняла крепко, прижавшись щекой к мягкому пуху, появившемуся на месте выбритой собачьим доктором около раны шерсти.

Она уже знала, что на Макса можно положиться, что эта спонтанная дрожь не признак трусости, а невинная слабость, не имеющая отношения к характеру пса. Йонган Дешин — так звала она его теперь про себя на китайском. Храброе Сердечко.

5. Поэзия

Александр Мень

(1935-1990)

Из неопубликованного наследия Александра Менья. Сонет

Кругом овраги, скалы и болота.
Не доглядишь — они сорвутся вниз
Иль их затянет тонкая дремота.

Пасу моих овец и день, и ночь.
Но глаз быть зорким должен, слух мой тонок,
И быстры ноги: вынести невмочь,
Коль плачет заблудившийся ягненок.

Мой ветхий плащ покрыла густо пыль,
Мне колет ноги высохший ковыль,
Покоя просит сердце, - но сегодня,

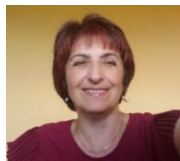
Как и всегда, мне видится одно:
Моих овечек снежное руно,
Как облако, заполнит Сад Господний.

Из архива Сергея Бычкова

Вита Штивельман

Торонто, Канада

Мой дед Давид погиб в сорок втором

Мой дед Давид погиб в сорок втором.
Он был сапёром – адова работа.
Могилы нет, не сохранился дом.
Погиб, отвоевав чуть больше года.

Жена и дочь остались, бог помог.
Хотя Давид не уповал на бога.
Он защищал от запада восток –
тогда не приходила смерть с востока.

А бабка умерла не так давно,
прожив почти сто лет. И дозу яда
хранила у себя: а вдруг войной
опять всё рухнет. Чтобы Сталинграда

не видеть больше. Бабка медсестрой
работала тогда. В её кошмарах
навечно поселились кровь и гной,
тела убитых, молодых и старых.

Я вижу бабку иногда во сне,
мы разговариваем с ней, чуть слышно.
А наяву – есть фото на стене,
военный орден, орденовая книжка.

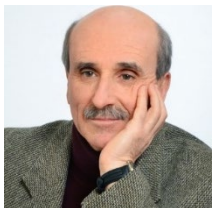
На фото выцветшем, как сквозь туман,
дед с бабушкой – живые, молодые.
Тарутино, Петровка, Аккерман –
вот это были их места родные.

По тем краям сегодня град ракет,
как в сорок первом, как же всё похоже.
Я рада, что не видит это дед.
Что бабки нет в живых, я рада тоже.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

Что это? Горьких вишен

Что это? Горьких вишен
В этом году так много.
Что-то в моих деревьях
Сладость пошла на убыль.
Горечь дождей осенних
Вьелась в судьбу, в дорогу.
И пропитала землю,
И перешла на губы...

Давид Сеглевич

Торонто, Канада

Груки Пита Хейна. Из переводов с английского

«Блестящий оратор — это человек, способный произнести хорошую речь, ни разу не процитировав Пита Хейна» (автор неизвестен).

Говорят, что истинно талантливый человек во всём талантлив. Пит Хейн (1905 –1996) тому подтверждение. Известный физик-теоретик, работавший с Нильсом Бором, он прожил большую часть жизни в родном своём Копенгагене и стал при этом не менее знаменитым, чем его предок, путешественник и адмирал Пит Хейн старший.

Пит Хейн младший был еще и поэтом, художником, эссеистом, инженером, изобретателем. Им восхищался Норберт Винер. Мартин Гарднер, чьими задачками и книгами по занимательной математике многие из нас увлекались в юности, часто с ним сотрудничал.

Хейну принадлежит много работ в области промышленного дизайна, но его главное изобретение – это груки, короткие афористичные стихи. Он написал около семи тысяч груков на датском и около четырехсот – на английском. Трижды выдвигался на Нобелевскую премию по литературе.

В Советском Союзе его открыли в конце шестидесятых. Переводы Хейна были почти исключительно прерогативой ученых из ОИЯИ (Объединенного Института Ядерных Исследований в Дубне). Его переводили И.Н.Михайлов, Я.А.Сморodinский, Г.Л.Варденга.

А вот несколько груков в моем переводе с английского:

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЮК

Когда перед вами дилемма стоит,
А твердого мнения нету,
Простейший из методов все разрешит:
Вы просто подбросьте монету.
Да, метод не блещет своей глубиной,
Но, глядя на грошик в полете,
Решите, какой ему лечь стороной, –
И ваше желанье поймете.

АСТРОГИМНАСТИКА

Выйти в звездную ночь и на голову встать...
И в пространстве, покоем объят,
эта звездная твердь может запросто стать
вашим базовым электоратом.

Ощутить, как планеты тяжелый бурдюк
из гранита, базальта, металла
на твоей голове балансирует вдруг,
что такую же твердою стала.

ДОРОГИ К ПОЗНАНЬЮ

Дороги к познанию прямы и негибки.
Весь путь к мудрецу от невежды –
Одни лишь ошибки,
и снова ошибки.
Но реже... и реже... и реже.

ЭКСПЕРТЫ

Эксперта с толку нам не сбить,
Такая у него стезя:
Авторитетно заявить,
Что сделать ничего нельзя.

МУДРОСТЬ СВЕЧИ

Опыт – судьбы
запоздалый подарок.
Знала б свеча
то, что знает огарок!

КАК ИСПЕЧЬ ТОСТ

Вот тоста секрет. Он надежно храним,
Но я вам бесплатно открою его:
Пеките, пока не появится дым,
А выньте за двадцать секунд до того.

Я держусь такого мнения
(Здесь не надо многословия):
Если скажешь «тем не менее»,
То добавь: «А нам – поболее».

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Гони скорей ко всем чертям

соблазн любого сорта!
Здоровый секс заменит вам
другие виды спорта.

ДЕРЖИСЬ ВРОВЕНЬ

Тот, кто за лидером
хочет угнаться,
вынужден вечно
вторым оставаться.

Где дело вечности
касается,
там жизнь в секунде
умещается.

НЕПРЕДВЗЯТЫЙ ВЗГЛЯД НА ДАНИЮ

Тот, кто на Данию смотрит снаружи,
Видит песчинку на краешке лужи.
Мы же, датчане, лицом и душой,
Видим её непомерно большой.
Новый подход выбрать к Дании стоит,
Так что размер ее всех нас устроит.
Будем отныне считать что она
Больше, чем маленькая страна.

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

Накануне вторжения

Не вторглись ли еще
хохлы в мой край родной? -
Я думаю весь день деньской об этом,
Принявши по одной... и снова по одной.
Иначе для чего и быть бы мне поэтом?

И ночью тоже - нет, я не смыкаю глаз,
Как часовой у всех границ на страже.
Я зрю: ползут они
с укромных тайных баз,
Сквозь наши рубежи в защитном макияже.

Готов ли я в стихах
достойный дать отпор,
Созвать народ по весям и палатам?
Чтоб в голос возопить:
Беритесь за топор
Свершите свой ответ поганым супостатам!

На Белгород, Ростов,
Воронеж, Курск и Брянск
Позарятся - и ждут пускай расплаты:
Мы нанесем такой ответный контр-удар,
Что содрогнется мир.
А сами виноваты.

15-18.02.22

Виктор Голков

Израиль

Война

Вот лицо, облепленное мухами,
на экране – мелкий штрих войны.
Обросла чудовищными слухами,
и они, поистине, верны.

Где-то там, за чёрными болотами,
расстелила густо-синий чад.
И всюду стрекочет пулемётами
в час, когда кузнечики молчат.

Виктор Есипов

Прага, Чешская республика

Дурная весть прервет на полуслове

Дурная весть прервёт на полуслове,
а как красивы листья в листопад,
но красные, как будто в пятнах крови –
такой вот ассоциативный ряд.

Опять в Днепре и в Харькове бомбёжка,
и нет воды, и вырубил свет,
и, кажется, совсем ещё немножко...
Куражится воинственный сосед.

Он по жилым кварталам бьёт, скотина.
Воздушная тревога, как набат –
и снова не сдаётся Украина...
А в Праге листья красные летят.

Анатолий Бергер

С.-Петербург, Россия

Война, чума – все это было

Война, чума — всё это было.
Безумства ради льётся кровь.
В пелёнках спал — сирена взвыла.
Проснулся нынче — воет вновь.

Огнём бессмысленным и ярым
Горят и гибнут города,
И пахнет смертным перегаром
Общепородная беда.

Что ж — время замыкает скобки,
Всё расставляя по местам,
И кочергой шуруя в топке,
Подмигивает дьявол нам.

23.03.22

Евгений Пальцев

Санкт-Петербург, Россия

Три стихотворения. «Военный цикл»

В этом году говорят о войне
На стадионе и наедине,
Шёпотом, в крик, в микрофон и во сне —
Только о ней, о проклятой,
Стали бесцветными фраза и слог,
Словно мы платим нездешний налог,
Словно бы свой прочитал некролог,
Только с открытою датой.

В этом году говорят о войне.
Цой нарисован на серой стене,
Может быть, жив он, а мы — не вполне?
Просто не чувствуем боли.
Вьётся петлёй ариаднова нить,
Нас, поистративших совесть и прыть,
Тренер небесный надумал сменить,
Словно хавбека в футболе.

В этом году говорят о войне,
Было и прежде, а нынче — втройне,
Ходишь— и след сапога на спине
Видишь почти у любого.
Впрочем, сапог — это даже не то:
Кажется, нет никого под пальто...
Смыслы просты, как в стихах у Барто
Или у С. Михалкова.

В этом году говорят о войне,
Эта война прорастает во мне;
Снытью по склону, плющом по стене,
Колотым зубом драконьим,
Так принимай же нас, век-зубодёр!
Хоть и беззубы, а выйдем в дозор,
И приведём наше счастье на двор,
Если, конечно, догоним.

ЛЬВИНЫЙ МОСТИК

Кто бы тут рассказал о любви нам?!
...Над рекой цвета старых кальсон
Как-то утром на мостике Львином
Лев Абрамыч стоял Кацнельсон.

Был в науке светилом он видным,
И светил, и сиял за версту,
Ярче только Лев Маркович Фридман —
Тот, что рядом стоял на мосту.

Заскрипел разговор понемногу,
Вперевалочку где-то возник,
Словно с правой на левую ногу,
С маме-лошен на русский язык.

"Лёва, помнишь...Наталья Петровна..."
"Та кассирша в кафешке с угла?!"
"Так ты помнишь её?" - "Безусловно!
Почему ты спросил?" - " Умерла".

"Да, бывает... А Яша Лапидус?
Кавээнщик, пиранья пера,
Тонкий, словно индийский папирус..."
"Тоже умер?!" - "Буквально вчера!"

И, сердечным ведомые ритмом,
Сберегая крупницы тепла,
Замолчали Лев Маркович Фридман
С Кацнельсоном, который Л.А.

Небо, за неимением снега,
Сверху сыпало белым дождём...
Первый молвил: "Пойдёмте, коллега?"
И коллега ответил:"Пойдём.

Не впервой нам. Всегда искони мы
Так идём, не касаясь земли!"
И пошли они, ветром гонимы,
И до Ерусалима дошли.

И никто не пошёл вслед за ними,
Не хватился никто на Руси.
В славном городе Ерусалиме
Эти двое поймали такси.

Солнце жарило мчащийся "Убер"
И свисало, как будто хурма...

Про кого говорили, что умер —
Были живы. И даже весьма.

Сей закон адвокатам неведом,
Но записан в скрижалях иных:
Просто если ты стал людоедом,
Для кого-то пропал из живых.

Надо взваливать это на плечи,
Уходить от кромешного зла,
А иначе зачем, человече,
Жизнь твоя разбитная прошла?!

Как дела? отвечай: всё в порядке,
И гляди сквозь чернильный февраль,
Как отчизна в кровавом припадке
Бьёт последний наследный хрусталь.

И пускай в голове отголоски
Проплывут, как в тумане — гудки:
Львиный мостик, Таганки подмостки,
Литераторские мостки.

Две фигуры в пространстве повинном
Повторяют: на Львином, на льви...
Кто бы тут рассказал о любви нам?!
Очень нужно о ней. О любви.

ГОЛОВА

Правитель спит в зародышевой позе,
На шёлковой свернувшись простыне,
И точно так в цепном анабиозе
Спят рядовые на его войне.

Плывёт в окно щербатое светило,
Тая в тени границы естества,
И кажется, что так оно и было:
Что тела нет, а только голова.

Лежит она и произносит фразы
В полночной наплывающей тоске,
Бессмысленные смертные приказы
На только ей понятном языке.

И голова беснуется, ярится,
И ночь клубится возле головы,
"И страхом перекошенные лица
Ночных существ взирают из травы".

Но тень отходит плавно, как Медея,
Становятся видны издалика
Куриная морщинистая шея
И острые коленки слабака.

Он сам себе отныне предначертан.
Расколота чаша на полу.
И ночь, как равнодушный виночерпий,
Проходит мимо. К новому столу.

Исай Авербух

Иерусалим, Израиль

Стансы Украине

Я до конца остаться б мог в Одессе,
С призывом предков не вступая в связь,
Понятен людям, вежлив, интересен,
С властями даже, может, примирюсь.
Но всё равно: исконный ген протеста
Сдержать не смог бы гордый иудей,
И не нашёл бы подлинного места
Я на одесской пристани своей.

В Святой Земле, любя и веря ныне,
Подвластный только Богу – не царю,
Я завершаю жизнь не на чужбине
И каждый день судьбу благодарю.
Но почему, казалось бы, чужбина,
Где жил ненужным гостем на краю,
Ко мне в слезах вернулась Украина
И, как стрела, пронзила жизнь мою.

Не потому ль, что в золотую старость
Уже вступил, и с ней смирился я,
А в Украине молодость осталась,
И первый стих, и давние друзья,
И первой страсти дивные вершины...
Но всех дороже юности мечта –
Любовь и Вера, Честь и Правота
Сражающейся, гордой Украины.

В её объятьях на исходе жизни,
Шепчу, как милой, тихо-тихо ей:
Живи, живи, любимая отчизна
Неукротимой юности моей...

Григорий Оклэндский

Новая Зеландия

Триптих. В поисках смыслов

Мир суров, жесток, непрочен,
По-мужски суров - убойно.
Мир по-женски непорочен,
Я на краешке стою...

Небо - порванная скатерть.
День отвесно смотрит в пропасть.
Ночка страхами накатит,
Колыбельную спою.

По земле шагает смута.
Искореженным металлом
Салютует небу утро.
Я на краешке стою...

В городах - полынный холод
И собаки в камуфляже.
Шар земной войной расколот,
Удержаться б на краю.

2
Если можешь не петь, не пой.
Если можешь молчать, молчи!
Если можешь не пить, не пей.
Если можешь кричать, кричи.

Каждый день как последний бой.
Каждый бой как последний день.
И погибший - всегда живой,
Если он защитил детей.

Если мир сорняком пророс,
А война расцвела зверьем.
Карма - кара небесных гроз -
Постучится в твой отчий дом.

И когда над твоим гнездом
Чёрный ворон в урочный час
Ненавистным взмахнет крылом...
Почему ты тогда смолчал?

З

Когда закончится война,
Я навещу твой дом.
Скажу, как будто ты - жена,
Как будто мы вдвоём.

Прости, что не был я с тобой
Под бомбами в те дни...
И если я не твой герой,
То сразу прогони.

Но каждой ночью, видит Бог,
Я защищал тебя,
Себя швыряя за порог
Земного бытия.

Согреть дыханьем не сумел,
Не отбелить вину -
Не смог, не смог, как ни хотел,
Остановить войну.

26 июля 2022

Наум Сагаловский

США

Я лежу на Земле...

Я лежу на Земле, населённой
дураками, такими, как я,
на высокой траве, на зелёной,
у преддверия небытия,
в небе звёздная Кассиопея,
облака совершают круги,
отсырела моя портупея,
отплясали мои сапоги,
в этой жизни, смешной и короткой,
зарекался я лезть на рожон,
но убит я под Ясногородкой,
украинскою пулей сражён.
Надо мной в лейтенантских погонах,
над пробитой моей головой
скорбных маршей своих похоронных
не сыграет оркестр духовой,
не споют обо мне ораторий,
не помянут в прощальных стихах -
отнесут в полевой крематорий
и развеют по ветру мой прах,
разнесутся печальные вести,
и я вижу иную судьбу:
мёртвым грузом под номером 200
привезут меня к маме в гробу,
а сейчас, на земле, через силу,
я спрошу безо всяких обид
нашу Родину, нашу Россию:
дорогая, за что я убит?..

6. Детский Альбом

Победители 6-го ежегодного конкурса творчества детей и для детей «Здравствуй, лето!»

Ева Перегудова

Бостон, США

The Explosion. Взрыв

I hear the explosion.
I feel the chemical heat.
I skid to a stop,
But the ringing is still in my ear.
My head aches.
It just keeps going...
For so long, that I zone it out to the point where I no longer feel it.

I try to stand up,
And then it all starts again.
I hear what sounds like distant bombs going off
Over
And over
And over.
But somehow,
I know they're not really there.
I can feel it.
They're still there,
But just in the background

It continues like this for hours.
I'm just standing there,
Not knowing what to do,
As the bombs keep turning
On
And off
And on
And off.
And then,
I finally remember what happened:

I was in this small, tight bomb shelter,
Leaning against the cold, stone wall,
Thinking about how many
Innocent people
Are dying

And dying
And dying.
So I prayed I wouldn't be one of them.
Suddenly, I felt the wall vibrate lightly.
This happens a lot,
So just in case, I put my hands on it .
Sure enough, it vibrated again.
This time, a lot harder than the first.
But when it vibrated the third time,
That's when it happened:
I sprang away from the wall,
Only to charge back at it head first.
Everything swirled.
I couldn't see straight.
And then I remember not understanding.
Not understanding why I was in a cold, boring box of cement with a bunch of
depressed, whimpering people.
I now realize what had happened.
I got a concussion, so I had forgotten.
Forgotten that Russia invaded my home country two months ago.
Forgotten that I was an orphan as of two months ago.
Forgotten that going outside would most likely kill me.

But since I had forgotten, and it didn't make sense to be in there,
I decided to go "take a walk".
And here we are,
Back to the start,
Back to me hearing the explosion.
But now, as I remember those 15 minutes that I had forgotten about
everything,
That I got to escape reality,
I realize that those 15 minutes were the best 15 minutes I have experienced
in the last two months.
So, I decided to escape reality again.
This time, permanently.
I picked up a sharp piece of glass that chipped off from the explosion and
escaped reality once and for all.

***

Я слышу взрыв,
Он отбрасывает меня назад.
Я чувствую тепловую волну.
Я останавливаюсь,
Но звон остаётся в моих ушах.
У меня болит голова.
Это всё продолжается и продолжается...
Так долго, что я отключаюсь до такой степени, что больше не чувствую
никакой боли.

Я пытаюсь встать...
И потом всё начинается снова:
Я слышу звуки похожие на далекие взрывы бомб
Снова
И снова
И снова.
Но почему-то,
Я думаю, что их на самом деле нет.
Я это чувствую.
Они всё еще там,
Но только на заднем плане.

Так продолжается часами:
Я просто стою там, не зная что делать,
Пока звуки взрывов
Слышно
И не слышно
Слышно
И не слышно...
А потом,
Наконец вспоминаю что произошло:

Я был в маленьком, тесном бомбоубежище,
Прислонившись к холодной, каменной стене,
Думая о том, сколько невинных людей
Умирает
И умирает
И умирает.
Я молился не быть одним из них.
Внезапно, я почувствовал, как стена слегка вибрирует.
Это случается часто, так что, на всякий случай, я приложил руки к стене.
Конечно, она снова завибрировала,
В этот раз намного сильнее, чем в первый.
Но когда она завибрировала в третий раз,
Вот что произошло:
Я отскочил от стены,
И в следующий момент меня отбросило в другую стену.
Всё закружилось.
Я не мог нормально видеть.
И в этот момент я ничего не понимал.
Не понимал, почему я оказался в холодной, скучной, бетонной коробке,
переполненной печальными, плачущими людьми.
Но теперь, я понимаю, что произошло.
У меня было сотрясение мозга, поэтому я забыл.
Забыл, что Россия атаковала мою родную страну два месяца назад.
Забыл, что я теперь сирота.
Забыл, что выход на улицу скорее всего убьет меня.

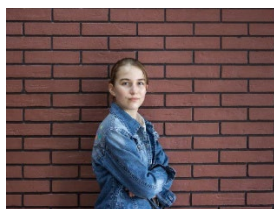
Но раз я всё забыл, и мне не имело смысла находиться внутри,
Я решил пойти "погулять".
И вот мы возвращаемся к началу, когда я услышал взрыв.
Но сейчас, вспоминая те пятнадцать минут когда я забыл обо всем,
Когда я смог сбежать от реальности,
Я понимаю, что это были лучшие минуты которые я пережил за последние
два месяца.
Поэтому, я решил снова сбежать от реальности.
В этот раз - на очень долгое время,
В этот раз - навсегда.
Я подбираю осколок стекла, оставленный взрывом, и раз и навсегда
убегаю от реальности.

Ева Перегудова, 11 лет, Бостон

Фаина Савенкова

Украина

Глициния и Кошка. Сказка

Может ли Глициния стать одним из главных героев рассказа? Конечно, может! Если сумеет подружиться с Кошкой. Вот только Кошки очень капризны, поэтому сделать это будет не так уж и легко.

***

Глициния – это такая древовидная лиана с красивыми сиреневыми цветами, которая цветет тогда, когда ей и положено – весной. Когда я появилась у хозяйки, наша Глициния была уже большим деревом. По крайней мере, когда я становилась на задние лапки, она была выше меня. Высочка!

Вначале наши с ней отношения как-то не заладились: хозяйка запрещала мне точить о ее ствол когти и даже отдыхать на ветвях, и все это только потому, что я, видите ли, могу повредить кору или «испортить ее форму, поломав ветки». Это кто, это я-то?! Безобразие какое-то! Кто вообще вздумал

запрещать кошкам что бы то ни было? Тем более оскорблять их прекрасные формы. Ужасные люди! И редкостные зануды!

Время шло, мы обе росли. Она стала вполне симпатичным деревцем, но куда ей до меня? У нее никогда не будет моей грации, моей красоты и мягких лапок с острыми коготками.

Иногда на закате мы с хозяйкой сидели в беседке: она пила ароматный кофе с шоколадными конфетами, а я сидела у нее на коленях. Вот тогда-то мне впервые и показалось, что Глициния немного наклоняется к беседке, чтобы послушать о чем мы с хозяйкой говорим. Ничего себе! Вот это наглость! Как ей не стыдно подслушивать чужие разговоры?

Естественно, на следующий день я пошла к ней и высказала все, что думаю по этому поводу. Эта нахалка ничего мне не отвечала. Просто стояла и молчала. Как вам это? В какой-то момент мне даже стало жалко эту несчастную деревяшку, ведь эта глупышка, наверное, не умеет говорить. Или она просто слишком высокого мнения о себе? У-у, какая! Я ей покажу из чего у меня коготки сделаны!

- Ты чего молчишь все время? Думаешь, ты такая важная?

- Просто мне нечего тебе сказать.

Я раскрыла рот от удивления. Неужели она мне ответила?

- Ты почему подслушиваешь? Это, как минимум, некрасиво. Хозяйка беседует со мной, а не с тобой!

- Мне скучно. И немного одиноко. Я же не могу путешествовать, как ты. А специально мне никто ничего не рассказывает.

Мы договорились, что я буду приходить к ней и сообщать новости, а она за это позволит мне лежать на ее ветвях. Я считаю, что это хорошая плата за мое общество.

С того дня так и повелось: днем я, лежа в тени ее листьев, рассказываю ей обо всех новостях, а она слушает. А по вечерам я сижу на коленях у хозяйки, пьющей кофе в саду, и слушаю ее. Или стрекот сверчков. А иногда даже кваканье лягушек из ближайшего пруда. Они такие забавные, эти лягушки, правда!

Наступила осень. Моя Глициния собиралась уснуть. В один из последних солнечных деньков, когда я немного загрустила, я спросила у нее:

- А хочешь я тебе спою? Я умею не только рассказывать истории. Говорят, когда мурлычет кошка – Бог спит. Мы убаюкиваем Его своими колыбельными, ведь Он так устал. А потом Он просыпается в хорошем настроении и свершает чудо. Поэтому мы и нужны этому миру. Без нас не было бы чудес. А одно чудо я могу сделать сама: спеть для тебя, чтобы ты засыпала счастливой.

И я пела ей. Каждый день, пока не наступили холода.

Я не люблю осень – она очень мокрая и грязная. Но зима еще хуже, чем осень. Я не люблю холод и снег. Это для людей зима – веселое время, но для нас, кошек, ничего хорошего в ней нет. Моя прекрасная черная гладкая шубка не очень-то и согревает в мороз, а уж лапки еще сильнее мерзнут. Бр-р-р!

Зиму я провела дома, греясь у камина и беседуя с хозяйкой. Или иногда прячась от ее несносных внуков. Кошмарные создания! Я еле дождалась весны, чтобы снова поговорить со своей подругой и поведать ей все новости, которых за зиму набралось очень много.

Так прошло несколько лет. Мы, кошки, не считаем годы и часы. Они нам ни к чему.

Одним душным вечером в начале лета моя старая хозяйка куда-то позвонила и очень взволнованно, пусть и недолго, говорила с кем-то по телефону. Люди ведь называют это телефоном, правда? Потом приехала большая-большая машина со странными мигающими огнями. Я не знаю кто это был, но это точно была не машина ее детей. Больше я свою хозяйку не видела. Она так и не вернулась. Как и я больше не возвращалась домой.

Несколько раз приезжали дети и внуки моей старой хозяйки, но я пряталась от них, ведь внуки раньше таскали меня за хвост, пока взрослых не было в комнате. Впрочем, они меня не особо и искали.

А потом дома поселились чужие люди. Им я тем более оказалась не нужна. Они не просто не пускали меня домой, но и прогоняли, если мне все-таки удавалось проскользнуть через приоткрытую дверь. Кому нужна бездомная черная кошка? Тем более, что я стала очень худой, а моя восхитительная шубка выцвела и стала такой некрасивой.

Хорошо, что моя подруга Глициния осталась со мной и хотя бы она не прогоняла меня. Как и прежде, я лежала на ее ветвях и мы беседовали обо всем, что происходило вокруг. Наверное, она и сама видела все изменения в нашей жизни, но ничего не говорила мне, чтобы не огорчать еще сильнее. Все же я больше жаловалась на жизнь, чем рассказывала новости.

Лето закончилось. Наступившая осень казалась еще холоднее, чем обычно... Господи, ну почему же так холодно?

Забраться на ветки Глицинии у меня уже не было сил, поэтому я просто легла около нее.

- Хочешь, я сделаю маленькое чудо? Хочешь, я тебе спою? Это будет моя самая красивая песня и она только для тебя.

- Конечно, моя маленькая черная Кошка. Твои песни всегда прекрасны, они – лучшая колыбельная в мире.

Я замурлыкала, и мы обе вскоре уснули...

***

Весной, когда я проснулась, моей Кошки рядом не было. Но я верю, что она обязательно вернется, ведь у кошек девять жизней. В каком бы обличье она ни предстала передо мной, она всегда будет самой прекрасной Кошкой на свете, исполняющей самые прекрасные колыбельные, способные убаюкать Бога.

Мини-интервью с Фаиной Савенковой

- Фаина, Вам 14 лет, когда Вы начали писать? А печататься? Почему Вы прислали свои рассказы в ЧАЙКУ?

- Начала писать примерно в 10 лет, для конкурса, посвященного юбилею любимого детского писателя. Печататься, конечно, значительно позже, лет в 11-12. Сначала в газетах и журналах, затем уже книги. Отправить в ЧАЙКУ свои рассказы мне порекомендовали мои русскоговорящие друзья из США, очень хваля этот журнал.

- Что у Вас за семья? Родители поощряли Ваши творческие занятия? Знали ли о них в школе?

- Обычная семья, такая же как и у всех. Особо не поощряли, но и не запрещали, поскольку это мой выбор, за который я сама несу ответственность. Однако, семья всегда поддерживает меня, если мне эта поддержка была нужна, будь то творчество или что-то иное. В школе знали учителя, но тоже не сразу, поскольку я не очень люблю повышенное внимание.

- Вы родились в Луганске. Где Вы живете сейчас и как относитесь к присоединению Луганской области к России?

- Да, родилась в Луганске и здесь же живу сейчас, потому что это моя родина, мой дом. Я очень люблю свой город - это главное, а чья это территория, решают уже взрослые.

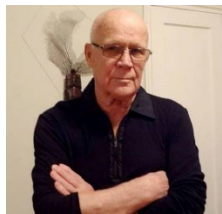
- Несколько произведений Вы написали в соавторстве с Александром Конторовичем. Он Ваш родственник? Каким образом возник Ваш тандем и как в нем распределяются роли?

- Нет, мы не родственники. Мы познакомились на фестивале фантастики в Донецке и по итогам фестиваля написали совместный рассказ для сборника "Звёзды над Донбассом". Какого-то четкого распределения ролей нет, но обычно Александр Сергеевич пишет боевые сцены, если они есть, а я менее динамичные сцены. Хотя бывает по-разному.

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Кто как умеет читать

Кто-то в лесу потерял письмо. Может, лесник. Может, грибник.

Письмо лежало рядом с тропинкой: голубой конверт, белый листок, синие буквы.

Кто письмо первым в лесу увидал? Конечно, Сорока. Как кинется к нему! А внизу что-то как зашуршит!

Сорока не решилась хватать письмо, села на ветку. Смотрит вниз.

Шуршал, понятно, Ёж.

Сорока притаилась.

Думает: пройдёт мимо колючий - принесла его нелегкая! - я и возьму письмо.

А Ёж письмо заметил. Подошёл к нему, давай нюхать:

-Уф-уф. Что это такое?

-Это письмо! - не вытерпела Сорока. - Ну и глупый же ты, Ёж! Письмо - вот что это такое! Оно моё, я его первая увидела.

-Привет, Сорока, - сказал Ёж. - Ты бы сперва поздоровалась.

-Я всегда здороваюсь, когда есть с кем, - ответила Сорока, - а тут вижу - какая-то колючка. Не буду же я каждой колючке говорить "Добрый день"!

-Эта колючка - я, - сказал Ёж с обидой. - Пора бы привыкнуть, что на мне иголки...

-Ну, раз ты не колючка, отдавай-ка письмо. Оно мне.

-А вдруг мне? - сказал Ёж. - Я ещё ни разу в жизни не получал писем. Наверняка оно мне.

-А что если это письмо мне? - спросил кто-то из-за куста.

Сорока немедленно взлетела повыше, а Ёж спрятал нос под колючки.

Кто-то зашелестел листьями, треснул веточкой и сел рядом с Ежом.

-Да, что если это письмо мне? - спросил тот же голос.

Сорока сверху заверещала:

-Это Заяц! Это Заяц! Гони его прочь, Ёжик! Письмо наше!

Ёжик высунул нос.

-Конечно, это письмо наше, - сказал он. Моё и Сорочье. Привет, Заяц. Ты опять ни с кем не поздоровался.

-Я хотел вас напугать, - сказал Заяц. - А когда хотят напугать, не здороваются.

Сорока спустилась пониже.

-Отдадут мне моё письмо или нет? Тут много говорят о вежливости, а срочное письмо лежит без дела вот уже два часа!

-А вдруг это письмо мне? - сказал Ёжик

-А вдруг это письмо мне? - сказал Заяц.

-Что же делать? - спросил Ёжик.

-Да, что же теперь нам делать? - спросил Заяц.

-Прочитать, - пискнул кто-то.

Все посмотрели вокруг себя и увидели у корня дерева мышку.

-Прочитать, - ещё раз пискнула она и шмыгнула под корень, потому что приближалось время обеда, а если в это время попасться на глаза Ежу, то очень просто очутиться у него в зубах.

-Читать чужое письмо! - вскричала Сорока. - Толькомышь могла придумать такое. Мышь. Что повсюду суёт свой нос! - И Сорока спрыгнула с ветки, чтобы забрать своё письмо.

Но ей его не дали.

-Мышка права, - сказал Ёж и покосился на корень дерева, под которым та пряталась. До начала обеда оставалось минут пятнадцать, не более.- Мышка права: письмо надо прочитать, и тогда мы узнаем, кому оно написано. Вопрос в том - кому читать первому?

Мышка чуть-чуть выглянула из-под корня и посоветовала:

-Нужно бросить жребий!

Всё-то она знала, эта вездесущая мышка!

-А где его взять? - спросил Заяц.

-А куда его надо бросать? - спросил Ёж.

-И последнее, - вставила и своё Сорока, - стоит ли выбрасывать жребий? Может, он кому-нибудь из нас когда-то понадобится...

Тут Ёж сделал маленький шаг к норке, мышка пискнула и исчезла. Отвечать на все эти вопросы было теперь некому.

-Ладно, - решила Сорока, - я буду читать первой. Это письмо, конечно, мне, но я, так и быть, поделюсь с вами новостями.

Она развернула листок и начала:

- "Дорогая Сорока"... - тут она поглядела на Ежа и Зайца. - Вот видите, это письмо мне! Дальше, по-моему, и читать не стоит.

- Читай, читай, - сказал Заяц. - Мне кажется, ты неправильно прочитала первую строчку. Мне кажется, там написано "Дорогой Заяц".

- А мне кажется, там написано "Дорогой Ёжик", - сказал Ёж. - Я жду письма от родственников.

- Стоило увидеть письмо, как все сразу вспомнили, что у них есть родственники! - не на шутку рассердилась Сорока. - Да замолчите же вы наконец! Дайте прочесть письмо!

- "Дорогая Сорока, - повторила она, - в прошлый раз ты произвела на нас такое впечатление, что все только о тебе и говорят. Все восхищены твоим умом и умением вести беседу. Все спрашивают: скоро ли ты прилетишь опять, нам тебя очень не хватает..." - Сорока посмотрела на притихших Ежа и Зайца. - Слыхали? Вот какие мне пишут письма. Дальше сказано: "Надеемся скоро снова увидеть тебя. Сорок сорок".

- Хорошее письмо, - вздохнул Ёж. - Я бы, наверно, отдал всё, чтобы получить такое.

- Да, - согласился Заяц, - оно берёт за живое. Дай-ка мне его на минутку, я ещё раз прочту, где про "не хватает"... Ой! - вскрикнул Заяц. - Сорока всё наврала! Это письмо, оказывается, мне! Смотри, Ёж, здесь написано "За-яц". Слушайте, что мне пишут.

Сорока хотела выхватить письмо, но Заяц отскочил в сторону.

- "Дорогой наш Заинька, - прочитал он. - Как мы все по тебе соскучились, трудно передать. А у тебя, наверно, всё дела да дела. Мы уже столько раз готовили угощение, думая, что ты заглянешь к нам, но тебя всё нет и нет... - Заяц после этих слов оглядел всех. - Как только получишь письмо, прибегай немедленно. Целуем и ждём. Твои братья".

- Да, - сказал Ёж, - это письмо, конечно, тебе. Хорошее письмо. Когда ты прочитал строчку "но тебя всё нет и нет", я чуть не прослезился. Ну-ка покажи мне это место...

- Не здесь ли лежит моё письмо? - раздался вдруг громкий голос, и все трое увидели Человека, который шёл по тропинке.

В одно мгновение возле письма не стало никого: Сорока вспорхнула вверх и улетела, крича во всё горло, усакал Заяц, Ёж укатился за куст.

Человек поднял письмо.

- Вот оно где! - сказал он. - Вот оно. А я-то уже думал, что не найду.

Он расправил листок и прочитал вслух:

- "Дорогой папа! Мы все по тебе соскучились. У бабушки хорошо, а дома лучше. В эту субботу выезжаем. Встречай.

У нас для тебя радость: Дюнка прочитала твоё письмо сама, без моей помощи, и ничего не насочиняла, как раньше. Целуем: Дюна, Мама".

Человек улыбнулся, прочитав последние строчки. Он сунул письмо в карман и пошёл по тропинке дальше.

А Ёж сидел за кустом и думал: "Вот оно, оказывается, как бывает. Кто как хочет, так и читает. А ведь вполне возможно, что это письмо было мне!".

7. Юмор

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

Краткие Правдивые и Малоизвестные Истории. Из книги «Правдивые истории»

Краткие Правдивые и Малоизвестные Истории. Из книги «Правдивые истории», издательство *Franc Tireur*, 2022

Ветхий Завет

Царь Соломон и женщины

"И полюбил царь Соломон чужеземных женщин... И было у него 700 жён и 300 наложниц и развратили жёны его сердце его" (3-я царств, 11:1)

Библейский царь Соломон был известный сластолюбец. Он заказал себе кольцо со специальной надписью. Когда ему представляли очередную наложницу, он поворачивал кольцо и читал: "И эта пройдёт".

Древняя Греция

Дамоклов меч и Гордиев узел

То, чего никто не знает: на самом деле, Дамоклов меч всегда висел над Гордиевым узлом.

Подарок Прокруста

Хорошо известно, что Прокруст был хозяин отеля и сущий разбойник, с которым потом разбрался Геракл. На своем печально известном Прокрустовом ложе он совершал преступные операции. Коротким людям он вытягивал ноги, а длинным - отрезал. Но ради справедливости и, к чести Прокруста, надо сказать, что, во-первых, он исключительно мягко стелил постели, а, во-вторых, каждому прооперированному на Прокрустовом *ложе* он преподносил прекрасный подарок - изящно инкрустированную Прокрустову *ложку*.

Ахиллес и черепаха

«Быстроногий [Ахиллес](#) никогда не догонит неторопливую черепаху, если в начале движения она находится впереди Ахиллеса».

С древних времён эта загадка тревожила великие умы философов и деятелей искусства, но решение так и не было найдено.

А ведь всё очень просто. Дело в том, что как только Ахиллес догоняет черепаху, она угрожает укусить его за пятку, *Ахиллесову пятку*, - единственное уязвимое место Ахиллеса.

Есть и другое, ещё более простое объяснение. Ахиллес не рискует перегнать черепаху, потому что она - его босс.

Древний Рим и Италия

Мессалина

Мессалина никогда не была ни женой, ни любовницей Муссолини.

Христианство

Святой Патрик и ирландцы

Святой Патрик, покровитель Ирландии, принес в эту страну Новый Завет в V-м веке нашей эры. Вслед за ним в Ирландии появились и другие миссионеры, познакомившие ирландцев с Ветхим Заветом. А уже потом потянулись врачи - лечить зубы, глаза и т.д. Но вскоре они спешно покинули Ирландию. Причина простая: ирландцы слишком буквально восприняли библейское правило: «*Око за око, зуб за зуб*».

Киевская Русь

Не Перун

Настоящее имя языческого божества, ответственного за громы и молнии, было не Перун,

а...

Шавка Мономаха

У великого киевского князя Владимира (Владимира Всеволодовича) Мономаха, одного из основоположников Киевской Руси, была любимая шавка. Князь любовно подымал ее, ласкал и приговаривал: «Ох, и тяжела ты, шавка - шавочка». Дружинники князя шутливо перебрасывались собакой с ласковой прибауткой: «Тяжела ты, Шавка Мономаха!» Остается загадкой, как Шавка трансформировалась в Шапку. Во всяком случае, ни в «Повести о Погибели Русской Земли», ни в «Повести Временных Лет» нет никакого упоминания ни о Шавке, ни о Шапке Мономаха.

Голландия

Вечный Жид и Летучий Голландец

Мало кому известно, что Вечный Жид какое-то время был капитаном «Летучего Голландца».

Франция

Герцог Сен-Симон* и его великие дела

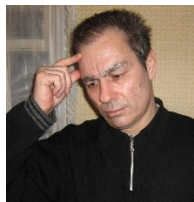
Герцог Сен-Симон (1675-1755) жил в XVIII-м веке и прославился своими откровенными воспоминаниями. Знаменитый герцог любил поспать, и камердинер будил его в 11 утра напоминанием: «Вставайте, герцог! Вас ждут великие дела!» - «А я еще немного полежу!», - остроумно отвечал герцог.

*Отличать от его однофамильца графа Сен-Симона (1760-1825), социалиста.

Илья Криштул

Москва, Россия

Сказки

Читал тут намеренно с ребёнком русские сказки, это отсюда у меня слово «намеренно» появилось. Начали с «Колобка», а после чтения, как и просила детская педагогиня, я стал вопросы задавать, для закрепления материала. «Вот что ты, доченька, поняла из этой сказки?» - спрашиваю. - «Ничего не поняла» - отвечает. - «Ну как не поняла? Если бы Колобок не сбежал от своих бабушки с дедушкой, его бы лиса не съела... Нельзя убежать из дома!». Дочка подумала и сказала: «Если б он не сбежал, они бы сами его съели. Для чего его бабушка испекла-то? А так он хоть по лесу перед смертью погулял, зверюшек разных увидел...». Тут задумался уже я. Перечитал сказку ещё раз, уже для себя. Действительно, логики никакой - дед, судя по всему, проголодался, послал бабку в сусеки, та наскребла муки вперемешку с пылью и испекла на обед Колобка. И только они хотели его сожрать, как он в окно прыг, прыг и покатился, ну а дальше вы знаете. Мораль-то понятна - тяга к свободе ничем хорошим закончиться не может, это первое, второе: хочешь есть - закрывай окна, а вот почему половина леса разговаривает с хлебулочным изделием...

Взял другую сказку, всем известную «Курочку Рябу». Там нет ни колобков, ни кулебяк, там одно яйцо. Правда, из золота, которое «...дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, а мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось... Дед и баба плачут...». «А чего они плачут?» - дочка спрашивает. - Что яйцо разбилось? Так они сами его разбить хотели. Мышка помогла только хвостиком своим...» Я опять задумался. «Понимаешь, - говорю, - Ксюшенька... Яйцо это - символ жизни, символ солнышка. Разбилось яичко это как погасло солнышко - жизнь кончилась и все умрут...». «Это, папа, - отвечает дочка. - Уже и не сказка совсем, а хоррор какой-то...». Выбросил я «Курочку Рябу» в мусорное ведро, покопался на полках, нашёл «Крошечку-Хаврошечку». С детства помню, что сказка добрая и хорошо кончается, но на всякий случай решил сначала про себя прочитать, благо она короткая. И что? Говорящая корова бедной сироте помогала-помогала, по хозяйству за неё всё делала, пока сиротинушка Хаврошечка отдыхала, и в итоге животное за это зарезали. То есть корова добрые дела делала, а её на мясо, чтоб неповадно было. «Крошечка-Хаврошечка» ушла вслед за «Курочкой Рябой», а я пошёл остальные сказки перелопачивать. Включил дочке мультик про «Простоквашино», там вроде придраться не к чему, сам книгами обложился, интернет включил, ищу сказку нормальную, что

бы прочитать - и никаких вопросов. Что бы добро победило, зло наказано, все живы и безо всяких хлебобулочных и яично-говяжьих приключений.

«Буратино» я отмёл сразу, с современных педагогических позиций это не сказка, а пособие по мелкому хулиганству. Сказки, где участвует Змей Горыныч, тоже отмёл – он зверёк, конечно, забавный, но характер... То жрёт кого-то, то сжигает, то девиц невинных похищает, да и головы у него после отделения от туловища в геометрической прогрессии вырастают, я подсчитал – одна процедура отрубания это 6 новых голов. Соответственно, 10 процедур – 3072 головы, 100 процедур – сумма с 20 нолями. Если бы богатырь не успокоился, не плюнул и не пошёл бы домой, то дня через три масса голов Змея Горыныча превысила бы массу Вселенной.

Сказки, где жабы в Василис Прекрасных превращаются, а Чудища Лесные в принцев, я выбрасывать не стал, отложил просто. Не хватало ещё, чтобы дочь стала лягушек домой таскать и ждать превращений. Пусть подрастёт, потом прочитаю. Дальше - «Гуси-лебеди». Что это за птицы, спросит дочка, ведь есть или гуси, или лебеди? Что отвечать? А богатырь? У камня постоял, прочитал: «Прямо поедешь - женату быть» - и сразу налево повернул, коня спасать... Почему он жениться не хочет? За что он так лошадь любит? Как я это дочке объясню? Тут она заходит. «Ну ты, папа, и мультик мне поставил...» - говорит. -Деревня заброшенная, люди её покинули, один почтальон странный остался, который полиции боится... Почти Кубрик, «Сияние»...». «Давай, - предлагаю, - я тебе «Машу и медведя» поставлю». -«Нет, про эту мелкую стерву я даже слышать не хочу...». А у меня из детских последняя книжка осталась, «Сказки народов Средней Азии». Я только конец первой сказки прочитал, мне уже плохо стало... «Содрал Едгор с Азамата кожу, бросил её на седло, кишки на копьё намотал и поскакал по степи, и только суслики умирили под копытами...».

«Лучше, - говорю, - Ксюша, я тебе диск поставлю музыкальный, а потом песни обсудим...». И я поставил «Шансон-97», под который я с её мамой познакомился. Там я хоть всё объяснить могу, почему «... дочь прокурора рыдала, верность жигану храня, а маманя даже не знала, кого любит дочка её...».

Вдруг прокурором дочка станет. Областным.

Хотя, если ей «Сказки народов Средней Азии» почитать, то, может, и на федеральный уровень выйдет.

Виктор Райзман

США

Проверка пульса. Исповедь бывшего россиянина из Санта-Моники

И десятой тихой стрит
Из такси я утром вышел
(Тот, кто жаждет, тот не спит).

При скрещенье этих улиц
(Так удобно для мужчин)
Магазина два сомкнулись,
В мире всё не без причин.

В первом - и вино, и виски,
Во втором икра и сельдь,
И к тому ж, скамейка близко,
Есть, где жаждущим присесть.

Всё скупил, складной стаканчик
С юных лет с собой ношу,
Будь здоров, хороший мальчик!-
Тост себе произношу.

Без особенных усилий
(Два по двести, например)
Перенёс себя в Россию,
То-есть, в эСэСэСээР.

Курс марксизма-ленинизма
Двум бездомным прочитал.
Старший, тот слюною брызгал,
Знать, о выпивке мечтал.

Вспомнив ветреную юность,
Проявил к девице страсть,
Но красotka увернулась,

С кавалером унеслась.

Что ж, к концу подходит пьянка,
Свет включили, даль видна.
Здесь ни Невский, ни Таганка,-
Санта-Моника скромна.

Здравствуй, Вилшир, я вернулся,
Нынче я, дружище, трезв...
Раз в квартал - проверка пульса
И к марксизму интерес.

-----

*Wilshire Boulevard - одна из центральных магистралей города Санта-Моника.

Сведения об авторах

Исай Авербух (р. 1943, Киргизия). По образованию – историк и филолог. В 1971 г. репатриировался в Израиль. Занимался исследованиями по истории российского еврейства в Иерусалимском университете, вёл по "Голосу Израиля" передачу на СССР "Недельная глава Торы". В 1979-1980 гг. преподавал еврейскую историю в Италии. Служил в израильской армии, был участником войны Йом-Кипур в 1973 г. и Ливанской войны в 1982 г. Поэма "Прощание с Россией" (1969) вошла в изданную Нью-Йоркским университетом антологию "Еврейские сюжеты в русской поэзии" (1973).

Живет в Иерусалиме.

Татьяна Белогорская (р. Ленинград). Воспитывалась в семье родителей актеров и деда адвоката. Закончила Ленинградский Библиотечный институт. Кандидат педагогических наук. В 1994 году эмигрировала в США. Печатается в американских и российских изданиях. Автор пяти книг и ряда статей. В связи с войной России с Украиной выступила с "Завещанием", в котором предложила создать музей погибших на Украине детей - по образу мемориала Холокоста в Израиле. Живет в Чикаго.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США, в Большом Вашингтоне.

Анатолий Бергер (р.1938, Ленинград). Член Союза писателей России и СПб, а также Пен-клуба и «Мемориала». В советские годы с 1969 по 75 отбывал срок в лагерях и ссылке (4 года лагеря и 2 года ссылки) за свои произведения (статья 70 УК РСФСР). В 1990-м году был реабилитирован «за отсутствием состава преступления». С 1990-го года выпустил 16 книг – стихов, прозы и драматургии. Кроме России, печатался в США, Франции, Израиле, Чехии и Австралии. Живет в С-Петербурге.

Марина Бондаренко (Минск, Беларусь). Начинающий писатель. В 2013 окончила физический факультет БГУ, кафедра биофизики. Работает в области в ИТ. В 2022 закончила два курса Майи Кучерской и курс Марины Степновой в Creative Writing School. В 2021 году переехала в Польшу (Гданьск). Дебютировала как писатель в журнале ЧАЙКА.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван). Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Менья», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Менья). К годовщинам убийства отца Александра, каждое 9

сентября, публикует в ЧАЙКЕ свои материалы о нем. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмосковье.

Сергей Верещагин. Родился и вырос в Ленинграде, последние тридцать с лишним лет живет в Америке, где и работает инженером.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания, стихотворные переводы. Дипломант журнала ЧАЙКА за 2021 год. Живет в Одессе.

Семён Глузман (р. 1946, Киев, УССР) — украинский психиатр, бывший политзаключённый, диссидент, общественный деятель. Исполнительный секретарь Ассоциации психиатров Украины. Сопредседатель Комитета «Бабий Яр». Автор многочисленных интервью, научных публикаций по проблемам прав человека, по вопросам этики и права в психиатрии, вопросам социальной психиатрии. Живет в Киеве.

Виктор Голков (1954, Кишинев). Эмигрировал в Израиль в 1992 г. Выпускник МЭИ. Автор 8 сборников стихов и сказки-антиутопии в соавторстве с Олегом Минкиным (Вильнюс). Публиковался в Альманахе «Связь времён», журналах «22», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Алеф», «Вильнюс», «Кодры», «Студенческий меридиан», «У», «Иерусалимский журнал», «Мосты (Литературный европеец)», «Эмигрантская лира». Входит в короткий список 9-го Волошинского конкурса 2011 г. по номинации «поэзия», в длинный список Бунинской поэтической премии 2012 гю, в длинный список премии «Живая литература» 2012 г. Победитель конкурса Национальной литературной сети 2003 г. (ноябрь, номинация «поэзия»). Живет в Израиле.

Виктор Есипов (р. 1939, Москва). Литературный путь начался в 1974 году с публикации стихов в журнале «Юность». Автор трех книг стихотворений. С 1989 года выступает как литературовед. Автор пяти книг по биографии и творчеству А.С. Пушкина, а также книг «Четыре жизни Василия Аксенова» (2016) и книги воспоминаний «Об утраченном времени» (2012). Составитель и комментатор семи книг Василия Аксенова, изданных после его смерти по материалам американского архива писателя. С 2006 года – старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Живет в Чехии.

Александр Журбин (1945, Ташкент). Советский и российский композитор. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2003). Является участником общественной организации Союза композиторов России, а также Союза кинематографистов России, Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Лауреат Национальной премии «Музыкальное сердце театра» в номинации «Лучшая музыка (композитор)» (2007). С 1990 по 2001 год жил с семьёй в Нью-Йорке. В 1992 году организовал первый русско-американский театр «Блуждающие звёзды», в труппе которого были заняты бывшие видные советские кино- и

драматические актёры. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на музыкальные спектакли и концерты. Живет в Москве и Нью-Йорке.

Наум Клейман (р. 1948, Винница). Окончил Московский Автомеханический институт в 1971 году. Принимал активное участие в качестве ведущего инженера в проектировании правительственных объектов, а также объектов Олимпиады 80. После начала перестройки ушёл в бизнес. Занимался продажей нефти, удобрений, редкоземельных металлов и проч. В 1998 году уехал с семьей в США. Прошёл путь от чертёжника до ведущего инженера. Последние 10 лет работал в «General Dynamics.» В настоящее время живет в штате Мичиган, США.

Михаил Ковсан. Прозаик, поэт. Автор комментированного перевода ТАНАХА на русский язык, ряда книг по иудаизму и литературоведческих статей, а также многочисленных публикаций в интернете, двух книг прозы и двух поэтических сборников. Живет в Иерусалиме.

Оксана Кочетова (1937-2016). Работала на киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького в должности художника по костюмам. В ее послужном списке такие киноленты, как Деревня Утка, Праздники детства, Фрак для шалопаю, Шут, Детство Темы и многие другие. В 2001 году воссоединилась со своей дочерью в Калифорнии, где преподавала рисование, принимала участие в выставках и записывала воспоминания из своего военного детства. Рассказы Оксаны Кочетовой прислала в журнал ЧАЙКА ее дочь, хранительница семейного архива.

Илья Криштул (р. Москва). Окончил Педагогический институт, работал учителем. Лауреат нескольких литературных конкурсов, автор двух книг юмористической прозы. Дважды был победителем конкурса Юмора журнала ЧАЙКА. Писал для журнала юмористические рассказы в разделе «Страница юмора от Ильи Криштула». Живёт в Москве.

Сергей Кузнецов (р. 1952, Москва). Окончил Биофак МГУ, работал в НИИЭМ им. Н.Ф.Гамалеи АМН СССР. В конце 80-х написал несколько пьес, одна из которых, «...И Аз воздам», с 1990 по 1994 г. шла в Малом театре в Москве. Награжден вместе с матерью и сыном, авторами журнала, Дипломом журнала ЧАЙКА за 2017 год. Постоянный автор журнала и Альманахов. С 1992 года живет в США, в Большом Вашингтоне.

Паулине Лихтшайнхоф (р. Петербург). Училась в России, с 1994 года - в Германии. Работает в сфере ИТ. Псевдоним, Pauline Lichtscheinhof, составлен из ее имени и девичьей фамилии матери. Живет в Бонне (Германия). Как писатель дебютировала в журнале ЧАЙКА.

Александр Мень (1935, Москва - 1990, Семхоз, Московская область). Протоиерей Русской православной церкви, богослов, автор книг по богословию, истории христианства и других религий, основам христианского вероучения, православному богослужению. В 1959—1961 годах опубликовал около 40 статей в «Журнале Московской патриархии». Публиковался в Брюсселе: серия «В поисках пути, истины и жизни» (кн. 1—6, 1970—1983; псевдоним Э. Светлов), «Сын человеческий» (1969, псевдоним А. Боголюбов), «Таинство, слово и образ» (1980) и др.; в России с 1990 года издавал книги без псевдонима. Был убит в 1990 году.

Обстоятельства, мотив и виновник этого преступления остались невыясненными.

Лариса Миллер (р. Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве

Лев Немчинов (р. Тверская обл.). Окончил биолого-химический факультет Ивановского госуниверситета. Служил в армии. После распада Союза, получив приглашение на работу, уехал в США, где работает по специальности. Живет в Бостоне.

Григорий Оклендский (Беларусь). Школьные годы прошли в Гомеле, незабываемые студенческие – в Ижевске, а лучшие – в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований, а также разработкой информационных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Более 20 лет живет в Окленде (Новая Зеландия), где работает в области информационных технологий, что сочетает с любовью к поэзии и путешествиям. Автор 2-х поэтических книг и многочисленных публикаций в сетевых и бумажных изданиях.

Евгений Пальцев (р. 1969, Ленинград). Окончил Санкт-Петербургскую академию культуры, дипломированный культуролог. Работает детским сценаристом. Пишет стихи, авторские песни, детские и взрослые сценарии и либретто уже более 30 лет. дважды лауреат "Сентябрьского фестиваля авторской песни" в Петербурге; лауреат премии "Петраэдр" в номинации " Стихотворение года-2021" (Петербург); лауреат международного конкурса поэзии " Эмигрантская лира-2021 ".

Григорий Писаревский (р. Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал политический триллер «Hallways of Deserption» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Постоянный автор журнала. Живет в США.

Галина Пичура (р. Ленинград). Поэт и прозаик. По образованию библиограф и программист. Автор рассказов, повестей, стихов и песенных текстов. Призёр и финалист международных литературных конкурсов. С 1991 года живёт в США.

Елена Поздеева (Тарловская) (р. Киров). Доцент кафедры гуманитарных дисциплин юридического института в городе Кирове. Собирает материалы по биографии своего деда, погибшего в ГУЛАГЕ, работает над художественной книгой, посвященной истории своей семьи.

Свои статьи, написанные по архивным материалам, Елена публикует в журнале ЧАЙКА. Живет в Кирове.

Виктор Райзман (р. 1934, Одесса). Инженер-металлург, доктор технических наук. В 1991 году эмигрировал в США. Стихи публиковались в альманахах и различных периодических изданиях. Финалист конкурсов поэтов Русского Зарубежья «Пушкин в Британии-2009» (Лондон) и «Эмигрантская лира-2010» (Брюссель). Публикует в ЧАЙКЕ стихи и переводы. Живет в Санта-Монике, США.

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилоне и Солженицыне. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Иерусалиме.

Наум Сагаловский (р.1935, Киев) - поэт, по профессии инженер-теплоэнергетик, в Штатах с 1979 г. Автор 14 книг стихов и переводов. Стихи Сагаловского вошли в несколько антологий русской поэзии и в хрестоматию для российских школ “Шедевры русской поэзии. Вторая половина 20-го века”. Живет в США.

Давид Сеглевич (р. 1950). Псевдоним, подлинное имя Александр Рудкевич. Автор научных работ по информационным технологиям, кандидат технических наук. С 1992 года работал в институте Вейцмана (Израиль), а затем в различных канадских фирмах. Публиковал стихи и рассказы в русскоязычной прессе города Торонто, российских, израильских и международных литературных альманахах. Выпустил книгу рассказов «Смена веков» и биографическую повесть «Вдруг вспомнилось». Живет в Канаде.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ постоянно ведет свой

«поэтический» блог. Постоянный автор журнала и Альманахов. Живет в Москве.

Александр Сиротин (р. Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехам Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил магмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Дипломант журнала ЧАЙКА за 2021 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Юрий Смирнов (р. 1938, Урал). Окончил политехникум, затем Политехнический институт. Профессия – ядерная физика, специализация – радиоактивность. В возрасте 25 лет (1964) – начальник лаборатории (Ленинград). С 1966 по 1972 – запрет на профессию. Работал кочегаром, грузчиком, инженером, начальником сектора по ЭВМ. Из 52 лет работы 42 года – в Арктике на атомных ледоколах. Почётный полярник. Ни дня не был ни в комсомоле, ни в партии. Как писатель дебютировал в журнале ЧАЙКА и является его постоянным автором.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала и Альманахов ЧАЙКА. Живет в Германии.

Максим Стельмак (р. 1989). В 2011 г. окончил исторический факультет Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Кандидат исторических наук, главный архивист сектора изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области. В журнале ЧАЙКА дебютировал как автор исторического очерка.

Майя Улановская (1932, Нью-Йорк - 2020, Иерусалим) — израильская писательница, переводчица, публицистка, автор мемуаров. Участница диссидентского движения в СССР. В 1949 г. после окончания школы поступила в Московский Институт пищевой промышленности. В 1951 г. была арестована органами МГБ и приговорена к 25 годам заключения. В феврале 1956 г. была освобождена по амнистии. В том же году вышла

замуж за поэта и переводчика Анатолия Якобсона. В 1973 году эмигрировала с мужем и сыном в Израиль.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (*Handbook of Modern Sensors*). Автор книги воспоминаний «*Adventures of an Inventor*». Опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Ныне автор двух книг художественной прозы. Постоянный автор журнала. Дипломант журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего, Калифорния.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежесеместрник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА и постоянный консультант при создании Альманахов. Дипломант журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (р. Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (р. Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область научных исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор 20 книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Победитель нескольких конкурсов творчества для детей журнала ЧАЙКА. С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Владимир Шамов (р. 1971, Новодвинск Архангельской области). Инженер-строитель. Работал с камерным театром (мюзикл «Пеппи Длинный чулок»), Костромской ГТРК. Первая публикация в 1995-м. Книги:

«Дойти до другого берега», «Места силы Костромской области», Сборник рассказов «Случайные люди», «Чёртова трилогия», Антология Костромской чертовщины, «Аннушка (Легенда о чёрном сердце)», «Легенды Гипербореи», «Чёрные призраки Костромы», «Унорож (Сияние тайны)». Живет в Костроме.

Олег Щекотихин (р. 1934, Севастополь). Окончил электротехнический факультет Одесского политехнического института. Работал в металлургии, участвовал в создании систем автоматического управления космических аппаратов. Был моряком, побывал в портах более чем 50 стран мира. Кандидат технических наук, доцент Запорожского технического университета, автор 27 изобретений и трёх учебников. Мастер спорта СССР по парусу, судья республиканской категории. Издал 5 книг. В ЧАЙКЕ публикует очерки о море и о войне. Живет в Запорожье.

Вита Штивельман Поэтесса, эссеист, декламатор, основатель и руководитель EtCetera - клуба физиков и лириков. Вита - автор двух книг, многочисленных публикаций и поэтических спектаклей, обладатель диплома им. Шолом Алейхема, лауреат и член жюри международных литературных конкурсов, основатель и ведущая популярных радио-программ «Разговор о стихах», «Закон звезды и формула цветка». Проекты EtCetera включают международный ежегодный фестиваль еврейской культуры, Canadian Cultural Mosaic, а также благотворительные и образовательные программы. В ЧАЙКЕ публиковались ее стихи и заметки.

Максим Эрштейн (р.1973, Ленинград), Образование - высшее техническое. Последние 20 лет живет в Атланте, Джорджия, США.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.